

**НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ
И МАЛЫЙ БИЗНЕС:
ГРАНИ ИНТЕГРАЦИИ
И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ**

**Институт диаспоры и интеграции
(Институт стран СНГ)**

**Негосударственное образовательное частное учреждение
дополнительного профессионального образования
«Центр профессионального образования
«Интеллект-XXI»**

**Народные промыслы и малый бизнес:
границы интеграции и стратегия развития**

Москва

2016

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 68-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом поддержки гражданской активности в малых городах и сельских территориях «Перспектива»

Члены редакционной коллегии:

О.А. Зозуля – к.и.н., руководитель проекта;
В.Г. Егоров – д.э.н., д.и.н., первый заместитель руководителя
Института страны СНГ (Институт диаспоры и интеграции)

А.В. Любавин – к.и.н.;

С.В. Петряев – главный редактор научно-популярного
общероссийского историко-энциклопедического журнала
«Провинциальная Россия»

Народные промыслы и малый бизнес: грани интеграции и стратегия развития. – Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – Негосударственное образовательное частное учреждение дополнительного профессионального образования «Центр профессионального образования «Интеллект-XXI». – М., 2016. – 408с., илл.

ISBN 978-5-94293-071-4

В сборнике представлены материалы, отражающие основное содержание выступлений на научно-практической конференции ученых и практиков в области развития народных промыслов, проходившей в г. Нижний Новгород, организованной в рамках проекта «Народные промыслы как механизм экономического самоопределения населения: история и современность».

Конференция проходила в знаковом с точки зрения развития народных промыслов центре – Нижегородском государственном выставочном комплексе, где регулярно организуются выставки, демонстрирующие лучшие произведения народных художественных промыслов прошлого и современности. В организации конференции и подготовке сборника принимали участие такие организации как Фонд поддержки гражданской активности в малых городах и сельских территориях «Перспектива» (Фонд «Перспектива»), Центр профессионального образования «Интеллект-XXI», Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции), Научно-популярный общероссийский историко-энциклопедический журнал «Провинциальная Россия».

Данное издание будет интересно всем тем, кто думает о будущем России, кто интересуется ее экономической и социальной историей. Богатый краеведческий материал может быть использован учителями при проведении уроков, знакомящих учеников с художественными и ремесленническими традициями нашей страны.

© Институт диаспоры и интеграции
(Институт стран СНГ), 2016

© Негосударственное образовательное частное
учреждение дополнительного
профессионального образования «Центр
профессионального образования
«Интеллект-XXI», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

В.Г. Егоров. Малые экономические формы самоорганизации населения как фактор развития.....	5
М.В. Галкина. Современное декоративно-прикладное искусство как проявление творческих способностей и средство реализации художественного потенциала.....	24
О.А. Зозуля. Народные промыслы в экономическом и правовом пространстве России.....	31
Ф.А. Селезнев. Г.П. Матвеев и школа художественной обработки дерева: к 100-летию бытования хохломы в городе Семенове.....	56
А. Иншаков. Экономическая самоорганизация сельского населения.....	62
А.С. Балаболкин. Хохломская роспись как интегратор социума, традиции и современность.....	70
В.Н. Беляева. Организация металлообработки в селе Лысково в XVII веке.....	78
О.Ю. Бухаренкова. Ремесло как феномен городского быта России второй половины XIX века.....	90
Л.Ю. Варенцова. Нижегородский меднолитейный промысел XIX–XX вв.....	125
Д.И. Введенский. Нужно восстановить заглохшие промысла.....	135
В.А. Григорова. Из истории металлургических предприятий в Центрально-Черноземном регионе на базе кустарных промыслов.....	143
О.В. Дегтева. Отражение крестьянских промыслов Нижегородской губернии в церковных документах второй половины XIX – начале XX столетия.....	151
Н.И. Казарина, И.А. Макаров. Из истории кирпичного производства второй половины XIX века в Нижегородской губернии.....	157

М.В. Карташова. Российское общество и кустарные промыслы в последней трети XIX– начале XX века.....	165
Л.Г. Козлова. Промысловое село Избылец во второй половине XVIII–XIX вв.	180
О.Н. Лебедева, И.Р. Мустафин. Организация хозяйства промыслово-земледельческих крестьян деревни Андроново Балахнинского уезда Нижегородской губернии на рубеже XIX–XX вв.....	194
С.М. Ледров. Промыслы по обработке сырья животного происхождения как пример экономического самоопределения сельского населения Нижегородской губернии в конце XIX века.....	210
А.В. Любавин, С.В. Петряев. К истории развития кожевенного промысла в селе Богородском Горбатовского уезда Нижегородской губернии в XVIII веке.....	223
И.В. Маршева. Реализация изделий с хохломской росписью в 1920–30 гг. на зарубежном рынке.....	240
А.А. Медведева. Народные промыслы в женских монастырях Нижегородской епархии в XIX – начале XX века.....	247
М.В. Палеолог. Исторические и природные условия развития кустарных промыслов в подмосковной деревне.....	256
Я.А. Ратчин. Кустарные кооперативы и кооперативное движение Московской губернии.....	273
Е.С. Сарыков. Трансформация хозяйственного строя кустарей Курской губернии на рубеже XIX – XX столетий.....	326
В.Б. Темнухин. Мастера хохломской росписи: династия Мосиных-Ивановых.....	357
Аннотации к статьям.....	367
Примечания.....	375

В.Г. ЕГОРОВ,
доктор экономических наук,
доктор исторических наук, профессор,
первый заместитель руководителя
Института стран СНГ

Малые экономические формы самоорганизации населения как фактор развития

***Ключевые слова:** малые экономические формы, самозанятость и хозяйственная самоорганизация населения, кооперация, народные художественные промыслы*

Поступательное движение человечества к более совершенным и сложным формам социальной, в том числе экономической организации, порождает когнитивную возможность редуцированного представления развития цивилизации в рамках простой модели перехода от низшего к высшему, отрицающей приобретенные в ходе предшествующего развития сущности и реалии. Занявшие доминирующее положение в ходе становления массового производства крупные формы организации общественного хозяйства в таком контексте не только ассоциируются с всеобщим прогрессом и занимают значительное место в академическом дискурсе, но в значительной степени создают трудности в осмыслении роли малых экономических форм, как с точки зрения их значения в современном социуме, так и в цивилизационных трендах, наметившихся в связи с постепенно приближающейся эпохой постмодерна.

Для того чтобы не следовать соблазну избыточной «простоты» в описании сложного социально-экономиче-

ского процесса и оценке социальной значимости различных форм собственности, укладов и организационных структур, следует избегать субъективно устанавливаемых границ их функциональности, даже в том случае, когда традиционный взгляд связывает хозяйственную реальность с определенным (и давно минувшим) историческим периодом. Например, опыт функционирования современных итальянских промокругов свидетельствует об актуализации сущностных качеств труда мастера, присущих средневековому ремесленнику.

Феномен «Итальянской модели» основан на создании и функционировании так называемых «промокругов», в которых объединено около десятой доли трудоспособного населения страны. «Промокруги» функционируют, прежде всего, в экспортноориентированных отраслях, которые дают 46% всего национального экспорта¹.

Экономический строй «промокругов» учитывает национальные традиции промышленного производства, берущие истоки в ремесленной промышленности, ориентированной на самый взыскательный спрос.

Хозяйственными субъектами «промзон» являются мелкие предприятия. Сохраняя конкуренцию в выполнении отдельных технологических операций, участники округов «объединены общей заинтересованностью в производстве некоего товара или услуги». Статья Д. Бекаттини «От «промышленного сектора» к «промышленному округу» (1979) стала новым прочтением кооперативного «ренессанса» современной промышленности в рамках теории дискриктализма (от англ. *discript* – округ). Определяя институциональные качества округов Дж. Бекаттини пишет: «В округе, в отличие от других сред (например, промышленного города), сообщество и предприятия склонны, так сказать, к взаимному «прорастанию», проникновению друг в друга (*tendon ad interpenetrarsi a vicenda*)².

Эволюционный характер становления крупного промышленного производства Японии обусловил сохранение в экономике страны значительного мелкотоварного уклада.

Особенности развития форм хозяйственного устройства японской экономики породили характерную исключительно для страны восходящего солнца систему построения устойчивых объединений крупных фирм, включающих средние и мелкие предприятия – кэйрэцу. «Их наиболее распространенной формой являются вертикальные по типу объединения предприятий в сборочных производствах обрабатывающей промышленности, контуры которых напоминают пирамиду. Головная фирма является при этом вершиной пирамиды, а субподрядные предприятия располагаются на различных ее «этапах», причем пирамида устроена таким образом, что по мере приближения к ее основанию размеры предприятий уменьшаются, а их количество возрастает.

Производственные связи между предприятиями в рамках кэйрэцу обычно дополняются и другими видами зависимости, главным из которых является участие головной фирмы в капитале субподрядчиков»³.

Система кэйрэцу занимает значительное положение в промышленности современной Японии. В машиностроении она охватывает 78,5% мелких и средних предприятий, в транспортном машиностроении 72,8%, в общей машиностроении – 70,1%, в точном машиностроении – 64,8%, металлообработке – 66,0%, текстильной отрасли – 55,6%⁴.

Мировой опыт экономического развития свидетельствует о том, что конституировавшиеся социально-экономические уклады, в том числе патриархально-ремесленный и мелкотоварный, присутствуют в индустриальной хозяйственной системе на всем протяжении ее существования, лишь изменяя границы своей функциональности в зависимости от общественной значимости, определяемой рынком. Если объем кустарного производства в России к началу прошлого столетия исчислялся от 1 до 2 млрд. рублей, то в настоящее время ручной промышленный труд сохраняет узкую функциональную «нишу» в пределах производств, ориентированных на эксклюзивный, высокохудожественный спрос и отраслей, в которых во вновь создаваемой стоимости товара преобладают тру-

довые затраты мастера, что, как правило, характерно для предприятий, использующих доступный природный материал (бересту, лыко, лозу, глину и т.д.)

Кроме того, современные тенденции цивилизационного развития свидетельствуют о возрастании социального значения малых экономических форм по мере вступления человечества в постиндустриальную эпоху. Формирование новой системы социально-экономических отношений, основанной на доминанте интеллекта и информации, возвращает в экономический мейнстрим активную роль личности, наделенной уникальными способностями и малых форм, приобретающих в связи с «дематериализацией» экономики конкурентные возможности, сопоставимые с потенциалом крупных предприятий.

Регенерация маломасштабных хозяйственных субъектов в качестве полноправных участников экономического процесса ведет к восстановлению «в правах» семейной организации предприятий, замененной в эпоху перехода к массовому производству трудом наемных рабочих. Семейная кооперация, о которой А.В. Чаянов говорил как о закономерном этапе на пути становления экономических систем, основанных на разделении труда, обладает главным преимуществом: особой мотивированностью участия каждого актора в хозяйственной деятельности.

Характеризуя современную востребованность семейной организации экономической деятельности Э. Тоффлер пишет: «В семейной фирме никто никого не обманывает. Слишком много известно всем обо всех, а помочь сыну или дочери преуспеть, используя «протекцию», – естественно. В бюрократической фирме такую протекцию называют nepотизмом и считают нарушением системы заслуг, которая, как подразумевается, превалирует. В семье субъективность, интуиция и страсть управляют и любовью, и конфликтом. В бюрократии предполагается, что решение беслично и объективно, хотя, как мы видели, важные решения детерминирует скорее междуособная борьба за власть, чем холодная, ясная рациональность, описанная в учебниках. Наконец, в бюрократии часто трудно узнать, кто имеет власть, несмотря на официальную иерархию и

звания. В семейном предприятии каждый знает, что звания и формальности не заслуживают внимания. Власть держит патриарх или иногда матриархия. А когда он (или она) сходит со сцены, власть обычно передается тщательно выбранному родственнику.

Там, где семейные отношения играют роль в бизнесе, бюрократические ценности и правила ниспровергаются, а вместе с ними ниспровергается и властная структура бюрократии.

Это важно, потому что сегодняшнее возрождение семейного бизнеса не просто преходящее явление. Мы вступаем в «постбюрократическую эру», в которой семейная фирма – лишь одна из немногих альтернатив бюрократии и власти, которую она олицетворяет»⁵.

В середине 1980-х годов американские экономисты М. Пиоре и Ч. Сэйбл отметили, что массовое производство исчерпало ресурс, позволявший ему удовлетворять потребительский спрос. Потребительские предпочтения сместились в сторону эксклюзивности, малосерийности и особого качества предлагаемого продукта. Таким образом, по их мнению, наступил «второй промышленный водораздел» (*second industrial divide*), обусловленный новым качеством рынка. В новых условиях, привнесших, помимо прочего, изменения в технологии производства, мелкие, ориентированные на ремесленный высококвалифицированный труд предприятия обрели новую субъектность в рыночном хозяйстве.

Определение мест и роли мелкого производства в цивилизационном процессе неизбежно корреспондируется с теорией модернизации. В линейной ее трактовке мелкое производство, как правило, связываемое с традицией, обречено на отрицание модерном. Например, собственно «крестьянская (традиционная) культура как источник отсталости и препятствие развитию»⁶ представляется антиподом современного.

Однако современное прочтение модернизационной теории ориентировано в сторону признания за традиционными сущностями конструктивной роли в развитии и качественной трансформации. Очевидно, что в становлении

эволюционно формирующегося крупного производства традиция составляет не отвергаемый рудимент, а необходимый в этом процессе конструкт, инкорпорированность которого в модернизационный процесс обеспечивает его успех и полноценность⁷.

Как показала современная практика хозяйствования, мелкое производство, как правило, не дифференцирующее труд и собственность, в условиях нарастающей нестабильности «обладает значительно большим потенциалом выживания и сопротивления»⁸, нежели экономические формы, основанные на наемной рабочей силе.

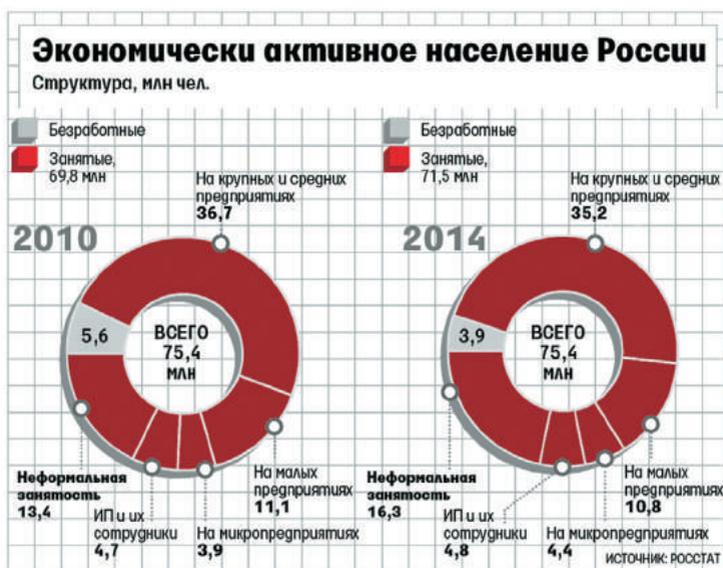
Кроме того, именно малые традиционные субъекты хозяйственной деятельности являются носителями «моральной экономики», т.е. (по Э.П. Томпсону) «представлений о хозяйственных и взаимных обязанностях отдельных членов общества и организаций, которые формировались в течение длительного времени и были частью сложного социального механизма смягчения социального неравенства и нейтрализации обусловленного им конфликтного потенциала»⁹.

Основные черты «моральной экономики» были презентованы на прошедшем в ноябре 2016 г. Всемирном собрании русского народа. В представлении авторов доклада «Экономика в условиях глобализации. Православный этический взгляд» «сердцевиной экономики должно являться не умножение соблазнов, а преобразование мира и человека через труд и творчество»; необходимо «соизмерять всякую экономическую деятельность с незыблемыми категориями нравственности и греха, содействуя спасению и препятствуя падению человека». Важность такого разворота целеполагания экономической деятельности граждан России обусловлена акцентом ориентации стратегии общественного развития в сторону достижения социальной справедливости, предполагающей приоритет паттернов нравственности, а не их трансформацию в товарный эквивалент.

Экономическая самоорганизация населения, не требующая больших инвестиций, являлась в XIX в. и остается сегодня важным фактором экономического развития.

Потенциал самозанятости в современной России достаточный. Свидетельством тому служат данные по растущей неформальной хозяйственной деятельности.

В период с 2006 по 2015 гг. общая численность занятых в экономике возросла на 3,5 млн. чел. (на 5%) до 72,3 млн. человек. На две трети этот рост обеспечен повышением экономической активности граждан и уменьшением безработицы. За этот же период занятость на крупных и средних предприятиях сократилась на 5,4 млн. чел (на 13,5%) до 34,7 млн. чел. В неформальном секторе количество занятых увеличилось на 31% до 8,9 млн. чел. за счет перемещения сюда тех, кто выбыл из крупных и средних предприятий¹⁰. Численность неформально занятых сопоставима с количеством работников малых предприятий (см. ниже приведенную схему).

Пренебрежение к проблеме экономической самозанятости населения и в целом к развитию малых экономических форм, обусловленное доминирующим в советское время идеологическим предпочтением тотального обобществления, имевшего следствием гигантоманию и непосредственную связь стратегии общественного разви-

тия с крупным массовым производством обуславливает необходимость специальных мер регенерации ремесленного и мелкотоварного уклада экономики. Сразу оговоримся, что речь не идет о сколько-нибудь внушительных инвестициях и бюджетных вливаниях, а, скорее всего, о создании соответствующих предпосылок в общественном сознании россиян. Поиск путей создания необходимого социального климата роста активности граждан актуализирует целый пласт деятельности российских земств второй половины XIX в., направленный на популяризацию «народной экономики», преумножение творчества, мастерства, рукоделия идущих из глубин национального культурного достояния.

Конечно, так же, как в XIX в., когда «догоняющая модернизация» продуцировала экономическую реальность с «перекосом» в сторону капитализированного сегмента общественного хозяйства, препятствующего эволюционному развитию традиционной экономики, современная ее регенерация, опосредованная теми же трудностями, нуждается в специальных мерах государственной поддержки. Конкуренция с крупным капиталом, заточенность кредитно-финансовой системы страны на поддержку состоявшихся предпринимательских структур затрудняют формирование малого бизнеса и самозанятости.

Особенно сложным представляется такое становление в условиях современного экономического кризиса. По оценкам Всемирного банка в 2016 году в России «из-за рецессии доходы от самостоятельной занятости, малого бизнеса, неформальных видов деятельности, которые наиболее важны для наименее обеспеченных, просели на 6%»¹¹.

Проценты по банковскому кредиту для малого бизнеса остаются непосильными. По данным Центрального банка ставки в этом кредитном сегменте составляют 15-16%. В связи с дороговизной кредитов и финансовой нестабильностью малого бизнеса 16,2% кредитного портфеля банков (611,6 млрд. руб.) на 1 октября 2016 года составляют его просроченная задолженность. По данным ВТБ банк отказывает в кредитах 57,5% претендентам из числа мелких предпринимателей¹².

Необходимость инициирования и значение самоорганизации населения, видимо, осознается российским политическим классом. Президент РФ В.В. Путин поручил Правительству до конца 2016 года разработать закон по легализации деятельности индивидуальных предпринимателей, работающих «в тени». В этом же поручении глава государства потребовал освободить самозанятых граждан от уплаты налогов.

Фракция КПРФ в новом составе Государственной Думы намерена инициировать принятие закона о семейных предприятиях. В экономике других стран этот феномен получил широкое распространение. Удельный вес семейных компаний в общей численности составляет 50% в странах Европы, от 65 до 90% в Латинской Америке и более 95% в США¹³.

Кустарная промышленность, являющаяся формой самозанятости населения, стала объектом государственной политики во Вьетнаме, Непале, Китае и других странах¹⁴.

Когда говорится идет речь о государственной политике развития малого бизнеса на основе хозяйственной самоорганизации населения, то имеется в виду не волевое решение устанавливать законодательной нормой размеры мелкотоварного уклада. Функциональные границы любой формы организации экономики, в том числе и мелкого товарного производства определяются рынком. Именно рыночная рациональная целесообразность диктует пределы сохранения ручного, уникального труда мастера и отрасли, в которых его присутствие обусловлено общественными потребностями. В этой связи целесообразно напомнить о контрпродуктивном перестроечном опыте 80-х годов прошлого века использования кооперации (одной из форм самоорганизации населения) в качестве средства разгосударствливания собственности. Использование кооперативной организации в не свойственной ей функции привело к неизбежной мутации товариществ в криминальные структуры и ущерб их имиджу в общественном сознании. Наиболее адекватное функциональное пространство экономической самоорганизации населения

располагается в границах отраслей хозяйственной деятельности с низкой капиталоемкостью с доминирующей долей труда во вновь создаваемой стоимости продукта, в производствах, ориентированных на эксклюзивные в том числе высокохудожественные потребности.

Объективную основу экономической самоорганизации населения составляют местные естественные, культурные и исторические условия и факторы. В этой связи не случайно Т. Нефедова, исследовавшая «самоорганизацию сельских обществ», отмечает успех этого процесса в черноземных регионах с благоприятными условиями аграрного производства, не требующего, как в Нечерноземье, особых капитальных вложений¹⁵. Предпосылкой успешного функционирования народных промыслов, по мнению значительной части исследователей, являются сложившиеся культурные исторические традиции¹⁶. Возрождение традиционных народных промыслов обеспечило успех хозяйственной самоорганизации населения многих поселений и муниципалитетов страны¹⁷.

Важность местных естественных и культурных предпосылок становления экономического сектора самозанятости населения обусловлена его природой, базирующейся не на привлечении инвестиций извне, в том числе государственных, но основывающейся на инициативе граждан, не обладающих сколько-нибудь значительными материальными ресурсами.

Дефицит средств, находящихся в распоряжении потенциальных субъектов экономической самозанятости, как показывает мировой опыт, особенно успешно возмещается за счет кооперативной организации. Кооперация, объединяющая труд и материальные средства мелких производителей, помимо этого важного преимущества, предоставляет возможность организации технологического процесса на основе разделения труда и его частичной механизации.

После кризиса 60-80х годов прошлого века кооперация переживает бурный подъем во всем мире. По мере сокращения, в связи с кризисными явлениями в экономике, социальных благ, предоставляемых государствами,

развитие кооперативного сектора приобретает особенный размах и глубину.

На кооперативных предприятиях занято 250 млн. человек, оборот которых достиг 2,2 триллионов долларов США. В целом кооперация объединяет более миллиарда пайщиков. В странах G20 в кооперативном секторе занято 12% всего работоспособного населения¹⁸. Особое место кооперативный сектор занимает в слаборазвитых социумах. Например, в Кении кооперировано 50% населения¹⁹. В Колумбии кооперативы обеспечивают до полумиллиона рабочих мест²⁰.

Кооперативная организация востребована в аграрном секторе, в котором наемный труд имеет ограниченное функциональное пространство. Например, в Японии кооперировано 91% всех фермеров. Почти 50% сахарного тростника Маврикий производят сельскохозяйственные кооперативы. В Новой Зеландии кооперативы объединяют 95% молочного рынка, в Уругвае – 90% производства мяса²¹.

Кооперация обладает большим потенциалом в решении социальных проблем. Так, в Дании общества потребителей занимают 36,4% розничного товарооборота. В Скандинавских странах за счет участия кооперативных организаций удалось добиться высокого уровня дошкольного воспитания²². В Кот-д'Ивуаре только за один 2002 год кооперативы вложили 26 млн. долларов в создание школ для одаренных детей и создание материнских клиник²³.

Кооперативное движение стало повсеместно существенной составляющей гражданского общества, которое успешно восполняет идею и практику государства всеобщего благоденствия, испытывающие депривацию в связи с системным финансовым кризисом.

Гражданское общество, составляющее необходимое условие российского демократического транзита, в силу специфики формирования находится на начальном этапе становления²⁴. Несмотря на социальную востребованность, развитие кооперативного сектора России сопряжено со значительными трудностями. С 2008 по 2011 г. количество потребительских кооперативов уменьшилось

с 86632 до 86625. На 1831 уменьшилось число жилищно-строительных кооперативов, на 1738 – садоводческих товариществ. За этот же период количество производственных кооперативов уменьшилось вдвое с 44027 до 20698²⁵.

Развитие кооперации, как и других форм экономической самоорганизации населения, помимо социально-экономической целесообразности, имеет позитивный потенциал социальной стратегии движения от общества потребителей, в значительной степени утратившей смысл ценностного ориентира к экономике, позволяющей вернуть активную роль творческой личности, раскрывающей свой внутренний потенциал за счет особой мотивации, обусловленной гармонизацией в кооперации труда и собственности.

Важную роль в развитии экономической самостоятельности населения могут сыграть и другие традиционные формы организации граждан. Например, артельные объединения, которые во второй половине XIX века объединяли крестьян целых сел и даже волостей. Селяне, специализируясь на определенной профессии, как правило, строительной, посвящали внеземледельческой деятельности все свободное от полевых работ время. Так, крестьяне Страмиловской и смежной Алексеевской волости Серпуховского уезда Московской губернии практически поголовно занимались стекольным промыслом, а к концу 1870-х годов это мастерство охватило три волости Подольского уезда. Владимирские каменщики, плотники, кирпичники, кровельщики обеспечивали потребности сезонных строительных работ в Санкт-Петербурге, Москве, территории Войска Донского, Кубани и т.д.²⁶

Историческая обусловленность и ментальная предрасположенность народа к коллективному труду и быту позволили народникам, и думается не без основания, увидеть в нем важный элемент самобытного развития России. Однако верно замеченная особенность русской действительности привела в абстрактном теоретизировании к необоснованной идеализации ее социальных возможностей.

Коллективные формы труда уходят корнями в глубокую древность. Вплоть до настоящего времени народная память донесла сведения о патриархальной, но до сих пор присутствующей в сельской жизни, форме взаимодействия «помочи».

Так, например, вплоть до конца XIX столетия изготовление санных полозьев, тележных колес, дуг и т.д. в трех из шести промысловых районов Нижегородской губернии (Арзамасском, Сергачском и Ардатовском уездах) осуществлялось в виде «помочи». «Помочане» в количестве 8–10 человек участвовали в совместной работе за «угощение». «Помочь» оказывалась попеременно то одному, то другому мастеру так, что наиболее трудоемкие операции производственного цикла были обобществлены и фактически представляли собой зачаточные формы кооперативной организации²⁷.

В хлопчатобумажном ткачестве Медынского уезда Калужской губернии приготовлением основ занимались 4–5 ткачих: «одна баба удерживала основу в натянутом положении, держа за клубок, две другие держали рядку и две последние вертели навой». Помощницы работали бесплатно, так как сами нуждались в аналогичных услугах²⁸. «Можно сказать без преувеличения, что чужими руками пользуются если не все, то большинство гончаров сл. Котельны Ахтырского уезда (Харьковской губернии – авт.), писал В.П. Воронцов, – но не за плату, а в виде взаимных услуг: тот, у кого нет спешной работы, помогает тому, кто ею завален за харчи или за магарыч». Гончары г. Ахтырки, как правило, не прибегали к найму рабочей силы, а обходились взаимопомощью: «сосед помогает соседу, приятель приятелю». Без найма рабочих трудились ахтырские кузнецы, «заменяя их, в случае надобности, заказчиками или своими же товарищами – кузнецами, квитаясь в обоих случаях магарычем»²⁹. Веревочники с. Фокина Васильского уезда Нижегородской губернии для скручивания толстых канатов на маховом колесе собирали «помочи» до 100 человек³⁰.

Особенностью культурного опыта является глубокая укорененность в социальную организацию общинных

устоев, определявших жизнь сельского населения страны вплоть до начала Великой Отечественной войны³¹ и существенно повлиявших на формирование ментальных качеств народа. Опора на общинную традицию может явиться и сегодня важнейшим фактором экономической самоорганизации населения. Положительным примером, иллюстрирующим возможности общинного начала в решении проблемы занятости населения, может служить распространившаяся в пределах Ярославского села Вятское инициатива создания на основе этого населенного пункта туристического комплекса, обеспечивающего работой значительное количество жителей³².

Особое место в ряду организационных форм занятости населения принадлежит народным художественным промыслам. Традиционные, сохраняющие преемственность культурного богатства народа промыслы: Абрамцево-Кудринская резьба, Богородская резьба, Великоутюжское чернение по серебру, Вологодское кружево, Гжельская керамика, Городецкая роспись, Дымковская игрушка, Елецкое кружево, Жостовская роспись, Кировский капо-корешок, Крестецкая вышивка, Мстерская вышивка, Мстерская миниатюра, Палехская миниатюра, Скопинская керамика, Тобольская резная кость, Торжокское золотое шитье, Федоскинская миниатюра, Холмогорская резная кость, Холуйская миниатюра, Хотьковская резная кость, Хохломская роспись, Чукотская резная кость, Шемогодская прорезная береста составляют национальное достояние и, безусловно, заслуживают особого внимания со стороны государства.

Разрушение советской системы регулирования этой отрасли, приносящей значительные валютные поступления, привело к ее деградации. В начале 90-х годов были ликвидированы институты, осуществляющие государственное управление народными художественными промыслами: соответствующие структуры при Госплане, главк при министерстве местной промышленности, региональные управления этого ведомства, курирующие производство художественных изделий и даже НИИ художественной промышленности.

Деинституализация государственного управления отраслью и непрофильная приватизация привели к ликвидации большого количества предприятий художественной промышленности. Конечно, в ряду закрывшихся производств были и такие, продукция которых не отличалась художественностью и не составляла никакой ценности, а крушение административно-плановой системы, далеко не всегда способствующей развитию художественного мастерства, не может являться аргументом в пользу ее регенерации. Однако само по себе ослабление государственного влияния на положение дел в отрасли художественных промыслов имело деструктивные последствия, заключающиеся не только в сокращении выпуска «шедевров» народного творчества, но и в наводнении рынка откровенно безыскусными поделками и продуктами китайского массового производства. Большинство специалистов оценивают сегодняшнее состояние народных художественных промыслов как кризисное. К концу 90-х годов, например, количество производимых матрешек за десятилетие сократилось в 3 раза; шкатулок, сувениров, кружев, строчевышитых изделий – в 10 раз. На протяжении двухтысячных годов ежегодное падение производства продукции народных художественных промыслов составило от 15% до 40%. В связи с неудовлетворительным экономическим состоянием отрасль теряет высококвалифицированных мастеров. Резкое снижение численности занятых наблюдается в 80% предприятий³³.

Со второй половины 90-х годов начался процесс восстановления системы государственной поддержки народных художественных промыслов. В октябре 1994 года был опубликован Указ Президента РФ № 1987 «О мерах государственной поддержки народных художественных промыслов». Конкретная система мер по реализации президентского указа содержалась в Постановлении правительства от 22 марта 1995 г. «О дополнительных мерах государственной поддержки народных художественных промыслов Российской Федерации». В 1999 году был принят Федеральный Закон № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах». Специальным приказом

Минпромнауки России от 8 августа 2002 года № 226 был утвержден перечень видов производств и групп изделий народных художественных промыслов, в соответствии с которым осуществляется отнесение того или иного продукта ручного труда к изделию народных художественных промыслов.

Согласно пункта 2 статьи 5 Федерального Закона «К организациям народных художественных промыслов относятся организации (юридические лица) любых организационно-правовых форм собственности, в выпуске товаров и услуг которых изделия народных художественных промыслов, по данным федерального государственного статистического наблюдения за предыдущий год, составляют не менее 50%»³⁴, однако, учитывая народную природу художественных промыслов, предпочтительным направлением их развития необходимо считать также формы, рожденные самодеятельной инициативой населения. При этом роль государства в поддержке художественных промыслов состоит в создании максимально благоприятных условий их развития. Предоставляемые согласно ст. 395, ст. 241 и ст. 149 НК РФ льготы по земельному, социальному налогам и налогу на добавленную стоимость льготы явно не достаточны для восстановления и полноценного функционирования отрасли.

Свою лепту в регенерацию народных художественных промыслов вносят институты гражданского общества. Ассоциацией «Народные художественные промыслы России» осуществляется большая работа по разъяснению важности их сохранения и преумножения, организуются ежегодные выставки в ЦВК «Экспоцентр» (14 декабря 2016 года откроется XXI ярмарка-выставка). Однако заглавная роль в развитии художественных промыслов, естественно, принадлежит инициативе, идущей из глубин народной жизни. Поэтому самоорганизация населения и в этом важном деле остается востребованной и актуальной.

Таким образом, потребность в повышении темпов экономического развития, как и совершенствование механизма хозяйственности, не может быть реализовано вне фор-

мирования условий для рекрутирования в хозяйственную деятельность широких масс населения. На наш взгляд, успех в решении этой проблемы является важнейшим в ряду мер, направленных на ускорение экономического роста страны. В контексте задачи эффективного использования форм организации экономики, инициированных гражданами «снизу», вновь актуализируется общественная дискуссия, смысл которой вложен в уста вересаевских персонажей, рассуждающих о востребованности или, напротив, рудиментарности кустарной промышленности в связи с наступающей эпохой промышленного переворота. По словам одного из них: «Что спорить? Сама по себе артель, разумеется, дело хорошее... Я не сомневаюсь, что этим путем вам удастся поднять на некоторое время благосостояние нескольких десятков кустарей. Но все силы, всю свою душу положить на такое безнадежное дело, как поддержка кустарной промышленности, – по-моему, пустая трата сил и времени». Скептически относившийся к этой точке зрения второй собеседник «был знаком с этим недавно народившимся у нас доктринерским учением, приветствующим развитие в России капитализма и на место живой, деятельной личности кладущим в основу истории слепую экономическую необходимость»³⁵. За осознание правоты в решении этого политэкономического спора мы заплатили слишком большую цену – годы забвения форм организации экономики, основанной на самостоятельной инициативе населения.

Список литературы

1. Белая книга по мелким и средним предприятиям. Токио, 1997.
2. Ведомости № 199 (4188). 2016.
3. Ведомости. № 211 (4200). 2016.
4. *В.В. Вересаев*. Живая жизнь. Киев. 1988.
5. *В.П. Воронцов*. Артель в кустарном промысле. СПб., 1895.

6. *В.Г. Егоров*. Кооперация в современной России. СПб., 2013.
7. *В.Г. Егоров, О.А. Зозуля*. Трансформация кустарных промыслов России во второй половине XIX в. // Вопросы истории. 2015. № 6.
8. *В.Г. Егоров, О.А. Зозуля, М.В. Палеолог*. Кустарные промыслы нечерноземной деревни второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах Московской губернии). М., 2011.
9. *В.Г. Егоров, М.М. Мамадов, В.В. Штоль*. Консервативная модернизация постсоветских политических режимов СПб., 2016.
10. *М.Г. Егорова*. Преемственность и семейные традиции в становлении и развитии кустарных крестьянских промыслов центрального региона России в конце XIX – начале XX веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Иваново. 2005.
11. *Л. Кондратик*. Концептуализация понятий «моральная экономика» и «экономическая мораль» // Социология: теория, методы, маркетинг. М., 2008.
12. Нижегородский сборник. – Т. IX. – 1879. – С.17.
13. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. – Вып. VI (Нижегородская и Ярославская губ.) СПб. 1880.
14. Нижегородский сборник. Вып. V (Черниговская, Тверская, Московская и Нижегородская губернии). М., 1880.
15. Нижегородский сборник. Изд. Нижегородским губ. стат. Комитетом под ред. А.С. Гациского. – Т. VIII. Н. Новгород, 1871.
16. *Т. Нефедова*. Многоукладность сельской экономики и хозяйственная самоорганизация сельских обществ // Отечественные записки. № 1. 2006.
17. *С.Ю. Сучкова*. Развитие потенциала конкурентоспособности товаров народных художественных промыслов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. СПб., 2011.
18. *Э. Тоффлер*. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века: пер. с англ. М.: АСТ – Москва, 2009.
19. *Фурсов А.И.* Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории // Обозреватель-Observer. № 6. 2012.

20. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. II (Калужская и Нижегородская губерния) СПб. 1979.

21. Л. Холмс. Социальная история России: 1917–1941. Ростов-на-Дону. 1994.

22. Художественные промыслы России: Проблемы сохранения и развития традиционных народных художественных промыслов России в условиях рыночной экономики. Вологда, 1994.

23. Япония-2000: Консерватизм и традиционализм. – М, 2000.

24. G. Becattini. Il Calabrone Italia. Bologna, Mulino, 2008.

25. G. Becattini. The Marshallian industrial district as a socio-economic notion // Pyie F., Becattini G., Sengenberger W. (eds.) Industrial districts and inter-firm cooperation in Italy. Geneva: International Institute for Labour Studies, 1990.

М.В. ГАЛКИНА,

доктор педагогических наук, профессор,
Московский государственный областной университет,
г. Москва

Современное декоративно-прикладное искусство как проявление творческих способностей и средство реализации художественного потенциала

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, традиционные промыслы, творческий процесс, занятость населения

Современное декоративно-прикладное искусство является важным элементом российской действительности. Все чаще за последние годы мы видим, как объекты и стили традиционного декоративно-прикладного искусства проникают в современный дизайн, маркетинг, становятся элементами товарных знаков и торговых марок. Можно встретить роспись Хохломы в оформлении одежды и торговых павильонов, а матрешку не только как самостоятельный сувенир, но и как средство подчеркнуть российскую составляющую продукта. Элементы промыслов перестают быть кичем, а наоборот, привлекают потребителей именно принадлежностью к российской культуре и показывают стремление многих участников художественно-творческого процесса утвердить, а подчас и заново открыть для зрителя неизвестные стороны русского традиционного прикладного искусства.

Основные традиционные промыслы Подмосковья, такие как Хохломская и Городецкая росписи, Жостов-

ские подносы и Сергиевопосадская матрешка, Палехские лаковые миниатюры и Дымковская игрушка конечно же являются самостоятельными сувенирными продуктами, что вполне определено как их основное назначение. Но в то же время не стоит забывать об их влиянии на творческий поиск не только профессиональных мастеров, чьи работы, выполненные в мастерских заводов, мануфактур или частных мастерских с успехом экспонируются на российских и международных выставках и биеннале, но и о самобытных мастерах-кустарях, чьи работы подчас способны не только достойно конкурировать с профессиональными экземплярами, а имеют совершенно уникальный подход к творческому переосмыслению казалось бы многократно проверенных канонических мотивов.

Очень часто в профессиональной художественной среде превалирует следующее мнение: не стоит допускать до публичного экспонирования работы мастеров, не имеющих профессионального образования. Ведь, по мнению многих профессиональных художников, слепое копирование внешнего облика, подчас без понимания глубинных значений и символов, способно возратить нас к такому уровню декоративно-прикладного искусства, при котором подлинно значимые творческие работы потеряются под валом некачественных подделок и имитаций.

Бесспорно, сувениризация декоративного искусства, превращение в товар лучших образцов негативно сказывается на значении и роли художественного творчества, но с другой стороны, привлечение все более широкого круга мастеров позволит именно путем многократной творческой конкуренции поднять и уровень исполнительского мастерства и интерес к традиционному творчеству. «Народные мастера, перенимая культурные традиции от предков, создают произведения особого исторического смысла. Они становятся «памятными» и своей связью с прошлым, с историей края, и с конкретным местом. Благодаря этому эмоциональнообразное содержание таких произведений приобретает особую емкость, много дополнительных значений»³⁶.

На современном этапе художественного образования мы можем видеть, что обучение традиционным промыс-

лам и декоративно-прикладному искусству все больше переходит в руки самодеятельных художников-педагогов. Даже в художественных школах, не говоря уже об общеобразовательных, все реже можно встретить преподавателей-энтузиастов, развивающих традиционные промыслы и интерес к ним со стороны учащихся. Отчасти это связано с общеобразовательными программами, но гораздо большую роль играет отсутствие профильных знаний у самих учителей дополнительного образования. Ведь не секрет, что выполнение матрешки или жостовской росписи, не говоря уже о технологических аспектах, связанных с исполнением обжига керамики или надглазурной росписи, толкает на путь наименьшего сопротивления, а именно подмены традиционных промыслов более легкими, с точки зрения исполнительского мастерства занятиями, такими как узоры из бумаги, холодный батик, коллажирование или сухое валяние из шерсти. Несомненно привлекательные с позиции успешности и детской занятости, вкупе с большим количеством художественных материалов, предлагаемых сетями художественных супермаркетов, данные занятия отучают от самостоятельного творческого поиска, в то время как все меньшее количество детей имеют возможность обучиться именно традиционным художественным промыслам.

Противоположную картину мы наблюдаем со стороны более возрастных групп населения. «Наигравшись» со скрапбукингом или пэчворком, взрослые, увлеченные художественным творчеством, постепенно открывают для себя более сложные, но и более выразительные стороны декоративного искусства. Мы наблюдаем интенсивный приток студентов на заочные отделения художественных факультетов, где взрослые, увлеченные творчеством, с интересом познают секреты финифти и лаковой миниатюры. Ведь для многих из них традиционный промысел становится не только возможностью художественного самовыражения, но и позволяет реализовать свои работы на творческих площадках самодеятельных мастеров. Спрос на авторские, уникальные работы растет не только потому, что их работы являются именно образцами, зачастую

выполненными в единственном экземпляре, но и показывающими новые стороны декоративного искусства, не связанными маркетинговыми или конъюнктурными требованиями.

Любой творческий процесс опирается не только на вдохновение мастера или степень его максимальной трудоспособности, но и на серьезную материально-техническую базу, наличие материалов и инструментов, доступность технологий. На современном этапе насыщения рынка творческих работ довольно редко можно встретить мастера, производящего изделия «от и до», с соблюдением всех традиций и сложившихся приемов. Рассмотрим же, какие традиционные промыслы однозначно выигрывают в плане доступности начинающему мастеру.

Конечно же, различные традиционные росписи по дереву стоят на первом месте в обеспеченности материалами для творчества. Купить деревянную заготовку матрешки, разделочной доски или просто погребец не составляет никакого труда. Заготовки любых форм, размеров и стоимости можно свободно не только заказать у большого количества мастеров столяров и токарей, но и приобрести в многочисленных художественных магазинах и супермаркетах. Аналогично деревянные заготовки доступны и для резчиков по дереву, мастеров лаковой миниатюры или выполняющих работы в иных традиционных техниках. На приблизительно таком же уровне обеспеченности находятся и мастера-керамисты и художники по фарфору. Глина, утиль, красители и иные материалы находятся не только в доступной ценовой категории, но и способны быть использованы в любом промежутке времени. Немного сложнее обстоят дела с обжигом готовых изделий, но и здесь, помимо собственно разнообразных печей промышленного производства, свои услуги предоставляют творческие мастерские и отдельные мастера. Но что делать, например, мастеру, пожелавшему освоить жостовскую роспись подносов или ростовскую финифть? Приобрести заготовки для данных изделий надлежащего качества или соответствующих замыслу художника можно подчас только в сохранившихся центрах подобных промыслов.

Идя по пути имитации промысла, используя заменители или эрзац продукты, мастер не способен в полной мере отразить все нюансы промысла, большая часть которых развивалась в непосредственной связи с материалами и технологией промысла.

Доступность материалов для творчества, особенно в традиционных ремеслах определяет не только количество мастеров и выпускаемых ими изделий, но и уровень исполнительского мастерства. Чем шире круг художников, тем больше возможностей для экспонирования изделий и объединения мастеров в группы и союзы. Несомненно, вокруг центра промысла, его основного предприятия, образуется плотный круг последователей и прослеживается преемственность поколений художников. Но привлечение участников художественно-творческого процесса из других регионов способно придать новый вектор развития не только отдельным образам или стилям, но и всему движению возрождения и развития традиционных народных промыслов в целом.

На примере Московской области, Крайнего Севера, Урала, Закавказья и Дальнего Востока можно увидеть, какую важную роль в развитии промыслов играет поддержка соответствующих государственных органов. Так, например постановлением Правительства Московской области от 23.08.2013 № 654/33 утверждена Государственная программа «Культура Подмосковья», одной из задач которой является поддержка и развитие творческой деятельности на территории Московской области³⁷. Эта поддержка выражается не только в разработке целевых программ, направленных на сохранение культурного и художественного наследия, организации музеев и постоянных экспозиций. Организационная и направляющая роль муниципалитетов предоставляет мастерам возможность самоорганизовываться и создавать сообщества художественной направленности. Такие структуры помогают начинающим мастерам в поиске собственного художественного стиля, возможность продемонстрировать свои работы на мероприятиях различного уровня, получить материальную и моральную помощь в непростое время.

Немаловажно участие и методических и образовательных учреждений в плане обеспечения всевозможными тематическими пособиями и изданиями. Очень легко найти красочный каталог, состоящий из иллюстраций готовых изделий и произведений кустарных промыслов. Но трудно приобрести или открыть для себя по-настоящему ценное, содержательное учебно-методическое пособие, в котором бы начинающий мастер мог найти информацию более профессионального толка, раскрывающую технологию и правильность работы. Подобные издания редко пишутся мастерами промысловиками. Более того, крайне неохотно состоявшийся мастер открывает свои секреты возможным будущим конкурентам. И поэтому, просветительская роль в данном аспекте традиционного творчества ложится на плечи энтузиастов-преподавателей, ценителей народных промыслов и участников художественно-образовательного процесса. Стоит приравнять их самоотверженный труд к деятельности выдающихся мастеров, и, не только отмечая их заслуги, но и предоставляя ресурсы для развития и создания более полной теоретической базы для начинающих мастеров. «В едином образовательном и культурном пространстве реализуется развивающая функция народного и классического искусства, дидактические, методические, искусствоведческие подходы к формированию и развитию личности на национальной основе, интеграция личности в национальную и мировую культуру»³⁸.

Так какую же роль играют традиционные промыслы в современной жизни и занятости населения? Для кого-то роспись по дереву просто хобби, возможность создать свое видение сложившегося художественного образа, а для другого, более ориентированного на успешность и материально заинтересованного человека может стать залогом и смыслом существования. Начиная с росписи по дереву, можно вполне пожелать приобрести навыки деревообработки и ювелирного мастерства, создание традиционной куклы позволяет получить начальные умения для более сложного вида творчества – авторской костюмированной куклы, керамист обязательно перерас-

тет литье в форму и задумается о самостоятельных малых скульптурных формах, стараясь превзойти известные промышленные и художественные образцы. Со временем любой мастер стремится получить подтверждение своего мастерства не только с позиции художественного сообщества, но в стремлении обеспечить свои потребности в расширении творческих замыслов создать коммерчески успешные произведения. Мастер не только творит изящные, эстетически совершенные объекты, но и стремится продемонстрировать и реализовать свою заинтересованность в развитии интереса со стороны коллекционеров и приобретателей, ценителей подлинно уникальных авторских работ. В заключение хочется отметить, что все более широкие круги населения вполне серьезно рассматривают традиционные промыслы как возможность сменить свою сферу профессиональной деятельности в пользу творчества.

Список литературы

1. *Л.А. Буровкина*. Народное декоративно-прикладное искусство – основа формирования духовно-нравственной культуры учащихся / Среднее профессиональное образование. 2010. № 4
2. *М.А. Некрасова*. Народные мастера. Традиции и школы. М., 2006.
3. Официальный сайт Правительства Московской области. <http://me.mosreg.ru/multimedia/novosti/novosti/15-03-2016-1>

О.А. ЗОЗУЛЯ,
кандидат исторических наук, доцент,
Московский государственный областной университет,
г. Москва

Народные промыслы в экономическом и правовом пространстве России

Ключевые слова: народные промыслы, ремесленники, самозанятость населения, малый и средний бизнес

Анализ экономической и социокультурной действительности свидетельствует о том, что потребительская всеядность первых десятилетий постсоветской эпохи достаточно быстро сменилась стремлением россиянина выразить свою индивидуальность, адаптируя традиционно сложившуюся национальную символическую и знаковую систему к современным культурно-бытовым реалиям. Массовое стандартизированное производство в постиндустриальную эпоху вынуждено было уступить некоторые экономические ниши малым производственным формам, где роль свободного субъекта, владеющего эксклюзивными умениями и навыками, является доминирующей. Одну из таких ниш по праву заняли народные промыслы, поскольку именно здесь находила выход индивидуализированная творческая энергия человека.

Народные промыслы – широкое и многоаспектное явление, тот феномен, который представляет интерес как с исторической, так и с экономической и нормативной точек зрения. В современном дискурсе данный феномен чаще всего ассоциируется с народными художественными промыслами и, в таком случае, при рассмотрении пробле-

мы постперестроечного состояния народных промыслов акцент переносится в область дихотомии «исчезновения – сохранения» традиций народного творчества.

Между тем, народные промыслы следует рассматривать гораздо шире, раскрывая исследовательские рамки и включая сюда многоаспектное явление ремесленничества. В таком случае актуализация народных промыслов позволяет раздвинуть границы исследования за счет изучения разнообразных ремесленных и неземледельческих промысловых занятий городского и сельского населения России как в исторической ретроспективе, так и условиях современных реалий.

По своей глубинной сути, народные промыслы всегда являлись не только способом наполнения рынка, изделиями, необходимыми субъекту для удовлетворения своих насущных потребностей, но и во многом способом реализации внутреннего мира человека, посредством предметов и вещей, окружающих его в быту. Говоря современным маркетинговым языком, придание новых качеств традиционному (предмету или услуге), давало возможность потребителю, не отходя от культурных и национальных традиций разнообразить свой быт.

Исследователи определяют народные промыслы как совокупность нескольких видов отношений, являющихся основанием для многоцелевого производства индивидуально создаваемых товаров. «Народные промыслы – пишет исследователь В.П. Дубровский, – это комплексный процесс осмысления, творческой разработки, проектирования, создания и изготовления товарного продукта с целью удовлетворения бытовых, эстетических и этнохудожественных потребностей человека в зависимости от сырьевых, духовных и национальных особенностей региона»³⁹. По мнению автора, структура народных промыслов на современном этапе включает следующие сегменты: производство бытовых, хозяйственных, подарочных и сувенирных изделий, предоставление услуг⁴⁰.

На высоком парламентском уровне в начале XXI в. несколько раз обсуждались, вопросы сохранения традиций народных художественных промыслов⁴¹. Проблемы

городского ремесла оставались исключительно в поле зрения местных властей нескольких регионов. Между тем общественная значимость продукта эксклюзивного ручного труда мастера не вызывает сомнения, о чем свидетельствует тот факт, что до настоящего времени исследователи выделяют несколько периодов расцвета и угасания интереса к проблемам народного творчества и ремесленничества.

Первый период роста экономического интереса, увлечения и осознания необходимости государственной помощи и общественной поддержки народных промыслов относится к пореформенной России второй половины XIX – начала XX в.

Собирание, пропаганда русского традиционного народного искусства, изучение экономического содержания кустарной промыслов стало предметом профессиональных исследований известных этнографов, экономистов, статистиков, ответственных чиновников и финансистов, которые осознавали опасность сокращения народной промысловой деятельности в условиях наступления промышленной индустриальной эпохи.

Основные направления государственной политики в отношении крестьянской промышленности нашли отражение в издании начала XX в. «Кустарное дело в России»⁴², которое стало своего рода аналитическим отчетом о деятельности комитета по кустарным промыслам в департаменте земледелия и сельской промышленности при Министерстве земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ). Представленный материал свидетельствовал о довольно интенсивной и удивительно актуальной в сегодняшних реалиях деятельности правительства по преодолению тенденции сокращения кустарной промышленности, а именно: создания кустарных музеев и складов кустарной продукции, поддержание кустарей за счет льготных кредитов, размещение заказов на поставку товаров, на выполнение заказов для государственных нужд, специальный налоговый режим. Многие подобного рода меры закрепляет и современный закон ФЗ № 209 от 24 июля 2007 г. «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ст. 7)⁴³.

Особо стоит остановиться на актуальном историческом опыте распространения ремесленного (технического) образования среди сельского населения, проведенного благодаря многочисленным командировкам технических специалистов МЗиГИ в места концентрации (т.н. «гнезда») кустарных промыслов. Распространение грамотности, технических знаний через систему народных начальных школ и технических училищ общественностью рассматривалось как непереносимое условие успешного развития кустарной промышленности.

К концу XIX в. законодательное оформление получили разные типы технические школы, где готовили ремесленников по различным видам промышленности: школы ремесленных учеников (Положение 1893 г.), низшие ремесленные школы (Положение 1894 г.), сельские ремесленные мастерские (Положение 1897 г.). Они входили в систему учебных заведений Министерства народного просвещения. Ремесленные отделения при общеобразовательных классах стали возникать еще раньше, начиная со второй половины столетия. Образование кустарей, по мнению посылаемых на места инструкторов, далеко не везде шло успешно. Среди причин неудовлетворительного состояния ремесленного образования в школах указывались следующие: недостаток денежных средств, малое число часов, отведенных на занятия ремеслами, малозрелость учеников и необязательность занятий, полное отсутствие системы в ведении дела, незнание местных условий при выборе рукоделий, и, наконец, недостаток мастеров, знающих ремесла и имеющих опыт преподавания азов мастерства⁴⁴.

В ходе совещаний, в Министерстве земледелия и государственных имуществ был намечены ряд мер, направленных на поддержку ремесленного образования и придания ему упорядоченного характера, причем многие из них были позже реализованы. Предлагалось преподавать предметы, имеющие тесную связь с изучаемым ремеслом, выработать систему преподавания ремесла, которая должна была учитывать, кроме всего прочего, и характер сезонных земледельческих занятий, когда

ученики вместе со своими семьями принимали участие в сельскохозяйственных работах и т.д.⁴⁵

В фондах Центрального исторического и местных архивов сохранились многие документы, свидетельствующие о деятельности МЗиГИ по предоставлению материальной помощи, снабжению литературой и альбомами, осуществлению помощи в разработке программ кустарным школам, курсам овладения ремесленными навыками⁴⁶.

Представляется значимым, что опыт государственного содействия кустарных промыслов остается востребованным в контексте формирования современных мер поддержки мелкого промышленного производства.

Государственная поддержка была важным условием развития промыслов, но компенсирующей далеко не все проблемы данного сектора. Кустари страдали от недостатка кредитных ресурсов, который восполняли за счет заимствования у кулаков под 400–600 процентов. Известна негативная роль многочисленных «заглов»-посредников в обеспечении сырьем и организации сбыта кустарных хозяйств. Низкий материальный и технический уровень самих мастеров не позволял им конкурировать с крупными товаропроизводителями на равных. В решении многих вопросов кустарных производителей положительную роль сыграли земская и частная инициатива, например, при их содействии и поддержке были открыты кустарные музеи и склады, школы мастерства, училища⁴⁷, опыт которых был использован уже в советский период при создании системы профессионально-технического образования.

К началу XX в. малое предпринимательство занимало значительное место в экономике страны: оно присутствовало как в разных отраслях производства, так и в сфере обслуживания. В литературе высказывалась точка зрения, что в 1912 г. в некоторых отраслях производства, как, например, в деревообработке общее число рабочих ремесленной и кустарной промышленности превышало число рабочих крупной в 4 раза, а сумма произведенной продукции в 1,5 раза превышала произведенное на круп-

ных предприятиях. Значительно уступало крупное производство мастерству рукоделия в одежно-галантерейной отрасли, где число занятых кустарей превышало число фабричных рабочих в 6 раз, а их производство превосходило фабричное в 3 раза⁴⁸. Наиболее успешно развивалось кустарное производство посуды, одежды, обуви, разного рода мебели, переработка продуктов животноводства, и т.д.

Профессор Московского технического училища В.И. Гриневицкий, оставивший замечательный аналитический труд, характеризующий возможности и перспективы технической перестройки российской промышленности, определил отрасли, где кустарная промышленность могла еще долго занимать доминирующее значение. Таковыми, по его мнению, являлись деревообработка, одежно-галантерейная отрасль, а в группах «металлических производств и обработки животных продуктов, включая шерсть», ручное производство могло сохраняться ориентируясь на эксклюзивный высокохудожественный мелкосерийный спрос⁴⁹.

Проблема определения функционального пространства мелкого промышленного производства в условиях рыночной экономики занимало и продолжает занимать лучшие умы представителей экономической, юридической и социологической науки. Данные относительно числа предпринимателей, которых можно было отнести к современному понятию – мелкие предприниматели – в литературе весьма различны. Известный исследователь начала XX в. А.А. Рыбников насчитывал 3,7–4 млн. чел. занятых в сельском кустарном производстве, в городском мелком производстве 1,2 млн. в то время как В.И. Гриневицкий приводил иные цифры и утверждал, что число активно действующих сельских кустарей составляет 2–4 млн.чел., а городских сельских производителей – 600 тыс. чел.

Современный исследователь В.С. Ажаева полагает, что «большинство исследователей склонно поддерживать расчеты А.А. Рыбникова. Одна треть в общем производстве для мелкой промышленности вполне вероятная вели-

чина, если учесть крупнейшую роль торгового капитала, а также значение отраслей производства средств личного потребления в стране со слабым развитием индустриального капитала, что все еще было характерно для России в начале XX века»⁵⁰.

Разночтения в количественном определении кустарного производства прямо вытекало из отсутствия консенсуса относительно критериев, положенных в основу разделения крупного и мелкого производство.

Важным вектором исторического развития кустарных промыслов в эпоху модернизации стал постепенный переход от семейной к кооперативной форме организации производства. К XX веку Россия пережало многие европейские страны по размаху кооперативного движения. Постепенно становились более определенными границы правового поля, в рамках которого функционировали кооперативы. Так, в 1902 г. был принят примерный устав артели, в 1906 г. в этот закон были внесены дополнения, согласно которым кустари получили законные основание для регистрации своих объединений на уровне губерний. И хотя в этом процессе возникало много сложностей, волокиты и трудностей, тем не менее, кооперативные организации кустарей становились ощутимой реальией хозяйственной жизни России. Известный российский экономист М.И. Туган-Барановский привел статистические данные по увеличению числа кооперативных объединений с начала века до начала Первой мировой войны (см. в нижеприведенной таблице)⁵¹.

Закрепление и организационное оформление кооперирования населения должно было завершиться принятием общенационального закона о кооперации. Первый всероссийский кооперативный съезда принял решение о подготовке проекта закона, который появился в 1908 г. В дальнейшем проект рассматривался на кооперативных съездах в Петербурге (1912) и в Киеве (1913). Киевский съезд утвердил текст законопроекта, после чего он был передан на рассмотрение в парламент. Однако при прохождении законопроекта через Государственный совет возникли трудности, связанные со стремлением раздро-

бить кооперативное движение и изъять из-под действия закона товарищества кредитные и ссудо-сберегательные, поэтому только 20 марта 1917 г. Временное правительство утвердило «Положение о кооперативных организациях и их союзах».

Численность кооперативов в России в начале XX в.

Численность кооперативов	1901—1902 г.	1915 г.
Кредитных кооперативов	837	14 350
Потребительских обществ	600	10 900
Сельскохозяйственных обществ	137	5 000
Сельскохозяйственных товариществ	—	1 650
Маслодельных артелей	51	2 700
Кустарных и иных артелей	—	600
Итого	1 625	35 200

Впервые появился закон, охватывающий все виды кооперативных объединений⁵², узаконивший различные кооперативные формы, причисляемые к кооперативным товариществам. Принятие рамочного федерального закона, определяющего общий правовой подход ко всем видам кооперации, остается важной задачей современного законодательства.

Первая мировая война и последующий революционный период пагубно отразились на состоянии экономики страны. Значительное количество промышленных предприятий, национализированных и перешедших в собственность государства, из-за разрухи, отсутствия финансов и сырья простаивало. Деструктивное влияние военного лихолетья сказалось и на кустарной промышленности. В целом по стране к 1920 г. численности куста-

рей в сократилась в 2.5 раза по сравнению с 1913 г., что составило 1611 тыс. чел.⁵³

В 1919 г. ВЦИК и Совнарком приняли декрет «О мерах содействия кустарной промышленности», который положил начало непростого диалогу нового государства и мелких товаропроизводителей. Декрет допускал национализацию мелких предприятий с механическим двигателем и наемным персоналом до 5 чел. только по особому решению Президиума ВСНХ. Однако в реальности национализация кустарных предприятий не осуществлялась. Поэтому декрет, принятый в условиях военно-коммунистической политики, общественные деятели кустарного производства позже назвали «хартией вольностей кустарей»⁵⁴.

В период нэповского временного допущения частной инициативы и развития товарно-денежных отношений ремесло и кустарная промышленность регенерировали свое значение как важнейшая отрасль сегмента экономики. Частным лицам было разрешено создавать мелкие предприятия с числом работников до 20 человек, развивался институт аренды предприятий, получил новый импульс экономический механизм, который ориентировал и стимулировал частный сектор экономики на удовлетворение как индивидуальных, так и государственных потребностей. При этом меры государственного контроля все же регулировали кустарную промышленность. Хозяйственная деятельности кустарей и ремесленников, мелких предпринимателей и торговцев, предполагала приобретение патента в финансовом отделе исполнительных органов власти. Патентная статистика отчасти свидетельствует о масштабе ремесленно-кустарного сектора экономики: в 1922 г. на патент перешли 96431 чел, из них 86% приходилось на предприятия с численностью до 3 чел.⁵⁵ Патентная система лишь одна из мер государственного регулирования, не исчерпывающая все системы государственной политики, однако она характеризует актуальное направление поиска взаимодействия власти и мелкого промышленного производства значимого и в наши дни.

Абсолютизация крупных обобщественных форм хозяйства и оценка частных мелких предприятий кустарей как рудимента дореволюционной действительности привели к концу 30-х годов к практически полной ликвидации кустарной промышленности и ее доля в общем объеме продукции всей промышленности страны в 1937 г. составляла 0,2%⁵⁶.

Для устранения «рудимента» была избрана политика поголовного кооперирования мастеров в артели и товарищества. В свою очередь, к началу 30-х годов XX века промысловая кооперация была инкорпорирована в единую планово-административную систему советского хозяйственного механизма. Быстрыми темпами шел процесс ее огосударствления. Уже в период второй пятилетки промысловая кооперация стала рассматриваться как подсобный сектор для крупной социалистической промышленности. «По мере ликвидации рыночных отношений и подчинения коллективных предприятий централизованной системе администрирования объединения промышленников приобретали характеристики социалистического промышленного сектора страны, превращающие их в примитивное подобие фабричной организации – пишет исследователь Егорова, – Перенос на почву кооперации черт крупномасштабного индустриального производства повлекло за собой трансформацию кооперативных предприятий из организации занимающей свое, исторически обусловленное место малой экономической формы в придаток госпромышленности, утилизирующий ее отходы и выполняющий подсобные технологические операции.

В то же время традиционные гнезда художественных промыслов, составлявшие национальное культурное достояние, не способные адаптироваться к индустриальному конвейеру, приходили в упадок»⁵⁷.

И хотя статус промысловой кооперации понизился до уровня подсобного сектора советской индустрии, она смогла сохранить некоторые черты самостоятельной организации, сохраняющей общественное значение даже в условиях административно-командной системы. Поясняя

данное положение, уральский исследователь кооперации А.А. Пасс писал: «Она работала в удобных и естественных для себя рыночных нишах, таких как производство ширпотреба, бытовое обслуживание, выполнение разнообразных подрядов для заводов и учреждений, где у нее либо не было конкурентов, либо они действовали неэффективно»⁵⁸.

Несмотря на видение коммунистического будущего с наличием одной общенародной собственности большевики, учитывая большое значение промысловой кооперации в снабжении населения товарами широкого потребления, всячески вплоть до начала 50-х годов XX в. поощряли развитие кооперативного промышленного сектора.

В преддверии войны в СССР существовало 25,6 тыс. артелей, объединявших 2,6 млн. чел., которые выпускали пятую часть всего объема ширпотреба, производимого в стране⁵⁹. В условиях, когда правительство уделяло в основном внимание оборонной промышленности, потребности населения в предметах повседневного спроса: в обуви, одежде, стройматериалах, игрушках, продуктах питания, топливе и многом другом удовлетворялась за счет увеличения производства промартелей.

Кооперативы имели сеть починочных мастерских, парикмахерских, столовых, фотоателье, прачечных, оказывали транспортные услуги. Значительна была их роль в изготовлении продукции для нужд армии. Превращению артелей в основного поставщика товаров массового потребления на рынок в условиях мобилизационной экономики способствовала кредитная политика, нацеленная на материальную помощь кооперативам, расширяющим свое производство, а также налоговая политика. Кооперативы в начале 1941 г. на два года освобождались от налога с оборота, бюджетной наценки и подоходного налога⁶⁰. Налоговые преференции и меры финансовой поддержки кустарных объединений советского периода могут являться ориентиром для выработки современной государственной политики в этом направлении.

Планы ускоренного строительства коммунизма предполагавшие форсирование «сближение двух соци-

алистических форм собственности: колхозно-кооперативной и общенародной» прямо отразились на судьбах кооперативных кустарных объединений. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 апреля 1956 г. «О реорганизации промысловой кооперации» предприятия промысловой кооперации реорганизовывались в структурные объединения местпрома. Волонтаризм в оценке общественного значения коллективных промышленных предприятий и их фактическая ликвидация привели к постепенному сокращению ассортимента товаров народного потребления и сокращению производства, ориентированного на малосерийный и индивидуальный спрос. Недостатки, связанные с «преобразованием промысловой кооперации» отчасти восполнялись предприятиями потребительской кооперации, сохранявших кооперативное содержание только по форме. Потребительские товарищества практически представляли собой дублирующую государственную товаропроводящую сеть, не имеющую ничего общего с самостоятельной организацией населения. Структуры потребкооперации были поставлены в жесткие рамки администрирования. Государственный контроль распространялся на все сферы деятельности потребительских обществ и дезавуировал даже отдаленное напоминание о коллективной инициативе пайщиков. Осознание необходимости хозяйственной самостоятельности населения подвигло советское руководство вновь обратиться к казалось бы забытому кустарно-ремесленному производству.

В 1976 г. вышло Постановление Совета Министров СССР «Положение о кустарно-ремесленных промыслах граждан». Однако ригористичное представление о недопустимости частной инициативы все же налагали некоторые ограничения в определении его функционального пространства. В частности запрещалось использовать наемный труд в ремесленных промыслах граждан, а деятельность мелких производителей ограничивалась изготовлением изделий для продажи населению или оказанием платных бытовых услуг. Кроме того, особое внимание советским руководством уделялось развитию

народных художественных промыслов, оцениваемых с точки зрения национального достояния и сосредоточения народных традиций, сохраняющее свое значение как хранилище уникальной многонациональной культуры.

Традиция дифференцированной оценки мелкой промышленности и народных художественных промыслов зародилась уже на рубеже XIX–XX вв. На многочисленных земских и всероссийской кустарной выставках массовые изделия кустарей и изделия художественных промыслов экспонировались отдельно, при этом шедевры художественного мастерства каталогизировались, систематизировались в специальных альбомах, сохранялись в архивных

В 20-е годы дореволюционная традиция была продолжена и организованы первые значительные выставки народного искусства, а изделия народных мастеров стали представляться на выставках за границей (наиболее известная – в Париже в 1925 г.)

С первых лет советской власти мастера художественных промыслов всегда находились в поле зрения органов власти. Кроме всего прочего, такое положение дел объяснялось необходимостью расширения экспорта и валютных поступлений за счет поставки за рубеж изделий народных художественных промыслов. В советское время появились центры создания лаковой миниатюры Палеха, Мстеры и Холуя. Тогда же начали складываться первые крупные экспортноориентированные объединения, продукция которых приносила ежегодно до 4 миллионов рублей золотом⁶¹.

По инициативе государства 1932 году был создан как учебно-методический центр научно-исследовательский институт, переименованный в 1941 г. НИИ художественной промышленности (НИИХП). Успешная деятельность института во многом обеспечивалась опытом вошедшего в состав Кустарного музея представителей передовой русской интеллигенции, искренне стремившейся сохранить и донести до будущих поколений лучшие образцы народного искусства. Одним из направлений НИИХП стало изучение традиций народного декоративного ис-

куства, разработка теоретических проблем связанных с прикладным народным творчеством, организация экспедиций, имевших цель определения реального состояния (в том числе и неудовлетворительного) народных худ промыслов. Сотрудники института выясняли возможности развития художественного мастерства в зависимости наличия естественных условий и сложившихся культурных традиций. Лучшие образцы народного творчества демонстрировались на выставках в Париже, Нью-Йорке, вывозились в Германию, Англию, Данию⁶².

В 1960 г. в связи с ликвидацией промысловой кооперации, художественные артели были преобразованы в фабрики и комбинаты народных художественных промыслов (НХП). Период наиболее успешного развития предприятий художественных промыслов относится к 70-80 гг. прошлого века, когда положение их производственной базы окрепло и упрочилось. Определенную роль в этом сыграло постановление Совмина 1966 г. «О мероприятиях по развитию местной промышленности и художественных промыслов»⁶³. Постановление разрешало создавать фонды поощрения художников, мастеров и высококвалифицированных рабочих, «постоянно занимающихся созданием образцов художественных изделий», в целях развития их творческой работы, предприятия освобождались от ряда ранее существовавших платежей. Советам Министров союзных республик вменялось в обязанность рассмотреть и решить вопрос о расширении, системы подготовки кадров техников, экономистов, мастеров, высококвалифицированных рабочих для предприятий местной промышленности за счет лучшего использования существующих техникумов, городских и сельских профессионально-технических училищ, а также за счет организации новых учебных заведений.

Существенно расширились возможности развития кустарного труда и художественных промыслов на основе принятого в 1981 г. В документе упрощались условия найма работников для работы на дому личным трудом из материалов и с использованием орудий и средств труда, выделяемых предприятием, либо приобретаемых за счет

средств этого предприятия. В нем специально уделялось внимание лицам, владеющим мастерством изготовления изделий народных художественных промыслов, сувенирных изделий или оригинальной упаковки для них, которые могли быть приняты на работу в качестве надомников независимо от рода их деятельности и работы на других предприятиях. При этом ограничения, установленные законодательством о совместительстве, на них не распространялись, что позволило привлекать к работе членов семей.

Вопрос о более широком привлечение надомников, распространении опыта старых мастеров, создание системы обучения учащихся в центрах народных промыслов по изготовлению художественных изделий и изучению основ народного и декоративно-прикладного искусства поднимался в 1982 г. уже на республиканском уровне, о чем свидетельствует принятое в мае Постановление Совмина РСФСР «О дальнейшем развитии народных художественных промыслов в РСФСР»⁶⁴.

Что касается постсоветского периода, то анализ тенденций развития народных художественных промыслов показывает, что с начала 90-х годов их состояние неизменно оценивалось как критическое. Оказавшись в начале перестройки вне сферы реальной поддержки федеральных властей, не имея опыта самостоятельной деятельности в условиях малорегулируемых рыночных отношений, предприятия народных художественных промыслов стали терять объемы производства, профессиональные кадры и качество продукции.

Анализируя существующее состояние организаций народных художественных промыслов на рубеже XX–XXI вв., ученые выделяли целый комплекс проблем, которые привели к резкому падению производства, среди них такие как:

- тяжелое финансово-экономическое состояние организаций, которые производят продукцию народных художественных промыслов;
- дефицит на рынке труда квалифицированных кадров для организаций народных художественных промыслов;

- отсутствие экономической концепции развития сферы народных художественных промыслов;
- неразвитость маркетинговой деятельности;
- отсутствие у организаций народных художественных промыслов средств на техническое перевооружение производства.
- отсутствие оборотных средств;
- неразвитость организационной инфраструктуры рынка сбыта изделий народных художественных промыслов;
- низкая покупательская способность населения;
- утрата художественно-стилевых особенностей и традиций промыслов;
- наводнение рынка импортной продукцией низкого художественного уровня и подделками (контрафактами)⁶⁵.

Все вышеперечисленные причины затрудняли сохранение стабильных творческих коллективов художников и мастеров, что неизбежно влекло за собой утрату традиций народного искусства и наносило непоправимый ущерб отечественной культуре и национальному культурному наследию. «Таким образом, с учетом изложенного, – замечал автор комментариев Закона «О народных художественных промыслах», – можно констатировать, что если в ближайшее время не принять дополнительных мер государственной поддержки народных художественных промыслов, то может произойти невосполнимая утрата их значительной части; сегодня требуется принятие срочных серьезных финансово-политических мер в развитие национальных художественных промыслов»⁶⁶.

Во время парламентских слушаний в 2008 г. приводились цифры, отражавшие процесс сокращения предприятий народных художественных промыслов. Председатель Ассоциации «Народные художественные промыслы России» Г.А. Дрожжин в своем выступлении на слушаниях отмечал, что «по численности работающих на производствах, то в последние годы показатели упали в десять раз. За это время потеряно около 50 организаций промыслов. Ежегодная численность и объемы производства сокращалась на 10–15 процентов».

Мартиролог исчезнувших предприятий пополняется вплоть до 2016 г., когда фактически перестало существовать одно ЗАО «Новый мир» – российское предприятие по производству тюля, кружев, узких тканей, вышивки, которое по оценке Торгово-промышленной палаты России являлось третьим центром мировой вышивки, среди производителем вышитых тканей и шитья.

В результате необдуманных реформ, форсированной приватизации и отсутствия системного подхода со стороны государства мелкое производство и народные художественные промыслы оказались не в состоянии самостоятельно противостоять агрессивной экспансии дешевых примитивных подделок, которые размывали представление о подлинно народном художественном национальном наследии, выраженном в мастерстве ремесленника, передающемся из поколения в поколение. Осознание на государственном уровне опасности потери народного искусства как национального достояния привело к пониманию необходимости координации усилий всех тех, кто вовлечен в сферу деятельности народных промыслов. Сохранение и защита отрасли стала возможной благодаря формированию современной законодательной базы обеспечивающей правовое регулирование в области народных промыслов. «Тремя китами», по выражению Г.А. Дрожжина, на которых держатся промыслы, стали законы «О народных художественных промыслах» (1999 г.), «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (2003 г.) и ФЗ «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации» (2002 г.). Деятельность промыслов регламентируется также рядом других федеральных законов, Указом Президента Российской Федерации, нормативно-правовыми актами Правительства Российской Федерации и более чем 30 законами, принятыми в субъектах Российской Федерации.

В принятых документах были определены предмет регулирования закона, закреплено положение о том, кто и как определяет мастерство субъекта народного художественного промысла (НХП), как формируются

художественно-экспертные советы и каковы критерии изделий НХП, как определяется география традиционного бытования народных художественных промыслов. В 2004 г. был также утвержден перечень видов художественных промыслов, которые могли рассчитывать на государственную поддержку за счет средств федерального бюджета. Этот перечень постоянно расширялся и сейчас уже 78 предприятий НХП получают государственную финансовую поддержку.

Общая картина основных тенденций в развитии художественных промыслов, может быть рассмотрена на примере Нижегородской области, которая издавна известна как регион, где бытовали практически все основные виды российских промыслов. Показательным является сравнение двух целевых программ 2011 г. и в 2013 гг. по развития художественных промыслов Нижегородчины⁶⁷.

Область по праву считается наиболее значимым и представительным центром традиционного бытования НХП России и является одним из лидирующих регионов вместе с Московской областью и Республикой Дагестан по объемам производства изделий НХП и числу сохранных видов изделий. В пояснениях к программе 2011 г. говорилось о том, что ситуация с в области народных промыслов в Нижегородской области аналогична ситуации в целом по России. Положительная динамика, сформировавшаяся в период с 2005 по 2008 гг. в отрасли по ряду основных показателей в результате мирового финансово-экономического кризиса конца 2008 года сменилась в 2009 году на отрицательную. Так, за 2 года (2009–2010 гг.) объем производства в существующих ценах возрос на 12%. Однако, учитывая повышение тарифов на энерго-ресурсы, увеличение стоимости сырья и материалов и в целом уровень инфляции, объем производства снизился почти на 20%.

Только в 2010 году 21 субъект Российской Федерации или около 40% от общего количества допустили снижение объемов производства. Весь прирост 740 млн. рублей был обеспечен несколькими регионами. Из данной суммы –

300 млн. рублей получено за счет Московской области, 145 млн. рублей – за счет Республики Дагестан, 111 млн. рублей обеспечила Нижегородская область⁶⁸.

Большинство субъектов НХП (предприятий) Нижегородской области начало снижать как общие объемы производства и реализации продукции, так и объемы производства и реализации художественной продукции.. Сохранение отрицательных тенденций в отрасли НХП Нижегородской области было обусловлено следующими причинами:

- ограниченностью финансовых ресурсов для оказания государственной поддержки субъектам НХП на федеральном, региональном и местном уровнях;

- постоянным повышением стоимости энергоносителей, сырья и материалов;

- отсутствием постоянного государственного (муниципального) заказа на продукцию НХП;

- низкой средней заработной платой в отрасли НХП (в 1,7 раза ниже средней по Нижегородской области);

- отсутствием системы социальных гарантий в субъектах НХП;

- старение творческих коллективов, что ставит под угрозу преемственность поколений и, наконец, может выразиться в утрате отдельных (или постепенно всех) промыслов;

- отсутствием эффективной товаропроводящей сети для продажи продукции НХП;

- недостаточной защищенностью нижегородских производителей продукции НХП от иностранных товаров-подделок и контрафактной продукции.

Данное обстоятельство обуславливает необходимость введения мероприятий по защите производителей продукции НХП Нижегородской области (содействие производителям продукции НХП в обеспечении правовой охраны и защиты средств индивидуализации, введение защитных мер против реализации контрафактной продукции и тому подобное).

Несмотря на общие трудности, число предприятий НХП увеличивается: в Нижегородской области в 2011 г.

действовало 48 предприятий народных художественных промыслов, в 2013 года число их возросло до 50. Развитие отрасли народных художественных промыслов (по количеству субъектов и видам) осуществляется прежде всего за счет увеличения числа ПБОЮЛ. 50% ПБОЮЛ от общего числа ПБОЮЛ, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере НХП, применяют УСНО на основе патента.

Другим источником является создание новых субъектов предпринимательства в местах традиционного бытования художественных промыслов, и после утверждения представленных ими образцов изделий в художественные комиссии.

Из 16 предприятий НХП к субъектам, представляющим культурно-историческую ценность для Нижегородской области, могут быть отнесены шесть различных по организационно- правовой форме предприятий:

1. Ордена «Знак Почета» ЗАО «Хохломская роспись»,
2. ОАО «Павловский ордена Почета завод художественных металлоизделий им. Кирова»,
3. ЗАО «Казаковское предприятие художественных изделий»,
4. ООО «Варко»,
5. ООО «Городецкая золотная вышивка»,
6. ОАО «Тканые узоры».

Можно выделить следующие критерии, на основании которых вышеназванные организации отнесены к субъектам НХП, представляющим культурно-историческую ценность для области:

- субъект НХП расположен в месте традиционного бытования конкретного НХП;
- не менее 30 лет насчитывает история деятельности субъекта НХП;
- доля изделий НХП в объеме отгруженных товаров по данным федерального государственного статистического наблюдения за предыдущий год составляет – не менее 75% .
- доля ручного труда – не менее 90% . Доля ручного труда для субъектов НХП, производящих изделия из ме-

талла (художественная обработка металла), может быть снижена до 40% ;

– доля изделий признанного художественного достоинства в общем объеме отгрузки изделий НХП – не менее 50% (по данным федерального государственного статистического наблюдения за предыдущий год).

Следует отметить, что отрицательная тенденция развития НХП постепенно преодолевается, и в настоящее время промыслы получили некоторый, пусть небольшой, импульс восстановления.

Институционально для сохранения народных художественных промыслов в условиях рыночной экономики и представительства их интересов в федеральных и региональных органах исполнительной власти в 1990 году была создана негосударственная некоммерческая организация Ассоциация «Народные художественные промыслы России». Она объединяет 250 организаций народных промыслов, расположенных в 64 регионах Российской Федерации. Инициаторами создания общественной организации стали всемирно известные центры народного искусства, выпускающие изделия с хохломской и городецкой росписью по дереву, гжельский фарфор, ростовскую финифть, вологодское и елецкое кружево, богородскую и беломорскую резьбу по дереву, кубачинские ювелирные украшения, холмогорскую и тобольскую резную кость, жостовские и нижнетагильские расписные подносы, скопинскую и псковскую керамику, торжокское золотное шитье, кисловодский фарфор, оружие златоустовских и тульских мастеров, художественное ткачество и вышивку различных регионов России.

Ассоциация участвует в разработке нормативно-правовых актов и подзаконных документов, регламентирующих деятельность предприятий и организаций народных художественных промыслов на федеральном и местном уровне. Она организует и проводит выставочные проекты («Молодые дарования» и др.), выставочно-ярмарочные мероприятия (проекты «Ладья» и «Жар-птица»), пропагандирует искусства народных художественных промыслов в средствах массовой информации, организует

и проводит мастер-классы, семинары ведущих художников и мастеров промыслов. Председатель Ассоциации является неперменным участником совещаний и парламентских слушаний, на которых обсуждаются вопросы развития художественных промыслов.

На представительных форумах в ходе конструктивных выступлений заинтересованных акторов: представителей министерств и ведомств, директоров предприятий и руководителей местных объединений НХП, поднимались такие вопросы как финансирование предприятий народных промыслов, предоставление льготных кредитов, государственных заказов, снижение налогового бремени, восстановления системы профессиональной подготовки и участие в развитии туризма. Креативные предложения вносили представители региональных центров, хорошо знакомые с реальным состоянием функционирования предприятий НХП.

Так, в 2011 году во время парламентских слушаний в Совете Федераций генеральный директор Центра развития народных художественных промыслов и ремесел Республики Татарстан высказал важные идеи сугубо рыночного характера. Он предложил сменить вектор федеральной помощи от адресных субсидий предприятиям к созданию институциональных условий для развития НХП, например, в форме государственного финансирования бесплатных для промысловиков центральных выставок, как это было в дореволюционной России. Он привел примеры того как в Казани был осуществлялся переход к новой системе инвестирования художественных промыслов и предоставления ремесленникам оборудования на безвозмездной основе за счет региональных средств или средств инвесторов. Были высказаны и другие предложения, цель которых – развить инициативу самих производителей, с учетом существующих возможностей и традиций, сложившихся в конкретном регионе бытования промыслов.

Что касается другой составляющей народных промыслов – ремесленной деятельности, то правовое регулирование этой отрасли еще ждет своей очереди. Предполагалось

внести законопроект о совершенствовании регулирования ремесленной деятельности в Государственную думу на осенней сессии 2016 г.⁶⁹ В проект были заложены предложения внести изменения в федеральные законы «О развитии малого и среднего предпринимательства», «О некоммерческих организациях» и в Налоговый кодекс РФ. Их суть сводится к тому, чтобы закрепить на законодательном уровне понятие ремесленной деятельности, которой признается ручная деятельность с использованием средств механизации, а ее субъектами – физические лица, получившие специальный патент, а также юридические лица. Для более четкого понимания и определения ремесленной деятельности авторы законопроекта выделяют пять видов ее направлений: текстильное, швейное, кожевенное, обувное производства; деревообрабатывающее производство; металлообрабатывающее производство; изготовление неметаллических изделий; бытовое обслуживание (ремонт одежды и изделий ремесленной деятельности).

Ремесленное движение в России началось с 1993 года, тогда был принят первый очень эффективный закон о ремесленной деятельности (ремесленники имели приоритетное право аренды помещений, самую низкую арендную плату и другие льготы), однако с тех пор многое в законодательстве изменилось, и заниматься ремесленной деятельностью стало сложнее. В условиях санкций, кризиса, принятие закона, по мнению его инициаторов, даст возможность людям получать новые профессии, заниматься новыми видами бизнеса, кормить семью и даже целые поколения⁷⁰.

Принятые за последние годы меры законодательной, организационной и финансовой поддержки художественных промыслов и ремесел на федеральном, региональном и местном уровне, в целом, дают основания говорить о том, что процесс расширения институциональных возможностей реализации творческих и практических инициатив населения за последние годы значительно продвинулся вперед, но он еще далек от завершения.

Список литературы

1. *В.С. Ажаева.* Мелкое предпринимательство в России (конец XIX в. – начало XX в.). Аналитический обзор. М., 1994.
2. Вестник кустарной промышленности. 1929. №1-4.
3. *В.И. Гриневицкий.* Послевоенные перспективы русской промышленности. Харьков. 1919.
4. Достижения советской власти за 40 лет в цифрах: Статистический сборник. М., 1957.
5. *П.С. Дубровский.* Народные промыслы как форма мелко-товарного производства (экономико-теоретический очерк с историческими вставками). Монография. Иваново-Шуя, 2005.
6. *В.Г. Егоров.* Кооперация в мелком промышленном производстве: формирования, этапы развития, огосударствление (первая треть XX в.). Казань. 2005.
7. *О.А. Зозуля.* Кустарные мастерские Московской губернии как фактор повышения профессионального образования крестьян-промысловиков. / Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2014. Т. 5. № 3.
8. История социалистической экономики СССР. М., 1977.
9. Комментарий к Федеральному закону от 6 января 1999 г. № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах» (постатейный) (Марлухина Е.О.) (Подготовлен для системы Консультант Плюс, 2007).
10. Кооперативная и местная промышленность в послевоенной пятилетке. М., 1948.
11. Кустарное дело в России. Т. 1. Исторический ход развития кустарного дела в России. Деятельность правительства, земств и частных лиц. СПб., 1904.
12. Народное хозяйство России за 1921/22 Г.: Статистический ежегодник.
13. Народные художественные промыслы. Теория и практика. Сб. науч. трудов. М. 1982.
14. Парламентские слушания «Законодательная поддержка сохранения и развития народных художественных промыслов России» 30 октября 2008 г. // <http://www.garant.ru/news/15448/>
15. Парламентские слушания «Народные художественные промыслы: проблемы сохранения и разви-

тия».26.04.2011/ <http://archive.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/29712>.

16. *А.А. Пасс.* Советское государство и промысловая кооперация: эволюция отношений (конец 1930-х – начало 1940 годов) / Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов II Всероссийской конференции. Челябинск., 2012.

17. Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1941. № 12.

18. *М.И. Туган-Барановский.* Социальные основы кооперации / *М.И. Туган-Барановский.* – Л., 1921.

Ф.А. СЕЛЕЗНЕВ,

доктор исторических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород

Г.П. Матвеев и школа художественной обработки дерева: к 100-летию бытования хохломской росписи в городе Семенове

Ключевые слова: Г.П. Матвеев, хохломская роспись, А.М. Горький, Д.В. Сироткин, народные промыслы, г. Семенов, фабрика «Хохломская роспись»

Исторические корни хохломской росписи находятся на территории современного Ковернинского района Нижегородской области. Но уже сто лет местом бытования этого прославившегося на весь мир народного промысла является город Семенов. К рождению семеновской хохломы оказались причастны знаменитый писатель А.М. Горький и нижегородский городской голова, купец Д.В. Сироткин. Но главную роль в укоренении хохломской росписи в Семенове сыграл Георгий Петрович Матвеев (1875–1960 гг.).

Интересно, что Матвеев родился в той части Нижегородской губернии, где художественная роспись деревянной посуды никогда не являлась народным промыслом. Георгий Петрович появился на свет 2 (16) апреля 1875 г. в селе Ризоватово Лукояновского уезда Нижегородской губернии. Ныне этот населенный пункт относится к Починковскому району Нижегородской области. Земли крестьянам здесь не хватало, и они уходили на стройки разных российских городов, где нанимались каменщика-

ми или штукатурками. Отец будущего художника, Петр Прохорович Матвеев, как отставной солдат, прошедший большую часть жизни на военной службе и потерявший связь со своей крестьянской общиной, земли не имел совсем. После увольнения из армии Петр Прохорович какое-то время жил в Ризоватове, а потом переехал в село Ульяново (ныне в Лукояновском районе, рядом с городом Лукояновом), где устроился сторожем в вотчину князя Кугушева.

Его сын, Георгий Матвеев, пошел по проторенной земляками дорожке – завербовался в строители. Тогда шли большие работы недалеко от родных мест Матвеева: в начале 1890-х гг. в Пензенской губернии возводилась большая узловая станция Рузаевка Московско-Казанской железной дороги (ныне в Мордовии). Матвеев работал в Рузаевке на строительстве вокзала⁷¹.

В 1897 г. Георгий Петрович трудится на стройке в Уфе. В 1898 г. он мастер по кладке на строительстве дома купца Заплата на Рождественской улице в Нижнем Новгороде. Сейчас названное здание (Рождественская, 21) – объект культуры регионального значения. Вход у этого дома выполнен в виде арки с коробовым сводом. Чтобы объяснить рабочим, как качественно выполнить эту непростую для кладки конструкцию, молодой мастер должен был сам хорошо понимать чертеж. Но Матвееву этого показалось мало. Он поставил себе цель: не только научиться читать чертежи, но и самому их составлять. Однако знаний, полученных им в церковно-приходской школе, разумеется, было для этого недостаточно. Поэтому Георгий Петрович начал искать знакомства с инженерами, с тем, чтобы они открыли ему правила составления чертежей. Первым учителем пытливого каменщика стал молодой инженер, прораб Городецкий, с которым Матвеев сблизился на строительстве дома графа Ламздорфа в усадьбе Ашитково (ныне в Воскресенском районе Московской области).

Благодаря Городецкому Матвеев научился азам технического рисунка и зимой 1898–1899 гг. отправил свои первые самостоятельные чертежные работы в стро-

ительное отделение Нижегородской городской управы, с тем, чтобы его взяли туда на работу. Однако заведующий отделением, Каштанов, отметив у молодого каменщика «правильное практическое соображение», посоветовал ему продолжить учение для достижения необходимой квалификации. Георгий внял рекомендации и в ту же зиму поступил внештатным чертежником (т.е. работавшим без оплаты) в Нижегородский ярмарочный комитет. Там его начальником стал архитектор Ермингельд Митрофанович Мичурин.

За месяц Матвеев так хорошо зарекомендовал себя, что его включили в штат с небольшим окладом. Кроме того Мичурин не только позволял ему брать заказы на чертежные работы со стороны, но и сам сводил с заказчиками. У Матвеева завелись деньги, и он употребил их на оплату частных уроков по освоению курса Реального училища (это среднее учебное заведение давало образование с техническим уклоном). Занятия с ним проводили дети инженера Д.Ю. Бехли – Глеб и Георгий. Молодой чертежник ходил к ним на квартиру, где познакомился с товарищами братьев Бехли по Нижегородскому реальному училищу. Все они сочувствовали РСДРП. Войдя в их кружок, Г.П. Матвеев втянулся в революционную деятельность и познакомился с Я.М. Свердловым и А.М. Горьким⁷².

Горький проникся симпатией к выходцу из крестьян, тянущемуся к знаниям, и разглядел в нем художественный талант. В 1906 г. писатель познакомил молодого чертежника со знаменитым фотографом и художником А.О. Карелиным, у которого Матвеев некоторое время брал уроки. Затем по рекомендации Горького Г.П. Матвеева бесплатно взял в свою школу живописи и ваяния в Петербурге Л.Е. Дмитриев-Кавказский. Поистине судьбоносной стала для Георгия Петровича рекомендация, данная Горьким нижегородскому городскому голове Д.В. Сироткину.

Известный купец-старообрядец, ценитель русского традиционного искусства, Сироткин в 1916 г. решил организовать в г. Семенове учебное заведение, где бы дети

постигали азы художественной резьбы и росписи – Школу художественной обработки дерева. Для размещения школы он купил у семеновской мещанки Осьмушниковой дом на улице Санахтинской (ныне улица Володарского, дом № 59). Организацию школы Сироткин по совету Горького поручил Г.П. Матвееву.

Георгий Петрович сразу столкнулся с большими трудностями. Резчики из Нижнего Новгорода не хотели ехать преподавать в Семенов. Дом Осьмушниковой требовал ремонта. Однако Матвеев оправдал надежды Сироткина и показал себя хорошим организатором. Помещение привели в порядок. Нашли резчика – это был Григорий Поляков. В июле 1916 г. Школа художественной обработки дерева (школа ХОД) открылась.

Сначала она имела два отделения – резное и полировочное. Позднее заработала столярная мастерская. Пришел в школу семеновец Лука Васильевич Коти-ков, прославившийся своими виртуозными топорно-щепными игрушками. Затем появились красильная мастерская и отделение хохломской окраски. Для привлечения знатоков этого промысла Матвеев «ходил пешком не один раз за мастерами в Хохлому и уговорил старичков Прокофия Федоровича Распопина и других»⁷³. Это было в начале 1918 года. Кроме П.Ф. Распопина, Матвееву удалось привлечь И.И. и С.С. Юзиковых, И.Ф. Распопина⁷⁴.

В 1920 г. в школе ХОД состоялся первый выпуск. Г.П. Матвеев представил выпускникам работу при школе. Они образовали бригаду «Красная искра». Тогда же из мастеров, работавших в доме И.И. Юзикова, образовалась группа «Красный художник»⁷⁵.

В ноябре 1920 г. в школе ХОД произошел пожар. Ее здание сгорело. Чтобы спасти свое учебное заведение, преподаватели и учащиеся на общем собрании решили отказаться от пайка. Муку и другие продукты они меняли на доски, гвозди, дранку для крыши. Здание было восстановлено.

С 1918 г. Семеновская школа ХОД находилась в ведении народного комиссариата земледелия. В 1920 г. она была подчинена Главкустпрому. К этому времени в школе

существовали отделения: столярное, резное, полировальное, хохломской окраски и изделий из папье-маше⁷⁶.

В годы НЭПа материальная база школы значительно улучшилась. Был возведен второй этаж здания. Появились погреба, конюшни, отдельная красильня.

В 1923 г. при Семеновской школе ХОД возникла вторая группа из девушек нового выпуска (Ф. Осьмушников, Е. Жирнова, А. Сидо и др.). В 1924 г. школу ХОД окончили талантливые ученики П.Ф. Распопина – И.Е. Тюкалов, Ф.А. Колобянин⁷⁷. Видимо именно они вошли в образовавшееся в 1924 г. объединение «Кустарь-художник».

Выпускники школы ХОД внесли в хохломскую роспись новые элементы. Они начали использовать советскую символику, обогатив орнамент фонового письма⁷⁸. Примером творческих поисков в этой области является подаренная Г.П. Матвееву ваза А.Д. Будкина (1923)⁷⁹. Изделие имеет красный фон, на котором четко выделяются золотые силуэты крупной пятиконечной звезды, серпа и молота, колосьев. Разживкой являются черные треугольники и полумесяцы. Из них складываются буквы лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

В мае 1925 г. в Нижнем Новгороде открылся кустарно-художественный отдел Верхневолжского отделения Госторга. В Семенове появилось его агентство. Оно стало скупать изделия с хохломской росписью для последующей продажи за границей. Агентство хорошо платило, предоставляло художникам красители и другие материалы. Это внесло заметное оживление в промысел. Появились новые группы мастеров⁸⁰.

Однако в 1929 г. началась сплошная коллективизации и необходимость в агентстве, работавшем с единоличниками, отпала. Оно было закрыто. В том же году разрозненные группы кустарей объединили в Семеновское промысловое товарищество со своим экспортным отделом.

В 1931 г. оно было реорганизовано в кустарно-промысловое объединение «Ложкосоюз». В него вошли мастера всех видов местных художественных промыслов. В рамках «Ложкосоюза» 10 мая 1931 г., была учреждена

специальная артель, нацеленная на выпуск изделий для продажи на иностранных рынках. Она получила название «Экспорт» и объединила мастеров хохломской росписи, резно-полировальных изделий, токарей и столяров, ложкарей, ковшечников. Всего их было около 100 человек. Эта артель в будущем превратилась в знаменитую фабрику «Хохломская роспись», прославившую семеновскую хохлому на весь мир.

На территории фабрики установлен бюст Г.П. Матвеева, ибо именно он стоял у истоков хохломской росписи в Семенове и был наставником первых местных мастеров, выпускников Школы ХОД. Когда она в 1928 г. была объединена с техникумом по механической обработке древесины, Георгий Петрович работал там, в качестве преподавателя по рисованию хохломы и конструированию мебели. С момента открытия в 1934 г. до 1955 г. Матвеев был директором Семеновского музея кустарно-художественных изделий, бережно храня традиций семеновской хохломской росписи.

Список литературы

1. *Е. Гараничев*. В Семеновском музее // Горьковская область. 1939. № 2.
2. *Т. Емельянова, Л. Китаева*. Любовь моя, Хохлома: К 50-летию Семеновского объединения «Хохломская роспись». Горький, 1981.
3. *А.А. Плохих*. Жизнь и творчество Г.П. Матвеева // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических статей. Выпуск 13. Нижний Новгород, 2013.
4. *Т.И. Емельянова*. Золотые травы России. Горький, 1973.

А. ИНШАКОВ,

аспирант,

Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова,

г. Москва

Экономическая самоорганизация сельского населения

***Ключевые слова:** самоорганизация, кооперация, сельское хозяйство, сельское население, коллективное предприятие*

Самоорганизация – целенаправленный процесс, в ходе которого создается, воспроизводится и совершенствуется организация сложной динамической системы. Элементы такой системы взаимодействуют друг с другом согласно внутренним причинам. Свойства самоорганизации прослеживаются у клеток, организмов, биологических популяций, биогеоценозов и человеческих коллективов.

Понятие самоорганизацию следует отличать от понятия организации. Организацию можно считать самоорганизующейся, если она обретает определенную пространственную, временную или функциональную структуру без дополнительного воздействия.

Говоря о самоорганизации в коллективах людей, можно выделить следующие основные принципы:

1. Наличие общего интереса всех членов группы;
2. Согласие членов данной группы с тем, что вместе они могут добиться гораздо больших результатов и производительности труда, чем в одиночку;
3. Согласие членов с тем, что продукт коллективного труда принесет достаточную пользу каждому члену группы и будет способствовать расширению деятельности обще-

ства. Процесс распределения получаемого продукта между членами должен быть прозрачен, чтобы они могли видеть свою и чужую вклад в производство и распределение;

4. Способность членов совместно решать возникающие в процессе деятельности проблемы;

5. Согласие членов со своими ролями в коллективной трудовой деятельности;

В зависимости от отрасли хозяйствования процесс самоорганизации может иметь те или иные особенности, но ему всегда будут присущи перечисленные выше принципы. Можно отметить, что все эти принципы способствуют формированию в коллективе людей духа единства, который морально ободряет и способствует улучшению результатов трудовой деятельности.

Процессы самоорганизации сельского населения исторически присущи Российской экономики. Село всегда было самостоятельным организмом, способным меняться в соответствии с текущей ситуацией в стране.

Самоорганизацию нельзя рассматривать без анализа среды, в которой она происходит. Именно среда делает ее уникальной и придает ей сущностные особенности, отличающие от процессов самоорганизации в других отраслях хозяйствования. Для полного понимания особенностей сельской самоорганизации необходимо рассмотреть село как неотъемлемую часть экономики России. Село является единым социально-экономическим, территориальным, природным и историко-культурным комплексом, включающим сельское население, совокупность общественных и производственных отношений, связанных с его жизнедеятельностью, а также территорию и материальные объекты, на ней расположенные.

Особенность сельских районов заключается в том, что они являются источником продовольствия и сельскохозяйственного сырья, природных ресурсов. Они имеют огромный ресурсный потенциал: 8,9% мировой пашни, 2,6% пастбищ и 69% лесопокрытой площади. Также это место проживания и рекреационный объект для восстановления здоровья и отдыха. Однако, наибольшее влияние на аграрно-экономическое развитие территорий

оказывает состояние сельского хозяйства, как наиболее крупной сферы экономики, обеспечивающей сохранение природы и уход за культурным ландшафтом.

Территория России включает различные типы сельскохозяйственных местностей, которые формируются на основе комбинации разнообразных сельскохозяйственных, лесохозяйственных, промысловых, промышленно-транспортных, рекреационных, природоохранных и других функций.

Так, сельская местность занимает две трети площади Российской Федерации (около 5691,8 тыс. кв. км), где проживает 37,8 млн. человек – 25,9% от общей численности. Уровень трудоспособного населения находится на отметке 20,8 млн. человек – 24,7% и расположено около 150 тыс. сельских населенных пунктов, объединенных в 24409 сельских администраций и 1865 административных районов.

Основная отрасль сельской экономики – сельское и лесное хозяйство. В нем занято около 38% сельского населения; в промышленности работает 12% сельских жителей, в прочих отраслях (в основном эта сфера социальной инфраструктуры и управления)

Достижение равномерного и сбалансированного развития сельских территорий, активизация экономической инициативы сельского населения, снижение социально-экономических диспропорций является важной задачей современной экономики России.

Самоорганизация сельского населения является первым этапом на пути развития сельских территорий и людей на них проживающих. Это комплексный процесс, который включает в себя привлечение сельских жителей к участию в социально-экономическом развитии территорий, на которых они проживают. Она подразумевает развитие как одной личности, так и группы населения. Результат самоорганизации проявляется в организационной, экономической, технологической социальной эффективности.

Процесс самоорганизации населения можно считать вынужденным и социально обусловленным. Его можно связать с неспособностью государства обеспечить занятость сельского населения. Село всегда было в самом

экономически невыгодном положении. Малая привлекательность для инвестиций, высокие материальные, трудовые и финансовые затраты ставили сельских жителей в жесткие экономические рамки, преодолеть которые в одиночку они не могли.

Самоорганизация всегда обусловлена определенными предпосылками. Они могут быть экономическими, географическими и социальными. Исторически люди, проживающие в одной местности, объединялись для совместного ведения хозяйства. Длительное пространственное развитие отечественного сельского хозяйства привело к существенным различиям самоорганизации сельского населения на севере и на юге страны в пригородах и на периферии. Сельское пространство России долгие годы растягивалось по тем же четырем географическим осям, что и все пространство страны: с севера – на юг, с запада – на восток, от центра – к периферии, в регионах с разным этническим составом.

Простое объединение усилий и взаимопомощь позволяли достигать больших результатов деятельности, экономических выгод. Кроме этого самоорганизация способствует достижению и социальных эффектов. Сплочению сельского населения, формирования из обособленных хозяйственных субъектов комплексной системы, способной своевременно реагировать на изменения в окружающей среде.

Общая теория экономической самоорганизации сельского населения сегодня является малоизученной и находит свое отражение преимущественно в виде исследований отдельных видов и форм хозяйствования (кооперативов, общественных, благотворительных организаций и т.д.). Теоретические и практические аспекты самоорганизации сельского населения в России нашли отражение в трудах Т.Г. Нефедовой, Л.Я. Полянской.

Говоря об экономической самоорганизации, нужно иметь в виду, что это объединение людей с целью получения экономических выгод. Субъектами такой самоорганизации являются сельские жители. Именно их демографические, культурно-исторические, этнические

особенности делают процесс самоорганизации в сельской местности уникальным. Экономической самоорганизацией сельского населения является механизм, обеспечивающий защиту его интересов в процессе модернизации аграрного сектора экономики.

Ряд причин, препятствующих экономической самоорганизации сельского населения:

1. Низкий уровень самостоятельного потенциала сельского населения;

2. Неосведомленность большинства сельских граждан обусловлена информационной изоляцией сельского населения;

3. Неспособность органов местного самоуправления и профильных подразделений райгосадминистраций обеспечить информационно-разъяснительную и учебно-консультативную работу с сельским населением по вопросам сельскохозяйственной кооперации;

4. Доминирование перекупщиков, крупных перерабатывающих предприятий:

5. Монополия цен на аграрном рынке;

6. Недооценка на определенном этапе значения кооперативов государственными органами в процессе аграрных преобразований и развития сельских общин;

7. Отсутствие действенных программ государственной поддержки создания и развития кооперативов;

8. Нехватка лидеров – сторонников кооперативной идеи.

Действуя в совокупности, эти факторы существенно затрудняют движение сельчан в сторону самостоятельных, самоорганизованных экономических единиц.

Одним из форм самоорганизации является формирование коллективных предприятий. Коллективные формы хозяйствования хранят в себе огромный экономический и социальный потенциал. Они объединяют в статусе работника, как трудящегося, так и собственника, используют в управлении предприятиями принципы прямой демократии, избегают эксплуатацию со стороны посреднического капитала. Примером может служить опыт развития колхозов, товариществ по обработке земли, артелей в советский период.

Наиболее ярким представителем коллективной формы хозяйствования является кооперативное движение. Оно объединяет в себе качества, унаследованные как от традиционного общества (нравственно-этические нормы, коллективизм, прямая демократия, солидарность и взаимопомощь), так и современные черты кооперации (реализация современных интересов, коммерческих характер деятельности) Объединение товаропроизводителей на условиях кооперации становится весьма актуальным в современной действительности.

О преимуществах кооперативной формы организации деятельности говорили такие русские ученые как Н.Г. Чернышевский, М.И. Туган-Барановский, А.И. Герцен, Н.И. Зибер, А.В. Яковлев, А. Михайлов. Все они выделяли кооперацию, как важный элемент АПК России, обладающим огромным потенциалом способным вывести аграрный сектор на качественно новый уровень развития.

Кооператив является самоорганизующейся системой. Одной из основных особенностей такой системы является способность противостоять энтропийным тенденциям, способность адаптироваться к изменяющимся условиям, преобразуя при необходимости свою структуру. Вопрос кооперативной самоорганизации можно отнести к классу проблем самоорганизации социума. Эволюция общественных элементов предполагает следующее:

1. Наличие установленной заранее цели, к которой стремится система, самоорганизуясь для ее достижения;

2. Структуры управления характеризуются гибкостью, изменчивостью и адаптацией. Социально-психологические методы вытесняют административные;

3. Децентрализация, диверсификация, повышение производительности отдельного участника, сопричастность каждого к принятию решений по управлению, а также трудовая мотивация;

4. Широкое использование передачи информации, производственных мощностей, знаний и т.д.;

5. Организация создает определенные условия для самоконтроля, самовоспитания, самообразования;

6. Саморазвитие, способствующее переходу организации на качественно новый уровень.

Кооперация как продукт эволюции общества проходит через все перечисленные выше этапы. Характерной особенностью является то, что она имеет внушительную идеологическую базу в виде кооперативных принципов.

Исторический опыт доказывает, что развитие кооперативного движения дает возможность решить целый ряд социально-экономических проблем села:

1. Создание условий для самозанятости сельского населения, создание новых рабочих мест, что значительно уменьшает отток населения в города и обеспечивает достойный уровень жизни в сельской местности;

2. Повышение экономического благополучия каждого члена кооператива и сельской общины в целом;

3. Повышение уровня самоорганизации сельских жителей, возможность совместно реализовать проекты местного развития (экология, здоровье, быт);

4. Повышение качества продукции;

5. Улучшение экологической ситуации.

Сегодня в нашей стране существует множество типов и форм кооперативов. Наиболее развиты потребительские кооперативы, оказывающие услуги по переработке, сбыту, снабжению, закупке готовой продукции, производственные кооперативы, занимающиеся производством и поставкой готовой сельскохозяйственной продукции и кредитные кооперативы, предоставляющие кредиты и займы сельскому населению. Ориентированы данные виды кооперации на личные подсобные хозяйства (ЛПХ) и крестьянско-фермерские хозяйства.

К сожалению, уровень развития кооперативных структур в нашей стране значительно отстает от Европейский и Американских аналогов. Обусловлено это множеством причин. Насущными сегодня являются проблемы в области кооперативного законодательства. Желание государства контролировать кооперативные структуры, привело к созданию законодательных норм, которые в значительной степени затрудняют естественный процесс самоорганизации. Примером может служить возмож-

ность юридических лиц быть членами кооператива.

Не менее абсурдной можно считать попытки государства с помощью инвестиций и субсидий в сельское хозяйство искусственно создать самоорганизующиеся системы (кооперативы). Многовековой опыт развития кооперации свидетельствует, что главной особенностью таких предприятий является как раз автономность и независимость существования. Не понимая сущности субъекта кооперирования, государство пытается сделать кооператорами личные хозяйства населения, которые по сути своей нетоварны и не нацелены на крупное производство.

Эти и другие проблемы существенно затрудняют нормальное развитие кооперативного движения в нашей стране. Безусловно, нельзя считать кооперацию панацеей от всех бед села. Но она точно может дать существенный толчок развитию аграрного сектора России.

Самоорганизация сельского населения сегодня это неизбежный процесс. Именно она способна спасти сельские территории от вымирания и защитить живущих там жителей. Так или иначе, трудности есть в любых отраслях хозяйствования. Сегодня необходимо трезво взглянуть на существующие проблемы самоорганизующихся структур в сельской местности и постараться решить их, учитывая особенности функционирования таких систем и способствуя их полному раскрытию.

Список литературы

1. Администрация Липецкой области постановление от 30 октября 2013 года № 490 об утверждении государственной программы Липецкой области «Развитие кооперации и коллективных форм собственности в Липецкой области»;

2. *В.Г. Егоров*. Кооперация в современной России. М., 2013 г.

3. *Т.Г. Нефедова*. Социально-экономическая и пространственная самоорганизация в сельской местности / Мир России. № 3, 2003 г.

А.С. БАЛАБОЛКИН,

кандидат философских наук, доцент,
Нижегородский государственный архитектурно-строительный
университет, член Союза дизайнеров России,
г. Нижний Новгород

Хохломская роспись как интегратор социума, традиции и современность

Ключевые слова: хохлома, традиция, интеграция, народная культура

Многовековое наследие народной культуры воспринимается как живое явление, в котором остро нуждаются наши современники. Отрицать всеислие моды в наше время трудно, ее могущество очевидно, коснулось и оно изделий художественных промыслов. Вопрос сводится к тому, является ли эта мода проявлением более глубоких общественных потребностей или, как это нередко бывает, служит удовлетворению очередного «каприза» цивилизации.

Сегодня мы наблюдаем в интересе к народному искусству так называемую «усталость», интерес к промыслам стал спадать, «матрешками» забит весь промысловый рынок, «китч» гуляет по стране и вывозится за рубеж, спад оказался настолько стремительным, что наносит несомненный ущерб культуре и ставит народное искусство в критическую ситуацию. Чем более фундаментальным будет представление наших современников о традиционном народном искусстве, тем меньше деятельность настоящих художников промыслов будет зависеть от моды. Путь к сохранению стойких традиций современного народного искусства в быту и культуре лежит в воспитании грамот-

ного, способного оценить его по достоинству молодого поколения.

Говоря о содержании и функциях предмета народного искусства, необходимо упомянуть о таком определяющем факторе как потребитель изделий художественных промыслов. В историческом аспекте существования промыслов такая классификация не вызвала бы у исследователя никаких затруднений, так как легко можно было проследить взаимосвязь стоимости материала и уровень благосостояния потребителя изделий, а также с утилитарным назначением изделия. Чем дороже материал, чем сложнее способы его обработки, тем выше по социальной лестнице располагался потребитель.

В настоящее же время достаточно сложно говорить об этой взаимосвязи, так как можно легко выявить противоречие между уровнем благосостояния отдельных социальных слоев общества и уровнем культуры, что неизбежно влечет за собой отсутствие потребности в приобретении изделий народных художественных промыслов и полное пренебрежение к сохранению художественного производства как элемента системы культурно-исторического наследия.

В последние годы внимание к традиции неуклонно возрастает, что обусловлено повышенным интересом к проблемам «коллективной памяти», культурной коммуникации и преемственности в современном обществе. Привычно связанная с достаточно ограниченной сферой культуры и быта, с историей, традиция, претендует на обретение статуса всеобщности и по частоте употребления начинает конкурировать с понятием прогресса. Кроме того, в связи с поставленной нами темой возникает и такая важная проблема, как функционирование культурной традиции в народном искусстве.

Можно также отметить, что проблемы промыслов далеко выходят за рамки искусствознания и истории искусства. Они смыкаются с экономикой, что естественно для статуса промыслов как предприятий, а также с социологией и психологией.

Возросшая роль декоративного искусства в современной жизни вызывает необходимость всесторонне и глубоко

ко изучать декоративное народное искусство, и, в частности, современные художественные промыслы.

Понятие «интеграция», как и сам процесс интеграции, появилось в научном словаре сравнительно недавно, в 20-х гг. прошлого столетия, и означало «учение об интеграции». Его родоначальниками были немецкие ученые Р. Шмед, Х. Кельзен и Д. Шиндлер. Термин «интеграция» (integrare – лат.) означает некую целостность, структуру, совершенствование. В этом смысле он применялся в естественных науках.

Вопрос об интеграции – один из ключевых вопросов о том, какие перемены происходят в современном мире, какие тенденции открываются в экономической социально-политической и других сферах человеческого бытия.

Различные типы интеграционных процессов проанализированы на примере самого детально изученного народного художественного промысла Нижегородской области – хохломской росписи. В данном конкретном случае уместно будет провести микроанализ на основе двух типов интеграционных процессов – экономически-производственном и социокультурным.

К 80-м годам XIX века, когда Хохлома превратилась в крупное торговое село, крестьянам стало выгоднее заниматься скупкой и продажей посуды, чем ее крашением. Семеновский уезд был в это время главным центром, где производственная интеграция ремесла происходила наиболее интенсивно. В 1797 году семеновский городничий Блюммер, отвечая на вопрос правительственного Сената, писал, что в городе Семенове жители «земледелием не занимаются. В течении года они выделывают разной деревянной, крашеной и лаковой посуды и белой, скупаемой ими от посторонних, привозимой сюда на торга».

В середине XIX столетия в одном только Семеновском уезде насчитывается 536 токарен. «Деятельность в хохломской области необыкновенная, – пишут «Нижегородские губернские ведомости» в 1855 году, – в одних деревнях приготавливают баклуши, в других из баклуш точат чашки, в третьих их красят льняным вареным маслом»⁸¹. Цитата прекрасно характеризует производс-

твенную интеграцию ремесла, уже четко определившуюся в промысле: в тех деревнях, где точили, крашением не занимались.

Красильня зажиточного хозяина 70-х годов XIX века была в большой срубленной избе с просторными сенями для склада товаров и разных принадлежностей. В избе в углу стояли одна или две огромные печи, под потолком устраивались полки для сушки посуды.

Росписью занимались только мужчины, женщины и дети выполняли подсобные операции- грунтовку, олифление. Мальчики старше 10 лет учились красильному делу в своей семье и в 14–15 лет становились вполне самостоятельными.

Из Городца, Нижнего Новгорода, Макарьева на торговых судах искусно выточенные и расписанные блюда и чашки доставлялись в низовые безлесные губернии – Саратовскую, Астраханскую, вывозились в киргизские степи, Персию, Индию. Путешественники видели их в Хиве, Самарканде, Бухаре, Кашгаре.

Из Нижнего Новгорода, куда в 1817 году была переведена Макарьевская ярмарка, хохломская посуда отправлялась также в Сибирь, к Балтийскому и Белому морям. Англичане, немцы и французы покупали ее в Архангельске.

Но к концу XIX в., несмотря на большой спрос на посуду в России и продажу в страны Востока и Средней Азии, хохломской промысел начал чахнуть, вытесняемый фаянсовой посудой, сохраняется лишь ложкарное производство. Обратите внимание – промысел, развивавшийся сотни лет по своим законам, впитавший в себя все лучшее из художественной культуры Древней Руси-от иконописи и древних рукописей до русского барокко XVII века, выработавший свою уникальную технологию обработки дерева и свой неповторимый художественный стиль, стиль кистевой «травной» росписи, стал чахнуть от изменения бытовых условий, изменения социального уклада общества. От больших коллективных чаш люди перешли к небольшим индивидуальным фаянсовым тарелкам, что и проще и гигиеничнее.

На угасающий промысел обратило внимание земство на волне интереса к русским ремесла и промыслам и начавшегося собирания фольклора. Но благие намерения не всегда дают положительный результат. Показалось, что простая и лаконичная роспись, подчеркивающая формы деревянной, в основном токарной посуды, уж слишком простая и ее решено было обогатить.

Наступившая эпоха модерна способствовала этому «обогащению» - уходу в вычурный, переобогащенный, «псевдорусский» стиль. Этому способствовало приглашение художника А.Н. Дурново, который разрабатывал образцы для исполнения художниками-кустарями.

Роспись перестала быть свободно-кистевой, в ней появились элементы и из кельтских «звериных» орнаментов и из металлической филиграни. Ее приходилось вычеркивать, в отдельных случаях применяя трафареты. Формы изделий также утяжелялись и усложнялись. Появились сложные резные и столярные изделия, чего раньше в хохломе не было. Самодостаточная в своей сложности вещь не нуждалась в росписи, приобретая свои вычурные формы из других источников, и, самое главное, не выражая материала, из которого она сделана. Соответственно, пышная переусложненная роспись стала безразлична к украшаемой ею вещи, трафаретно и безлико переходя с одного изделия на другое. Так, истинно русский стиль стал «псевдорусским». Попытка поднять спрос закончилась обезличиванием. «Потеря лица» губительна как для отдельного мастера, так и для промысла в целом. После революции промыслы стали развиваться, получая государственную поддержку.

Уже в 1919 году в Семенове возникли первые объединения, и среди них – «Работник», в 1924 году – «Кустарь-художник», к 1926–1927 годам оформились артели в деревнях Шабоши, Воротенево, в селах Хрящи, Семино, Кулигино, Новопокровское (бывшие Бездели), которые по новому территориальному делению, установленному после революции, оказались в составе Нижегородской губернии.

В 1931 году возник художественно-промышленный комбинат «Экспорт», объединивший существовавшие ранее в Семенове мелкие артели.

Название «Экспорт» свидетельствовало о популярности русской хохломы за рубежом. Действительно, большая часть продукции отправлялась в 30-е годы за границу. Позднее фабрика была переименована в «Хохломскую роспись».

Впоследствии, в 1960 году, на базе разбросанных по ковернинским деревням артелей возникла еще одна фабрика – «Хохломской художник».

Социокультурная интеграция ремесленного производства имеет давнюю историю проникновения во все сферы жизни человека и слияние с его жизненно важными институтами. В частности, все народное творчество- предания, песни, сказки, эпос, наигрыши, драма, декоративно-прикладное искусство- широко используют символы как одни из основных и действительно выразительных средств.

Не случайно образная структура хохломской росписи насквозь пронизана фольклорным символизмом, что, несомненно, свидетельствует о ее социокультурной интеграции. Наряду с травными и цветочными символами в росписи используются образы птиц, как реальных, так и мифических.

Научно-технические достижения XX века породили унификацию во всех сферах, в том числе и в сфере искусства.

Русский авангард, так поражавший всех в 20-е годы XX века своей содержательностью и необычностью, вошедший в сокровищницу мирового искусства, в конце XX века стал безликим и неотличимым от американского и европейского. Процветает стилизаторство и «китч», эклектика, бывшая бранным словом – стала стилем. В большинстве случаев эклектика возникает из художественного невежества, как людей, связанных с искусством, так и «потребителей» искусства.

И в этом можно выявить как положительные, так и отрицательные стороны интегративного потенциала художественных промыслов, в частности, рассмотренного нами народного художественного промысла- хохломской росписи.

Перестройка и приватизация конца XX века больно ударила по всей системе художественных промыслов и ремесел.

На пути к свободному рынку товаров и услуг, к «самокупаемости» искусства мы вместе с грязной водой выплеснули из купели и младенца. Цеха стали закрываться, оборудование – разворовываться. На смену уходящим мастерам, знавшим традиции промысла, поддерживаемые ведущими искусствоведами «НИИХП», пришли молодые, начинающие художники, столкнувшиеся с финансовыми проблемами, заслонившими проблемы собственно творческие. Оставшись без искусствоведов, без семинаров, и почти без выставок, промысел был вынужден искать свои пути выживания, что негативно сказалось на его художественной стороне.

Падает композиционный и орнаментальный уровень росписи, роспись не соответствует форме, забывает ее, не оставляя свободных мест, форма «не дышит». Некоторые формы вообще чужды хохломе, переусложнены и не нуждаются в росписи.

Там же, где в результате грабительской приватизации и обманов с ваучерами при попустительстве местных чиновников, к власти пришли люди, далекие от национальной культуры вообще и от нужд промысла в частности, знающие, как отнять и разделить, но не умеющие сложить и умножить, промысел, некогда бывший красой и гордостью России, воспитавший народных и заслуженных художников, лауреатов государственных премий, находится в жалком состоянии.

Яркий пример – некогда знаменитая фабрика «Хохломской художник». Как могло случиться, что предприятие, создававшееся много лет на государственные деньги, воплотившее в себе творческий труд многих талантливых людей, обеспечивающее занятость населения и приносившее доход, являющееся по сути, объектом национальной культуры, полностью вышло из-под контроля государства, не имеет ни одного процента государственной собственности в уставном капитале и развалилось у всех на глазах?

Это и есть тот случай, когда можно и нужно говорить если не о реприватизации, то о внешнем кризисном управлении государства. Выход - в государственной поддержке художественных промыслов. Помощь государства должна быть адресная и целенаправленная. Для чего это нужно? Для сохранения национального своеобразия, которым гордится даже такая индустриально развитая страна, как Япония.

Промысел можно и нужно возродить, для этого нужно лишь желание и твердая воля государства. Поскольку речь идет не просто о предприятии в условиях рынка, а об объекте национальной культуры, то в команде, возрождающей промысел, должны быть не только талантливые экономисты-менеджеры, но и искусствоведы, и ведущие художники, потому, что выражение «кто платит деньги- тот и заказывает музыку» может превратить художника в официанта, работающего по принципу: «Чего изволи- те?».

Потеря национальной культуры грозит потерей самосознания, что превращает народ в население и может обернуться потерей государственности.

Список литературы

1. *Т.А. Агафонова. Хохлома / Агафонова Т.А. / Добрых рук мастерство/ Произведения народного искусства в собрании Государственного Русского Музея. – Л.: «Искусство», 1981.*

2. *В.М. Василенко. О развитии народного искусства, «Художник РСФСР», 1981.*

3. *В.М. Василенко. Творческие проблемы современных народных художественных промыслов. – «Художник РСФСР», 1981.*

4. *В.М. Вишневская. Хохлома, 1969.*

5. *В.М. Вишневская. Русская народная резьба и роспись по дереву, 1956.*

В.Н. БЕЛЯЕВА,

кандидат исторических наук,
Институт международных отношений и мировой истории,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород

Организация металлообработки в селе Лысково в XVII веке

Ключевые слова: промыслы, металлообработка, с. Лысково

Задача данного исследования – рассмотреть систему организации металлообработки на территории села Лысково в XVII веке. В работах Забелина И.Е.⁸², Геймана В.⁸³, Петрикеева Д.И.⁸⁴ рассмотрение эволюции металлообработки носит прикладной характер, они ограничивались констатацией высокого уровня развития ремесла в селе в целом; Сербиной К.Н.⁸⁵ и Филатова Н.Ф.⁸⁶ большее внимание уделялось рассмотрению технологических особенностей металлообработки. В целом, данными исследователями была проделана большая работа по сбору и систематизации разнопланового материала, однако не был поставлен вопрос об системе организации ремесла.

В основе исследования данные, полученные из сотной грамоты 1632 года по писцовым книгам Лысковской волости 1624–1626 гг.⁸⁷, переписных книг 1646 г.⁸⁸, 1672 г.⁸⁹, 1678 г.⁹⁰, описной книги 1664 г.⁹¹, писцовой книги 1681 г.⁹², отказной книги 1700 г.⁹³

Благодаря наличию богатого источникового материала существует возможность проследить развитие ремесла в Лыскове, в частности металлообработки за период с 1624 по 1700 гг. Данные о развитии металлообработки представлены в таблице 1.

Таблица 1

Развитие металлообработки в селе Лысково в XVII веке

	1626 год	1646 год	1664 год	1672 год	1678 год	1681 год	1700 год
Ремесленники (всего в селе)	99	272	246	217	237	218	12
Ремесленники, чья деятель- ность связа- на с металло- обработкой	21	28	34	29	27	30	3
% от общей численности ремесленников	21%	10%	14%	13%	11%	14%	25%
Число спе- циальностей в сфере металло- обработки	4	5	7	8	7	8	3

На примере Лысково, можно отчетливо видеть, что развитие металлообработки шло по линии специализации – сужения круга операций, выполняемых в одной мастерской, что, в свою очередь, позволяло повысить производительность труда, и было особенно важно при переходе от работы на заказ к работе на рынок⁹⁴. Происходило постепенное увеличение специальностей в Лысково: от 4 (кузнец, дробинник, серебряник, черник) в 1620-е, до 8-ми (кузнец, бронник, серебряник, замочник, ножовщик, медник, котельник, оловящик) в 1680-е годы. Необходимо отметить, что среди перечня специальностей, постоянно упоминаемыми являются две: кузнец и серебряник, для всех же остальных характерно появление и исчезновение с течением времени.

Отсутствие упоминания о какой-либо сфере металлообработки, не говорит об отказе мастера от занятия ремеслом. Например, лысковчанин Ивашка Лаврентьев,

в 1646 и 1664 гг., записанный как котельник, в 1672 г. становится медником⁹⁵.

Заметное развитие металлообработка получила в период владения селом Лысково боярином Борисом Ивановичем Морозовым (1645–1661 гг.). Это напрямую связано с общей политикой владельца по отношению к вотчине. Морозов характеризуется как вотчинник нового типа, ориентированный на получения максимальной прибыли, путем развития ремесленно-торговых операций своих крепостных⁹⁶. Так по описи 1664 года число ремесленников, занятых в металлообработке выросло с 28 до 34 (с 10% до 14% от общего числа ремесленников), количество специальностей с 5 до 7.

Развитие металлообработки связано с именем бобыля села Лысково Федора Иванова по прозвищу Бобер. Династия Бобровых занималась кузнечным промыслом на протяжении всего изучаемого периода.

В 1651 году Федор Иванов вместе с зятем Степаном работал «наймуясь» у крестьян Макарьевского монастыря на реке Мазе «у доменного промысла»⁹⁷, но и они работали не в своем селе, а за Волгой у рудного месторождения⁹⁸.

Лысковский приказчик Поздей Внуков сообщал Б.И. Морозову, что «выходит де у них из горна на сутки по 7-ми криц и по 8-ми, а крица де у них ставица по 4 д., а ис криц де выходит по 4 прута железа, а прут де такой купить по торговому по 8-ми денег». То есть себестоимость крицы равнялась 4 денег, а полученное из нее железо по 32 деньги. Расход и доход от железодельного промысла относились как 1:8, «чистая де прибыль от одной домницы за день работы получалась от рубля и выше»⁹⁹.

Кафенгауз Б.Б. пишет, что в Нижегородском уезде разрабатывались железодельные руды в селе Лысково¹⁰⁰. Данное утверждение было опровергнуто Д.И. Петрикеевым¹⁰¹ и К.Н. Сербиной¹⁰²: оно связано с попытками Б.И. Морозова завести рудню в Лысково, но эта рудня должна была работать не на местной руде, а на привозимой с земель Макарьевского и Благовещенского монастырей. Именно для этого боярин Морозов взял земли в районе Разнежья на оброк на 10 лет, так как руда, добываемая

здесь, была, по словам Федора Бобра лучше, чем добываемая на землях Макарьевского монастыря. Земли были отданы, так как у Благовещенского монастыря «делать железо у них некому»¹⁰³. И действительно, здесь были богатые залежи железных руд, которые по описанию современников были в рост «стоячего человека»¹⁰⁴, что достаточно для налаживания «промышленной» добычи.

Железодобывательный промысел в Лысково предполагал значительные выгоды и Б.И. Морозов направил в Нижегородский край для добычи и переработки руды более опытных на его взгляд польских рудников: Остафия Сушевского, Мартына Башинского и Якова Сопотцкого, к которым было приказано приставить русских учеников. Кузнецы-лысковчане посылались на работы к рудне «в рядовую»¹⁰⁵.

Железо, получаемое здесь, оказалось достаточно добротным и быстро раскупалось на Макарьевской ярмарке и в большом количестве использовалось в вотчинном хозяйстве. Так, в 1659 году лысковчанам было приказано «выковать 100 удил к уздам да 100 седельных снастей»¹⁰⁶.

Наработанного железа было в нижегородском хозяйстве Б. И. Морозова было столь много, что он мог вкладывать его крупными партиями в Макарьев-Желтоводский монастырь «на помин души». В 1660 г. Морозов передал монастырю на «церковное строение» 729 пудов железа¹⁰⁷.

Но развитию добычи и выплавке собственного железа мешало соседство с ярмаркой (которое первоначально способствовало развитию ремесла), так как сохранялась возможность использования привозного железа¹⁰⁸.

Подтверждением этого служит и тот факт, что в переписании ремесленников села не встречаются домники, следовательно, производство и обработка металла разделились на раннем этапе формирования и местные мастера работали на покупном сырье¹⁰⁹. Спрос на черный металл удовлетворялся закупками на Макарьевской ярмарке, высокосортная же сталь закупалась с тульско-каширских заводов К. Марселеса¹¹⁰. Но «дельное» железо добывалось

самими местными кузнецами в Заволжье на базе богатых залежей там болотных руд¹¹¹.

При Б.И. Морозове была возобновлена крепость на Олениной горе. Крепость была основана в середине XIV века¹¹². Первоначально это был один из опорных пунктов защиты Нижегородского Поволжья от Дикого поля и ханств Понизовья. Но после присоединения Казанского и Астраханского ханств к России крепость оказалась в глубоких тыловых районах страны и потеряла свое оборонное значение. В 1651 году по указу боярина Морозова для подавления возмущений на месте в Лысково был учрежден гарнизон из 10 стрельцов¹¹³. Именно с этим связано появление в Лысково к 1646 году дробинника¹¹⁴ – человек производящий дробь.

После передачи Лысково в ведение государства, данные о существовании местной добычи железа не встречаются.

Во второй половине XVII века число ремесленных специальностей в селе Лысково, связанных с обработкой металла оставалось практически неизменным: 7–8, но число занятых в этой отрасли сокращалось: 1672 г. – 29, 1678 г. – 26 человек. Этому же способствовали волнения 1670-х гг., когда Лысково оказалось в центре выступлений отрядов С. Разина в Нижегородском крае. После подавления восстания 3 мастера, чья деятельность была связана с металлообработкой, были взяты в солдаты, 2 погибли, 2 бежали еще во время волнений. В итоге перестали существовать 12 ремесленных семейств, занимавшихся металлообработкой.

К 1680-м годам ситуация нормализовалась, продолжалась активная торговля у стен Макарьевского монастыря, это послужило стимулом восстановления численности металлообработчиков (несмотря на общую тенденцию снижения числа ремесленников в селе): с 27 в 1678 году возросло до 30 к 1681 году, в итоге металлообработчики составили 14% всех ремесленников.

В 1700 году картина изменилась кардинальным образом, в Лысково оставалось лишь 3 ремесленника – металлообработчика.

Одним из самых важных вопросов при анализе развития металлообрабатывающей отрасли производства является вопрос обеспеченности ремесленников кузницами. Можно констатировать, что их число изменялось пропорционально изменению общего числа мастеров. При этом в среднем 65–70% мастеров имели собственные кузницы, а оставшиеся 30%, по предположению К.Н. Сербиной использовались в качестве наемных рабочих¹¹⁵. Об этом же свидетельствует тот факт отсутствия у многих мастеров взрослых детей, братьев и других родственников. Некоторые лысковские кузнецы имели в своих дворах захребетников и подсоседников: 1646 – 15, 1664 – 7, 1678 – 11, 1681 – 1.

Число кузниц в Лысково в XVII веке постепенно увеличивалось. Лишь во времена крестьянской войны под предводительством С. Разина в селе запустело сразу 8 мастерских, но далее количество кузниц здесь достигло к 1700 году 39-ти. Отметим, что число кузниц в Лысково во второй половине XVII века было лишь в 3 раза менее, чем в Великом Устюге (в 1677–1678 гг. – 68 кузниц на 1039 дворов посадского населения) – ведущем центре металлообработки России¹¹⁶, превышало число производственных мастерских другого известного центра металлообработки – Павлово-на-Оке (в 1621 г. – 11¹¹⁷, в 1642 г. – 21¹¹⁸, в 1692 г. – 23¹¹⁹ кузницы).

При изучении источников, замечено, что перечисление ремесленников, связанных с металлообработкой выделяется из общего ряда, они сгруппированы в тексте¹²⁰, следовательно, жили они приблизительно в одном месте, поэтому можно говорить о формировании кузнечной слободы. Необходимость близости проживания была вызвана особенностью технологического процесса – опасностью возникновения пожара.

Наличие территориального объединения ставит вопрос об организации ремесленников. Именно на примере мастеров, связанных с обработкой металла, возможно рассмотреть этот вопрос относительно села Лысково. В научной литературе нет единого мнения по вопросу о ремесленных объединениях XVII века.

О цеховой структуре можно говорить только тогда, когда прослеживается строгая замкнутость ремесла и передача его внутри объединения. На примере села Лысково подобных выводов сделать нельзя, так как прослеживается постоянная смена лиц и семейств, занимающихся металлообработкой. За период 1624–1681 гг. можно проследить только 4 династии из возможных: 84¹²¹ (т.е. 5%), причем при каждой очередной переписи, обновлялось от 13% до 67% мастеров (в среднем 42%), к тому же 40 мастеров были упомянуты только по одному разу, что составляло от 13% до 43% от числа ремесленников – металлообработчиков в описи.

Одним из признаков существования цеховой организации ремесла является наличие института ученичества. Применительно к селу Лысково, ситуация осложнена тем, что непосредственно термин «ученик» в металлообработке не встречается.

Уходили лысковчане на обучение и в другие города, прежде всего в Нижний Новгород. Так, Микифорка Петров обучался кузнечному делу у нижегородца Дмитрия Рожка¹²². В Москву же уходили на заработки признанные мастера-серебряники. В столице лысковчане знакомились с достижениями в области техники и технологии обработки самых различных материалов, а также с новыми приемами труда и усовершенствованным инструментарием.

На примере села Лысково, представляется возможным проанализировать, как происходило наследование ремесла. При изучении данного вопроса выявлены случаи, когда, например, сын кузнеца Федки Иванова Якимка¹²³, после смерти отца и наследования двора и кузницы старшим братом Кондрашкой¹²⁴, проживал во дворе мастера кузнеца Савки Микитина, у которого не было собственных детей¹²⁵, и далее по его смерти унаследовал его кузницу¹²⁶, двор остался за вдовой Савки Микитина Анюткой¹²⁷. Так что отрицать наличие института ученичества, как это делает К.Н. Сербина¹²⁸, не представляется возможным. Хотя в исторической литературе укоренено мнение о том, что специальное ремесленное ученичество было редким

явлением даже в начале XVIII в. ¹²⁹ Например, упоминание о наличии учеников у ярославских кузнецов имеются лишь в переписях Ярославля 1710 г. ¹³⁰

Необходимо рассмотреть механизм передачи по наследству ремесленного занятия. Для рассмотрения данного вопроса необходимо проанализировать несколько примеров, которые иллюстрируют различные типы наследования ремесла. Всего нами выделено 3 типа: внутри семьи, слияние семей, ранее зависимым.

Пример передачи ремесла внутри семьи, то есть ближайшим родственникам. В 1624-6 гг. среди прочих кузнецов упомянуто имя бобыля Левки Микитина по прозвищу Богдашка. К этому времени он проживал в собственном дворе, за который платил оброк 10 алтын ¹³¹ (подобный же оброк платили еще 7 из 21 металлообработчика – более 30%). С ним во дворе проживал его сын Федка. Помимо двора, он владел кузницей с оброком в 9 алтын 2 денги ¹³² (более высоким оброком были обложены 5 из 14 кузниц).

При рассмотрении истории этой семьи возникают некоторые трудности, связанные с отсутствием упоминаний о них в источниках за 1646 и 1678 гг. Но данное обстоятельство не препятствует восстановлению преемственности ремесла в семье, а также передачи кузницы следующим поколениям, к тому же за эти годы в источниках нет сведений о количестве, владельцах и суммах оброков за данные строения.

В 1664 году упоминания о Левке Микитине нет, теперь мастером кузнецом назван его сын Федка. Федка проживает во дворе с сыном Дмитрейкой и подсоседником Ивашкой Григорьевым, с тяглом 1,5 денги (соответственно реальная плата – 30 алт.) ¹³³ (аналогичное тягло платили 6 металлообработчиков, более высокое только 1, следовательно, Федка входил в число наиболее состоятельных мастеров). Подобные выводы подтверждаются размером оброка за кузницу, который составлял 9 алтын (также одним из самых высоких) ¹³⁴.

В 1672 году во дворе Федки проживают четыре его сына (подсоседник более не значится, видимо потреб-

ность в помощи постороннего отпала, так как старшему из сыновей к этому времени было более 26 лет). К этому времени тягло за двор выросло до 2 денег (2 рубля 15 алтын 2 денги) (это было максимальный размер тягла металлообработчиков, равную сумму выплачивали еще двое из 29 мастеров села)¹³⁵. Кузница по-прежнему оставалась во владении семьи, за нее ежегодно выплачивалось по 10 алтын (максимальный размер оброка, аналогичный выплачивался еще за 1 кузницу)¹³⁶.

В Переписной книге 1678 г. старший сын Дмитрийка уже не значится, как проживающий во дворе отца, да и сам Федка более не значится мастером – кузнецом, записан как оброчный бобыль, хотя и проживал в «кузнечной слободе». Во дворе его проживали 5 сыновей, среди них 10-летний Оска¹³⁷.

Спустя 3 года, в 1681 г., Оска Федоров записан как владелец собственного бестяглового двора и назван пуговником. Причем в источнике уточнен его возраст – 13 лет, что позволяет с уверенностью говорить о преимущественности. При этом за ним числилась кузница с минимальным оброком в 10 денег¹³⁸.

Следующим примером наследования выступает наследование через слияние семей.

Федка Григорьев прозвище Мурзин записан как кузнец в 1626 году, в это время ему принадлежала кузница¹³⁹, в 1664 году ремесло и кузницу унаследовал его сын Васка¹⁴⁰. К 1681 году Васка Федоров умер, в его дворе осталась вдова Акилинка¹⁴¹. В 1678 году во дворе Васки Федорова появился приемыш Афонка, он оставался во дворе и после смерти владельца, причем в 1681 году указан его возраст – 10 лет¹⁴², следовательно, надежды Васки Мурзина на передачу ремесла если не собственному сыну, то хотя бы приемному были разрушены. После смерти мастера кузница по-прежнему оставалась во владении семьи, но оброк за нее был непосилен для вдовы. В итоге, к 1681 году к ней во двор переселился мастер – кузнец Луконка Данилов (в 1678 году имел собственный двор¹⁴³), он выплачивал тягло за двор вдовы, кузница так же перешла к нему¹⁴⁴.

Известны случаи передачи ремесла ранее зависимым. В 1664 году во дворе кузнеца Лучки Июдина, помимо

малолетнего сына Ивана, проживал подсоседник Савка Микитин¹⁴⁵. К 1672 году, когда сын Иван подрос (и даже женился), Савка Микитин стал самостоятельным мастером с собственной кузницей¹⁴⁶, при этом и сын Лучки Ивашка также продолжал заниматься ремеслом, владея кузницей¹⁴⁷. Следовательно, в данном случае произошла передача ремесла, но не собственности с ним связанной. Данный случай вполне может описывать отношения учителя и ученика, хотя подобная терминология в самом источнике не используется.

Наследование ремесла приводит к повышению степени мастерства ремесленников. Хотя К.Н. Сербина видит в этом процессе и отрицательные моменты, а именно, мельчание промысла¹⁴⁸.

Обложение дворов ремесленников, чья деятельность связана с металлообработкой, было несколько выше обложения среднего бобьельского двора, что свидетельствует о том, что металлообработка давала больший доход, нежели другие ремесла и промыслы.

Необходимо отметить и то, что металлообработчики в редких случаях совмещали производство и реализацию товаров, единственным исключением здесь являются серебряники, на долю которых и приходится основное количество торговых мест, числившихся за металлообработчиками. Например, в 1664 году все торговые места (полки), записаны были за 4 серебряниками: Гришкой Матвеевым, Герасимкой Сергеевым, Стенкой Трофимовым и Софонейкой¹⁴⁹. В дальнейшем монополия в торговле в серебряном ряду сохранялась за семьей Герасимки Сергеева, за ним же числилось более половины торговых мест¹⁵⁰. Но в общей картине торговых операций на лысковском пятницком тогу это не играло существенной роли, составляя не более 2%, от общего числа торговых мест и суммарного оброка.

Ситуация не менялась при передаче Лысково из государственного ведения в личное владение боярина Б.И. Морозова и обратно. Следовательно, большая часть производимого товара передавалась владельцам в качестве натуральной части оброка и реализовывалась на Макарьевской ярмарке¹⁵¹.

Составляющей частью платежей металлообработчиков был оброк за кузницу. При сравнении оброков дворов и кузниц выявить зависимости не удалось. Например, в 1664 г. максимальным тяглом за двор было 2 деньги, такое тягло платил 1 Лучка Юдин из 34, при этом за кузницу он платил 8 алт. 2 ден.¹⁵², что не являлось максимальной суммой – 10 алт. Такой оброк платили владельцы 5 из 23 кузниц: Гришка Микифоров, Васка Федоров, Ивашка Лаврентьев, Агафонка Андреев и Микитка Афонасьев¹⁵³, но за дворы они платили по-разному: от 0,5 ден. до 1,5 ден. Аналогичные тенденции прослеживаются по данным и за другие годы.

Обложение кузниц за 60 лет (1624–1681 гг.) практически не изменялось, оставаясь равной максимально 10 алт., а минимальная плата постоянно снижалась: от 5 алт. 2 ден. в 1626 г., 2 алт. в 1672 г. и до 10 ден. в 1681 г. При этом уменьшалась и общая сумма выплат. Это свидетельствует о постепенном мельчании ремесла.

Думать, что размер оброка с кузницы зависел от числа горнов в ней, вряд ли можно, так как в окладах нельзя проследить такую закономерность: от 1 алт. 4 ден. до 10 алт. 2 ден., в отличие от оброков кузниц в Нижнем Новгороде и Павлово¹⁵⁴.

Опираясь на вышеизложенные факты можно сделать следующие выводы. На протяжении всего XVII века в Лысково происходил процесс специализации внутри металлообработки, особенно этому способствовала политика, проводимая владельцем селения. Именно с периодом владения селом Лысковым Морозовым связано максимальное развитие металлообработки там и по числу ремесленников и по числу специальностей, в этот же период делаются попытки наладить добычу местного железа, но со смертью боярина данное направление более не развивалось. На примере Лысково можно констатировать, что если цеховая организация ремесла и существовала, то она была развита очень слабо.

Металлообработка Лысково занимает особое место в развитии промышленного производства села по той причине, что именно они получили дальнейшее развитие как в XVIII, так и в XIX веках¹⁵⁵.

Список литературы

1. *К.Н. Сербина*. Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI – первой половины XIX в. Л., 1978.

2. Изделия кустарной промышленности Нижегородской губернии / Сост. С.А. Жевайкин. СПб., 1902.

3. *Н.Ф. Филатов*. Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке: История. Архитектура. Горький, 1989.

4. *Е.О. Заозерская*. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII в. // Вопросы истории. 1949. № 6. *Данилова Л.В.* Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII – начале XVIII вв. (по материалам города Ярославля) // История СССР 1957. № 3.

5. *Е.М. Тальман*. Ремесленное ученичество Москвы в XVII веке // Исторические записки. Т. 27. М., 1948.

6. *А.Ц. Мерзон, Ю.А. Тихонов*. Рынок Устюга Великого XVII век. М., 1960. Выпись с отказных книг на село Павлово с деревнями 151-го году // *Ротштейн О.В, Шилова Н.И.* Павлово в XVII веке. М., 1930.

7. *Н.Ф. Филатов*. Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке: История. Архитектура. – Горький, 1989.

О.Ю. БУХАРЕНКОВА,

кандидат исторических наук, доцент,
Государственный гуманитарно-технологический университет,
директор Ресурсного центра педагогического образования
Московской области,
г. Орехово-Зуево

Ремесло как феномен городского быта России второй половины XIX века

Ключевые слова: ремесло, русский быт, мещане, ремесленники, русский город XVIII в., мелкотоварное производство

Отечественное городское ремесленное производство не относится к числу достаточно изученных предметов исторической науки¹⁵⁶. В еще меньшей степени освещена проблема быта и повседневности городских ремесленников вообще и периода бурных социально-экономических перемен второй половины XIX века, в частности. Некоторые зарисовки, относящиеся к этому сюжету, содержат работы историков, посвященные российским городам¹⁵⁷ в целом промышленности¹⁵⁸, городскому промышленному производству¹⁵⁹ и отдельным отраслям ремесленной промышленности¹⁶⁰.

Отсутствие специального исследования как феномена городской повседневности России второй половины XIX века определяет актуальность предполагаемой статьи, выполненной с привлечением архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот.

Городское ремесло, вопреки мнению отечественной марксистской историографии, отождествлявшему его с кустарной сельской промышленностью¹⁶¹, составляло самостоятельную социально-экономическую и культур-

ную реалию, обладавшую собственными характерным обликом и направлениями исторического развития.

Даже крестьянин отходник, укоренившийся в городском мастеровом сообществе, впитывал черты и привычки, отличные от тех, что внушали ему жизнь и быт аграрной общины. В одних случаях это шло на пользу бывшим землепашцам. Так удельный вес грамотных среди тех крестьян, которые в отходе осваивали навыки городского рукоделия, был в среднем в два раза выше, чем у «оседлых» односельчан¹⁶². Выучившись грамоте, «новоиспеченные» городские мастера из крестьян старались дать образование своим детям.

В других случаях, отрыв от привычных устоев жизни вел рекрутированного из сельской местности промышленника по ранее неведомой дороге, «полной соблазнов и порока». Выражаясь словами «питерщика» из одноименной повести А.Ф. Писемского «все зависит от самого человека... если насчет работников взять, так все единственное зависит от того, кто как ремесло в толк взял, а другая главная пружина состоит и в том: каков ты и в поведении, особенно нонече, потому что народ год от года стал баловатее: иной парень бывает по мастерству и не так расторопен, да поведения смиренного, так он для хозяина нужней первейшего работника»¹⁶³.

Неоднородный социальный состав отечественного ремесла во второй половине XIX века отражал нетривиальный и совсем непохожий на «западный» путь его генезиса и развития.

Централизация государственной власти, доходившая до деспотизма, подчинявшая собственным интересам весь социальный организм, являлась непреодолимой антиномией личной инициативе, определившей социальные основания западной цивилизации. Признаки сколько-нибудь зрелого национального рынка стали проявляться в России лишь к концу XIX столетия¹⁶⁴. В отсутствии развитого товарно-денежного обмена подавляющая часть российских городов не была средоточием экономической деятельности, а составляла «становой хребет» административного надзора за территориями и «управления обширными странами».

Природу российского градообразовательного процесса хорошо иллюстрирует анализ Министерства внутренних дел «Изменения в составе и числе городов, происшедшие в составе и числе городов в царствование Екатерины II», опубликованный в 1834 году¹⁶⁵.

Только 32,6% учрежденных во второй половине XVIII века городов создавались с учетом их торгово-промышленного значения. Другая, подавляющая их часть имела исключительно административный статус. Многие из учрежденных Екатериной II городов не только не обрели облик экономических центров, но даже уменьшились по числу жителей. Так г. Подольск имел по четвертой ревизии (1782 г.) 856 жителей, а по пятой (1796 г.) – 581; г. Бронница, соответственно, 1542 чел. и 767 чел.; г. Богородск 561 чел. и 271 чел., г. Покров 450 чел. и 398 чел. и т.д. Население многих городов за четырнадцать лет выросло незначительно, что свидетельствует о том, что учрежденные города не генерировали другого, кроме административного, основания своего функционирования. Так количество горожан в Белеве увеличилось с 4844 до 5554 чел., в Тамбове с 10686 до 10794 чел., в Суздале с 2200 до 2407 чел., Мценске с 2000 до 3640 чел. и т.д.¹⁶⁶

«Укоренение» ремесла в городских административных центрах значительно отставало от роста их народонаселения. В отдельных городах ремесленное производство не удовлетворяло элементарным потребностям жителей. Слаборазвитая мелкая городская промышленность, в большинстве своем, замыкалась в узких пределах местного рынка, и, как правило, ориентировалась на заказ конкретного потребителя.

Набор ремесленных профессий и количество мастеровых даже губернских центров были таковыми, что показывали направленность деятельности мелких промышленников исключительно на удовлетворение потребностей горожан. Очевидность этого положения иллюстрируют данные середины XIX века, например, по г. Воронежу (являющиеся типичными в характеристике городского ремесла).

Таблица 1

Города, созданные в период царствования Екатерины Великой по основаниям их учреждений «или по видам управления или для спешествованию успехам народной промышленности»

Основания учреждения	Административные	Экономическое развитие торговли и промышленности	Всего учреждено
1 «Гидрографический округ»	2	3	4
Северный	6 «большая часть была административными станциями, без промышленности и торговли» (с. 4)	2	8
Озерный	24 «более для удобства в полицейском и судном управлении сего края, нежели вследствие естественного преуспеяния в промышленности народной» (с. 9)	9	33

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
Балтийский	19 «названные городами по надобностям управления» (с. 15) «административный пост, в отношении промышленности мало примечательный»	11	30
Днепровский	70 «Российским правительством учреждены городами по видам управления» (с. 58)	20	90
Неманский	7	1	8
Бугский («На Западном Буге и Мухавце»)	2	3	5
Днестровский	4	4	8
Южный (Черноморский)	15	5	20
Крымский	23	–	23

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
«Донской системы»	<p>25</p> <p>«учреждены для отправления суда и расправы в таких странах, которые в предшествовавшие периоды служили местами кочевьев» (с. 148)</p> <p>«Украинская линия была необходима по причинам расширения пределов» (с. 149)</p>	3	28
Окский	21	4	25
Волжский	<p>27</p> <p>«ничего городского не имели, кроме присутственных мест, там учрежденных» с. 164</p> <p>«учреждены для надобностей управления и действительно, необходимо нужны были административные станы» (с. 165)</p>	<p>10</p> <p>«многие села готовы были стать на чреуд городов собственной силой, без особой заботливости правительства» с. 160</p>	37

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
Камский	9 «поставлены по надобности управления» (с. 174)	-	9
Башкирский	4	3	7
Сибирский	17	14 «были главными пунктами сосредоточения промышленной и торговой деятельности» (с. 179)	31
Итого	273	89	362

Таблица 2

**Число ремесленников
(коренных, временных и приписных цеховых)¹⁶⁷**

Наименование мастера	Число коренных	Число временных
1	2	3
Золотых и серебряных дел	1	21
Сусального золота и двойнику	1	21
Часовых дел	1	7
Живописцев	3	5
Оловянников	–	1
Красильщиков	1	3
Столяров	9	6
Обойщиков	1	2
Каретников	5	4
Подеревщиков	1	2
Кузнецов	1	3
Кровельщиков	1	3
Слесарей	1	3
Медников	1	3
Токарей	–	2
Мужских портных	15	14
Женских портных	2	12
Модисток	–	6
Шапошников	11	1
Тулупников	1	6
Скорняков	1	1
Сапожников	25	43
Башмачников	10	19
Шорников	3	4
Рукавичников и перчаточников	1	5
Инструментальных мастеров	–	1

1	2	3
Кондитеров	1	3
Хлебников	–	26
Плотников	2	13
Цирюльников	–	8
Итого	98	229

Приведенные данные говорят о специализации ремесла на продукции городского назначения. Это утверждение выглядит бесспорным, учитывая, что на каждого жителя, например, Воронежской губернии приходился 0,001 ремесленник.

За три предреформенные десятилетия количество городских ремесленников в Курской губернии увеличилось незначительно с 5202 чел. до 5696 чел., причем большая их часть приходилась на губернский город¹⁶⁸. «Городские промыслы, – отмечают офицеры Генерального штаба, составители «обозрения Курской губернии», – столь ничтожны во многих уездных городах, что купцы большую часть своих товаров продают не в городах (губернских – авт.), а на соседственных и отдаленных сельских ярмарках»¹⁶⁹.

По словам А.П. Субботина, подробно описавшего городское хозяйство г.Владимира, этот «город не промышленный, хотя составляет центр самой промышленной губернии». С 1857 г. по 1875 год количество мастеров во Владимире практически не изменилось, колеблясь от 290 до 293 человек¹⁷⁰.

В силу слабости и особенностей формирования, городское ремесло России не продуцировало однородного социального сообщества и даже гомогенной сословной страты. Признавая несостоятельность отечественного опыта насаждения ремесленного производства административными мерами (цеховая организация, ремесленное самоуправление и др.), центральная власть была вынуждена упразднить ремесленные управления во многих губернских и уездных городах. В 1901 г. циркуляром

Министерства внутренних дел всем губернаторам предписывалось «собрать сведения о сословном составе ремесленных обществ и в случае обнаружения неправильного существования ремесленного управления сообщить об этом в министерство для последующих распоряжений для его упразднения». После соответствующих докладов с мест органы ремесленного самоуправления были ликвидированы в 1902 году во Владимире¹⁷¹, в Самаре¹⁷², Ставрополе¹⁷³, в Твери¹⁷⁴ и многих других городах.

Самую многочисленную группу мелких городских промышленников составляли крестьяне отходники и сельские мастера, населяющие посады и слободы, прилегающие к городам¹⁷⁵. Согласно данным С.Ф. Руднева, составленным на основе сведений 14 губерний Европейской России к концу 70-х годов 19 века, 41% крестьян-отходников пополняли ряды городских ремесленников¹⁷⁶.

Подавляющая их масса не являлись временно или постоянно приписанными к городским и ремесленным обществам, а работали на основании промыслового патента или по незначительности предприятия без такового. Сельских промышленников привлекал в город более высокий по сравнению с сельским заработок. Например, в Московской губернии годовой доход крестьянина, занятого городским ремеслом, превышал доход отходника чернорабочего на 58%, рабочего фабрики на 8%, приказчика из крестьян на 43%, сельского кустаря на 15%¹⁷⁷. В условиях острой конкуренции (в промышленно-развитых губерниях) и аграрного перенаселения (в земледельческих регионах) это преимущество являлось решающим в выборе жизненной стратегии селян.

Крестьяне отходники, как правило, окончательно не теряли связь с землей. Их пребывание в городе носило эпизодический характер и могло, в зависимости от состояния сельского хозяйства, прерываться на длительный срок. Поэтому ремесленники из крестьян не обременяли себя организацией сколько-нибудь комфортного быта. Обычными местами их обитания были ночлежки, постоялые дворы, чердаки, подвалы доходных домов и, как исключение, комнаты в домах на окраине города¹⁷⁸. Пос-

тоянной мастерской эти ремесленники не имели и обходились местом на рынке или перемещались от заказчика к заказчику по городским дворам.

Было бы неверным представлять, что такой образ жизни разделяли все без исключения крестьяне, зарабатывающие на жизнь городским ремеслом. Существует достаточно свидетельств о том, что наиболее удачливые и мастеровые обретали материальную состоятельность, обзаводились собственным домом и даже лавкой или мастерской¹⁷⁹. Однако, такая жизненная перспектива для крестьянина отходника была скорее исключением, нежели правилом. Крестьянин Черностанской волости, Любимского уезда Ярославской губернии Я. Кривоногов о неопределенности крестьянской перспективы поиска заработка в городе писал: «Отхожепромышленники нашей волости делятся на две категории: одни живут в Петербурге хорошо и присылают домой на родину много; это так называемые «наживщики»; другие же идут в Петербург только потому, что дома совсем нечего делать, нет никаких заработков местных; такие идут в отход «на авось», часто не находят там места и возвращаются домой пешком, а иногда и по этапу. Во всей местности почти нет дома, где бы не было питерщика или раньше жившего, или теперь живущего в Петербурге, а потому влияние города заметно на всем населении»¹⁸⁰.

Типичный пример неудачного поиска селянином городских заработков описал В.А. Гиляровский в рассказе с красноречивым названием: «Одни из многих». Живописуя городские будни «одного из многих» крестьян, прибывшего в Москву с надеждой найти работу, В.А. Гиляровский повествовал:

«Три недели искал он места, но всюду или рекомендации требовали, или места заняты были... Ночевал в грязном, зловонном ночлежном притоне инженера-богача Ромейко, на Хитровке, платя по пятаку за ночь, Кроме черного хлеба, а иногда мятого картофеля-тушенки, он не ел ничего. Чаю и прежде не пивал, водки никогда в рот не брал. По утрам ежедневно выходил с толпой таких же бесприютных на площадь рынка и ждал, пока придут

артельщики нанимать в поденщину. Но и тут за все время только один раз его взяли, во время метели, разгрести снег на рельсах конно-железнодорожной дороги. Полученная полтина была проедена в три дня. Затем опять тот же голод...». И далее знаток «трущоб» показал печальный финал городской жизни «общинника». «Прошло две недели, писал он, – Квартирный хозяин во время сна отобрал у мужика сапоги в уплату за квартиру... Остальное платье променяно на лохмотья, и деньги проедены... Работы не находилось: на рынке слишком много нанимающихся и слишком мало нанимателей. С квартиры прогнали... Наконец, он пошел просить милостыню и два битых часа тщетно простоял, коченея от холода. К воротам то и дело подъезжали экипажи, и мимо проходила публика. Но никто ничего не подал»¹⁸¹.

Быт городских промышленников из крестьян, которым удавалось «закрепиться за делом», не отличался устроенностью. «Обычно в качестве жилья, – по собственным свидетельствам «отходников», – служила одна комната за 5–6 рублей с отоплением, освещением и «готовкой» хозяйки... Приготовлением пищи могла заниматься не хозяйка квартиры, а любая базарная за 2–3 рубля в месяц»¹⁸². В такой квартире, как правило, селились «артельно» по пять и более человек, так как плата за жилье для одного «отходника» была не по карману.

Совсем иной культурный облик являли собой крестьяне-ремесленники, населявшие слободы и посады, примыкавшие к городам.

Такие территориальные образования были исторически сложившимися центрами промышленности. В том случае, когда города как административные единицы совпадали со сложившимися «гнездами» ремесла и торговли, их экономический потенциал значительно превышал потенциал городов, ставших таковыми исключительно по соображениям контроля за территорией. О промышленных селах, давших жизнь посадам и слободам, писал Д. Протопопов: «есть селения, которым недостает только городского управления, чтобы носить заслуженное название города или посада»¹⁸³.

Отличия слободских ремесленников из крестьян от общей массы мастерового люда не ускользнули от проницательного взора русского прозаика Г.И. Успенского. В своей повести «Нравы Растеряевой улицы» он так описывал относительную обособленность слободских промышленников: «Бедное и «обглоданное», по местному выражению, население всякого закоулка, состоящее из мелких чиновников, мещанок, торгующих мятой и мятной водой, мещан, пропивающих все, что выторговывают их жены, гарнизонных солдат и проч., такое бедствующее население в городе Т. пополняется не менее обглоданным классом разного мастерового народа...

Кроме того, город славится известным заводом стальных изделий, населившим своими рабочими все Заречье и целую слободу Чулково. Это сторона совершенно особенная; обыватели ее, когда-то пользовавшиеся разными правительственными привилегиями, гордо посматривали на мастеров городской стороны, работающих в одиночку, и при встречах не упускали случая поделиться взаимными любезностями: «кошкин хвост!», говорил один, «огурцом зарезался», отвечал другой, и оба с серьезными лицами проходили мимо». Мещане, по свидетельству Г.И. Успенского, за надменный нрав называли слободских «казюки»¹⁸⁴.

Быт посадских мастеров отличался относительной устроенностью, например, был более комфортным в сравнении с сельскими кустарями одной профессии. Материалы земской статистики Московской губернии предоставляют уникальную возможность увидеть эту разницу из описания рациона питания этих двух категорий промышленников: «На простые постные щи выходило в течение месяца –

У посадского игрушечника:

капусты ведро – 20 коп.;

луку $\frac{1}{4}$ меры – 15 коп.;

соли 4 фунта – 10 коп.;

подправочной муки 3 фунта – 15 коп.;

масла на подправку 2 фунта – 28 коп.

Итого: 88 коп.

Если щи будут вариться со сметками или с грибами, то ценность их возвысится еще копеек на 60 (три фунта по 20 коп.), следовательно, постные щи с приваром обходятся посадскому игрушечнику за месяц в 1 руб. 40 коп.

У сельского игрушечника:

капусты ведро – 20 коп.;

луку $\frac{1}{4}$ меры – 8 коп.;

соли 4 фунта – 10 коп.;

подправка не употребляется.

Итого: 38 коп.

У сельских игрушечников со сметками щи никогда не варятся, если бывает привар, то из грибов. Грибы употребляются какие ни на есть, но обыкновенно своего набор, следовательно, ценность щей с приваром у сельского игрушечника остается равной тем же 38 коп. сер.

В мясоеды для посадского игрушечника щи становятся значительно дороже того, во что они обходятся ему постом; между тем, у сельского игрушечника разница в стоимости скромных и постных щей остается незаметной.

В посаде принято варить щи с говядиной. Говядины на человека кладется от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ фунта; цена людской говядины – по 8 коп. сер. фунт; следовательно, у посадского игрушечника на щи в один скромный день выходит около 10 коп. (8 коп. на говяжий привар и 2 коп., собственно, на пустые щи), в течение же месяца, т.е. в 26 дней, выключая среды и пятницы, выходит на щи около 2 руб. 60 коп.

У сельских игрушечников, если не имеется своей убойны (мяса), щи обыкновенно варятся без говядины. Чтобы придать щам скороми, их забеливают молоком от своих же коров. Так как ценность молока в большинстве случаев даже приблизительно не определяется, то и месячная стоимость скромных щей сельского игрушечника остается почти той же, как показано выше, т.е. равной 38 коп.

Точно так же и месячный расход на кашу является не одинаковым для посадских игрушечников и для сельских; у первых он несколько выше, нежели у вторых. Так, по расчету на трех человек в течение постного месяца выходит на кашу:

у посадского:

- круп $1\frac{1}{2}$ меры – 2 руб. 10 коп.;
- масла постного 4 фунта – 2 руб. 50 коп.

Итого: 2 руб. 92 коп.

У сельского:

– благодаря усиленному потреблению картофеля, круп не выходит более 1 меры, на 1 руб. 60 коп. Масла для каши и картофеля употребляется 4–5 фунтов, следовательно, и второе блюдо обходится сельскому производителю в месяц не дороже 2 руб. 20 коп.»¹⁸⁵.

На бытовые потребности (кроме питания) семья кустаря-игрушечника из 5 человек тратила в год не более 200 рублей, в то время как такая же по размеру семья посадского ремесленника – до 500 рублей¹⁸⁶.

Полное представление об образе жизни мелких промышленников таких населенных пунктов дает подробный очерк, посвященный слободе Казацкой Курской губернии¹⁸⁷. «По образу жизни и занятиям населения слобода может быть разделена на две части: на ближнюю к городу и дальнюю. Мужское население первой занимается различными промыслами: сапожным, башмачным, портняжным, картузным, столярным, кровельным, малярным и, отчасти, кузнечным и слесарным. С введением здесь в употребление швейных машин, которые магазины отпускают мастеровым с рассрочкой уплаты, рубля по два ежемесячно, – летом, на любой слободской улице, в каждом почти доме, можно слышать громкие песни и трескотню этих машин. Нет, кажется, дома ближайшей к городу части, в котором не было бы сапожников или башмачников, портных или картузников. Таким образом, работая целой семьей, слобожане имели бы довольно обеспеченное существование, если бы, к сожалению, среди мастеровых слободы, как и вообще наших мастеровых, не был развит порок пьянства, который распространен и среди слободских женщин. В слободе есть даже особенный тип бесшабашных пьяниц, известных, по местному названию, под именем «моряков». Трудно сказать, почему им дано такое название, быть может, потому, что «пьяному море по колено»... среди «моряков» этих чаще

других попадают мастера. Все это, по большей части, бездомные холостяки, живущие по найму у хозяев на хозяйских харчах и получающие задельную плату. Беспреданно переходя от одного хозяина к другому, такой «моряк» все помыслы свои направляет к тому, чтобы только выпить, и нет пока света извне, который указал бы ему другой путь...

Когда существовали кабаки и не воспрещалось пьянствовать в них «от зари до зари», «моряки» толпами наводняли эти дома дикого разгула. Хриплые голоса их песен, брань неслись из растворенных кабацких дверей и оглашали слободские улицы. Теперь, с уничтожением кабаков, «моряки» целыми толпами располагаются в кружок на улицах... «Упившаяся» компания затевает кулачный бой – любимое зрелище слободских жителей: и старый, и малый, и мужчины, и женщины бегом стекаются со всех сторон посмотреть на дерущихся...

«Моряки» во всякое время года полураздеты; если кому-нибудь из них и придет в голову благая мысль – сшить себе, например, сапоги, то они через неделю, много две, переходят в безвозвратный залог к местным ростовщикам.

Слободские женщины, замужние и девушки, ближайшей к городу части слободы стараются подражать горожанкам в костюме, манерах и речи, которую пересыпают подслушанными модными словцами, употребляя их и кстати и некстати. Все телодвижения, все приемы таких слобожанок неестественны, построй их платья – сколок с платья какой-нибудь чиновницы или городской купчихи... Таково влияние города... Следует заметить, что все слободские девицы зовутся «барышнями», а слободские ребята «кавалерами». Многие из этих «барышень» и «кавалеров» танцуют польки и кадрили на праздничных торжествах, вперемешку с родным «камаринским» и «метелицей»¹⁸⁸.

Второй по величине социальной группой ремесленников являлись мещане. Типичная картина их быта представляла неприглядное зрелище. Горожане называли таких мастеров «одиночками» или «штучниками», что

отражало не только характер их производства, ориентированный не на массовый спрос, но и размеры самого ремесленного предприятия мещан. Работа на индивидуальный («штучный») заказ определяла типичные черты их облика. Отсутствие необходимой профессиональной квалификации ограничивало возможность использования семейных работников (например, в портняжных мастерских Москвы их удельный вес составлял всего 1,5%), а производство на заказ потребителя, минуя рыночные отношения, не инициировало его расширение и привлечение дополнительной рабочей силы (ученики и подмастерья московских портных-мещан составляли 7,0% работающих).

В связи с мизерностью заработка ремесленники из мещан были вынуждены, работая в среднем 14 часов в сутки, «продать сегодня то, что заработали вчера». Производственным помещением у этой категории мелких городских промышленников служили жилые квартиры. Убогость такой мастерской позволяют представить данные санитарного обследования портняжного промысла Москвы. В 63,9% мастерских на работающего приходилось менее одного «кубического содержания воздуха», в 29,1% от 1 до 2 к.с, в 5,6% от 2 до 3 к.с и только в 1,4% от 3 до 3 к.с, в 82% случаев рабочие места оборудовались в одной комнате, которая также служила спальней и кухней¹⁸⁹. Неудивительно, что на первом съезде ремесленной промышленности один из докладчиков доктор Дембо так охарактеризовал мещанские мастерские: «за свои квартиры, по большей части весьма дурно обставленные, почти вовсе не ремонтируемые, мелким ремесленникам приходится платить непомерно дорого сравнительно с достаточными классами населения; в этих помещениях царствует скученность, вонь, грязь, нередко темнота, холод и ужасная сырость. Неудивительно, что эти грязные конуры, служащие для работы и для ночлега, заставляют обитателей их бежать в свободное время от работы куда-нибудь вон, чаще всего в трактир...»¹⁹⁰

Как правило, мастерские выходцы из мещанского сословия селились компактно на окраинных улицах.

Упомянутое произведение Г.И. Успенского живо отразило атмосферу ремесленной Растеряевой улицы города Т. «Растеряева улица лежит на городской стороне, – повествует Г. Успенский, но общий колорит рабочего города отразился и здесь. Вот, между прочим, в лачуге, ниоткуда не защищенной заборами, проживает представительница собственно растеряевского мастерства, старая солдатка, «кукольница». Под ее дряхлыми пальцами цветет отечественная скульптура; в летние, погожие полдни на завалинке ее лачуги непременно сушится несколько глиняных офицеров и дам и бесчисленное множество лошадей-свистулек с одними передними ногами. Растеряевские мальчишки запасаются этими свистящими конями и в течение целого года разнообразят смертельно пронзительным свистом свое горестное существование.

В таких же лачугах живут сверлильщицы, наждашницы, женщины и девушки, занимающиеся на фабриках. В этой же улице живут гармончики, токари, наводилычки и т.д. На конце улицы, упирающейся в широкое Воронежское шоссе, виднеется квадратное здание из темно-красного кирпича – самоварная фабрика. Все эти мастерства дают Растеряевой улице несколько иную сравнительно с другими захолустьями физиономию. В дни отдыха молчаливая физиономия ее оживляется драками и пьяными, разбросанными там и сям. В будничные дни к звонкому пению кур присоединяется стук молотков, то вперемежку, то сразу вдруг обрушивающихся на отчеканиваемую металлическую массу; звуки гармонии, на которой мастер для пробы тронул с «перехватом»; жужжание токарного станка – и надо всем этим, по обыкновению, тихая песня»¹⁹¹.

Однако столь пасмурное описание быта мастеров мещан, по мнению автора, в полной мере не отражало «темное горе их жизни». В реальности описываемый быт Растеряевой улицы являл собой картину мещанского благополучия, значительно более привлекательную, чем повседневная жизнь большинства мещан-ремесленников, приютом которых были подвалы и чердаки доходных домов. Облик таких «обиталищ» хорошо показал

В.А.Гиляровский. В частности, дом Бунина в Москве, в котором «жило много постоянных хитрованцев, существовавших поденной работой вроде колки дров и очистки снега, а женщины ходили на мытье полов, уборку, стирку, как поденщицы.

Здесь жили профессионалы-нищие и разные мастера-вые, отрущобившиеся окончательно. Больше портные, их звали «раками», потому что они, голые, пропившие последнюю рубаху, из своих нор никогда и никуда не выходили. Работали день и ночь, перешивая тряпье для базара, вечно с похмелья, в отрепьях, босые»¹⁹².

Рабочим местом таких ремесленников зачастую служила «тумба у башни» на рынке, снабженная в ненастье навесом из мешковины. Ремесло такого цирюльника с Сухаревки описал В.А. Гиляровский: «Чиновник уселся на тумбу около башни. Небритый и грязный цирюльник мигнул вихрастому мальчишке, тот схватил немытую банку из-под мази, отбежал, черпнул из лужи воды и подал. Здесь бритье стоило три копейки, а стрижка – пять»¹⁹³.

Аналогично приведенной картину быта мещан ремесленников описал Н.В.Шелгунов: «...В подвальных помещениях ютятся преимущественно ремесленный и вообще работающий люд. Тут вы встретите людей за столярным, токарным, слесарным станком, работниц за швейными и вязальными машинами, сапожников. Портных, вообще людей, занятых тяжелым трудом, обыкновенно за недостатком света работающих при огне. Занимать квартиры в верхних этажах рабочих не привык, да его в них и не пускают; если же под мастерскую и отдают квартиру в верхнем этаже, то за нее берут такую цену, которая съедает все заработки ремесленника»¹⁹⁴.

Бывало, что для удешевления платы за помещение ремесленники снимали его «артельно» и занимая каждый свой угол. «Такие артели штучников, не принадлежа цеху, наносят громадный вред ремеслу и цеховым мастерам, способствуя укрывательству подмастерьев, задолжавших преждему своему хозяину, цеховому мастеру и учеников, не дождавшись срока контракта, так как те и

другие нередко проживают у штучников без прописки видов; все за малыми исключениями, предаются пьянству и разгулу, занимаясь работою не более трех-четырех дней в неделю, при том же в праздники до обеда»¹⁹⁵.

Типичный «гардероб» мастеровых мещан составляли «ватные пиджаки, вместо пальто, сапоги вместо штиблет. Приходилось встречать в этих мастерских и полураздетых, имеющих только ситцевую рубаху (часто грязную, разорванную), брюки, потерявшие свой цвет, или кальсоны». Мастерницы женщины «имеют почти всегда неряшливый вид, ходят в платочке, у многих, особенно немолодых, платье линялое, грязное, разорванное: работницы лет за 25 обычно пьют вино, курят табак»¹⁹⁶.

Остановить падение нравов, предотвратить процветающее в ремесленной среде пьянство были призваны создаваемые в конце XIX века в городах России Ремесленные клубы, по образу и подобию купеческих¹⁹⁷. Однако, эта инициатива не дала ощутимых результатов. В докладе Первому Всероссийскому съезду ремесленной промышленности (1900 г.), подготовленном головой Владимирской Ремесленной управы, отмечалось, что «Разнузданность мастеровых и даже учеников из года в год прогрессивно увеличивается»¹⁹⁸. Данное Владимирским головой определение воспроизводилось и в материалах съезда. В частности, с его трибуны говорилось: «Жизнь столичных ремесленников поставлена в более благоприятные условия, так как здесь громадную пользу приносят различные учреждения, поставившие себе задачею оказывать, насколько возможно, свое влияние на нравственность рабочих.

Так, попечительства о народной трезвости с целью отвлечь рабочих от разврата и пьянства устраивают в праздничные дни разумные развлечения и в виде бесплатных зрелищ, чтений, вечерних научно-ремесленных классов и т.п. Наша же провинция в этом отношении много проигрывает.

В настоящее время там пока отсутствуют по большей части подобные учреждения, которые были бы весьма полезны и желательны.

Жизнь провинциального ремесленника проходит более чем бесцветно: он или, не разгибая спины, работает в течение целого месяца, или, получив заработанные тяжелым трудом рубли, пьянствует и, пропив все деньги, снова тянет свою трудовую лямку...

Работая при самых невозможных санитарных и гигиенических условиях, работая всегда до переутомления, ремесленник заболевает и, нуждаясь в медицинской помощи, очень часто не находит ее, так как городские и земские больницы почти всегда переполнены, а очень многие города не имеют штата бесплатных городских врачей, и потому в случае болезни положение ремесленника безвыходно»¹⁹⁹.

«Портрет» мещанина – ремесленника, за исключением отдельных удачливых рукодельников, воспроизводился в однотонных красках на всех уровнях, начиная со столичного и кончая провинциальным. Рисуя обобщающий образ мещанина Орловской губернии, зарабатывающего на жизнь ремесленным трудом, секретарь губернского статистического комитета А. Тарачков в 1869 году писал:

«Встретить в наших городах хорошего ремесленника, который бы специально знал свое дело, гордился бы им, который бы настолько был образован, чтобы мог следить за техническими успехами в науках, которые могли бы быть применяемы к избранному им ремеслу, составляет величайшую редкость. Ежели есть между нашими ремесленниками порядочные мастера, то все они не принадлежат к туземному мещанскому сословию, но заезжие из других мест и преимущественно немцы из остзейских губерний, или выходцы из-за границы. Наши местные ремесленники постоянно бывают недовольны ими, завидуют им, ненавидят их, как соперников, но при всем том ни один из них не заботится, да и не может улучшить своего ремесла до такой степени, чтобы конкурировать с такими пришельцами и достигнуть первенства над ними. От плохого мастера выходят такие же ученики, а ежели он, как весьма часто случается, не видя никакого исхода к поправлению своих неблагоприятных обстоятельств,

начинает пить горькую, то и его ученики очень точно следуют в этом отношении его примеру и, таким образом, между нашими ремесленниками образуется множество людей, не отличающихся ни знанием своего дела, ни следами хотя малейшей образованности и не знающими самых основных правил нравственности»²⁰⁰.

Значительно отличались от общей массы мастеровых мещан пополнившие после крестьянской реформы ряды городских промышленников бывшие дворовые умельцы, включавшие в свой состав работников разных, необходимых в городском быте, профессий. По свидетельству земских исследователей эта категория населения была наиболее образована и искушена в ремеслах²⁰¹.

В первое послереформенное десятилетие ремесленное сообщество активно пополнялось за счет получивших личную свободу дворовых. Так, только за первую половину 1865 года Московская ремесленная управа приняла «в цеха получив согласно указу Казенной Палаты от 11 сентября 1864 года за № 6228 с дворовых людей рублевого сбора:

1. живописного с 24 лиц двадцать четыре рубля
2. фельдшерного с 2 лиц 2 рубля
3. скорняжного с 1 лица 1 рубль
4. каретного с 2 лиц 2 рубля
5. позументного с 5 лиц 5 рублей
6. медного с 9 лиц 9 рублей
7. гранильного с 2 лиц 2 рубля
8. портного с 7 лиц семь рублей
9. столярного с 6 лиц 6 рублей
10. ювелирного в 3 лиц 3 рублей
11. серебрянного с 1 лица 1 рубль
12. кузнечного с 1 лица 1 рубль
13. сапожного с 4 лиц 4 рубля
14. кондитерского с 12 лиц 12 рублей
15. галичного с 1 лица 1 рубль
16. поверенного с 16 лиц 16 рублей
17. башмачного с 7 лиц 7 рублей
18. ленточного с 15 лиц 15 рублей
19. шапочного с 2 лиц 2 рубля

20. печного с 2 лиц 2 рубля

21. фортепианного с 1 лица 1 рубль»²⁰².

Не испытывая добрых чувств к России в целом, Маркиз де Кюстин, путешествующий по ее городам в царствование Николая I, тем не менее с симпатией отзывался о дворовых мастерах и говорил о том, что ... в том числе они должны стать основой формирования «сословия независимых купцов и ремесленников».

О дворовых рукодельниках Маркиз де Кюстин писал: «На таком фоне своеобразно выделяется и городское население. Народ русский достаточно красив. Мужчины чисто славянской расы, привезенные сюда своими господами для услужения из центра России или остающиеся подолгу, с их разрешения, в Петербурге для занятия ремеслами, отличаются светлым цветом волос и яркой краской лиц, в особенности же совершенством своего профиля, напоминающего греческие статуи. Их миндалевидные глаза имеют азиатскую форму с северной голубоватой окраской и своеобразное выражение мягкости, грации и лукавства. Рот, украшенный шелковистой, золотисто-рыжей бородой, в правильном разрезе открывает ряд белоснежных зубов, большей частью совершенно ровных. Платье этих людей также оригинально. Оно состоит либо из какой-то греческой туники, перепоясанной яркоцветными кожаными кушаками, либо из длиннополой персидской одежды, либо из короткого русского овчинного тулупа, мехом внутрь или наружу соответственно температуре воздуха»²⁰³.

Семьи дворовых были не так многочисленны, как крестьянские (в Тамбовской губернии средняя семья дворовых во второй половине XIX века составляла 4,4 чел., крестьянская 8,2 чел.)²⁰⁴. Особое положение в среде дворовых занимали мастеровые рукодельники. Талантливые ремесленники представляли собой «объект» особой гордости их владельцев. При правильной постановке дела дворовые могли приносить и приносили владельцам большую прибыль. Домашние прядильницы и швеи, кузнецы, сапожники, столяры – изготавливали все необходимое для хозяйства и обихода. Не нужно было тратить на гонора-

ры художникам – они были из своей дворни. Крепостной архитектор не требовал платы за возведение построек, от амбаров до дворцов, красотой которых и в наши дни восторгаются современники. Из дворовых людей вышли зодчий Воронихин, художники Тропинин и братья Аргуновы, знаменитый артист Щепкин и множество других, имена которых не забыты до сих пор благодаря их вкладу в отечественную культуру, а также еще большее количество забытых и – забытых в прямом смысле слова кнутом и батогами на барской конюшне»²⁰⁵.

И если многочисленная прислуга обычно размещалась в людских, оборудованных в хозяйственные постройки, флигелях, коровниках, птичниках или отдельно стоящей избе²⁰⁶, то для профессиональных промышленников оборудовалась специальная мастерская, совмещавшая рабочее место с жильем. Многие крепостные мастера после обретения личной свободы оставались при усадьбе владельца на условиях найма (фактически отрабатывая арендуемое помещение).

Другие, успевшие собрать к моменту освобождения небольшие деньги, снимали помещение или обзаводились собственной городской постройкой.

Сам император Николай I выделял из общей массы дворовых, не всегда «полезной», с точки зрения сохранения «спокойствия» в государстве, тех, которые владели ремеслом и должны были «непрерывно» пополнять городские цеха²⁰⁷. Облик ремесленника из дворовых хорошо характеризует запись в журнале «Мастеров Костромской серебряной управы 1787–1850 гг.»:

«Бороздин Илья Петров, серебряного дела мастер, дворовый человек Прасковьи Александровны Кольчевой. Упоминается с 1813 года. 2 июня 1817 г. по секретному предписанию частного пристава был послан Ремесленной управой в полицию в числе 4-х мастеров «лучших, относительно поведения благонадежнейших и совестных людей» В 1841 г. имел 1 мастера и 1 подмастерья, в 1845 г. – 1 подмастерья»²⁰⁸.

Оказавшись после крестьянской реформы в новых условиях коммерческой деятельности, бывшие дворо-

вые, имевшие большее преимущество, заключающееся в особых мастеровых навыках и вынужденные заново устраивать свой быт, проявляли сноровку и трудолюбие в устройстве своего городского жития.

Также неоднородный, как и ремесленное общество, в целом была группа мастеровых из купечества. Купеческое гильдейское свидетельство выкупали представители ремесленной «верхушки», помимо потомственных купцов, наиболее удачливые промышленники из крестьян, мещан, вечно цеховых, дворян, бывших воинских чинов и иностранцев. Чертой, позволяющей говорить об определенной схожести бытовых условий ремесленников из купцов, являлись признаки, следующие из их достаточно высокого материального положения. В частности, мастера-купцы являлись владельцами собственных домов, не редко специально оборудованных мастерских. Ремесленным уставом 1842 г. (ст. 387) купцам первой и второй гильдий разрешалось заниматься любыми ремеслами и иметь неограниченное количество учеников и подмастерьев²⁰⁹. Более обстоятельные представления о ремесленниках из числа купцов 2-й гильдии дают данные из обывательской книги Санкт-Петербурга за 1895 год. Всего в книгу были внесены 857 купцов²¹⁰.

Судя по наличию специального производственного помещения, наиболее состоятельную часть ремесленников купеческого звания составляли дворяне, воинские чины, потомственные купцы и мещане.

Дома тех промышленников, которые не имели специальных отдельно стоящих мастерских, обычно состояли из первого и подвального производственных этажей, и верхнего жилого и отстраивались в непосредственной близости от гостиных дворов или располагались на специальной торговой улице городов. «На Тверской, против Леонтьевского переулка, – писал В.А.Гиляровский об одном из таких домов, – высится здание булочника Филиппова, который его перестроил в конце столетия из длинного двухэтажного дома, принадлежавшего его отцу, популярному в Москве благодаря своим калачам и сайкам»²¹¹.

Социальная группа ремесленников из купцов	Всего		Имеющих собственные дома		Ведущих производство в специальных мастерских		Ведущих производство в жилом доме	
	абс.	% от общего числа купцов	абс.	% к группе ремесленников	абс.	% к группе ремесленников	абс.	% к группе ремесленников
Ремесленников в числе купцов	180	21,0%	180	100%	71	39,4%	109	60,6%
Потомственных купцов	28	100%	28	100%	19	67,8%	9	32,2%
Мещан	18	100%	18	100%	8	44,4%	10	55,6%
Вечноецеховых	26	100%	26	100%	4	15,3%	22	84,7%
Дворян	16	100%	16	100%	10	62,5%	6	37,5%
Крестьян	23	100%	23	100%	2	8,6%	21	91,4%
Иностранных подданных	61	100%	61	100%	23	37,7%	38	62,3%
Из воинских чинов	7	100%	7	100%	4	37,1%	3	42,9%
Колонистов-поселян	1	100%	1	100%	1	100%	—	—

Ремесленное дело купцов отличалось сложившейся традицией мастерства, а выпускаемая ими продукция качеством и широким спросом. «Булочная Филиппова всегда была полна покупателей, – писал В.А. Гиляровский. – В дальнем углу вокруг горячих железных ящиков стояла постоянная толпа, жующая знаменитые филипповские жареные пирожки с мясом, яйцами, рисом, грибами, творогом, изюмом и вареньем. Публика – от учащейся молодежи до старых чиновников во фризовых шинелях и от расфранченных дам до бедно одетых рабочих женщин. На хорошем масле, со свежим фаршем пятачковый пирог был так велик, что парой можно было сытно позавтракать. Их завел еще Иван Филиппов, основатель булочной, прославившийся далеко за пределами московскими, калачами и сайками, а главное, черным хлебом прекрасного качества»²¹².

Ремесленные мастера купеческого достоинства позволяли себе поездки за границу, в том числе для изучения опыта организации производства. Мастерские этих состоятельных промышленников имели большие размеры, порой занимая целый этаж каменного здания, как правило, совмещались с салонами, в которых демонстрировалась готовая продукция, и принимались заказы от горожан²¹³. Однако за устроенным бытом и благополучием промышленников-купцов стояли тяжелые условия труда и безрадостная жизнь тех, кто трудился в их мастерских. Рабочий день на купеческих предприятиях продолжался в среднем 11 часов в сутки. В пору, когда заказов было много, или спрос на продукцию возрастал, в мастерских становилось особенно напряженно. «В одной первоклассной мастерской дамских верхних вещей, – писал очевидец, – такие спешки бывают очень часто, и нервы работниц до такой степени взвинчены, что почти каждая имеет при себе валериановые капли»²¹⁴. Об условиях труда работников в купеческих ремесленных предприятиях специально исследовавшие эту проблему С.С. Уваров и В.В. Лялин писали, что благодаря длинному рабочему дню «ремесленники выходят в жизнь с надорванными силами и недоразвитыми, производя в свою очередь хилое потомство»²¹⁵.

Положение работников купеческих ремесленных предприятий усугублялось принудительным введением в оплату труда «хозяйского стола». Результаты назначенного градоначальником г. Москвы в 1912 г. санитарного осмотра ремесленных заведений 68% мастеров, подмастерьев и учеников купеческих мастерских «жили на хозяйских харчах» (обед и ужин), за что из месячного заработка высчитывалось 4–6 рублей. Обед состоял из щей или супа с вареной говядиной (по 1/8 фунта), два раза в неделю, в качестве второго блюда давалась жареная говядина, «в остальные же дни гречневая или манная каша или картофель, на ужин полагались суп и каша». «Кормят мастериц и учеников, – говорилось в отчете, отвратительно»²¹⁶. О рабочем помещении известного купеческого предприятия по пошиву модной одежды «Города Лиона», располагавшегося на углу Кузнецкого моста и Неглинного проезда, в этом же отчете говорилось: «Во всем этом этаже вентиляции не имеется, и воздух освежается только посредством форточек. Полы повсюду ветхи, в углах коридора кучи сора. На полках, на лампах, на коробках с товаром, повсюду – масса пыли. Кран и раковина для умывания рук – в ужасном состоянии. Стены потеряли всякий след окраски. В кухне нет никакой вытяжки, полки для посуды грязны. Уборных при мастерских не имеется, они расположены в подвальном этаже и содержатся очень грязно»²¹⁷.

Отдельную категорию «ремесленного люда» составляли мастера евреи, вносившие свой акцент в городской облик. После послабления режима оседлости их приток в города Центральной России увеличился. Многие из них прибывали с ремесленными свидетельствами, выданными по месту постоянного проживания, но при этом не обладали ремесленным мастерством, что всегда становилось поводом для претензий со стороны городских властей и ремесленной управы²¹⁸. Но большинство евреев, пополнявших ряды ремесленников, были первоклассными портными и сапожниками (реже ювелирами). Их быт отличался благопристойностью и трезвостью. Несмотря на то, что многие евреи, «встав на ноги», выкупали гиль-

дейские купеческие свидетельства, бытовая скромность и в этом случае оставалась их характерной чертой.

Практически все (за редким исключением) еврей-ремесленники обитали на съемных квартирах и, даже накопив небольшой запас средств, не часто решались обзаводиться собственной недвижимостью. Еврейские мастеровые семьи старались держаться вместе, предпочитая традицию общих религиозных и национальных праздников, которые всегда являлись поводом для собраний.

Такое автономное положение евреев, в том числе, стимулировали закрепленные законом порядки, согласно которым они не могли избираться в выборные органы ремесленного самоуправления, не имели права иметь учеников из христиан и регистрировались по отдельному реестру.

Еще одной не важной, но характерной чертой ремесленников евреев был не совпадающий с христианским день отдыха. На этот счет имелось специальное разъяснение в ст. 181 Ремесленного Устава о том, что ученики и подмастерья из христиан «не могут быть употребляемы на работу в дни воскресенья и двенадцатые праздники; в свою очередь, мастера из христиан не должны принуждать к работе евреев в те дни, когда работать им запрещено по закону, употребляя их зато на работу в дни Христианских праздников»²¹⁹.

Картину многоликого ремесленного населения городов России дополняла особая часть промышленного люда, еще не обретшая мастерского статуса. Подмастерья и ученики составляли значительную массу цехового и нецехового ремесленничества и, как правило, в повседневной жизни являлись антиподами. Состав ремесленного ученичества не был однородным и объединял детей мещан, отставных военных чинов, крестьян цеховых провинциальных городов²²⁰. Подмастерья, на которых непосредственно возлагалась обязанность обучения, не только грубо обращались с подопечными, но и нагружали их «работой», не имеющей отношения к мастерству, как-то покупкой и доставкой спиртного, табака, «пьяными увеселениями».

Либерализация правил ученичества, в частности, запрет на наказание учеников хозяевами и передача дел о проступках и правонарушениях мировым судьям привела к «испорченности нравов» и разрушению традиционных механизмов, предотвращающих «их падение»²²¹. В свою очередь, отсутствие родительской опеки за детьми, направленными из отчего дома для приобретения промышленных навыков и послабление правил их содержания в обучении, обусловили массовые случаи самовольного оставления учениками ремесленных мастерских, бродяжничества, пьянства и правонарушений. «Масса подобных недоучек, – говорилось в Докладной записке председателя Комиссии, учрежденной с целью изыскания мер к улучшению ремесленной промышленности в июле 1887 года, – образуют только особый контингент рабочего люда, который, в особенности в летнее время, встречается на улицах днем, в рабочую пору, без всяких занятий, в оборванном платье и с худыми и испитыми лицами, следствием распутной жизни; из этой же массы нарождается и тот особый тип подмастерьев, который не может ужитья долгое время ни у одного хозяина, а бродить от одного к другому, не принося ни себе самому, ни другим никакой пользы, – или же начинает заниматься сам по себе ремеслом, без всяких прав, переманивая от хозяев подготовленных уже учеников, и при помощи их и других, подобных себе товарищей, принимает на себя заказы, сбивая цены на работы, в ущерб их качеству и делая невознаградимый подрыв и вред записным мастерам»²²².

Указанное явление потребовало специального замечания, так как имело далеко идущие последствия. с середины 1860-х по середину 1880-х гг. количество официально зарегистрированных в ремесленных управах контрактов на ученичество уменьшилось в пять раз по причине массового отказа от ученичества мастерами²²³.

Краткое рассмотрение ремесла как феномена быта России убеждает в контрпродуктивности взгляда на его природу, быт и нравы как на регалии, обладающие аутентичными признаками и внешними качествами.

Как и само ремесленничество, не сформировавшееся в сословие, так и его экзистенциальные и ментальные характеристики представляли собой сложную палитру «красок», не подававшую во второй половине 19 века признаков сужения цветовой гаммы. Эту особенность ремесленной «пестроты» и многосложности отмечали и современники. В «Русских Ведомостях» за 1899 год говорилось: «...Купцы и ремесленники... собственно говоря, не являются даже сословиями в полном смысле этого слова, ибо правами купечества пользуется всякое лицо под условием уплаты гильдейских пошлин, а цеховым закон не присваивает никаких особых личных прав, приравнивая их к мещанам. Далее, в купечество и ремесленные цехи можно приписываться, сохраняя права другого состояния. Их скорее можно было бы рассматривать как касты, ибо разделение здесь основано не на профессии» .

Список литературы

1. *П.Г. Риндзюнский*. Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М., 1978.

2. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Т. XIII. Ч. 2. Воронежская губерния. СПб, 1859. С.45–46.

3. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIII. Ч. 3. Курская губерния. СПб, 1850, с. 69.

4. *В.А. Гиляровский*. Булочники и парикмахеры // Сочинения в четырех томах. Том 4, М., 1968. С. 208.

5. *В.А. Гиляровский*. Сочинения в 4-х т. Т. 2. М., 1968. С. 38, 40.

6. *В.А. Гиляровский*. Сочинения в 4-х т. Том 4. М., 1968.

7. *И. Дитятин*. Устройство и управление городов России. Городское самоуправление в России. Городское управление до 1870 года. Ярославль, 1877.

8. *В.Г. Егоров*. Социальный состав ремесленного населения России во второй половине XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 1.

9. *В.Г. Егоров, С.М. Чистова.* Городское ремесленное производство России в отечественной историографии. М., 2009.
10. Журнал Министерства внутренних дел. – 1834. № 4.
11. *С.С. Зак.* Промышленный капитализм в России. СПб., 1917.
12. *Вернер Зомбарт.* Политическая экономия промышленности. СПб., б/г.
13. *И.Л. Клейн.* Мелкая промышленность Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX вв. (К вопросу о мелкотоварном укладе в экономике России)// Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972.
14. *И.Д. Ковальченко, Л.В. Малов.* Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX века. М., 1974.
15. *Д.И. Копылов.* Развитие обрабатывающей промышленности г. Тюмени в конце XVIII – первой половине XIX в.//Города Сибири. Новосибирск, 1974 и др.
16. *А. Корсак.* О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. М., 1961.
17. *Л.В. Кошман.* Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. М., 2008., с. 265.
18. *М.И. Кулишер.* Цехи у нас и в Европе//Русская мысль. Ноябрь, М., 1887.
19. *В.И. Ленин.* Кустарная перепись 1894–95 года в Пермской губернии. П.С.С., т. 2.
20. *Б.Г. Литвак.* Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр. 1801–1895. М., 1972. с. 62, 68.
21. *П.Г. Любомиров.* Очерки по истории русской промышленности. М: ОГИС. Госполитиздат, 1947.
22. *Маркиз де Кюстин.* Николаевская Россия. М., 1990. с. 64–65.
23. *Б.Н. Миронов.* Социальная структура городского населения России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Генезис и развитие капитализма в России. Проблемы истории города: Межвузовский сборник / Под ред. проф. И.Я. Фроянова. Л., 1988.
24. *В.Н. Миропольский.* О ремесленных заведениях. Всероссийский торгово-промышленный съезд 1896 г. в Нижнем Новгороде. СПб., 1896.

25. *Е. Мухачев*. Заметки о губернском городе Перми // ЖМВД. – 1860. Ч. 45.
26. *Л.В. Ольховая*. К истории развития мелкой промышленности Урала в конце XIX – начале XX вв. (до Первой мировой войны). Вопросы экономической истории и экономической географии. Свердловск, 1964.
27. *Е.А. Олюнина*. Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губ. М., 1914; *С.О. Марголин*. Портняжное производство. Пб., 1915; Тульские оружейники / Отв. ред. *И.Н. Юркин*, отв. сост. *Н.К. Фомин*. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003 и др.
28. *Е.А. Олюнина*. Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губ. М., 1914, с. 242–244.
29. *Е.А. Олюнина*. Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губ. М., 1914, с. 48, 51, 190, 244, 248.
30. *Е.А. Олюнина*. Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губернии. М., 1914, с. 36.
31. Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии. Статистический очерк. Ярославль. 1903.
32. *К.А. Пажитнов*. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1952.
33. Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск. 1860.
34. *А.Ф. Писемский*. Соб. соч. в 9-ти томах. Том 2. М., 1959, с. 174.
35. Пригородная слобода Казацкая // Курский сборник. Вып. II. Курск. 1902.
36. Промыслы и неземледельческие занятия крестьян центрального района. Курск. 1887.
37. *Д. Протопопов*. О промыслах государственных крестьян Московской губернии // Журнал министерства государственных имуществ. 1843, Ч. IV, кн. 2.
38. *А.Г. Рашин*. Формирование промышленного пролетариата в России. Статистико-экономические очерки. М., 1940.
39. Ремесленник, изданный Другом Ремесленников. СПб., 1863.
40. *С.Ф. Руднев*. Промыслы крестьян в Европейской России // Сборник Саратовского земства. 1894. № 6.

41. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. VI. Вып. II. М., 1880.
42. *В.И. Семевский*. Крестьянский вопрос в России. Т. 2. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. СПб., 1888.
43. *В. Семенов-Тянь-Шанский*. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910; Рындаунский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
44. *О.В. Смулова*. Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на эволюцию образа жизни города и деревни в 1861–1914 гг. На материалах Санкт-Петербурга, Москвы, Костромской, Тверской и Ярославской губерний. Диссертация на соискание ученой степени доктора ист. наук. 2005. Ярославль.
45. *Н.Д. Соколов*. Промысловые занятия Московской губернии и его обращаемость в лечебницы. М., 1909.
46. Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. Под ред. И.П. Загоскина. Казань, 1895, с. 508.
47. *Н. Степанов*. Сравнительно-исторический очерк организации ремесленной промышленности в России и западноевропейских государствах. Киев, 1864.
48. *А.П. Субботин*. Губернский Владимир в 1977 г. // Ежегодник Владимирского губстаткомитета. Вып. 3. Владимир. 1880.
49. *А. Таранцов*. В мастерской (Из записок русского ремесленника) М., 1887.
50. *Б.Ю. Тарасов*. Россия крепостная. История народного рабства. М., 2011.
51. *А. Тарачков*. О состоянии торговли и промышленности в городах: Болхове, Малоархангельске, Кромах и Дмитровске. Орел. 1869.
52. *К.Н. Тарновский*. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX вв. М., 1995.
53. *А.О. Торчков*. О состоянии торговли и промышленности в городах: Волхове, Малоархангельске, Кромахе, Дмитровске. Орел, 1896.
54. Труды Всероссийского съезда по ремесленной промышленности в Петербурге. 1900 г. СПб., 1900. Т. 3.

55. Труды Государственного Исторического музея. Вып. XVIII. М., 1947.

56. *М.И. Туган-Барановский*. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX вв. М., 1897.

57. *А.М. Тюфиллин*. Записка о состоянии ремесленности. Казань, 1906.

58. *С.С. Уваров, В.В. Лялин*. Охрана жизни и здоровья работающих. Б.М. 1908., с. 47.

59. *Г.И. Успенский*. Сочинения. В 2-х т. Т. I. М., 1988, с. 32–33.

60. *О.Н. Черкашин*. Определение понятия «дворовые люди» в правовых актах и мемуарных источниках XIX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 19.

61. *Н.В. Шелгунов*. Очерки русской жизни. («Рус. Вед.», 1885 г. «Рус. Мысль» 1886–1891 г.) – СПб., 1895.

62. *А.И. Ядров*. О сохранении церковного управления. СПб., 1897.

Л.Ю. ВАРЕНЦОВА,
кандидат исторических наук, доцент,
Нижегородская академия Министерства внутренних дел России,
г. Нижний Новгород

Нижегородский меднолитейный промысел XIX–XX вв.

Ключевые слова: меднолитейный промысел, колокольчики, бубенчики

Село Пурех – одно из известных селений бывшего Балахнинского уезда Нижегородской губернии, находившееся на старой ярославской дороге. Здесь еще в древности стоял ямской двор²²⁵. Для почтовой службы в Пурехе лили поддужные колокольца. В XIX столетии на почтовых трактах России они были также известны и любимы, как и валдайские.

В начале XVII века эти земли были связаны с именем русского полководца и дипломата Д.М. Пожарского. После победы Нижегородского народного ополчения над поляками в 1612 году на старой Петряевской пустоши Дмитрий Михайлович основал Макарьевский монастырь для ополченцев. Здесь они могли лечиться и доживать свой век на готовом довольствии. Возле монастыря стали селиться каменщики, плотники, кузнецы, иконописцы и горшечники, создавшие ремесленную слободку, из которой впоследствии выросло село²²⁶.

В XIX столетии в волжском селе Пурех ремесленники составляли не менее 3/4 всего населения. Они занимались, главным образом, столярными и кирпичекладильными работами²²⁷.

Некоторые из зажиточных предпринимателей занимались литьем дужных колокольчиков и бубенчиков – поддужных, шейных, колец, пряжек и других украшений конской сбруи.

Истари пурех славился как базарное, торговое село. 18 и 19 января ежегодно в Пурехе шумела сельская ярмарка. Ее называли Макарьевской²²⁸. По четвергам сюда съезжались на еженедельные базары жители соседних деревень, Пучежа, Катунок, Василева, Городца, Пестяков²²⁹. Бойко расходился звонкий товар.

Нижегородская губерния славилась колокольчиками Пуреха – одного из выдающихся центров меднолитейного промысла в России. Пришел этот промысел в Пурех с далекого и славного Валдая.

Селение Валдай известно с 1495 года. Оно расположено на Валдайском озере в современной Новгородской области и считается древнейшим центром литья колокольчиков в России. История промысла на Валдае овеяна легендами. По преданиям, покорив Псков, великий князь Василий III отправил в Москву вечевой колокол – символ свободы древнего города. Когда ехали через Валдай, то ли по княжескому указу, то ли по оплошности колокол разбили. Из осколков глашатая свободы отлили малые колокольца. Вечевой колокол разменяли на колокольчики, свободу – на робкий перезвон. Василий III покорил Псков в 1510 году. В 1656 году государев мастер Александр Григорьевлил колокола для Иверского монастыря на Валдае. Металла наготовили с избытком, из остатков отлили малые колокольчики. Такова точка зрения валдайского краеведа В.И. Успенского²³⁰.

Первое заведение в селе Валдай открылось в 1718 году. Перволитцем считался Григорий Кузнецов. Мелкое литье расходилось по городам и ярмаркам страны. Истоки колокольчико-литейного промысла в России следует отнести к XVIII веку, а его расцвет – к середине XIX столетия.

В XIX веке появились меднолитейные заведения в Касимове, Туле, Рязани, Тюмени, Елабуге, Слободском (Вятская губерния), в селах Пурех и Павлово в Нижегородском Поволжье.

В 1830 – 1840-х годах промысел распространился в Пурехе. Среди основателей называют местных крестьян Веденеых и Трошиных²³¹. К первым мастерам можно отнести Михаила Сироткина, Ивана Митюнина, отливавших колокольчики уже в 1815–1816 годах²³².

Затем промысел распространился и в ближайшие к нему деревни (Остапово, Пырьево, Плещиха, Андреево, Осташино, Бурцево, Губцово, Поросятово, Филино)²³³.

Отливали колокольчики из меди. Ее покупали в селе Павлове и Нижнем Новгороде²³⁴.

В Пурехе всегда были скупщики старой медной утвари.

Большая часть меди поступала с литейных заводов в виде мелких частиц, перемешанных с железными стружками и опилками, которые затем тщательно отделялись с помощью магнита.

Литейные мастерские располагались за селом. Работа проходила в мастерской хозяина, который трудился вместе с наемными работниками. В помещении размером с баню стояла плавильная печь с лавкой для сушки форм. В стороне устанавливалось что-то наподобие рабочего стола, под которым подвешивалось решето для просеивания земли. Этой землей набивались опоки, в которых готовилась форма для литья. Она изготовлялась из илистой земли, с добавкой глины и ржаной муки. На столе лежали инструменты: тигли, набойник, подпилки, резцы, палештур. Была скамья, обложенная кирпичом, где производилось литье.

Сбоку печи располагался мех. В печи находилось 1–2 огнеупорных горшка с расплавленной массой от 15 до 25 фунтов. В день отливали от 6 до 10–13 раз. Для улучшения звона литейщик опускал в расплавленную бронзу на некоторое время фосфорную «бобышку», держа ее кузнечными клещами. После литья для отделки использовали точильный станок, пилы по металлу, рашпили, гладилки. Если делали маленькие колокольчики, то мастера формовали их в одной опоке сразу по три. Когда металл остывал, отпиливали «литник», потом все аккуратно разъединяли. Большой поддужный колокольчик требовал большего

внимания: у него тщательно подпиливались края, велась обработка резцом, палештуром. На заказ изготавливались изделия с примесью серебра.

Облако пыли, воздух, наполненный частицами меди, – в таких условиях мастерам приходилось трудиться. По словам местных жителей, производители звонкого товара страдали заболеваниями легких, были худосочны, редко доживали до 40-летнего возраста²³⁵.

Работа точильщика особенно опасна для здоровья. До 15–17 часов доходил его рабочий день.

Многие селяне нанимались в мастерские поденными рабочими. В мастерских работали и дети. Зажиточные крестьяне редко отдавали своих детей в этот промысел. Это были дети бедных родителей и сироты. Они работали наравне со взрослыми. Хозяин мастерской обеспечивал их жильем и едой. Их годовой заработок составлял всего 15–20 рублей²³⁶.

В Пуреховской и Андреевской волостях Балахнинского уезда работало от 8 до 15 мелких заведений по литью²³⁷. В литейных трудились превосходные мастера. Складывались их династии. Это семьи Трошиных, Веденеевых, Ключюковых, Овечкиных.

Основатели промысла – Макар, Алексей, Федот Трошины изготавливали «дар Валдая» с пометкой «Пуреховский завод». Свадебные колокола с тремя гербами Российской империи и с надписью «По особому заказу с серебром ЗФМТ» выпускал завод Ф.М. Трошина в Пурехе. Алексей Макарович Трошин представил литье на Всероссийскую промышленную и художественную выставку 1896 года в нижнем Новгороде. Он первым из Пуреха экспонировал продукцию за границей. В 1900 году участвовал во Всемирной выставке в Париже. В 1908 году за отличное качество литья его наследники были удостоены золотой медали на выставке в Ростове-на-Дону. Они же стали участниками 2-й Всероссийской кустарно-промышленной выставки в Петербурге в 1913 году²³⁸.

В 1885 году на 1-й губернской выставке кустарных произведений Федор Алексеевич Веденеев за свои изделия был награжден бронзовой медалью. Позже он выпустил

несколько партий звонкого товара с медальной надписью «За трудолюбие и искусство»²³⁹.

С 1834 по 1914 годы занимались промыслом Овечкины. Они выпускали разнообразную продукцию: детали конской сбруи, поддужные колокольчики, станционные колокола²⁴⁰.

Особой мелодичностью отличались колокольчики Егора Спиридоновича Ключкова, открывшего меднолитейное заведение в 1879 году в деревне Остапово. В 1907 году он был удостоен золотой медали на выставке в Брюсселе, через год – большой серебряной медали – на выставке в Ростове-на-Дону. В 1913 году он экспонировал колокольчики в Риме и вернулся домой с золотой медалью²⁴¹.

В 1905 году в Балахнинском уезде насчитывалось 6 меднолитейных заведений, в том числе 1 – в деревне Остапово Е.С. Ключкова. Пять заведений располагались в Пурехе. Это мастерские Ф.А. Веденева и К.И. Овечкиной, тремя заведениями владело семейство Трошиных²⁴².

Кроме того, существовали и мелкие мастерские, где трудились мастера-одиночки. Они ставили на медных изделиях свои имена: Е.А. Добрынин, П.И. Старков, Д.С. Кожевников, Г.Г. и П.Г. Чернигины, Е.Е. Макаров и другие умельцы.

Мастера ценили нежные и сильные звуки колокольчика и различали звоны: малиновый, шиллеровский, глинкинский, валдайский²⁴³. Звучание, тембр зависели не только от размеров и форм, но и от толщины и качества отливки. Состав металла для большинства колокольчиков стабилен: 4 части меди и 1 часть цинка. Вместо цинка иногда брали олово. Шел поиск звучащей формы²⁴⁴.

На Всероссийскую промышленную и художественную выставку 1896 года в Нижнем Новгороде было представлено 70 сортов колокольчиков и 76 видов бубенчиков, гладких и граненых, посеребренных и желтых с кантом, гладких и с прорезью²⁴⁵.

Среди сортов пуреховского литья были: «поддужные», «подшейники», «гречужники», «парные», «сибирские», «новосибирские», «московские», «казанские», колокольчики, каждый 5–8 различных сортов. Один из них

звался «дар Валдая», или «валдайка», был и «валдайский с цветочком». В этих названиях прослеживаются связи Пуреха с валдайским промыслом. Бубенчики изготавливались «московские» и на «заграничный манер».

Если в конце XIX века на Нижегородскую ярмарку привозили звонкого товара из Пуреха на 15000 рублей, в начале XX столетия – на 30000–35000 рублей²⁴⁶. Крупные поставщики вели торг в лавках. Мелочная торговля была разбросана по всей территории ярмарки. Оптом закупались их изделия для отправки в Поволжье, степной край, Сибирь²⁴⁷. Ярмарка служила великолепным рынком сбыта меднолитейной продукции. Покупали ее поштучно, десятками и сотнями.

В 1906 году сотня рыбацких медных колокольчиков стоила 1 рубль 50 копеек, подшейных – до 7 рублей. Поддужные колокольчики можно было купить от 60 копеек до 2 рублей за штуку. «Валдайку» же продавали десятками по цене 3–6 рублей²⁴⁸. Бубенчики продавались сотнями от 70 копеек до 7 рублей. Посеребрённые бубенцы стоили дороже на 2%²⁴⁹.

В 1914–1918 годах в связи с событиями Первой мировой войны промысел в Пурехе приходит в упадок. Резко подорожала медь. Кроме того, падал спрос на колокольчики в связи с сокращением ямщичества. Набирал свою мощь паровой флот. Чтобы удешевить товар, производители медной продукции в Пурехе стали выработать суррогат медного бубенца – чугунный.

В 1915 году только 4 торговые фирмы из Пуреха поставили свои изделия на ярмарку. Привезено товаров было менее 1000 пудов²⁵⁰. Цены на него поднялись. Все изделия продавались только поштучно. «Дар Валдая» доходил до 1 рубля 60 копеек, «коровьи боталы» – до 95 копеек, «сибирские» «новосибирские», «казанские» «гречужные» – до 40–75 копеек за изделие.

В 1916 году только 3 фирмы из Пуреха выехали с колокольчиками и бубенчиками на Нижегородскую ярмарку. Зато прибыла торговая фирма с аналогичным товаром из Сосновской волости Горбатовского уезда Нижегородской губернии. Война продолжала пагубно влиять на развитие

промысла. В районе Пуреха производились муфточки для ручных гранат, стаканов. Рабочие, занятые в производстве колокольчиков и бубенчиков, вынуждены были перейти к работе на оборону.

В 1917 году на ярмарку «бубенцов нижегородских» не привезли. «Этого столь характерного для ярмарки товара не было», – заметил С.В. Сперанский в отчете о ходе торговли в Нижегородской ярмарке за 1917 год²⁵¹.

С давних пор на Руси считалось, что звон колоколов и колокольчиков оберегает от нечистой силы, исцеляет, просветляет душу. Колокольный звон – часть русской национальной культуры. Позаимствовав колокол из Европы, Россия превзошла европейские страны в развитии колокольного дела. Колокольчики – миниатюрные копии больших колоколов.

По мнению В.И. Даля, колоколец, или колокольчик, – это звонок почтовый, под ямскую дугу. Русская тройка с колокольчиками навечно осталась в русской душе.

«Колокольчик однозвучный» был характерной деталью старого быта и популярным мотивом русской лирики, народной песни, романа. Он воспевался в произведениях А. Пушкина, Ф. Глинки, А. Блока, М. Горького, С. Есенина. Сам колокольчик стал песней, вечно живущей в памяти народа²⁵².

Мчались по столбовым дорогам России птицы-тройки почтовые и курьерские. Производились барские выезды. Двигались свадебные поезда. Вместе с ними распространялся по стране промысел, уходя все дальше от давшего ему жизнь Валдая.

Ямской колокольчик – любимец всех сословий, от крестьян до элиты российского общества. Он с равным усердием служил всем, кто прикреплял звонкую медь под конскую дугу. «Ямской гармонью» называли набор колокольчиков и бубенцов, подобранных так, чтобы они звучали в унисон.

Колокольчики и бубенцы сопровождали свадьбы, проводы рекрутов, катания в праздники.

Существовали дверные колокольчики, которые прикреплялись к двери «для звону приходящих»²⁵³. На них писали: «Звони веселей у дверей, Валдай».

Изготавливали медники и «колоколо», «колоколок», «ботало» на шею скоту. Круглые колокольчики звали «болхарь», «глухарь», «бухарь», «гремок», «гормотунчик», «гормотушка», «громышек», «балабанчик», «бубенец», «бубенчик»²⁵⁴. Они имели самые различные размеры, различались по тональности и номерам. Бубенцы крепились за ушко к аркану, хомуту, дуге, кистям на узде, шлее, седелке, оглоблям²⁵⁵.

Часть истории народного быта – это свадебный колокол. Такие колокола дороги человеку. Они, как семейная реликвия, передавались по наследству, из поколения в поколение. Осень и зима – время крестьянских свадеб. В Пурехе появился особый спрос на свадебную сбрую, требовавшую большого количества бубенцов.

Изготавливались колокольчики, предназначенные для рыбной ловли, называемые «рыбацкими».

Особые «столовые» колокольчики стали элементом быта русского дворянства.

Колокольчики и бубенчики Пуреха очень нарядные. Многие изделия народные умельцы украшали затейливым растительным орнаментом, рельефом, надписями. Использовались разнообразные шрифты, от печатных букв до старинной красивой вязи. В рельефах – одноглавые и двуглавые орлы, птицы, портреты императоров, затейливые узоры, расположенные по краю резонатора. В 1880-х годах в Пурехе существовал излюбленный рельеф – изображение Георгия Победоносца. Его можно обнаружить в колокольчиках Трошиных, Веденевых, Ереминых, Молевых, Ерохиных²⁵⁶.

По внешнему ободу колокольчика, над «ушком», внутри «чаши» указывались год, место отливки, фамилия, имя, отчество мастера.

На колокольчиках нередко делали надпись: «Купи, не скупися, езд, веселися!». Чаще всего использовались такие слова: «Купи, денег не жалея, со мной ездить веселей!». «Звону много – веселей дорога», – сообщала другая надпись на медных изделиях. На колокольчиках Пуреха отливались такие слова: «Мчится тройка удалая – колокольчик «дар Валдая» Такая пометка предполагала, что товар будет сбываться без всяких проблем. На сва-

дебных и подарочных колокольчиках помечали: «Кого люблю, того дарю», или «Поддай голосок тому предмету, кого милее нету».

В начале XX столетия конкурентами мастеров Пуреха в Нижегородском крае были И.А. Чилин из села Павлова Горбатовского уезда, из Макарьевского уезда лысковчане В. и М.В. Рогожины²⁵⁷. И в Балахнинском уезде промысел из Пуреха с округой переняли еще и в Андреевской волости, где занимались им 33 человека. В Пурехской же волости промыслом было занято 45 человек²⁵⁸.

С 1860-х годов железные дороги стали вытеснять тройки, оставляя им глухие тракты и проселки. Автомобиль вытеснил ямщика окончательно, а с ним и «бубенец нижегородский».

Колокольчики в Пурехе выпускались до 1930-х годов²⁵⁹. Создавались они уже не для конского убора, а для рыбной ловли. У старых волгарей-рыбаков можно до сих пор встретить мелодичные литые колокольчики.

Последний мастер в окрестностях Пуреха – Иван Максимович Трошин из деревни Пырьево²⁶⁰. Он прекратил отливать колокольчики уже после Великой Отечественной войны.

Сегодня поддужных колокольчиков никто не производит. Эти художественные изделия замечательных мастеров из старинного волжского села Пурех стали принадлежностью музеев и частных коллекций любителей старины. Поют они такими неповторимыми и чистыми голосами, что их можно слушать бесконечно. Это достояние российской культуры, нетленная страница истории Нижегородского края.

Список литературы

1. *Л.Ю. Варенцова. Колокольчики и бубенчики Пуреха // Нижегородские народные промыслы. Часть 2: Учебное пособие. Н. Новгород, 2013.*

2. *Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде. Каталог кустарного отдела Нижегородского губернского земства. Н. Новгород, 1896.*

3. *А.С. Гациский*. Несколько слов о балахнинской промышленной жизни // Гациский А.С. Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом, под редакцию действительного члена и секретаря комитета *А.С. Гациского*. Н.Новгород, 1870. Т. 3.

4. *Л. Годин*. Звонкое эхо веков // Советский музей. 1984. № 3.

5. *В.И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка: В 12 т. М., 2000. Т. 5.

6. *И.А. Духин*. «И заливается задорно нижегородский бубенец» // Памятники Отечества. 1985. № 2.

7. Колокольчико-литейное производство. (Из с. Пурех Балахнинского уезда) // Нижегородская земская газета. 1905. № 18.

8. Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. Вып. II. СПб., 1896.

9. Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1917 г. Составлен под ред. *С.В. Сперанского*. М., 1918.

10. *Д.В. Прокопьев*. Художественные промыслы Горьковской области. Горький, 1939.

11. С. Пурех // Нижегородская земская газета. 1906. № 7.

12. С. Пурех Балахнинского уезда. (Базары) // Нижегородская земская газета. 1903. №8.

13. Российский историко-бытовой словарь. М., 1999.

14. *С.В. Сперанский*. Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1915 г. М., 1916.

15. *А.А. Титов*. Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1907 года. М., 1908.

16. Торговля и промышленность Нижегородской губернии: Справочный сборник 1905 г. Н.Новгород, 1905.

17. *Н.Ф. Филатов*. Веси Нижегородского края. Очерки историй сел и деревень Поволжья. Н. Новгород, 1999.

18. *Н.Ф. Филатов*. Подвиг во имя России. Козьма Минин и Дмитрий Михайлович Пожарский. Н. Новгород, 1996.

19. ЦАНО. Ф.457. Оп. 324. Д.193.

20. *Н.П. Яковлева*. К вопросу о систематизации ямщицких колокольчиков // Колокола: история и современность. М., 1993.

Нужно восстановить заглохшие промысла

Еще в 1934 г. июньский пленум Крайкома ВКП(б) в постановлении о работе кустарно-промысловой кооперации предложил «принять действительные меры к восстановлению старых промыслов на селе, к укреплению существующих и организации новых на базе местного недефицитного сырья».

Совнарком СССР в постановлении от 27 января 1936 г. «о расширении производства предметов широкого потребления промысловой кооперации и кооперации инвалидов» предусматривает особые налоговые льготы за использование новых видов сырья и за новые виды изделий. Продукция, вырабатываемая из новых видов сырья, освобождается на два года от обложения налогом с оборота и от бюджетных наценок. Прибыль от реализации этой продукции на тот же срок освобождается от подоходного налога. По представлению Всекопромсовета, Всекопромлесоюза и Всекоопинсовета Наркомфин СССР может освобождать новые виды изделий от обложения бюджетной наценкой и снижать по ним налог с оборота до 1% в период освоения этих изделий и на сроки от 3 до 6 месяцев.

Наркомфину СССР предложено освободить от обложения бюджетной наценкой изделия промысловой кооперации и кооперации инвалидов из дерева, минералов, кости местных заготовок, металлоотходов, камыша, соломы, бересты, стекла и ракушки.

Председатель ЦИК СССР и ВЦИК М.И. Калинин в своей речи на краевом съезде колхозников-ударников

17 февраля указал на то, что «кустарные промыслы Горьковского края накопили огромный производственный опыт, который нужно было бы лучше использовать».

Таким образом, партия и правительство дают четкие указания о развитии промкооперации по линии оживления заглохших промыслов и производства новых видов изделий с использованием недефицитного сырья и свободной рабочей силы, особенно в деревне.

Вместе с тем, создаются благоприятные условия для увеличения выпуска предметов широкого потребления.

Важно, прежде всего, чтобы работники кооперации внимательно изучили экономические изменения, обусловившие отмирание отдельных промыслов, и выяснили целесообразность восстановления их или замены новыми. В Городецком районе когда-то процветали киотный и веретенный промысла. Они отжили свое время вместе с изменившимися в корне бытовыми условиями. Но бывшие киотники и веретенщики могут быть хорошими краснодеревщиками-мебельщиками, токарями. Вместо сотен тысяч веретен они могут вырабатывать шашки, шахматы, крокеты, кегли. Опыты переключения бывших веретенщиков Городецкого района дали положительные результаты в системе Крайпромлессоюза в районах деятельности Новинской и Беловской артелей, где до 1935 года внимание хозяйственников сосредоточивалось исключительно на ложке.

В районе деятельности тех же артелей еще в годы мировой войны постепенно замер игрушечный промысел. Кустари-надомники, представленные самим себе, выбрасывали иногда на рынок десятки коней в типичных темно-красных и черных расцветках, кукольную мебель, санки, каталки. В последнее время реже и реже появлялись эти игрушки. В конце 1935 г. игрушечники Городецкого района были вовлечены в систему лесной кооперации. За последний квартал этого года ими выработано игрушек на 13,3 тыс. руб.

План 1936 г. предусматривает выработку в Городецком районе игрушек и спорт-инвентаря на 60,3 тыс. руб.

На территории края еще до революции проводились опыты выработки черепицы. Но они были забыты. Мно-

гопромисловая кооперация, особенно после речи секретаря Крайкома ВКП(б) Т. Прамнэка на III съезде Советов, указавшего на значение черепицы, как основного вида кровли, стала останавливать это производство. Черепицу начали вырабатывать в нескольких артелях: «Керамист», Лысковского района, «Гончар», Богородского района.

Кустари Ново-Покровского промколхоза им. Сталина, Ковернинского района, провели опыты применения хохломской окраски к глиняным свистулькам и к игрушкам из папье-маше. Кустари Городецкой артели имени XVI партсъезда применили хохломскую к цветочным горшкам. Явился новый вид комбинированного производства.

Чувашлеспромсоюз начал выработку цветной стружки в Ибреси для искусственных цветов. В Алатыре ставится производство хоккейных спортивных клюшек. В Ибреси проводится пробная распиловка резонансовой ели, которая является прекрасным материалом для струнных и смычковых музыкальных инструментов.

В системе многопромышленной кооперации используются: ракушки для выработки перламутровых пуговиц (в Цивильске), отходы Балахнинского бумкомбината для выработки бумаги под карандаш, блокнотов, фасовочных коробочек, обрабатываются ангидрит и марматит (Бураковские пещеры, Бутурлинского района) для изготовления скульптурных камне-резных изделий.

В самое последнее время в системе лесной кооперации практически разрешается вопрос о восстановлении городецкой художественной росписи, применявшейся когда-то при оформлении прялочных донец и разных предметов домашнего обихода: сундуков, шкафчиков и т.д. Эта роспись, нашедшая высокую оценку у ряда московских художников и даже у ценителей искусства за границей, должна найти применение на мебели, домашней утвари при условии внедрения новой тематики. Работа в этом направлении уже проводится вновь организованном в 1936 г. Городецким Лессудостроймебсоюзом в районе Букинского сельсовета.

В мозаике по дереву и в токарном промысле Семёновского района система лесной кооперации использует

древесную породу, на которую прежде не обращалось внимания. Так, мозаичное отделение семеновской школы ФЗУ применяет в своих работах акацию, сирень с красивыми прожилками сиреневого цвета, клен, грушу, дуб и др. Кустари Прикерженья вылавливают в реке Керженце дубовые кряжи и при распиловке их получают ценную древесину – черный дуб разной готовности: светло-серый, темно-серый и вполне черный. Из этой древесины кустари изготавливают шахматы, шашки, настольные украшения. Изделия из черного «керженского» дуба были на январской художественной выставке 1936 г., организованной Горьковским крайпромлесоюзом. Черный дуб может быть использован не только в мозаичном промысле, но и при производстве паркета.

В Ковернинском районе лесопромысловая кооперация ставит производство никогда не вырабатывавшейся здесь игрушки, музыкальных инструментов (балалайка), спорт-инвентаря. Из «обечки», употреблявшейся для производства решет, в этом же районе предполагают изготавливать фасовку для фруктовых и кондитерских магазинов, в которой испытывается недостаток при различной торговле. Оживают промысла по изготовлению мелкой древесной ленточки, пригодной для производства легких летних головных мужских и дамских уборов. Это производство, начатое в Семеновском районе по инициативе Госторга в 1930–34 гг., заглохло. В настоящее время оно вновь ожило в Ковернинском районе (Белбаш). Спрос на древесную ленточку предъявляется из других областей и краев, например, из соседнего Кировского края. В Ковернине развивается промысел по выработке штор из древесной соломки с художественной окраской.

В системе промысловой кооперации не только оживают заглохшие и внедряются совершенно новые промысла, но видоизменяются, качественно совершенствуются и улучшаются старые производства. Это в особенности следует сказать о хохломской росписи. Январская выставка-конкурс хохломских художественных изделий показала высокое мастерство хохломичей, внесших новые расцветки в хохломскую роспись и обогативших

старинный растительный орнамент новыми деталями. Это мастерство достойно оценено председателями Всесоюзного и Всесоюзного художника, заслуженным деятелем искусства Кончаловским, проф. Бакушинским, рядом специалистов и писателей, давших свои отзывы о последних работах хохломичей в печати.

Интерес к хохломской росписи с ее обновленной и обогащенной орнаментикой, пробужденный не только в крае, но и в Москве, дал основания для организации выставки художественных изделий Горьковского края в московском парке культуры и отдыха. Выставку решено открыть в июне с привлечением к изготовлению экспонатов мастеров-художников, работающих в системе Крайпромлессоюза. Эта выставка должна быть показом достижений края в области художественных промыслов. Она предвещает Всесоюзную сельскохозяйственную и Парижскую выставки 1937 г., на которых также предполагается участие Горьковского края по разделу научно-художественных промыслов.

Работа кооперации указывает на громадные возможности в деле оживления старых и внедрения новых производств. Но ответственная задача, поставленная правительством перед промысловой и инвалидной кооперацией, выполнить производственную программу в 1936 г. в сумме 9208 млн. рублей, в том числе 7283 млн. рублей по ширпотребу, требует еще большего напряжения сил.

Январское постановление СНК СССР разрешает артелям закупки в глубинных пунктах, – в зоне деятельности артелей, – пищевых и животноводческих продуктов (яйца, масло, мясо, молоко) после выполнения районами планов поставки продуктов государству; заготовки короткого льняного и пенькового волокна, волокна дикорастущих растений, щетины, рога, копыт, кости, конского волоса; заготовку для производственных нужд всех видов кожевенного и второстепенного животного сырья, получаемого в подсобных хозяйствах (колхозах) промысловой и инвалидной кооперации; покупку отходов крупной промышленности, натуральной грубой шерсти у колхозников, при условии выполнения государственных поставок, по

ценам, не превышающим государственных закупочных цен, установленных для сельскохозяйственного сырья. Все это еще более расширяет производственные возможности промысловой и инвалидной кооперации.

Серьезность задач, поставленных перед промысловой и инвалидной кооперацией в области производства ширпотреба, требует напряженной работы не одних только хозяйственников и специалистов кооперации. На помощь к ним должны придти научно-исследовательские и общественные организации. Опыты таких работ давались в серии изданий: «Производительные силы Горьковского края», в издании всесоюзного кооперативного издательства – «КОИЗ», в отдельных работах по флоре Горьковского края, проводимых под руководством и при участии проф. Станкова. В последних, например, имеются ценные исследовательские материалы по дикорастущим, масличным, плодово-ягодным растениям.

Все эти работы требуют освоения их хозяйственниками и практических выводов, от которых не может устраниваться многопромысловая кооперация, дающая по разделу пищевой промышленности кондитерские изделия. Но в группе кондитерских изделий не видно пока товаров с переработкой дикорастущих плодов и ягод. Между тем известно, что при производстве киевского сухого варенья широко использовались рябина, шиповник и др. В хозяйственной практике издавна производилась выработка высококачественного уксуса и вина из ягод, плодов и меда.

В Городце и Семенове было сильно развито пряничное производство. Пряники Городца были хорошо известны во всем верхнем и среднем Поволжье. В 1933 г. ставился вопрос о восстановлении пряничного производства риковской промышленностью. Промкооперация могла бы также проработать вопрос о расширении ассортиментов кондитерских изделий и других пищевых продуктов за счет восстановления местных промыслов в старых районах производства.

В старых материалах конца XIX столетия (например, в отчетах и исследованиях по кустарной промышленности

в России, т. 1, изд. 1892 г., статья Воронежского – «Кустарное производство игрушек») упоминается о мастере (Анкудимов) заводной игрушки Павловского района, который был хорошо известен среди очень немногих мастеров России по металлической игрушке. Вопрос о выработке металлических и, в частности, конструктивных игрушек в Горьковском крае остается почти неразрешенным, но он может также интересовать многопромысловую кооперацию.

В издававшемся в конце XIX и начале XX столетия справочнике-указателе кустарных производств и кустарных мастеров упоминается о ряде кустарей с указанием фамилий, места их работы и производств, в которых они заняты. Упоминаются, между прочим, мастера, занимавшиеся обработкой бересты.

Береста экспортировалась и за границу, где из нее делались разные изделия, например, визитные карточки, попадавшие уже в виде готовой продукции в дореволюционную Россию.

Система Всекопромсовета запроектировала изготовить в 1936 г. 13 тыс. тонн веревки из новых видов местного сырья и 30 тыс. тонн хозяйственного мыла. Известно, что в Ундорском районе Куйбышевского края население вырабатывает из дикой крапивы веревки, канаты, сети, мешки и даже белье и цветные ткани. Это отмечено экспедицией Куйбышевского общества изучения края, обследовавшей заросли дикорастущей крапивы приволжских пойм («Советское краеведение», 1935 г., декабрь). Для производства мыла может быть использовано сало местных утилизационных салотопенных заводов, деятельность которых должна расширяться с увеличением животноводства. Все это не может не интересовать промкооперацию и инвалидную кооперацию Горьковского края.

Нужно поставить вопрос о восстановлении сапожных, пошивочных, шорно-седельных промыслов, важных при развороте починочно-ремонтного дела, в особенности по платью и обуви, в связи с ростом потребностей и обеспеченности деревни. По тем же основаниям должны быть

восстановлены, – особенно в национальных автономиях края, – заглохшие промысла по выработке набойки, пестроткани, комнатных ковриков, дорожек из текстильных отходов, полотенец с типичными узорными концами.

В отдельных точках могут быть выявлены другие заглохшие промысла, или выяснены перспективы развития новых промыслов на основе использования местного недефицитного сырья и учета его.

В проведении этой работы должны принять участие краеведческие организации.

Бывшей ассоциацией по изучению производительных сил края в 1930 г. было начато библиографическое описание литературы по кустарным промыслам и составлено более 1500 учетных карточек, в которых имеется богатый справочный материал, неизвестный пока промкооперации. Этот материал необходимо дополнить и систематизировать.

Опыт такой научно-исследовательской работы по выявлению заглохших кустарных промыслов, с привлечением библиографических материалов, был проведен в 1935 году Куйбышевским краеведческим обществом в контакте с хозяйственниками (Управление местной промышленности, Крайпромсовет, Крайлесдревсоюз, Инвалидная кооперация) и дал положительные результаты.

Горьковский край, располагающий богатыми сырьевыми ресурсами и квалифицированной рабочей силой, имеет все возможности, чтобы еще больше усилить производство предметов широкого потребления, развернув новые промысла, обслуживающие социалистическую промышленность, сельское хозяйство и бытовые нужды трудящихся.

В.А. ГРИГОРОВА,

кандидат исторических наук, доцент,
Воронежский государственный технический университет,
г. Воронеж

Из истории металлургических предприятий в Центрально-Черноземном регионе на базе кустарных промыслов

Ключевые слова: мелкотоварное производство, кустарные промыслы, металлургические заводы, Воронежская губерния, Центрально-Черноземный район

Сегодня, в условиях поиска вариантов преодоления трудностей в развитии современного предпринимательства, важен опыт развития кустарных промыслов. Именно на их базе ранее обеспечивалось формирование предпринимательского слоя и осуществлялось становление капиталистической промышленности. Опыт прошлого может быть полезным при разработке законов и программ, направленных на поддержание малого и среднего бизнеса. Несмотря на практическую значимость, кустарная промышленность до сих пор остается неисследованной. Отдельные аспекты развития мелкотоварного производства, такие как особенности процесса перехода кустарных промыслов к капиталистическому способу производства, роль отхожих промыслов в утверждении капиталистической экономики во второй половине XIX в. и другие, ученые рассматривали лишь частично.

Кустарные промыслы в хозяйстве Центрально-Черноземного региона всегда имели важное значение. Они

являлись источником удовлетворения потребностей как местного населения, так и потребностей государства в промышленности и транспорте. Это касалось тех предметов, которые или совсем не вырабатывались государственной промышленностью (например: деревообделочные изделия, пенько-веревочные товары и т.д.) или были дефицитными (обувь, металлоизделия). Важное значение имели промыслы, производящие продукцию экспортного значения (кружева, вышивка). Тем не менее, несмотря на признание практической значимости, кустарная промышленность до сих пор остается малоисследованной. Отдельные аспекты влияния кустарных промыслов на становление промышленного способа производства в регионе, учеными либо не затрагивались вообще, либо рассматривались лишь частично.

На территории Центрально-Черноземного региона кустарные промыслы сыграли большую роль в создании заводской металлургической базы на рубеже XVII–XVIII вв. Здесь возникновение частных и казенных вододействующих чугуноплавильных и железоделательных заводов во многом было связано с деятельностью Петра I, связанной со строительством флота в Воронеже и с проведением важных внешнеполитических акций. Сначала Азовские походы, затем тяжелая Северная война указали на необходимость укрепления обороноспособности страны, обеспечение армии вооружением и обмундированием. Это вызвало, с одной стороны, небывалую потребность в металле, усиление поисков месторождений железных руд, а с другой – привело к возведению металлургических заводов не только в центре России, но и на ее окраинах.

Роль местных кустарей в создании крупных заводов в регионе выражалась в поиске и освоении месторождений железной руды; в обеспечении кадрового состава возникающих крупных заводов мастерами из числа бывших мелких товаропроизводителей: в расширении собственного производства кустарей, создавая мелкие и средние кустарные предприятия, которые при наличии определенных условий перерастали в крупные заводы.

Подготовка сырьевой базы заключалась в широкомасштабных рудокопных работах домников, которые велись

еще с древности. Первоначально местные крестьяне, с помощью железной лопаты, осваивали залежи болотных и озерных руд. В период со второй половины XVII в. до начала XVIII в. они исследовали отдельные залежи железных руд.

Благодаря железоделательным мастерам в регионе были обнаружены местные источники железной руды в районе Липецко-Студенецкого рудного поля, Хоперского поля, Сокольского медного рудника²⁶¹. В регионе эксплуатировались болотные и озерные руды, залегавшие на дне болот и озер, а также мелкие месторождения железной руды в Усманском и Борщевском станах Воронежской губернии. Залежи серебряной руды были обнаружены на территории современного Лискинского района.

Важно заметить, что подготовка сырьевой базы обеспечивала бесперебойное развитие кузнечного и доменного промыслов. Местные мастера не испытывали проблем с заготовкой сырья. В основном они самостоятельно добывали, обрабатывали руду и изготавливали из нее металлопродукция. Кроме этого, работа домников способствовала оформлению сырьевых районов в регионе. Это было важным для предпринимателей, которые планировали строить завод. Ими учитывался факт близости действующего месторождения железной руды и наличие лесного массива для заготовки топлива.

Роль кустарных промыслов в создании частных и казенных крупных заводов на территории Центрально-Черноземного региона выражалась и в формировании кадрового состава возникающих предприятий бывшими кустарями. Например, состав мастеровых и рабочих людей вододействующих чугуноплавильных и железоделательных заводов состоял из кустарей-металлургов соседних центров развития кустарной металлургии.

Прибыв на завод, в условиях машинного производства, их приходилось переучивать. Но уже изначально это были люди, которые с детства под руководством близких родственников постигали секреты производственного процесса. Они были готовы обслуживать производственный процесс на заводе. А имеющееся несоответствие знаний

технологиям мануфактурного производства ликвидировалось путем переквалификации бывших кустарей.

В качестве примера формирования кадрового состава из числа бывших кустарей можно указать Липецкие казенные заводы. Здесь, с 1700 года стали использовать государственную мобилизацию кузнецов и других специалистов металлургического производства из Романова, Ельца, Воронежа, Скопина, Усмани – центров развития кустарной металлургии региона в XVII в.²⁶²

Мобилизованные рабочие знали с детства доменное или кузнечное дело. Поступив на завод, они приносили с собой трудовые и технические навыки. Однако производственная направленность Липецких мануфактур, связанная с удовлетворением нужд военно-морского флота и армии в вооружении, обуславливала необходимость переквалификации бывших кустарей. Подобный заводской ассортимент был не знаком бывшим кустарям. До поступления на завод, работая на свободный рынок, они изготавливали только те товары, которые были необходимы в быту.

Переквалификация бывших кустарей, а также повышение технического уровня на Липецких заводах осуществлялись в специальном институте ученичества под руководством тульских и московских оружейников, присланных из Оружейной палаты Москвы. Они обучали мобилизованных кустарей оружейному, пушечному, якорному, молотовому и доменному мастерству.

Обучение второго поколения рабочих Липецких заводов осуществлялось уже не присланными специалистами, а местными мастерами. Оружейники, мастера доменного, молотового и якорного производства стремились обучить своих детей всем секретам мануфактурного производства самостоятельно. Их дети находились на заводах с раннего детства. Помогая своим родственникам, мальчики постепенно приобретали знания и опыт производственной работы, составляя в будущем кадровый состав мастеровых и работных людей предприятий.

Уже в 40-е годы XVIII в. на Липецких заводах работали специалисты второго поколения – дети и внуки

мобилизованных кустарей. Согласно «Ревизским сказкам по Липецким, Козминским заводам Воронежской губернии», они поступали на работу в 20 лет в качестве полноценных специалистов. Обучаясь при своих родственниках с десятилетнего возраста, к моменту начала своей работы, они были уже полностью готовы к обслуживанию производственного процесса на мануфактуре. Ярким примером может служить Василий Сафонов, который с 10 лет находился на предприятии в учениках у своего родного брата. Он обучался металлургическому производству²⁶³.

Формирование кадрового состава бывшими кустарями железоделательных промыслов прослеживалось не только на казенных заводах. Рабочий состав частных металлургических предприятий также состоял из кустарей-металлургов. Например, на Терсинском заводе И.И. Морозова, расположенного при впадении реки Терсы в Медведицу, работали вольнонаемные рабочие, которые ранее занимались кузнечным или доменным промыслами.

Согласно документам здесь весь производственный процесс обслуживали исключительно русские специалисты, некоторые из которых являлись потомственными работниками металлургического производства. По сведениям Берг-коллегии, на заводе Ивана Ивановича Морозова мастером доменного дела был Иван Кузнецов, отец которого работал на рязанских заводах. В возрасте пяти лет Иван приступил к обучению на заводе Милякова в Краснослободском уезде Воронежской губернии. Здесь, после смерти отца, под руководством местных мастеров он научился не только обработке, но и добыче железа²⁶⁴.

Роль кустарных промыслов в создании заводской базы выражалась и в расширении собственного производства кустарей. Занимаясь торговой и ростовщической деятельностью, непосредственные товаропроизводители накапливали капиталы, необходимые для строительства мелких и средних кустарных предприятий.

На территории Центрально-Черноземного региона действовали различные мелкие металлургические заведения. Первоначально это были кузницы и домны.

В кузницах изготавливали различные изделия из железа, а в домнах обрабатывали кричное железо и готовили его для дальнейшего использования. Устройство и оборудование подобных кустарных заведений было примитивным, однако уже в XVIII в. их владельцы стремились перейти в разряд собственников средних и крупных предприятий. Известно, что наиболее удачливыми были попытки кустарей Воронежской губернии. Например, на собственные деньги братьями Иваном и Тарасом Миляковыми был построен металлургический завод в 1723 г. в Краснослободском уезде Воронежской губернии²⁶⁵. Следующим примером можно считать завод Василия Озерова, возведенный в Воронежском уезде у с. Дубово²⁶⁶.

К середине XIX в. в регионе существовали различные предприятия кустарей. Наряду с суконными, кожевенными, маслособойными, салотопенными и мыловаренными предприятиями, они владели чугунно-литейными заведениями²⁶⁷. Один из чугунно-литейных заводов существовал в Курской губернии, в частности в г. Белгороде, в пригородной слободе Жилой. Его владельцем являлся крестьянин – Григорий Никифорович Бойцов²⁶⁸.

Во второй половине XIX в., после отмены крепостного права число различных мелких крестьянских заведений возросло. Многие кустари стали заниматься кустарным производством в качестве основного вида деятельности. Постепенно они расширяли свое производство и при наличии условий их мастерские перерастали в более крупные промышленные предприятия. В результате они стали составлять основу промышленности региона. Наиболее популярными видами кустарных предприятий во второй половине XIX в. были кузницы, крупорушки, слесарные, столярные, сапожные и портновские мастерские, мелкие хлебопекарни, артели строительных специальностей. Некоторые из них со временем переросли в крупные заводы. Самым ярким примером является механический завод «Столь и К°» – крупное предприятие региона, созданное в 1869 г. в сфере металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности.

Изначально завод основывался как кустарная мастерская по ремонту оборудования для маслособойного про-

изводства. По мере роста производства на предприятии стали заниматься изготовлением сельскохозяйственного инвентаря, прежде всего плугов. В дальнейшем перешли на установку и ремонт оборудования парового отопления в виде котлов, а также локомотивов, аппаратов для махорочных фабрик.

Владелец завода – Вильгельм Германович Столль не только расширял ассортимент, но и привлекал инвесторов для развития своего дела. Постепенно мелкая мастерская кустарная типа переросла в одно из крупных промышленных предприятий не только региона, но и всей России. Было открыто несколько филиалов по стране²⁶⁹.

В качестве следующего примера можно отметить механический завод, владельцем которого был Эмиль Францевич Гаусман. Он был построен в 1857 году как небольшая кустарная мастерская по производству сельхозмашин. В дальнейшем здесь занимались производством и ремонтом оборудования для обслуживания железных дорог и строительства.

Первоначально на заводе использовали ручной труд. Численность рабочих на предприятии была невысокой. Здесь работали всего лишь 20 человек. Квалифицированным специалистом считался только один из них, остальные – подмастерья и ученики²⁷⁰.

Таким образом, следует отдать должное кустарному производству в деле становления промышленного способа производства в регионе. Его активное развитие благоприятствовало возникновению различных крупных промышленных предприятий. Непосредственно кустари создали благоприятные условия для появления казенных и частных заводов. Они заключались в подготовке сырьевой базы и кадрового состава для обслуживания производственного процесса возникающих предприятий. Их активное участие в торговой и ростовщической деятельности позволило накопить необходимые капиталы для расширения собственного производства. Создаваемые мелкие и средние кустарные заведения в условиях слабого развития промышленности, составляли основу промышленного потенциала региона, обеспечивая потребности

местного населения и частично государства в бытовых изделиях, одежде и обуви, а также в транспорте.

Опыт развития кустарных промыслов и формирования промышленного потенциала региона на их базе может оказаться полезным сегодня в условиях поиска вариантов преодоления негативных тенденций в развитии современного предпринимательства. Он поможет осознать необходимость расширения предпринимательской инициативы, а также оказания протекционистской политики со стороны федеральных властей в сфере налогообложения современного малого бизнеса.

Список литературы

1. *Г.М. Веселовский*. Воронеж в историческом и современно-статистическом отношении. Издание Воронежского губернского статистического комитета. / *Г.М. Веселовский*. – Воронеж: Типография Губернского Правления, 1866.

2. *И. Герман*. Историческое начертание горного производства в Российской империи / *И. Герман*. Ч. 1. – Екатеринбург, 1810.

3. Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX веков / АН СССР. Т. 1. – М.; Л., 1935.

4. *В.И. Недосекин*. Metallургическая промышленность Черноземного центра России в середине XVIII века / *В.И. Недосекин* // Известия ВГПИ. Т. 31. – Воронеж, 1960.

О.В. ДЕГТЕВА,
историк,
г. Нижний Новгород

**Отражение крестьянских промыслов
Нижегородской губернии
в церковных документах
второй половины XIX – начале XX столетия**

Ключевые слова: приходская летопись, ремесло, ремесленники, прихожане, Нижегородская губерния

Традиционно принято рассматривать документы церковного происхождения, которые создавались и составлялись священнослужителями, как источники, касающиеся исключительно истории православных церквей и монастырей. Безусловно, что большинство архивных документов и публикаций в специальных Синодальных и епархиальных изданиях отражают внутри-церковную жизнь и деятельность епископата, духовенства, монашествующих. Но, в ряде случаев в них была так же отражена обыденная жизнь основного сословия Российской Империи, а именно крестьянства.

В Нижегородской губернии, которая сегодня рассматривается как один из центров различных крестьянских промыслов и ремесел, во второй пол. XIX – начале XX столетия издавались «Нижегородские епархиальные» и «Нижегородские губернские» ведомости. А начиная с 1905 года, стал издаваться «Нижегородский церковно-общественный вестник»²⁷¹. На страницах этих изданий

публиковались церковно-статистические очерки посвященные тем или иным приходам нашего региона. Авторами подобных публикаций являлись священнослужители, либо преподаватели нижегородской духовной семинарии. Наиболее часто публикуемыми были такие авторы как: семинарский преподаватель истории А.Ф. Можаровский член НГУАК (автор порядка 130 публикаций, не только в нижегородской прессе), Г.И. Полисадов, А.И. Тихов, автор очерка про село Безводное, одного из центра по обработке металла²⁷². В подобных исторических очерках посвященных приходской жизни зачастую обстоятельно описывалось и социально-экономическое положение прихожан, их деятельность и занятия.

Кроме этого фрагментарное описание приходской жизни крестьянства и крестьянских промыслов можно встретить в так называемых «Церковных летописях». Указом Синода от 12 октября 1866 года (№ 1881) они должны были первоначально составляться духовенством в порядке рекомендации, а не для обязательного исполнения, лишь предлагалось завести во всех епархиях подобные летописи ²⁷³. В обязательном же порядке они должны были составляться после специального изданного 22 марта 1894 года в Нижегородской епархии циркуляра, опубликованного в прессе²⁷⁴. Прежде была разработана целая программа о том, каким должен быть этот документ по форме. Нижегородская Духовная консистория предложила приводить в данном документе следующие сведения: 1. О храме. 2. О причте церковном 3. О прихожанах 4. О церковных школах 5. О церковных библиотеках. 6. О церковном попечительстве²⁷⁵.

В завершение в данном циркуляре было сказано: «Вообще было бы желательно, чтобы церковная летопись не походила на сухую статистику или канцелярский перечень фактов, имеющих только формальное или официальное бытописание, но чтобы эта летопись касалась жизненных интересов в области местной церкви и религиозно-нравственной жизни народа. При таком взгляде на летопись каждый год даст материал для внесения в летопись даже физических явлений, имеющих

непосредственное отношение к жизни народной: каковы, например: засуха, пожары, эпидемии и прочее... В таком виде церковная летопись, ежегодно пополняемая в хронологическом порядке, была бы верным и нескудеющим источником многих полезных и важных сведений»²⁷⁶.

Для составления летописей в каждый храм была выдана специальная «Книга данная из Нижегородской Духовной Консистории причту церкви для ведения церковной летописи», куда настоятели были обязаны ежегодно заносить информацию о своем приходе. При этом, зачастую составителями летописи могли быть разные священники, так как записи велись по годам, и при смене настоятеля церкви менялся и автор текста, и они проверялись благочинными. В них как правило был раздел о социально-экономическом положении прихожан, где иногда фиксировались факты промысловой деятельности крестьян. Не менее любопытным являются сведения о погодных условиях, об урожае, чрезвычайных происшествиях и знаменательных событиях, произошедших в той или иной местности нижегородского края, а так же рассуждения об общероссийских событиях.

Важно отметить, что таких источников как приходская летопись сохранилось весьма мало (единичные экземпляры), в отличие от других массовых документов которые составляли священники в дореволюционный период. Известны случаи когда они смогли сохраниться в частных руках, а не в государственном архиве.

В качестве примера такого церковного летописания хотелось бы процитировать летопись посвященную Никольской церкви в селе Заскочиха Семеновского уезда (ныне Борского района). Интересующий нас фрагмент летописи был составлен священником Александром Никольским, который исполнял обязанности настоятеля данной церкви в период с июня 1899 по ноябрь 1912 года²⁷⁷. Но, прежде напомним несколько широко известных фактов о данной территории Заволжья под названием «Красная рамень».

На 1896 год в Белкино-Межуйковской волости (куда относилось село Заскочиха) находилось 515 кузнечных

заведений, на которых трудились около 1.149 человек – практически все взрослое мужское население. Большинство работников имели собственные кузницы, но некоторые предпочитали работать по найму. Подряжались в кузницы обычно на зимний период, от праздника Покрова Пресвятой Богородицы до Пасхи²⁷⁸.

К концу XIX века 362 жителя так называемой «Красной Рамени» выделывали весовые коромысла. В это же время якорные цепи для пароходов и барж ковали 60 кустарей, но к 1912 году их число выросло до 655²⁷⁹.

Протоиерей Александр Никольский описывая свой приход писал следующее: «Экономический быт всех крестьян, сельчан заскочихинского прихода из-за имеющих в селениях ремесел – удовлетворительный. Почва земли мало плодородна, а потому и скотоводство у народонаселения не развито. Пастбища не у всех селениях прихода достаточные и сельское хозяйство находится в плохом развитии. Таковые не благоприятные условия относительно возделывания земли и породили в жителях описываемой местности крайнюю необходимость в заведении, некоторых промыслов и ремесел. Более всего из всех замечательно развит промысел кустарный, который служит главным подспорьем в хозяйстве.

Время возникновения этого ремесла последовало, по преданию старожил, около 1810 года. Кем и откуда было занесено это ремесло неизвестно. Крестьяне куют гвозди разной величины: 1) гвоздь двух вершков, так называемый «однотес» – служащий для прикрепления кровельного в одну доску теса; 2) в три вершка – этот гвоздь употребляется при кровле деревянных зданий в два теса; 3) четыре вершка – называется кустарями четвертным, последний в деревянной постройке служит общеупотребительным. Есть еще гвозди пяти, шести, семи, восьми, девяти вершков и более, носящие название – «штопоря» и «костыля», и употребляются при устройстве барж.

Есть в летописи, как нам кажется и объяснение почему в Заскочихинском приходе было много индивидуальных промысловиков. «В семейном быту у жителей местности «большину держит» домохозяин: он распоряжается всем

хозяйством по дому; причем если его домоправительство идет ко благу, а не в ущерб, дом держится крепко, в противном случае начинается прежде недовольство младших в семье против старшего, а затем следует и неизбежный раздел. При разделе каждый из братьев получает по равной части»²⁸⁰.

Не менее интересным фактом, на наш взгляд, зафиксированном в церковной летописи является следующее событие. В 1902 году, 24 ноября (по новому стилю 7 ноября) в престольный праздник (в честь вмц. Екатерины) в село Заскочиху, приехал для обозрения церкви и прихода, Преосвященный Назарий (Кириллов), епископ Нижегородский и Арзамасский. Вместе с ним в пять часов вечера из соседнего села Белкино прибыл благочинный протоиерей Николай Фиалковский. При входе в храм Преосвященный был встречен священниками: о. Александром Никольским и о. Рафаилом Виноградовым²⁸¹. В этот день Никольский храм был полон народу. Нижегородский святитель традиционно произнес назидательное пастырское слово собравшемуся народу, а затем отблагодарил церковного старосту Зубова за его ревностное служение на пользу местного храма. После знакомства с церковью и ее убранством Преосвященный Назарий последовал в дом священника Александра Никольского, где в этот день и заночевал. На другой день, 25 ноября, епископ Назарий посетил кузнецу Заскочихинского крестьянина: «...мимоходом по пути к церкви, Преосвященный даже зашел в кузницу одного крестьянина, К. Матвеевича, и смотрел на работу гвоздей»²⁸². Очевидно, что этот визит произошел по инициативе настоятеля местного храма.

В 1911 году автор летописи констатировал: «Материальная жизнь прихожан в сем году более тяжелее, по сравнению с предыдущим годом, вследствие дороговизны хлеба, по случаю неурожая его. В приходе села Заскочиха в общем урожаем хлебов озимых был средний, а яровых менее удовлетворителен. Кузнечные выработки гибнут, ввиду чего многие прихожане в каждом селении завели в сем году новое ремесло, открыли так называемые «Стирни», где делают вяленую обувь. Вследствие тяжелых матери-

альных условий жизни многие прихожане оставляют свои дома и со всей семьей отъезжают на отхожие промыслы в городе: Баку, Тюмени и других, а некоторые разъезжают по разным глухим и «туповым» селам по поверке весовых коромысел, так называемых «Сухунев»²⁸³.

Вышеприведенные краткие факты из церковного летописания, носящиеся к истории развития промыслов на территории Борского Заволжья, лишь дополнительная иллюстрация к данной теме. Ценность их в том, что написаны они были очевидцем, свидетелем данных событий, представителем православного духовенства, которое имело непосредственную тесную связь с крестьянством.

Список литературы

1. Нижегородская духовная семинария. Вехи истории. – Н. Новгород, 2010.
2. Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. Выпуск II. СПб., 1896
3. *М.А. Плотников*. Кустарные промыслы в Нижегородской губернии. – Н. Новгород, 1894.
4. *С. Смирнов*. Красная Рамень. // Нижегородская правда. – 2006, № 46, от 6 мая.

Н.И. КАЗАРИНА,
старший научный сотрудник
Отдела фондов Нижегородского государственного
историко-архитектурного музея-заповедника.

И.А. МАКАРОВ,
член общества «Нижегородский краевед»,
г. Нижний Новгород

Из истории кирпичного производства второй половины XIX века в Нижегородской губернии

Ключевые слова: кустарные промыслы, кирпичники, изразечники, Нижний Новгород, Балахна, акцизы, кирпичные заводы

В середине XIX века в Нижнем Новгороде и ближайшей округе появились крупные промышленные предприятия. Город нуждался в качественных строительных материалах, в большом количестве строительного и огнеупорного кирпича. В Нижнем Новгороде и Балахне были предприятия, которые производили кирпич. Это были небольшие заводы с самым примитивным оборудованием и небольшим числом рабочих. На этих заводах производился строительный кирпич.

Изменить сложившуюся в течение многих десятилетий неблагоприятную для губернского города ситуацию сумели Иван Афанасьевич Костин и брауншвейгский подданный Леонтий Федорович Отто. Их гончарные заводы стояли рядом в Канавинской слободе на Александровской улице. Дело их успешно развивалось.

Соседи-гончары начали сообща решать некоторые производственные вопросы. В этом деловом союзе Отто была отведена роль первой скрипки. Совместная деятельность брауншвейгского подданного и русского крестьянина, началась с хищения большого количества принадлежавшей городу качественной белой глины. Противоправные действия новых друзей не привели их на скамью подсудимых, но после серьезного внушения в полиции Отто спешно покинул город, а Ивану Костину 24 января 1879 года пришлось дать подписку о недопущении подобных действий в будущем. Вот ее текст: «Отношение городской управы за №394 читал и обязуюсь не позволять своим рабочим рыть беловатую глину на месте, указанном управой». После скандала Иван Афанасьевич Костин принялся за коренную реконструкцию производства. Им было закуплено за границей современное оборудование (не исключено, что при посредничестве Л.Ф. Отто), произведена электрификация производственного процесса, налажены контакты с поставщиками качественной глины, в частности, с известными производителями фарфора Кузнецовыми и в результате всего вышеперечисленного резко расширен ассортимент выпускаемой продукции, стали выпускаться не только изразцы, но и качественный огнеупорный кирпич. Очень скоро балахнинские кустари, длительное время занимавшие лидирующие позиции в кирпичном производстве, под напором Костина начали стремительно терять свое привилегированное господствующее положение.

Небольшие кирпичные и изразцовые заводы Балахны оказались не в состоянии конкурировать с крупными промышленными предприятиями, с их новейшими технологиями, производящими подобную продукцию. Особенно тяжело было изразцовым мастерским. Некоторым мастерам-изразечникам пришлось переквалифицироваться в кирпичники.

Известно, что к началу 80-х годов XIX века на балахнинском рынке кирпича остались В.С., Г.В., П.П. и Р.И. Рукавишниковы, П.П. Редозубов, М.А. Богдарин, И.С. Рябов, В. Чупрунов, Я.М. Ременщиков, Н., В.В.

и А.С. Щепетильниковы, Я.П. Федорин, Н.П. Бердников, В.И. Пусков, А и Н.П. Морозовы, И.Я. Галкин, Я.И. Меншиков, А.А. Хлыстов, В.Я. Ряхин, В.А. Бармин, Я.Н. Зогулин.

Еще раньше, в начале 60-х годов, среди балахнинских кирпичников разразился самый настоящий кризис, сопровождавшийся крупнейшим городским скандалом. Громкие скандалы в Балахне случались и ранее, но, как правило, они происходили между властями города и отдельными недобросовестными заводчиками. Но в 1861 году гласный городской думы Иван Луковников обвинил всех владельцев городских кирпичных заводов в массовом занижении количества произведенного товара и, следовательно, занижении акцизных выплат в казну города. По его расчетам в 1861 году заводы города должны были произвести 1745000 крупного и 785000 штук мелкого кирпича, тогда как промышленники заявили об изготовлении 1586000 штук крупного и 744000 штук мелкого кирпича. На заводах начались инспекторские проверки, которые показали отсутствие подлога и занижения заводчиками количества произведенной продукции.

Крупнейший кирпичный заводчик Гаврила Павлович Рукавишников вместо заявленных 222000 штук крупного кирпича изготовил лишь 142000 штук, Михаил Андреевич Богдарин – 120000 вместо ранее заявленных 140000, Яков Михайлович Ременщиков – 70000 вместо планировавшихся 100000, Яков Порфирьевич Федорин – 100000 вместо 125000 и т.д.

Более того, из-за резкого падения спроса на крупный кирпич далеко не всю произведенную продукцию удалось реализовать. Например, у Анемподиста Васильевича Морозова из 21000 штук крупного кирпича 12000 так и остались невостребованными на заводе. По 30000 штук крупного кирпича осталось на заводах Асафа Семеновича Щепетильникова и Африканта Афанасьевича Хлыстова. Вдове Рипсимии Ивановне Рукавишниковой не удалось продать ни одного из 78000 штук произведенного крупного кирпича. Понесшие значительные убытки возмущенные и оскорбленные купцы-владельцы кирпичных

заводов подали коллективную жалобу на обвинения Луковникова в свой адрес. Для Луковникова им же самым инспирированная неприятная история закончилась вполне благоприятно – не по разуму усердный гласный не понес никакого наказания.

Под уголовный суд Луковников попал через три года, когда пустил на дрова принадлежавшую городу баню. Но и в этом случае думский чиновник отделался лишь небольшим штрафом.

Кризисные события 60-х годов не стали для балахнинских производителей кирпича «последним днем Помпеи». Да, некоторое время спрос на товар упал, производство пришлось сократить. Но вслед за этим, ситуация нормализовалась. Спрос начал неуклонно расти, и заводы вновь заработали на полную мощность. Вопреки распространенному мнению об истощении в 80-е годы запасов балахнинской глины, сырья для кирпичного производства в окрестностях города имелось предостаточно, и любой желающий мог получить участок под ее разработку. От производителей требовалось лишь одно – честно оплачивать в казну города добываемое сырье – 20 копеек за каждую кубическую сажень глины и кубическую сажень чистого речного песка. Необходимое количество исходного сырья добывали и кирпичники, и горшечники, и незадолго до того обосновавшиеся в Балахне литейщики колоколов. Кирпичное дело в городе процветало. Количество кирпичного товара не только не уменьшилось, но даже увеличилось за счет разорившихся производителей изразцов, поневоле вынужденных заняться производством кирпича. Согласно переписи, на период мая 1881 года в окрестностях города располагались 28 кирпичных заводов, на которых производилось четыре сорта кирпича (алый, красный, железняк, печной) по цене 9 рублей за 1000 штук.

Вот список их владельцев с указанием количества занятых в производстве работников: З.В. Редозубова – 18, М. Богдарин – 14, В. Крупенников – 12, М. Воскресенский – 8, А.А. Бердникова – 8, П. Рудометов – 8, Ф. Морозова – 8, С. Федорина – 6, Г. и О. Галкины – 6, К. и П. Редозубовы –

4, Н. Рукавишников – 4, А.А. Хлыстов – 4, А. Ряхин – 4, В. Баринов – 4, П. Долгополова – 4, Е. Нестеров – 4, С. Бердников – 4, А. Заплатин – 4, М. Долгополова – 4, П.П. Латышев – 4, Ф. Мотохин – 4, Я. Меншиков – 4, М. Фурина – 3, И. Варехин – 3, Ф.А. Воробьев – 3, А. Новожилов – 0. Последний завод бездействовал из-за отсутствия рабочей силы.

Возможно, что один из перечисленных заводов в статистической сводке записан за двумя владельцами. Дело в том, что 12 мая 1881 года А. А. Хлыстов продал Ф.А. Воробьеву свой кирпичный завод на Синицыной гриве, на земле, арендуемой с 26 октября 1876 года.

Следует сказать несколько слов о заработках рабочих кирпичных заводов, или как их стали называть, кирпичеделов. Дневной заработок балахнинского рабочего-кирпичника равнялся заработку подавляющего большинства тогдашнего рабочего люда – каменщика, штукатура, слесаря, конопатчика, кровельщика – один рубль. Большие заработки имели лишь столяры – 1 рубль 20 копеек в день. Среднемесячный заработок квалифицированного рабочего кирпичного завода составлял около 24–25 рублей.

Условия работы на кирпичном заводе были крайне неблагоприятными: постоянное пребывание в холодной воде при замесе глины, огромное количество пыли в воздухе рабочих помещений, высокая температура вблизи обжигательной печи, значительные физические нагрузки при перетаскивании партий кирпича. По этой причине в условиях практически одинаковой денежной оплаты рабочий люда предпочитал выбирать менее трудоемкие профессии, чем и объясняется наличие значительного дефицита рабочей силы на кирпичных заводах.

За последующие три с половиной десятилетия в указанном выше списке владельцев кирпичных заводов мало что изменилось. Произошла лишь смена поколений и укрупнение производственной базы некоторых заводчиков. В частности, после смерти купца Гаврилы Павловича Рукавишникова три завода остались во владении наследников, а два дочья-наследница продала мещанам

Я.В. Зеленихину и А.П. Репину. Заводы М.А. Богдарина перешли в руки его сына.

Вот краткое схематичное описание некоторых действующих предприятий в сохранившихся архивных документах. «В зади (именно так в документе!) Солдатской слободы близ кирпичных заводов Зиновии Васильевны Редозубовой занятая городская земля под кирпичными заводами наследников Гаврилы Павловича Рукавишникова.

Шатер с печью длиной 19 аршин, шириной 12 аршин.

При нем конец (подъездной путь – И.М.) длиной 19 аршин, шириной 14 аршин.

Шатер с печью длиной 6 сажений, шириной 4 сажени.

При нем конец длиной 22 сажени, шириной 4 сажени.

При нем же конец длиной 23 аршина, шириной 14 аршин.

Шатер с печью длиной 18 аршин, шириной 14 аршин.

При нем конец длиной 8 сажений, шириной 5 сажений.

2 отлетных конца... и т.д.».

Россия давным-давно вступила в эпоху капитализма, а в конце XIX – начале XX века балахнинские предприниматели производили кирпич на дедовских заводах и по прапрадедовской технологии. У допотопного архаичного производства не было шансов выстоять в условиях жестокой капиталистической конкуренции. Закат балахнинского кирпичного дела был уже не за горами.

В 1916 году вблизи Балахны дымилась трубы 21 кирпичного завода, принадлежавших 16 владельцам. Из них Я.Н. Зозулин, И.В. Долгополов, К.В. Долгополов, Ф.П. Белотелов, Л.М. Богдарин являлись владельцами двух заводов (каждый).

Балахнинские городские документы конца XIX и начала XX века в значительной части состоят из прошений производителей кирпича о предоставлении участков для рытья глины и из решений городской думы по этим заявкам. Единственное, что периодически омрачало это деловое сотрудничество властей и предпринимателей – оставляемые на месте добычи глины огромные глубокие ямы. В 1908 году Балахнинская городская дума приняла

специальное постановление о борьбе с некоторыми нерадивыми губителями природы: «Л.М. Богдарин, Я.Н. Зозулин, П.Т. Соколов... (далее еще 14 фамилий) обязаны засыпать все вырытые ямы, иначе к ним будут прѣимены судебные санкции».

Эти угрозы так и остались всего-навсего угрозами – надлежащих карательных мер против кирпичников городские власти не предприняли. По этому поводу газета «Нижегородский листок» в 1911 году в одном из номеров поместила краткий очерк «Вести из Балахны»: «В нашей глинистой местности с незапамятных времен существует промысел по выработке кирпича. Заводы устраивались в окрестностях города, где места страшно изрыты и изуродованы так, что никакого доступа сюда нет и дорогу проложить крайне трудно. Кирпичники не заботятся заравнивать рытвины, хотя им это ставится в обязанность. Сбыт кирпича довольно выгоден, но заводчики постоянно жалуются на притеснения налогами и, проникая в состав гласных думы, часто вотируют за сокращение налога, что иногда им удается установить среднюю норму. Так, недавно гласные-кирпичники добились такого постановления думы: установить сбор за каждую сажень глиняного участка 5 копеек (До этого в течение нескольких десятилетий арендная плата за богатые глиной участки составляла 10 копеек за квадратную сажень) и с выработанной 1000 штук кирпича 40 копеек в доход города с местных заводчиков. С пришлых же не обывателей города взимать двойную плату. Этой последней частью постановления думы кирпичники намеревались подавить конкурентов, но эти пришлые промышленники (Анучин, Мочалов и др.) настолько солидные коммерсанты, что все почти мелкие кирпичники оказались в их руках. Теперь они, в виду учета городской управой «выработки» (солгать стало трудно), просят снова о сокращении кирпичного налога».

Балахнинским кирпичникам, в отличие от изразечников, удалось дольше продержаться в бурном море капиталистической экономики, но как видно из процитированной газетной публикации, и над ними нависла

реальная угроза разорения – крупные предприниматели планомерно вытесняли с рынка мелких конкурентов. Этому неизбежному закономерному процессу помешала начавшаяся в Российской империи эра войн и революций.

М.В. КАРТАШОВА,

кандидат исторических наук,
директор Балахнинского музейного
историко-художественного комплекса,
г. Балахна

Российское общество и кустарные промыслы в последней трети XIX – начале XX века

Ключевые слова: Российская империя, кустарные промыслы, кустарь, деятели по кустарной промышленности, съезд деятелей по кустарной промышленности, кустарная выставка, земледельческое ведомство

В императорской России в последней трети XIX – начале XX в. существовало понятие – «деятели по кустарной промышленности». К ним относились люди, чья профессиональная и общественная деятельность была направлена на развитие и поддержание кустарных промыслов. В историографии эта тема специально не поднималась, но значительная часть исследований, посвященная кустарным промыслам, содержит сведения об этих людях, их деятельности. Пожалуй, лучшей работой, в которой освещаются все основные вопросы развития и поддержания кустарных промыслов рассматриваемого периода, является монография К.Н. Тарновского, который представил кустарную промышленность как «социальное явление»²⁸⁴.

Обширный массовый материал по выявлению деятелей по кустарной промышленности содержат указатели кустарных выставок, неопубликованные материалы архивов, содержащие описания кустарных хозяйств и отде-

льных кустарей. На основе этих материалов в настоящее время создается электронная база данных «Кустарные промыслы Российской империи», которая уже содержит около 10 тыс. записей кустарей, кустарных школ, мастерских, обществ и других учреждений, которые занимались кустарными промыслами. Богатые информационные данные содержат личные фонды отдельных лиц и фамилий, в сферу интересов которых входили кустарные промыслы: Шаховских, Бобринских, Тимирязева и др.; личные дела сотрудников земледельческого ведомства и земств.

Инициаторами создания движения по развитию кустарных промыслов стали съезды, собиравшиеся в 1870 г.: в мае – I Всероссийский съезд фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью, в декабре – I Всероссийский съезд сельских хозяев. Участниками съездов были представители от правительства – А.Б. фон Бушен, В.И. Вешняков, члены Общества для содействия русской промышленности – К.А. Скальковский, П.А. Мясоедов, при участии которых было разработано ходатайство в правительство о принятии мер по исследованию состояния и нужд кустарных промыслов. 21 декабря 1872 г. при Министерстве финансов в Совете мануфактур и торговли была образована комиссия по исследованию кустарной промышленности. С целью разработки основательной научной программы и общеведомственного плана действий в Комиссию были включены представители министерств: финансов, государственных имуществ и внутренних дел; научных обществ, тесно сотрудничавших с правительством. Состав Комиссии был неоднородным. Из 20 человек ее первоначального состава на государственной службе не состояли и не имели гражданского чина лишь двое представителей Русского технического общества – П.М. Ольхин и С.В. Максимов. Их роль определялась необходимостью изучения технической стороны кустарного производства. Результатом работы Комиссии стало опубликование 16 томов «Трудов», в которых были представлены исследования о состоянии кустарных промыслов по 23 губерниям России и даже в Европейских государствах²⁸⁵.

В 1880-х гг. тема кустарной промышленности активно поднималась и в правительственных кругах, и в общественных организациях. В 1881 г. с целью способствовать усовершенствованию и развитию местной народной производительности – мелкому сельскому хозяйству, кустарным промыслам и ремеслам в городах было основано Общество улучшения народного труда. Среди его учредителей, кроме членов Комиссии Е.Н. Андреева, П.А. Мясоедова, были и представители правительства – М.Н. Островский, К.П. Победоносцев, Н.П. Игнатьев.

Результатом этой деятельности стал закон «О порядке заведования кустарной промышленностью», принятый 21 марта 1888 г.²⁸⁶, который разрешал вопрос, стоящий на повестке дня на протяжении нескольких лет, – заведование кустарными промыслами, которые определялись, как подспорье для сельского населения, имеющего основным занятием земледелие, передавалось в ведение министерства государственных имуществ по департаменту земледелия и сельскохозяйственной промышленности.

С этого времени правительство через министерство государственных имуществ (впоследствии министерство земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ), затем главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), с 1915 г. министерство земледелия) начинает активно проводить политику по развитию и поддержанию кустарных промыслов.

Общество живо отреагировало на желание правительства «поднять» промыслы, которые являлись важной частью доходов крестьянских семей. В губерниях, по примеру Кустарного комитета, созданного по закону от 21 марта 1894 г. в отделе сельской экономии и сельскохозяйственной статистики земледельческого ведомства²⁸⁷, стали создаваться при земских управах губернские Кустарные комитеты. Со временем создается целый штат кустарных техников, создаются кустарные музеи, склады изделий. Однако, государственными мерами по развитию кустарных промыслов не исчерпывалась вся деятельность. На рубеже XIX–XX вв. широко развивается деятельность общественных организаций и частных

лиц (меценатов, благотворителей, предпринимателей), которые помогают кустарям. Под руководством правительства реализуется программа по их субсидированию. Проводятся региональные и всероссийские кустарные выставки, съезды деятелей по кустарной промышленности. VI Всероссийской кустарной выставки в 1902 г. приняли участие 3403 экспонентов²⁸⁸, а во II выставке, проведенной с большой помпой в Санкт-Петербурге в 1913 г. уже 5958 участников²⁸⁹.

С 12 по 21 марта 1902 г. в Санкт-Петербурге состоялся Первый съезд деятелей по кустарной промышленности, в работе которого приняло участие 485 человек, было заслушано более 50 докладов и вынесено 65 постановлений²⁹⁰. Второй съезд состоялся также в Санкт-Петербурге в 1910 г. Из общего числа его участников – 336 человек, более 200 прибыло из провинции²⁹¹. Представительство съезда было весьма разнородным. Личный состав включал в себя членов Государственного совета и Думы, представителей центральных ведомств и учреждений, губернских и уездных земств, членов различных обществ: Общества для содействия русской промышленности и торговле, Императорских вольно-экономического и технического обществ, обществ сельского хозяйства, торговых палат, представителей артелей, товариществ, кооперативных учреждений, заведующих мастерскими и школами, складов и музеев. Это были архитекторы, техники, литераторы, художники, статистики и представители других профессий. Постановлением этого съезда с 1 марта 1910 г. при V отделении по кустарной и ремесленной промышленности и торговле был учреждено Постоянное Бюро съездов деятелей по кустарной промышленности²⁹², но положение о Бюро было утверждено главноуправляющим землеустройством и земледелием лишь 7 апреля 1912 г.

В 1913 г. Постоянным бюро был созван III Всероссийский съезд деятелей по кустарной промышленности. К участию в съезде приглашались не только представители правительства, земств, кустарных организаций и обществ, но и «лица, известные своими работами по кустарной промышленности или техническими позна-

ниями, или практической деятельностью по оказанию содействия кустарным промыслам»²⁹³.

Кроме всероссийских, созывались подобные съезды и в отдельных регионах. Одним из них был съезд деятелей по кустарной промышленности северных губерний, проходивший в Ярославле 20–24 августа 1903 г., в котором приняло участие 145 делегатов²⁹⁴.

Территориальные рамки правительственной политики и общественного движения по развитию и поддержанию кустарных промыслов были весьма обширны. Это движение охватывало практически всю территорию Российской империи: от Царства Польского на западе и до Якутской губернии и Дальневосточного края (Амурской и Приморской областей). Кустарные промыслы имели своих покровителей и в Финляндии, которая входила в состав Российской империи, но имело свои правительственные учреждения. В составе «Общества поощрения кустарного производства» (Slojdforemngen) в Финляндии насчитывалось более 400 членов. Кроме распространения технических сведений среди кустарей, оно оказывало содействие производителям по сбыту кустарных изделий. Государственная политика по развитию кустарных промыслов в Царстве Польском реализовывалась через кустарную секцию Варшавского отделения Общества для содействия русской промышленности и торговле, а не через земства, как это было распространено в центральных губерниях Российской империи. В деятельности Варшавского отделения Общества принимали участие многие известные ученые и общественные деятели, члены Государственной думы III и IV созыва, служащие правительственных учреждений.

С целью структурирования правительственного и общественного движения по развитию кустарных промыслов в империи целесообразно сгруппировать деятелей по кустарной промышленности.

Первая группа деятелей – это представители государственных учреждений, по роду своей службы занимавшиеся кустарными промыслами: представители высших чинов, председатели центрального Кустарного комитета и

комитетов, организованных в неземских губерниях и областях империи: Кавказского, Томского, Акмолинского, Тобольского, Дальневосточного с Амурским отделом.

Примеры:

Тимирязев Дмитрий Аркадьевич – статистик, управляющий отделом сельской экономики и сельскохозяйственной статистики министерства земледелия и государственных имуществ (1894–1903), член Кустарного комитета МЗиГИ (1894–1903), редактировал «Ежегодник Министерства финансов» и «Вестник финансов, промышленности и торговли», состоял членом совета министерства.

Голицын Федор Сергеевич – князь, председатель Кустарного комитета.

Бобринский Алексей Александрович – князь, председатель кустарного комитета МЗиГИ (1894), председатель Вольного экономического общества (1894), министр земледелия (с 21 июля по 14 ноября 1916)

Рейнке Михаил Михайлович – старший чиновник Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, тайный советник, член-делопроизводитель Постоянного Бюро Всероссийских съездов деятелей по кустарной промышленности, товарищ председателя распорядительного комитета и секретарь съезда деятелей по кустарной промышленности 1910 г., член комитета Общества для содействия русской промышленности и торговле, секретарь V отделения по кустарной и ремесленной промышленности Общества для содействия русской промышленности и торговле.

Терне Андрей Михайлович – управляющий делами по кустарной промышленности Главного управления землеустройства и земледелия²⁹⁵, экономист, член Постоянного Бюро Всероссийских съездов деятелей по кустарной промышленности, товарищ председателя съезда деятелей по кустарной промышленности 1910 г. Специалист в области сельской экономики и сельскохозяйственной статистики, автор нескольких трудов.

Турау Евгений Федорович – председатель Постоянного Бюро Всероссийских съездов деятелей по кустарной

промышленности, член Государственного Совета (с 1906 г.), сенатор (с 1900 г.), Председатель V отделения по кустарной и ремесленной промышленности Общества для содействия русской промышленности и торговле. Под его председательством в 1903 г. Обществом для содействия русской промышленности и торговли была организована первая передвижная учебно-показательная выставка для кустарей и ремесленников на барже, за что Турау удостоился Высочайшей благодарности. Вторая выставка под его же председательством была устроена в 1905 году.

Ямпольский Иван Платонович – начальник Кустарного комитета Главного управления землеустройства и земледелия, член Постоянного Бюро Всероссийских съездов деятелей по кустарной промышленности.

Вторая группа – это служащие государственных, в том числе земских учреждений, по роду своей службы занимавшиеся кустарными промыслами, чиновники и служащие кустарных комитетов, музеев, складов, школ и мастерских, кустарные техники.

Примеры:

Пономарев Николай Викторович – кандидат сельского хозяйства и лесоводства, действительный член Императорского Вольного экономического общества, делопроизводитель Кустарного комитета МЗиГИ²⁹⁶.

Порай-Кошиц Александр Евгеньевич – инженер-технолог, химик-органик, специалист по технологии красителей, создатель анилинокрасочной промышленности в России. В 1910–1918 гг. – специалист по кустарному крашению и набойке при Министерстве земледелия (постоянные командировки по делам кустарной промышленности); автор исследований о промыслах в различных губерниях России; уделял внимание вопросам кустарного, крапильного и набивного дела в стране²⁹⁷.

Бартрам Николай Дмитриевич – дворянин, художник, искусствовед, специалист по истории народной игрушки. В 1893–1907 гг. возглавлял учебную столярную мастерскую в Семеновской усадьбе по производству деревянных игрушек, бытовых украшений, штучной мебели. Преподавал в ряде учебных заведений – учебных мастерских

кустарного дела при Московском губернском земстве (1907–1916). В 1907 г. основал и возглавил отдел образцов при Кустарно-промышленном музее Московского губернского земства. С 1906 по 1917 гг. – заведующий художественной частью Кустарного музея Московского Губернского земства. Сотрудничал в качестве автора и редактора по народному искусству, кустарному делу и вопросам художественного воспитания детей в различных издательствах, изучал музейное дело, историю игрушки и художественную промышленность за границей²⁹⁸.

Барыков Всеволод Иванович – из дворянской семьи Галичского уезда, с сентября 1909 г. заведовал кустарным отделом Костромского губернского земства²⁹⁹.

Пиралов Артемий Степанович – исследователь кустарных промыслов Кавказа³⁰⁰, член-делопроизводитель Кавказского кустарного комитета, член Постоянного Бюро Всероссийских съездов деятелей по кустарной промышленности. Участвовал в экспедиции по сбору экспонатов кустарной промышленности к Всемирной выставке 1900 г. в Париже.

Труды: «Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа» (Тифлис, 1900).

Смолич Владимир Алексеевич – надворный советник, член-делопроизводитель Амурского отдела Дальневосточного кустарного комитета³⁰¹.

Серебреников Иван Иннокентьевич – историк, статистик, журналист, сибирский общественный деятель. В 1912 г. по поручению Иркутского биржевого комитета произвел экономическое обследование кустарных промыслов Иркутской губернии. Член Иркутского губернского кустарного комитета³⁰².

Филиппов Николай Андреевич – инженер-технолог³⁰³, профессор Императорского Лесного института, товарищ председателя организационного комитета съезда деятелей по кустарной промышленности 1910 г., инженер при МЗиГИ по кустарной промышленности и при Лесном Департаменте.

Третья группа – статистики, экономисты, исследователи кустарных промыслов, авторы работ, посвященных кустарным промыслам.

Примеры:

Воронцов Василий Павлович – экономист, публицист, теоретик либерального народничества, член Императорского Вольного экономического общества, член Постоянного Бюро Всероссийских съездов деятелей по кустарной промышленности³⁰⁴.

Пругавин Виктор Степанович – экономист, земский статистик, либеральный народник. В 1884–86 гг. – заведующий Владимирским и Екатеринославским губернскими земскими статистическими бюро. Занимался исследованиями кустарных промыслов³⁰⁵. Печатался в журналах: «Юридический вестник», «Вестник Европы», «Русских ведомостях», «Русской мысли».

Рыбников Александр Александрович – экономист, исследователь кустарных промыслов³⁰⁶.

Труды: Рыбников А.А. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий: доклад Организационного бюро по созыву Земского съезда по вопросам о совместной деятельности земств по сбыту кустарных изделий / сост. А.А. Рыбников, А.С. Орлов (ч. 3-я). – М., 1913.

Середа Семен Пафнутьевич – земский статистик, заведующий оценочно-статистическим отделом Рязанской губернской земской управы (1909), разработал ряд мероприятий по развитию кустарных промыслов в губернии³⁰⁷, один из организаторов кустарных отделов на выставках в Рязанской губернии, создал в Рязани музей.

Солдатов Василий Васильевич – статистик, агроном, заведующий Статистическим отделом Забайкальского переселенческого района (1910–1911), исследователь внеземледельческих промыслов Забайкальского края³⁰⁸.

Четвертая группа – общественные деятели, чья работа, направленная на развитие кустарных промыслов, не оплачивалась, члены различных обществ, организаторы артелей и кооперативов.

Примеры:

Бабянский Александр Фомич – поляк, римско-католического вероисповедания, генерал-лейтенант в отставке, депутат Государственной Думы Российской империи III созыва от Пермской губернии, участник съезда деятелей по

кустарной промышленности в Санкт-Петербурге 1910 г., сторонник государственной поддержки кустарной промышленности.

Бенни Карл – доктор, председатель общества поощрения кустарного промысла в Царстве Польском, член Постоянного Бюро Всероссийских съездов деятелей по кустарной промышленности³⁰⁹.

Ванков Семен Николаевич – майор болгарский армии, позднее генерал-майор Русской армии, ученый и общественный деятель, в 1907 г. возглавил совет Приамурского отдела Императорского русского географического общества, создал и возглавил Приамурский отдел Русского Технического общества, в 1910 г. организовал в Хабаровске Дальневосточный кустарный комитет и стал его председателем.

Штанге Александр Генрихович – председатель правления Павловской артели кустарей, член Постоянного Бюро Всероссийских съездов деятелей по кустарной промышленности.

Пятая группа – благотворители и меценаты, основатели и содержатели кустарных школ, мастерских.

Примеры:

Морозов Сергей Тимофеевич – предприниматель из московской купеческой династии Морозовых, меценат, организатор Кустарного музея московского губернского земства, потомственный почетный гражданин, коллежский асессор, директор-распорядитель Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К°», участник съездов деятелей по кустарной промышленности, председатель съезда деятелей по кустарной промышленности 1910 г., финансировал журнал «Мир искусства», заведующий Кустарным музеем Московского губернского земства (1890), почетный попечитель Кустарного музея Московского губернского земства (с 1897). Создал фонд имени С.Т. Морозова (поддержка кооперации в кустарных промыслах и создание производственных артелей кустарей)³¹⁰.

Плятер-Зибберг Виктория Феликсовна – графиня, основательница кустарной учебной корзиночно-мебельной

мастерской в усадьбе Шлоссберг Курляндской губернии (1894 г.). Изделия мастерской выступали экспонентами на Второй всероссийской кустарно-промышленной выставке в Санкт-Петербурге в 1913 г.

Тенишева Анна Дмитриевна – княгиня, учредительница школы кружевниц в г. Мценске Орловской губернии (1899), участница съезда деятелей по кустарной промышленности 1910 г.

Тенишева Мария Клавдиевна – княгиня, общественный деятель, художник-эмальер, педагог, меценат и коллекционер. Основательница художественной студии в С.-Петербурге, рисовальной школы и Музея русской старины в Смоленске, ремесленного училища в Бежице, художественно-промышленных мастерских в имении Талашкино, действительный член Общества изящных искусств в Париже, член Союза декоративно-прикладного искусства, почетный член Римского археологического общества, член Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины³¹¹.

Уварова Прасковья Сергеевна (урожденная княжна Щербатова) – графиня, русский ученый, историк, археолог. Основательница благотворительного общества в г. Можайске Московской губернии, кустарной школы плетения из соломы в г. Можайске (1884).

Урусова Мария Александровна – княгиня, благотворительница, организовала в селе Мальцево и окрестных деревнях Сычевского уезда Смоленской губернии ткацкий промысел с целью совершенствования художественного вкуса и мастерства ткачих и вышивальщиц, основательница практической кустарной школы прядения и тканья в г. Сычевке Смоленской губернии (1 декабря 1888 г., закрыта в 1905 г.) с отделением плетения кружев (1889), изделия школы получили золотую медаль в 1889 г. на Смоленской губернской выставке, попечительница женской прогимназии.

Шестая группа – сами кустари. Это самая большая группа, включающая в себя всех кустарей разных групп и видов промыслов, которые и являлись объектом кустарно-промышленной политики.

Примеры:

Росков Степан Иванович – крестьянин-кустарь Григорьевского общества деревни Дураковой Шильдской волости Вытегорского уезда Олонецкой губернии. В семье было 8 человек. Занимался колесным промыслом, работал один из семьи. Делал колеса для телег (25 скат), для тарантасов (8 скат). Имел свое «хлебопахотное хозяйство». Посев хлеба – 1 десятина, 4 десятины леса (береза, сосна, елка, кустарник). Всего наделной земли – 7 десятин. Скот: 1 лошадь, 2 коровы, 2 овцы. Промыслом занимался более 26 лет. Материал покупал из дач удельного ведомства и из общинного надела. Сбывал товар местным крестьянам на торжках и ярмарках. Получал дохода от промысла – 50 руб. в год³¹².

Марьяшин Иван Ларионович – крестьянин-кустарь Тамбовской губернии. Изготавливал дубовые кадки, ушаты, лохани³¹³.

Малафеев Александр Петрович – крестьянин-кустарь села Майданы Теньковской волости Свяжского уезда Казанской губернии. Занимался валяльным промыслом³¹⁴.

Кузнецов Егор Михайлович – крестьянин-кустарь деревни 2-й Большой двор Дементьевской волости Череповецкого уезда Новгородской губернии. Изготавливал в год 400 топоров на 300 руб. Участвовал в Череповецкой промышленной выставке, получил денежную награду. Сбывал товар на ярмарках в Череповце³¹⁵.

Скугорина Елизавета Павловна – мещанка г. Балахна Нижегородской губернии, кружевница. Проживала на улице Христорожественской в собственном доме. Две ее сестры Александра и Анна тоже были кружевницами. Участница Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г., выставила 10 кружевных изделий (косынку кремовую, платок, мерное кружево)³¹⁶.

Суронен, братья: Антти, Алексей, Константин – кустари из селения (станции) Войникага Хясяля Выборгской губернии, Финляндия. Занимались токарным промыслом, изготавливали деревянную посуду. Участвовали в

выставках, получали дипломы, в том числе во Всероссийской кустарной выставке 1913 г.³¹⁷ В год семья изготовила 2 тыс. изделий на сумму 3,5 тыс. марок. Покапали материал на сумму 180 марок. Работали с 1893 г.

Весь этот обзор широкого круга лиц, начиная с представителей высших кругов российского общества, от министров и членов самых древних и богатых дворянских фамилий, до самих кустарей, число которых по данным земледельческого ведомства на начало XX в. достигало 12 млн. человек³¹⁸, свидетельствует о том, что в Российской империи существовало широкое общественное движение по развитию, техническому усовершенствованию и распространению кустарных промыслов, которое активно поддерживалось государством. Это движение пронизывало общество от самых верхов до самых низов. Привлечение административного ресурса правительства, губернских земств, администраций областей, участие в нем представителей различных профессий, ученых, инженеров-техников, художников свидетельствовало о том, что в период с конца XIX в. до 1917 г. кустарные и в том числе народные художественные промыслы, находились на очень высоком уровне развития. Об этом свидетельствуют и многочисленные высокохудожественные образцы изделий кустарей, созданные в тот период, а ныне хранящиеся в российских и зарубежных музеях и частных коллекциях, и которые служат образцами для современных мастеров народного искусства.

Список литературы

1. *Н. Бартрам.* Игрушечный промысел // Кустарная промышленность России. Разные промыслы. В 2-х т. Т. 1. СПб., 1913..

2. *В. Барыков.* Промысловые занятия крестьянского населения Костромской губернии. Кострома, 1909.

3. *К. Бенни.* Современное состояние кустарной промышленности в Царстве Польском // Кустарная промышленность России. Разные промыслы. В 2-х т. Т. 2. СПб., 1913.

4. *В.П. Воронцов*. Очерки кустарной промышленности в России. – СПб, 1886.
5. Кустарная промышленность России: Промыслы по обработке дерева / Сост. Н.А. Филиппов, В.А. Петровский, В.П. Родников и др. – СПб., 1913.
6. Кустарные промыслы Тамбовской губернии. – Тамбов, 1900.
7. *С.Т. Морозов*. Значение красоты в жизни человека и красота в кустарной промышленности // Вестник промысловой кооперации. 1919. № 3.
8. *К.В. Николаевский*. Отчет о Всероссийской кустарно-промышленной выставке, в Петербурге, в 1902 году // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. VIII. – СПб., 1907.
9. *А.С. Пиралов*. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. – Тифлис, 1900.
10. Положение красильно-ткацкого кустарного промысла в Белебеевском уезде Уфимской губернии и меры к его поднятию // Отчеты и исследования по кустарной промышленности. Т. XI. – Пг., 1915.
11. *А.Е. Порай-Кошиц*. Отбельно-красильно-набивной промысел // Кустарная промышленность России. Разные промыслы. В 2-х т. Т. 1. СПб., 1913.
12. *В.С. Пругавин*. Промыслы Владимирской губернии. Вып. 1–2. М., 1882
13. *В.С. Пругавин*. Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевецкого уезда Владимирской губернии. – М., 1884.
14. *А.А. Рыбников*. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий: доклад Организационного бюро по созыву Земского съезда по вопросам о совместной деятельности земств по сбыту кустарных изделий. – М., 1913.
15. *А.А. Рыбников*. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. – М., 1922.
16. *И.И. Серебренников*. Кустарная промышленность в Иркутской губернии // Отчеты и исследования по кустарной промышленности. Т. XI. СПб., 1915.
17. *И.И. Серебренников*. Промыслы Иркутской губернии: (Материалы для описания существующих в Иркутской губер-

нии промыслов ремесленно-кустарного характера). – Иркутск, 1914.

18. *С.П. Середя*. Сведения о кустарных промыслах по Рязанской губернии. Вып. 1. Данные переписи крестьянских хозяйств, занимающихся кустарными промыслами, произведенной в 1912 г. – Рязань, 1915.

19. *В.В. Солдатов*. Внеземледельческие домашние промыслы сельского населения и сельское рыболовство в Забайкальской области (по данным анкеты 1910 г.). Труды Амурской экспедиции. Т. V. Вып. II. – Хабаровск, 1912.

20. *К.Н. Тарновский*. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. – М., 1995.

21. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Т. 1–17. – СПб., 1879–1890.

22. Труды съезда деятелей по кустарной промышленности в С.-Петербурге. 1902 г. Ч. II. – СПб., 1902.

23. Труды съезда деятелей по кустарной промышленности в С.-Петербурге. 1910 г. Т. II. – СПб., 1910.

24. Труды съезда деятелей по кустарной промышленности северных губерний. 20–24 августа 1903 года. – Ярославль, 1903.

25. Труды III Всероссийского съезда деятелей по кустарной промышленности. Вып. I. Отд. I и II. СПб., 1913 г.

Л.Г. КОЗЛОВА,
историк-краевед,
г. Нижний Новгород

Промысловое село Избылец во второй половине XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: кустарные промыслы, канатопрядение, село Избылец

Селение, о котором пойдет речь, ныне нет на карте, хотя в прошлом это был крупный населенный пункт Горбатовского уезда, с 1860-х гг. центр одноименной волости, административно объединявшей вокруг себя 15 поселений³¹⁹. Свое существование оно прекратило в 1960 г., став составной частью города Горбатова³²⁰.

Практически с момента возникновения поселения жители его из-за скудости и незначительности пашенных угодий вынуждены были искать средства для прокорма вне земледельческих занятий. Это были бортничество, рыболовство, плавание на мелких судах. Удобное месторасположение у речного, так называемого «Лисенковского» перевоза на оживленном сухопутном тракте, связывавшим Москву с южными регионами страны, способствовало развитию у населения торговых навыков, и, начиная с XVII столетия, на берегу реки у Избылецкой слободки существовал торг с таможенной и кабаком.

Село вплоть до начала XIX в. оставалось в окрестностях главным местом торговли, в специально выстроенных лавках шла продажа шелковых и парчовых тканей, хлеба, съестных припасов, пеньки и пр. Еженедельно сельский базар, собиравший купцов с разных сторон,

приносил неплохие доходы, перебивая торги в соседнем уездном Горбатове. По этой причине Горбатовский магистрат в 1801 г. попытался добиться у губернатора совершенного запрета в селе торга и ежегодной ярмарки, требуя «перевести оные в город». К тяжбе, разгоревшейся по этому поводу среди сельчан и горожан, вынужден был подключиться даже Правительствующий Сенат, сумевший весьма дипломатично разругать ситуацию. Принимая во внимание апелляции избыльчан к праву давности на торговые привилегии, зафиксированному еще в писцовых книгах 1621 г., он 20 сентября 1802 г. направил в Нижегородское губернское правление указ, в котором предписал «наблюдать, чтобы в селе Избылец крестьяне торговали мелочным товаром... мелочным числом и, которых в деревнях не делается»³²¹. Горбатовским же купцам сенаторы предложили «при границе того села построить лавки и торговать во время съезду на избылецкий торг», благо, что село от уездного города отделял только небольшой ручей³²². Сохранив для Избыльца традиционно установившийся на протяжении столетий торговый день по средам, власть предписала избрать таковым для Горбатова воскресенье³²³. Следует отметить, что всю первую половину XIX в. Избылец по-прежнему был для округа главным местом торговли пенькой, а во вторую половину столетия сохранил за собой и первенство по распродаже смолы.

Со временем главным промысловым занятием крестьян Избыльца стало канатопрядение. На данный момент установить время его появления в селе не представляется возможным. Достоверно можно говорить лишь о второй половине XVIII в. Тогда если и не возникновению, то весьма широкому распространению данного вида промысла среди сельчан, способствовал его владелец – светлейший князь и генерал-аншеф Григорий Александрович Потемкин. Будучи энергичным и способным хозяйственником он не преминул, возглавляя строительство российской черноморской флотилии, извлечь из этого и собственную выгоду, привлекая к поставкам судоходной снасти собственных крепостных. Своеобразным косвенным под-

тверждением его влияния на развитие отрасли являются ссылки в деловой переписке позднейших владельцев вотчины Турчаниновых, относивших ее зарождение к началу 1760-х гг., да предания, называвшие в качестве насадителя веревочного производства некоего князя³²⁴.

При Потемкине в 1780г. в селе существовало 13 прядильных заведений³²⁵. По их числу Избылец тогда даже опережал Нижний Новгород, в котором в 1781 г. их значилось только шесть³²⁶. Впрочем, по своим размерам избылецкие прядильни не отличались особым размахом. Преимущественно объемы производства в них колебались от 100 до 500 пудов³²⁷. Крупных заводов, где годовая выработка исчислялась тысячами пудов, было всего четыре. В трех, принадлежавших Ивану Тюдекину, Андреяну Воробьеву и Семену Простовитину, она не превышала тысячи пудов. И только одно выделялось своими размерами. Его владельцами являлись братья Петр и Алексей Зайцевы. В течение года они изготовили разных сортов судовой снасти 5000 пудов. Часть из нее была отправлена по подрядам на заводы и железные караваны купцов Демидовых, другая ушла в свободную продажу³²⁸.

Всего в течение 1780 года на крестьянских прядильнях было произведено 10900 пудов разного рода пеньковых снастей³²⁹. При этом в самых мелких с выработкой до 350 пудов изготовлялись только снасти для рыбной ловли. В остальных наряду с рыболовецкими производился еще и пеньковый товар к судовому ходу. Почти вся продукция реализовывалась в волжских городах – Рыбинске, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани, Астрахани. Только к некоторым мелким производителям за изделиями приезжали на дом «разного звания люди».

В 1782 г. у села появился новый владелец. Имение у Потемкина перекупил уральский промышленник титулярный советник Алексей Федорович Турчанинов. Скорее всего, побудительной причиной к такому приобретению стало стремление заводчика иметь собственное обеспечение такелажем караванов с железом и медью, ежегодно отправляемых с Сысертских заводов в разные концы страны. Впрочем, для него выгодность сделки

определялась и существовавшим хорошим спросом на канаты и бечеву, что сулило неплохое пополнение и без того немалых доходов.

При Турчаниновых промысел получил новый толчок к развитию. Особенно активно он стал расти после раздела состояния заводчика между наследниками и избранием одним из них, полковником Александром Алексеевичем Турчаниновым, Нижегородского имения местом своего постоянного проживания. Увеличенный помещиком оброк оказался важным стимулом к росту крестьянской предприимчивости. Если в 1787 г. в год смерти Алексея Федоровича 12 прядильных заводов Избыльца изготовили 12 000 пудов пеньковых снастей, то в течение следующего десятилетия объемы производства выросли в 1,4 раза, составив 17 000 пудов³³⁰. В следующие пять лет интенсивность еще более возросла и к 1802г. прядильни изготовили уже 34 000 пудов³³¹. В лице избылецких крестьян-предпринимателей серьезных соперников увидели даже канатопромышленники губернского центра. Страх конкуренции вынудил тех не только ходатайствовать об устранении сельских канатчиков с рынка, но и подвиг пойти на неблагоприятные поступки.

В частности, 3 мая 1804 г. группа из семи нижегородских купцов, в число которых входили Петр Переплетчиков, Михаил Есырев, Алексей Бородин, Петр Каменев и пр., подала жалобу в Нижегородское губернское правление на крестьян села Избылец, якобы подрывающих их промышленную и торговую деятельность. По их мнению, сельчане, не имея на то ни малейшего права, завели канатные фабрики, на которых выделявали «многими людьми разные смольные и бельные снасти в немалом количестве». При этом для изготовления использовали пеньку не «собственного своего произрастания», а скупали ее по повышенным ценам «с передачею цены» по губерниям и уездам, готовые же изделия «во многом количестве» привозили в Нижний Новгород, «складывали в амбары и продавали в розницу свободно». Якобы из-за такой незаконности приготовленные купцами «наличные деньги, а иногда и на кредиты товары, вместо распродажи» оставались на руках, «деньги и задолженности без обороту»³³².

Вняв купеческому призыву не доводить фабрики до падения, а самих торговцев до «чувствительного притеснения и разорения», губернатор предписал нижегородским властям разобратся в происходящем. Четыре месяца спустя нижегородский городничий Булыгин отрапортовал губернатору о принятых мерах. Сельским конкурентам запрещалось вести торговлю веревочным товаром в губернском центре, слушание грозило конфискацией и арестом³³³.

Однако жалобщикам этого показалось мало. Для укрепления своих позиций они решили подставить крестьян-заводчиков. В июне 1805 г. нижегородский купец Михаил Егорович Есырев заслал в Избылец своего приказчика, где тот сумел договориться с крестьянином Алексеем Сахаровым о продаже ему 10 кругов бельной ходовой бечевы общим весом в 36 пудов 38 фунтов. Причем продавец с оптовой партии сделал покупателю еще и уступку в 25 копеек с каждого пуда товара. В результате снасти обошлись нижегородскому предпринимателю не в 3 руб. 05 коп за пуд, а в 2 руб. 80 коп.³³⁴

Между тем привезя бечеву в Нижний Новгород, купеческий приказчик доставил ее не в склады, а по наущению хозяина сдал квартальному надзирателю Рождественской части города, представив дело так, что избылецкие крестьяне продолжают заниматься в губернском центре продажей, не взирая на распоряжения властей.

Дальнейшие события развивались еще более драматично. Спустя два дня после сделки в Избыльце полицейские власти в складах, находящихся при нижегородском доме помещиков Турчаниновых, наложили арест на канатную и веревочную продукцию, предназначенную к поставкам по заключенным их крестьянами контрактам. В общей сложности это оказалось 506 кругов стоимостью свыше 6000 руб.³³⁵ При этом судовая бечева и канаты, оказавшиеся под угрозой конфискации, предназначались не только для частных лиц, но и должны были поступить на казенные железные и денежные караваны.

Ситуация потребовала срочного и личного вмешательства крепостников. 26 июня 1805 г. мать малолетнего

владельца села Избылец и его опекунша Александра Филадельфовна Турчанинова обратилась к императору Александру I. В прошении она писала, что власти Нижнего Новгорода, попирая права, дарованные благородному российскому дворянству жалованной грамотой 1785г., задержали пеньковую продукцию, которую она вверила продавать своим крепостным, снабдив «их капиталом и надлежащими верующими письмами». Жалоба возымела действие, арест был снят, «снасти распечатаны и выданы поверенному госпожи Турчаниновой крестьянину Ивану Дмитриеву»³³⁶.

Видимо именно после этого случая вотчинники стали регистрировать крестьянские прядильные заведения на себя. По крайней мере, в 1828 г. в официальном губернском отчете в селе Избылец значилось только «два канатных завода малолетних господ Турчаниновых»³³⁷. Безусловно, подобная запись носила формальный характер. Однако выявить подлинные имена владельцев заведений не удалось. Среди работников, задействованных в производстве, фигурировало 120 крепостных, 50 человек были пришлыми вольнонаемными людьми. В этом году турчаниновские прядильщики произвели 23 604 пуда канатов и веревок на общую сумму 130 000 руб. В губернской канатной отрасли это оказался второй результат, не смотря на то, что лидеру – нижегородскому I гильдии купцу мануфактур-советнику Ивану Пятову – сельчане проигрывали в объемах производства в три раза³³⁸.

В последующие годы канатопрядение в селе получило новый окрас. Наряду с крестьянскими в нем появились купеческие прядильни. В 1841 г. из семи заводов четыре принадлежали купцам. Их владельцы были бывшими крепостными Турчаниновых, разбогатевшими на торговле пеньковой снастью и приобретшие у помещика вольную. При этом все четверо по-прежнему жительствоваали в селе. Заведения троих из них – Евлампия Зайцева, Пантелея Простовитина и купеческой вдовы Марфы Коротковой – были довольно близки по объемам, простиравшимся от 800 до 910 пудов³³⁹. Четвертый завод, принадлежавший купцу Григорию Павловичу Спирину, напротив выде-

лялся своим размахом. Изготовленные на нем бельные и смоляные ходовые снасти весили 1500 пудов³⁴⁰. Торговал он ими не только на Нижегородской ярмарке, как большинство его односельцев, но и на пристанях Рыбинской, Казанской, Астраханской губерний.

Заводы, принадлежавшие крестьянам села, по объемам вырабатываемой продукции были более мелкими и характеризовались следующими цифрами: Ермилом Григорьевичем Зайцевым и Михаилом Семеновичем Журавитовским было изготовлено по 600 пудов разных снастей, каждым на 1005 руб. серебром. Василий Иванович Булдин такелаж делал только для собственных судов «без выпуска в продажу» и производство имел скромное размером в 200 пудов на 343 руб. серебром³⁴¹.

По характеру организации производства купеческие и крестьянские прядильные заводы ничем друг от друга не отличались. По сути все они являлись раздаточными мануфактурами.

Технологический процесс производства был архаичен и практически неизменным на протяжении десятилетий. Как правило, всю осень и начало зимы в домах из пеньки заготавливалась пряжа, с февраля, начиналось скручивание из нее веревок и канатов. Последняя операция проходила на открытом воздухе в так называемых «просадах». Это были ровные участки, частично закрытые тесовыми перегородками от ветра. Протяженность их зависела от длины изготавливаемых изделий, бывало, что достигала и 1,5 верст. Летом избылецкие прядильщики использовали берег Оки, зимой, начиная с 1760-х гг. замершую водную гладь Мещерской заводи. Документы начала XIX столетия сохранили даже размеры ледовой площадки, используемой под прядильные заводы – «20 сажень длиною, попереk 37 сажень»³⁴². В «просадах» имелся сарай, где устанавливалось маховое прядильное колесо диаметром до 1 сажени, имевшее лубочный обод и соединенное веревкой с деревянной рамой (желобом), снабженной 3-6 блоками и таким же количеством железных крючьев. К этим крючьям крепились нити и несколько взрослых мужчин (численность их зависела от размера колеса) скручивали

их, отходя все дальше и дальше от начального пункта. В качестве вертельщиков прядильных колес не редко выступали женщины и дети. На крупных заведениях использовались большие прядильные колеса, на каждом из которых могло работать до 10 человек, в основном на них готовили крупную канатную снасть. Большинство же пользовалось мелкими колесами, трудясь или семьей, или артелью по 2–5 человек³⁴³.

При таком характере организации производства материальные затраты на техническую его сторону в сущности были невелики, основная тяжесть приходилась на оборотные средства.

В 1840–1850-е гг. развитие сельской канатной промышленности протекало неоднозначно. Представление об этом дают данные, приводимые в таблице³⁴⁴.

Годы	Всего прядильных заводов	Из них		Объемы производства	Сумма производства
		купеческих	крестьянских		
1841 г.	7	4	3	5510 пуд.	10401 руб.
1845 г.	5	2	3	нет данных	нет данных
1849 г.	3	2	1	нет данных	нет данных
1851 г.	2	2	–	4500 пуд.	9000 руб.
1858 г.	6	3	3	20100 пуд.	40120 руб.
1861 г.	1	1	–	10000 пуд.	20060 руб.

Не смотря на не полноту сведений по отдельным позициям, они, тем не менее, показывают неустойчивость по-

ложения в отрасли, сильное годовое колебание объемов. Второй вывод, который можно сделать на их основе – все более усиливавшаяся степень концентрации производства в руках купцов. В 1858 г. не смотря на одинаковое число купеческих и крестьянских заводов, на последние приходилось только 15% произведенной продукции³⁴⁵. При этом и среди купечества выделился несомненный лидер – горбатовский купец Андрей Зайцев. В этом году он произвел продукции в 1,8 раз больше чем все остальные купцы-предприниматели³⁴⁶.

Купеческое семейство Зайцевых заслуживает особого внимания. Как предприниматели представители этой фамилии в сфере канатопрядения известны с 80-х гг. XVIII в. Они были одними из первых, кто организовал в селе выработку канатно-веревочной продукции в широких размерах. При этом предприимчивые крестьяне долгое время оставались крепостными. Первым получил у помещика вольную Евлампий Григорьевич Зайцев (1789–1851). Случилось это на рубеже 30–40-х гг. XIX в. Записавшись в 3-ю купеческую гильдию г. Горбатова, он, тем не менее, остался жить в родном селе. В 1841 г. его прядильня произвела 800 пудов пеньковых снастей, которые он свез по весне на «караванную ярмарку» в город Лаишев Казанской губернии, а остальные продал летом на ярмарке Нижегородской³⁴⁷. Особых же успехов на торгово-промышленном поприще достиг его сын Андрей.

После смерти родителя Андрей Евлампиевич (1825–1889) в течение 10 лет вел дела по старинке в родном селе. Вот только производство по сравнению с отцовским сумел увеличить в 17 раз. В 1858 г. его прядильный завод выпустил пеньковой продукции на 25800 руб. Преимущественно это были смольные канаты, и только 7,6% из 13 000 пудов приходилось на бельные судовые снасти. Прядение велось на 12 колесах, на каждом из которых работало по 10 человек³⁴⁸.

В начале 1860-х гг. А.Е. Зайцев перебрался на жительство в Нижний Новгород, приобретя недвижимость поближе к пристаням и нижепосадскому торгу – на Рождес-

твенской улице и в Благовещенской слободе, записался в 1-ю купеческую гильдию. В 1864 г. он приобрел канатную фабрику в г. Касимове Рязанской губернии, ставшую уже подлинным промышленным предприятием. Спустя 20 лет после покупки она имела три паровых машины общей мощностью 132 л. с. Численность рабочих превышала 700 человек, а годовая сумма производства полмиллиона рублей³⁴⁹. Наряду с канатами (их, кстати, в 1884 г. было изготовлено 16 000 пудов), фабрика производила льняные и пеньковые нитки, пеньковый шпагат.

Сыновья Андрея Евлампиевича – Михаил и Александр – в 1893 г. получили право на потомственное почетное гражданство, учредили в Нижнем Новгороде Торговый дом «Андрея Зайцева сыновья». В начале XX в. годовой оборот Касимовской фабрики перевалил за миллион рублей³⁵⁰. При фабрике имелась больница для рабочих, училище для их детей. Предприниматели состояли пайщиками Нижегородского купеческого банка, входили в Совет Всероссийского общества льнопромышленников. Являясь активными общественниками, нижегородские купцы не забывали и родных мест. Так, Александр Андреевич Зайцев на протяжении многих лет состоял попечителем Избылецкого начального училища.

Начиная с 1860-х гг., оценка развития экономики села Избылец вызывает определенные трудности. Связаны они с тем, что в пореформенный период село, став распространителем занятий по прядению веревок в соседние населенные пункты, превратилось в центр крупного промыслового района и официальные уездные отчеты о состоянии прядильной промышленности дают сведения не по селу, а в целом по Избылецкой волости, которыми нам и придется пользоваться.

Согласно им в 1863г. в ближайшей к Избыльцу округе насчитывалось 212 прядильных колес, работой на которых было занято 616 человек³⁵¹. Все они трудились в собственных домах на скупщиков. Всего за год было выработано 33 000 пудов на 79200 руб.³⁵² В том же году в селе имелось 2 канатных завода, принадлежавших купцам города Горбатова. Их основным производством

были смольные канаты, доля бельной снасти составляла не многим больше четверти общего производимого заводами объема. Суммарный же итог их производства – 15000 пудов на 38700 руб.³⁵³ Численность работавших мастеров – 50 человек³⁵⁴.

В последующем формы организации прядильного производства в селе не претерпели изменений, более того в нем перестали существовать крупные заведения. Промысел приобрел черты мелкого домашнего кустарного производства. 4/5 жителей села работали из материала, предоставляемого крупными торговцами. В начале 1870-х гг. особенно заметную роль в скупке веревочных снастей играли горбатовские купцы А.В. Орехов, Смолины, Булдины, Махотины, крестьяне Избыльца Спирины, П.И. Дмитриев, С.Т. Барашков, Г.Ф. Тупицын, Д.М. Шмаков³⁵⁵.

Следует отметить, что подобный поворот в развитии отрасли и самого Избыльца был во многом обусловлен объективными причинами, прежде всего территориальными. Село располагалось в приречье под высоким откосом правого берега Оки и не имело достаточных площадей для застройки. Не обладало оно и пашенными угодьями. Отсутствие свободной земли не позволяло сельским коммерсантам приступить к технически более современному оборудованию производства в родных пенатах. Потому наиболее предприимчивые из них к началу 1880-х гг. завели фабрики в соседних деревнях, работать на которые подалась значительная часть не только избылецких крестьян, но и мещан соседнего уездного Горбатова. Первым такую фабрику в 1880г. в двух верстах от Избыльца в деревне Попадьино построил крестьянин Василий Иванович Стешов. Следом за ним в 1881 г. в деревне Верхний Избылец открыл такую же крестьянин Сергей Алексеевич Спирин³⁵⁶. Обе они были оснащены сначала паровыми машинами, затем двигателями и со временем превратились в довольно крупные промышленные предприятия.

Все сырье, используемое избылецкими прядильщиками, было привозным. Известно лишь, что только в XVII столетии в его окрестностях (села Мещерские горы, Арапово) в небольшом количестве выращивалась конопля.

Контракты на поставку и цены на пеньку определялись на Нижегородской ярмарке. Сама пенька доставлялась в село в течение года, в значительной степени гужом на подводках, либо рекой на барках. В Избыльце мастерами активно использовалась пенька местного нижегородского производства – из Лукояновского, Арзамаского, Ардатовского уездов, при чем увеличение ее потребления приходится на пореформенный период. Из более отдаленных мест районами поставки пеньки были Симбирская, Пензенская, Рязанская и Тамбовская губернии. При этом особым достоинством отличалась пенька из села Сасово Елатомского уезда Тамбовской губернии.

По видам производимой продукции большая часть объемов приходилась на смольные и бельные канаты. Весьма разнообразными по своему назначению были и изготавливаемые бечева и веревки, причем ассортимент их со временем увеличивался. Например, если в 1863 г. по документам удалось выявить только 6 видов бельной снасти, то в начале 1870-х гг. священник Рославлев, подготовивший для Нижегородской губернской ученой комиссии исследование по пенькоканатной промышленности села, указал их уже 16³⁵⁷. Предназначалась она для судов речного и морского плавания, для рыбной ловли, для конской упряжи, упаковки товара и использования в домашнем обиходе.

Основными потребителями избылецкой продукции на протяжении всего рассматриваемого периода являлись поволжские города – Рыбинск, Ярославль, Казань, Симбирск, Астрахань. Особое значение для продажи имели ярмарки в Нижнем Новгороде и Лаишеве. Во второй половине XIX в. появляются и новые пункты сбыта пеньковой снасти – Санкт-Петербург, Москва, города Шуя и Иваново.

Относительно села Избылец нельзя не отметить и еще одно важное обстоятельство, связанное к тому же отчасти с промысловыми занятиями местных крестьян. Это стойкая приверженность населения к старообрядчеству. Из всех промысловых селений Горбатовского уезда Избылец был более всего заражен расколом. В 1828 г. в нем сосре-

дотачивалась почти четверть всех уездных староверов³⁵⁸, и с течением времени число их только увеличивалось.

Особенность местных раскольников заключалось в приверженности к беспоповскому направлению. Однако отношение к старообрядческим догматам в их среде не было единым. В близком соседстве друг с другом жили последователи четырех согласий: поморского, спасовского, федосеевского и сопелковского.

Местные поморцы принадлежали к консервативному крылу толка, неукоснительно следовали заложенным при его основании принципам безбрачия и старых устоев³⁵⁹. Наиболее многочисленную группу составляли спасовцы, причем в селе были приверженцы нескольких разновидностей данного согласия. Свидетельством этого является тот факт, что в начале XX в. на сорок человек, исповедовавших поклонение Спасу, приходилось три моленных дома³⁶⁰.

Промысловая деятельность сельчан, обусловившая в XIX в. их прочные торговые связи с Москвой и Ярославлем, способствовала проникновению в религиозную жизнь учений федосеевцев и странников. Последние относились к группе пристанодержателей, предоставляя в своих домах укрытие бегунам из северных и центральных районов России и переправляя их весной на Каспий на судах, груженных рыболовной бечевой³⁶¹.

В заключении следует сказать, что на развитие села Избылец оказали влияние как объективные, так и субъективные факторы. В частности, такие как географическое положение и обеспеченность земель, положение и хозяйственные интересы его владельцев, наличие широких связей с различными регионами страны.

Список литературы

1. Список населенных мест Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1911.
2. Административно-территориальное деление и органы власти Нижегородского края – Горьковской области (1929–1979): Справочник. Горький, 1984.

3. История города Горького. Горький, 1971.

4. Крестьянская промышленность XVIII века и первой половины XIX века. М.–Л., 1935.

5. Состояние фабрик и заводов в Нижегородской губернии в 1828 г. // Журнал мануфактур и торговли. 1830, № 10.

6. *М.А. Плотникова*. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1894.

7. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887.

8. *И. Рославлев*. Пенько-канатный промысел в селе Избыльце Горбатовского уезда // Нижегородский сборник. Т. 4. Н. Новгород, 1871

9. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887.

10. *И. Рославлев*. Пенько-канатный промысел в селе Избылец Горбатовского уезда // Нижегородский сборник. Т. 4. Н. Новгород, 1871.

О.Н. ЛЕБЕДЕВА,

историк, кандидат исторических наук

И.Р. МУСТАФИН,

кандидат исторических наук, доцент,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Нижегородский институт управления,
г. Нижний Новгород

**Организация хозяйства
промыслово-земледельческих крестьян
деревни Андроново Балахнинского уезда
Нижегородской губернии
на рубеже XIX–XX вв.**

Ключевые слова: кустарное производство, ложкарный промысел, семейный труд, кустарь, скупщик

На рубеже XIX–XX вв. в экономике России особое место занимало кустарное производство. Развиваясь в рамках сельского хозяйства, и, будучи изначально дополнительным занятием земледельческих крестьян, кустарное производство достигло значительных объемов, оказывая серьезное влияние на социально-экономическое состояние уездов, губерний и государства в целом. Кустарные промыслы являлись неотъемлемой частью традиционной культуры промыслово-земледельческих крестьянских хозяйств. Промыслы обеспечивали крестьян, с одной стороны, предметами быта и орудиями труда, и в тоже время, с другой стороны, дополнительными заработками.

Среди множества сел и деревень России связанных с кустарным производством выделяются промыслово-земледельческие селения Балахнинского уезда Нижегородской губернии, в которых был широко развит ложкарный промысел. Одним из таких селений является деревня Андроновое Полянской волости, которая в рассматриваемый период была центром ложкарного и строчильного промыслов Балахнинского уезда.

В системе жизнеобеспечения промыслово-земледельческого селения ключевое место занимали крестьянские семьи, состав которых влиял на хозяйственные возможности дворов и самого селения в целом. Источники свидетельствуют, в д. Андроновое на рубеже XIX–XX вв. происходил рост рождаемости, а также увеличение показателей населенности двора (с 4,2 чел. в 1889 г. до 4,6 чел. в 1905 г.). О довольно высокой рождаемости говорит следующий факт: в 1905 г. 31% от всех жителей деревни составляли дети в возрасте до 13 лет. В то же время, среди всего населения деревни подростков было лишь 11%, как следствие низкой рождаемости в 90-е гг. XIX в.³⁶²

Из всего населения деревни 53% составляли лица рабочего возраста (19–65 лет). Вместе с подростками, удельный вес трудоспособного населения (мужского и женского) достигал 64%. Из общего числа семей 77,2% имели в своем составе одного мужчину-работника. При этом из 28 мужчин-работников двое были в возрасте 70 и 66 лет. Наиболее обеспеченными рабочей силой были 22,7% семей, а именно 4 семьи с двумя мужчинами-работниками, и 1 семья с тремя мужчинами-работниками. В то же время, занятие кустарными промыслами имело характер семейного труда. Наряду с мужчинами, в трудовой процесс вовлекались женщины, подростки и дети, то есть практически все члены крестьянских семей.

Следует отметить, что в д. Андроновое женское население преобладало над мужским населением. Например, в возрастной группе до 65 лет насчитывалось 44 мужчины и 51 женщина, что естественно оказывало влияние на трудовые возможности семей и разницу возраста в семейных парах.

Повышенный травматизм при занятиях кустарными промыслами оказывал негативное влияние на продолжительность жизни крестьян, непосредственно становясь причиной их преждевременной смертности. Как указывалось в документах и исследованиях начала XX в., причина «лежит в промысле»: кустари при изготовлении ложек работали в одном и том же положении, чаще всего сидячем, по 17–19 часов в сутки.

В большей степени кустарное производство было организовано в непригодных для этого помещениях, а зачастую, особенно в летний период, просто во дворе, на открытом воздухе. Травматизм был характерен как для мужчин, так и для женщин. Одним из трудных и вредных для здоровья занятий была окраска ложек. Характеризуя данное занятие, кустари указывали земскому статистiku: «красят и сушат в избе, а от окраски ложек льются слезы из глаз, что заставляет семью просить пристанище у соседей. Дело не обходится без ожогов, от которых не спасают и тряпки на руках, ... а после такой работы руки не выносят холода»³⁶³. В большей степени окраска ложек была женским занятием. Как указывал исследователь А.А. Ильинский, в деревне проживали женщины получившие увечья («больные глазами», «слепые»), как результат работ по окраске ложек³⁶⁴.

Материальной базой крестьянского хозяйства было наделное общинное землевладение. В структуре земельных угодий д. Андроново 94 дес. (58,5%) занимала пашня, 46,2 дес. (28,7%) – лес. Под сенокосы отводилось 12,6 дес. (7,8%), а 8 дес. (5%) – под усадьбы.

С конца XIX в. до начала XX в. средний размер наделной земли оставался прежним, так как число наделных дворов не изменилось. Однако количество земли на 1 д.м.п. уменьшилось. В то же время, нехватка сенокосных угодий и выгона, отрицательно сказывалось на разведении рабочего и продуктивного скота. В 1905 г. в д. Андроново насчитывалось 4 безлошадных двора, а также 4 двора – бескоровных. В двух семьях вообще не имелось никакого скота.

Наряду с пашней, ключевое место в указанной структуре занимал лес, что естественно оказывало влияние на

процентный состав кустарей, занимавшихся изготовлением изделий из дерева. Кроме того, дерево применялось при возведении жилых и хозяйственных построек, изготовлении предметов быта и орудий труда. Всего в деревне был 21 деревянный дом, в том числе один двухэтажный.

По характеру организации хозяйства, производственным возможностям и сбыту готовой продукции, выделяются две основных группы крестьян-кустарей занимавшихся ложкарным промыслом:

Группа 1. Кустари, продававшие ложки вольно и на базаре, и имевшие или не имевшие в своих хозяйствах рабочий скот;

Группа 2. Кустари, продававшие ложки определенному скупщику, под товар и на чистые деньги, по его заказу.

Первая группа крестьян-кустарей включала 12 дворов (66,67% от всех дворов ложкарей), в том числе 3 безлошадных двора (первая подгруппа) и 9 дворов, в которых содержались лошади (вторая подгруппа).

В первую подгруппу входило 14 человек, включая 5 мужчин и 9 женщин. Средняя населенность двора составляла 4,7 чел., что превышало средний показатель по деревне. Грамотных в данной подгруппе не было. В подгруппу входило три супружеских пары: 26 и 26 лет; 40 и 40 лет; 55 и 45 лет. Многодетная семья Степана Ивановича Белуева включала 8 человек: хозяин, жена, дочери (16, 15, 12, 10 лет) и сыновья (5 и 7 лет). В семье Александра Васильевича Беляева, помимо супружеской пары и их больной дочери, проживала 85-летняя теща, которая была «на покое» (за ними ухаживала его жена). Необходимо указать, на традиционный характер семейных ценностей рассматриваемого периода: дети, которые обзавелись своими семьями, поддерживали пожилых родителей и родственников.

Жилые дома в данной подгруппе имели общую стоимость 180 руб. При этом самый дорогой жилой дом стоимостью 100 руб. принадлежал Степану Ивановичу Белуеву. Из хозяйственных построек семей имелись двор,

амбар и две бани. В то же время, семья Михаила Ивановича Беляева не имела собственного жилья, проживая в чужом доме «даром». Все дворы были безлошадными, из них в одной семье содержались корова и овца, а в другой только овца, а третья семья вообще не имела скота.

Распределение земельных наделов внутри общины производилось по числу рабочих рук, с учетом хозяйственной состоятельности. Например, в многолюдной семье С.И. Белуева было три человека мужского пола, поэтому у него было 2 душевых надела, а других семьях, кроме самих хозяев, лиц мужского пола не было, поэтому их наделы были сравнительно меньше (по 1,5 душевых надела).

В рассматриваемый период шел процесс отрыва крестьян-ложкарей от земли. Безлошадные семьи для обработки земельных наделов нанимали работников. Семья А.В. Беляева часть своего надела сдавала («яровые за 2 рубля 75 копеек»³⁶⁵). Плата за обработку наделов трех семей составляла 50 руб., а в среднем 16,7 руб. Самая высокая плата за обработку (25 руб.) зафиксирована у С.И. Белуева. Основными сельскохозяйственными культурами были рожь, овес, картофель, лен.

Все семьи данной подгруппы были задействованы в ложкарном промысле. Они изготавливали 20 тысяч ложек, разных сортов. В среднем на одну семью и на мужчину-работника размер производства составлял 6,33 тыс. шт. ложек на сумму 31 руб. Чистая выручка от продажи ложек (64 руб.) распределялась в среднем по 21,3 руб. на семью (и соответственно на одного мужчину-работника). Это ниже показателей по деревне (31,1 руб. – на работника, 41,3 руб. – на семью).

Рассматривая деятельность крестьян-кустарей, важно отметить, что многие из них занимались отходничеством (например, работали каменщиками «на стороне»). Отхожие промыслы, которыми в подгруппе занималось 2 человека из двух семей, приносили доход 130 руб. В то же время от ложкарного производства и женских промыслов (строчка, дергание полотна) крестьяне получали 32 и 20 руб. соответственно. Таким образом, доходы от отхожего промысла были более высокими.

Круглогодично ложкарным промыслом занималась семья А.В. Беляева, изготавливавшая 10 тыс. ложек, а семьи С.И. Белуева и М.И. Беляева делали ложки только в зимний период (по 5 тыс. ложек каждая). Для работы крестьяне-кустари приобретали привозной лес на сумму 29 руб. (9,7 руб. в расчете на двор). Рассмотрим для примера более подробно доходы от различных занятий крестьянской семьи С.И. Белуева. Он занимался изготовлением ложек в зимнее время, стоимостью 5 рублей за каждую тысячу штук. Отхожий промысел (каменщик) в летнее время года приносил доход 70 рублей. Валовой доход от продажи ложек составлял 25 рублей, а чистый доход 13 рублей. От женских промыслов семья получала 15 руб. в год. Общий доход составлял 110 руб., а на человека приходилось 13,75 руб.³⁶⁶

Общий доход трех семей составлял 214 рублей, в том числе 64 руб. – от местных промыслов, 130 руб. – от отхожих промыслов, 20 руб. – от женских промыслов.

В целом, производственные возможности рассматриваемых семей были не велики, как в обеспечении рабочей силой, так и недвижимым имуществом, продуктивным и рабочим скотом. Земледелием они не занимались, хотя и имели наделную землю.

Во вторую подгруппу входило 9 семей (41 чел.), включая 17 мужчин и 24 женщины. Средняя населенность двора в подгруппе составляла 4,4 чел.

В состав 5 многолюдных семей входило от 5 до 8 членов семьи. Остальные семьи были малыми (по 2–3 чел.). О высокой рождаемости свидетельствуют 21,9% детей до 7-ми лет. 23 человека рабочего возраста составляли 56,1% населения подгруппы. Вместе с подростками удельный вес трудоспособного населения был 63,4% (26 чел.), в том числе 15 чел. (57,7%) женского пола. На 9 семей приходилось 13 мужчин-работников, среди которых были и представители старшего поколения, занимавшиеся трудовой деятельностью, а именно С.Д. Смуров (70 лет) и С.В. Белычев (66 лет).

В пяти семьях было по одному мужчине-работнику (55,6%), а в четырех семьях (44,4%) по два. В возрастной

группе старше 65 лет было всего 4 человека, то есть 9,8% населения подгруппы, что свидетельствует о низкой продолжительности жизни крестьян-кустарей, в том числе и из-за тяжелых условий труда.

Из 11 семейных пар 10 пар были супружескими. При этом в трех семейных парах супруги были ровесниками, а в остальных существовала разница в возрасте. Например, Тихон Семенов был старше своей жены на 12 лет, Федор Иванович Красильников был старше супруги на 9 лет³⁶⁷. Статистика браков показывает, что в трех семейных парах жены были старше мужей на 1–3 года. Кроме того, существовала «братская семья» Григория Васильевича Бельчева (19 лет), проживавшего с сестрами 24 и 20 лет.

В подгруппе было 6 грамотных (14,6%). В то же время, число дворов с грамотным населением составляло 44,4%, то есть 4 из 9 дворов.

Благосостояние кустарей содержащих рабочий скот было, конечно же, выше. Общая стоимость жилых домов составляла 705 руб. В то же время, за средними показателями скрывается имущественная дифференциация крестьян. Распределение стоимости 9 жилых домов (в рублях) следующее: 15, 30, 30, 50, 80, 80, 100, 120, 200. Хозяйственные постройки разной ценности имелись у всех семей, и включали: дворы, сараи, амбары, бани, погреба.

Семьи были обеспечены рабочим скотом: 8 семей (88,9%) содержали коров; 7 семей (77,8%) разводили овец. Двухпоколенная семья Т. Семенова (в семье проживали два поколения: сам домохозяин с женой и взрослый сын с женой и детьми) содержала две коровы. Семьи В.С. Беляева и Г.В. Бельчева содержали соответственно по лошади, корове, теленку, а также несколько овец³⁶⁸.

Подворная земельная нарезка производилась исходя из следующего расчета: 4 семьи (при одном работнике-мужчине каждая) получили по 1,75 душевых надела, 2 семьи (при двух мужчинах-работниках) по 2,5 душевых надела, 2 многолюдные семьи по 2 душевых надела (при двух и одном работниках мужского пола). Самые большие наделы находились в руках В.С. Беляева и Т. Семенова (5,2 дес. пашни).

Следует отметить, что все семьи обрабатывали землю самостоятельно. Земля не пустовала, так как при наличии рабочего и продуктивного скота, всегда имелась возможность ее обработки и улучшения плодородия.

Крестьяне-кустари, содержащие рабочий скот, арендовали, а также, по материалам подворных карточек, имели купчую землю³⁶⁹. Например, И.И. Красильников (53 лет) имел 28 дес. купчей земли на троих и арендовал покосы на сумму 10 руб., К.В. Беляев арендовал церковные земли, в размере 1,5 дес. за 24 руб. и т.д.

Данные о размерах ложкарного производства следующие: 9 семей с 13 работниками вырабатывали 109 тыс. ложек на сумму 583,4 руб. или 53,4% общего размера ложкарного производства в деревне (204 тыс. шт.) и 51,1% общей суммы производства (1141,0 руб.). Чистый доход, за вычетом расходов на лес и краску (169 руб.), составлял 414,4 руб. Четыре семьи сами привозили купленный ими лес, а четыре приобретали уже привезенный.

Размеры производства, в расчете на семью и на работника, составляли соответственно 12,1 тыс. шт. и 8,4 тыс. т, а сумма производства 64,8 руб. и 44,8 руб. Круглогодично изготавливали ложки 5 семей, а 4 семьи занимались данным промыслом только в зимний период (20 недель). Во время сезона полевых работ крестьянские семьи в большей мере занимались земледелием, нежели ложкарным промыслом. Кроме того, в летнее время года трое мужчин работали каменщиками, получая от отхожих промыслов 300 рублей.

Женское население рассматриваемой подгруппы принимало активное участие в промысловой деятельности. По данным подворных карточек, 10 женщин из 6 семей занимались строчкой и дерганьем полотна (53% женщин в возрасте от 8 до 65 лет). В тоже время, жены С.Д. Смурова и А.И. Полыщева красили ложки. Общий доход 12 женщин от промыслов (44 руб.) и других видов работ (16 руб.) составлял 60 рублей.

Анализ источников позволяет предположить, что в местных и отхожих промыслах продолжительность рабочего периода ложкарей зависела от имущественной

состоятельности семей и от их обеспеченности работниками-мужчинами трудоспособного возраста.

В течение года ложкарным промыслом занимались пять семей. Из них три старые возрастные семьи, с одним работником-мужчиной, и две многолюдные семьи А.И. Польшцева (7 чел.) и К.В. Беляева (6 чел.). В большей степени в указанных семьях преобладали лица женского пола, малолетние и подростки. Поэтому отходом заниматься в этих семьях было некому, ни по возрасту, ни по положению в семье. Данные семьи, кроме ложкарного промысла, занимались земледелием.

Отметим, что стоимость жилых домов рассматриваемых семей распределялась соответственно: 15, 20, 50, 80, 120 руб.

Рассматривая производительность труда, можно установить, что за один рабочий день кустари изготавливали ложки в следующем количестве: И.И. Красильников – 40 шт., Ф.И. Красильников – 80 шт., А.И. Польшцев – 70 шт., С.Д. Смуров – 70 шт., К.В. Беляев (в семье работали два человека) – 150 шт. Размер ложкарного производства пяти семей составлял 53 тыс. ложек в год. Две семьи изготавливали 8 тыс. и 15 тыс. ложек соответственно, а три семьи по 10 тыс. ложек каждая. Чистая выручка от реализации готовой продукции составляла у рассматриваемых семей соответственно: 28,4; 40; 37; 42; 55 руб. в год. Общий доход от продажи ложек составлял 202,4 руб.

Таким образом, пять семей крестьян-кустарей получали доходы от ложкарного производства (202,4 руб.), от женских промыслов (23 руб.) и земледелия.

Рассмотрим состав, имущественное положение и хозяйственную деятельность четырех семей крестьян-кустарей, изготавливавших ложки только в зимний период года. Семья Тихона Семенова (5 чел.), Ивана Васильевича Бельчева (7 чел.), Василия Семеновича Беляева (6 чел.) были многолюдными и двухпоколенными, с двумя работниками-мужчинами. Тихон Семенов (55 лет) занимался ложкарным промыслом круглый год, а остальные указанные кустари в зимнее время года. Г.В. Бельчев (19 лет) также занимался ложкарным производством в зимний период, а в летнее время – земледелием.

В четырех семьях насчитывалось 7 мужчин-работников. Производительность труда в семьях с двумя работниками составляла соответственно 80, 150 и 150 шт. ложек. Семьи с одним работником изготавливали в среднем по 50 ложек в день. Чистый доход от ложкарного производства четырех семей, работавших в зимнее время, составлял: 85, 30, 80, 17 руб. Сыновья В.С. Беляева, И.В. Белычева и Т. Семенова и в летнее время работали каменщиками, зарабатывая по 100 руб. каждый. Кустари, работавшие только зимой, получали валовый доход – 280 рублей. Их чистый доход от ложкарного промысла составлял 212 руб., а от отхожих промыслов – 300 руб.

В период полевых работ все хозяева занимались земледелием. При этом В.С. Беляев арендовал церковную землю в размере 1,5 дес. за 18 рублей. Во дворах содержался рабочий и продуктивный скот (корова, овцы и др.), а у Т. Семенова было две коровы.

Постройки оценивались соответственно в 100, 300, 120 руб. Из них жилые дома имели стоимость 80, 200 и 100 рублей. Жилой дом Григория Васильевича Белычева оценивался в 30 руб., а хозяйственные постройки в 10 руб. У него имелись корова и лошадь.

Общий доход крестьян-кустарей от всех промыслов составлял 512 рублей, включая доходы от отхожих промыслов (58,5%) и чистые доходы от местных промыслов (41,5%). Доход от женских промыслов (37 руб.) распределялся следующим образом: 5 женщин дергали и строчили полотно (доход 21 руб.). Из них 2 женщины летом «были в работницах», с заработком 16 рублей. Общий доход от местных и отхожих промыслов равнялся 549 рублей, в том числе от женских промыслов получалось 37 рублей.

Занятие земледелием и домашним животноводством были подспорьем в жизнеобеспечении крестьянского двора. Хотя доходы от данных видов занятий не определены, можно сказать, что они играли значительную, но не главную роль. Особенно ярко это проявлялось в двухпоколенных семьях, где наличие двух работников в семье позволяло увеличить производительность труда за

счет разделения и специализации. Даже когда кто-то из работников-мужчин уходил «в отход», как, например, сыновья В.С. Беляева, Т. Семенова и И.В. Бельчева, то все равно второй работник-мужчина оставался в семье и занимался сельским хозяйством.

Таким образом, семьи, получавшие доходы от местных и отхожих промыслов, отличались соответственно благоприятным имущественным положением. В то же время, в рассматриваемых дворах было 5 грамотных и 1 малограмотный, что было существенным показателем грамотности.

Три многолюдные семьи, в течение зимы делали 51 тыс. ложек, или 46,8% всего объема ложкарного производства в данной подгруппе. Производительность труда в расчете на семью и на работника составляла соответственно 17 тыс. шт. и 8,5 тыс. штук.

Валовый доход трех семей от всех видов промысловых занятий составлял 574 рубля. При этом доход от ложкарного промысла приносил доход 255 рублей, а от отхожих промыслов – 300 рублей. Женские работы приносили доход 19 рублей.

Доход 9 семей от ложкарного промысла составлял 583,4 руб. (чистый доход за вычетом расходов на лес и краску (169 руб.) составлял 414,4 руб.). Валовый доход работников-мужчин 9-ти семей от местных (583,4 руб.) и отхожих промыслов (300 руб.) составлял 883,4 руб., что в процентном выражении соответственно 66 и 34% дохода. С учетом женских промыслов (60 руб.) общий доход равнялся 943,4 руб., из которых доход от женских промыслов равнялся 6,4%.

Всего 12 семей первой группы с 16 работниками изготавливали 129 тыс. ложек на сумму 676,4 руб., что составляло 63,3% общего размера ложкарного производства и 59,3% стоимости производимых ложек в деревне. В расчете на семью и на работника получается соответственно 10,83 тыс. шт. и 8,16 тыс. шт., или в денежном выражении 56,4 руб. и 42,25 руб. соответственно. У безлошадных ложкарей чистый доход на семью составлял 21,3 руб., на одного работника – 21,3 руб. В то же время, у ложкарей,

имевших рабочий скот, чистый доход на семью был 46,1 руб., а на одного работника – 36,9 рублей. По первой группе в среднем, доход на семью составлял 39,9 руб., а на работника приходилось 30 рублей.

Вторая группа крестьян-кустарей включала 26 человек (12 мужчин и 10 женщин) из 6 дворов. Средняя населенность двора составляла 4,3 человека, что ниже показателя по первой группе.

В группе преобладали многолюдные семьи (4 семьи), среди которых семьи С.С. Беляева (6 чел.), С.М. Фенодичева (6 чел.), В.И. Польшцева (5 чел.), Д.В. Польшцева (5 чел.). Например, семья Степана Семеновича Беляева состояла из 6 чел. и была двухпоколенной с 2 работниками-мужчинами: 53-летним хозяином и 23-летним грамотным сыном. Его 24-летний сын (грамотный) был призван на военную службу. В состав семьи Степана Михайловича Фенодичева, кроме него самого входили «его жена, четверо детей (три сына в возрасте 1, 3, 6 лет и 9-летняя дочь)»³⁷⁰.

В данной группе кустарей были «старые» семьи, состоящие из пожилых супружеских пар, дети которых жили отдельно от родителей. Это семьи Дмитрия Степановича Беляева (муж и жена ровесники, в возрасте 53-х лет) и Алексея Ивановича Фонарева (муж 58 лет, жена 59 лет). Среди крестьян в рассматриваемой группе отсутствовали представители старшего поколения (старше 65 лет).

В целом, в 4 семьях было по одному работнику-мужчине, а в 2 семьях по два работника-мужчины, причем один из них подросток (в семье Василия Ивановича Польшцева вместе с отцом лужкарным промыслом занимался 15-летний сын).

Удельный вес населения рабочего возраста (от 18 до 65 чел.) составлял 57,7% (15 чел.), а фактически 53,8%, так как один мужчина из приписного населения находился на военной службе. 50% трудоспособного населения были женщины. 30,7% всего населения группы были малолетние дети, что говорит о довольно высокой рождаемости. Обращает на себя минимальная доля подростков во всех группах, что вероятно связано с низкой рождаемостью и

высокой смертностью детей в голодные 1891–1892 годы. Например, во второй группе был только один подросток мужского пола. Удельный вес трудоспособного населения (с учетом подростков) составлял 57,7%. Таким образом, крестьянские семьи были обеспечены рабочей силой за счет женщин и детей, вовлекаемых в трудовой процесс.

Грамотность среди крестьян-кустарей данной группы следующая: в двух дворах с грамотным населением (33% всех дворов) было трое мужчин-грамотных.

Имущественную дифференциацию крестьян показывает стоимость жилых домов, общей стоимостью 300 рублей. Два жилых дома оценивались по 20 руб., а остальные по 30, 50, 80 и 100 рублей. Средний показатель цены крестьянского дома в рассматриваемой группе (50 руб.) ниже средней стоимости домов семей, содержащих рабочий скот и работавших вольно (78,3 руб.). Хозяйственные постройки были представлены дворами (6 ед.), сараями (6 ед.), амбарами (5 ед.), банями (5 ед.). Обеспеченность крестьян рабочим и продуктивным скотом была следующая: 5 дворов имели по одной лошади и одной корове. Только неразделенная многолюдная семья С.С. Беляева содержала лошадь, корову, теленка и овцу.

В целом, вторая группа, в отличие от первой, была менее обеспечена продуктивным скотом.

Подворная земельная нарезка производилась следующим образом: две семьи получили по 1,5 душевых надела (3,12 дес.), одна семья – 2,5 душевых надела (5,2 дес.), две семьи по 3 душевых надела (6,24 дес.). Самый большой земельный надел был у С.С. Беляева в размере 7,28 дес. пашни, и составлял 3,5 душевых надела. В его семье было четверо мужчин (4 д.м.п.), один из которых пребывал на военной службе. Все крестьяне-кустари самостоятельно обрабатывали свои земельные наделы.

В ложкарном промысле было занято 7 мужчин рабочего возраста и подросток. Изготовлением ложек круглогодично занимались четыре семьи, а две семьи только в зимнее время. Рассмотрим некоторые примеры.

Семья С.С. Беляева в течение года изготавливала ложки по заказу скупщика В.И. Чванова³⁷¹, в количестве

20 тыс. ложек по цене 5 руб. за тысячу штук. Скупщик платил за работу «хлебом и деньгами, под работу», а под расчет «товаром». Как указывается в источниках, С.С. Беляев «колол, строгал и тесал», а его сын 23-ти лет «скоблил и точил ложки»³⁷². Это указывает на существовавшее разделение труда. Лес приобретался за 20 верст в селе Пестяки (Владимирской губернии) и привозился самостоятельно. Чистый заработок семьи Беляевых от изготовления ложек составлял 80 рублей.

Семья Василия Ивановича Полыщева (54 года) работала по заказу скупщика М.И. Корятова из с. Василево, изготавливая ложки «под олово». В.И. Полыщев, вместе с 15-летним сыном, обрабатывал деревянные заготовки и изготавливал ложки, а его жена их красила. Работать обычно начинали в 3 часа утра, а заканчивали в 10 часов вечера. Готовую продукцию сбывали М.И. Корятову «каждую неделю», по цене 7 руб. за тысячу ложек. Общее количество изготовленных ложек достигало 15 тыс. шт. в год. Чистый заработок семьи составлял 40 руб. При этом расходы распределялись следующим образом: покупной лес – 25 руб., краски – 40 руб. В течение дня семья В.И. Полыщева изготавливала 100–150 ложек. Расчет за готовую продукцию производился с ними деньгами и товаром. Как указывается в источниках, В.И. Полыщев «брал под работу около 20 рублей, деньгами и хлебом».

По заказу скупщика М.И. Корятова из с. Василево работал Степан Михайлович Фенодичев, который изготавливал 10 тыс. ложек в год по цене 5 рублей за тысячу штук. С.М. Фенодичев сбывал готовую продукцию заказчику один раз в неделю, получая расчет деньгами. Ежедневно кустарь изготавливал по 40 ложек, начиная работу в 4 часа утра и заканчивая в 10 часов вечера. Окраской ложек занималась его жена. С.М. Фенодичев приобретал краски у П.С. Борисова на 10 руб. Лес покупал и привозил сам (затраты 5 руб.). Чистый доход от реализации готовой продукции составлял 35 рублей.

Состав семьи С.М. Фенодичева был следующий: домохозяин (30 лет), его жена (29 лет), дочь (9 лет), сыновья (1, 3, 6 лет). У него было три душевых пая (6, 24 дес. паш-

ни), лошадь и корова, а также жилой дом стоимостью 30 руб., и все хозяйственные постройки.

Крестьянин Дмитрий Степанович Беляев, работавший по заказу скупщика М.И. Корятова, изготавливал в зимнее время 10 тыс. ложек по цене 8 руб. за тысячу штук. Окраской ложек занималась его жена, которая в свою очередь отдавала часть ложек красить женщинам «в другую деревню», предоставляя им свой материал, рассчитываясь по 35 копеек за тысячу штук. Д.С. Беляев изготавливал от 15 до 70 ложек в день. Его чистый заработок составлял в среднем 50 рублей в год. Для приобретения необходимых материалов (лес, краска) он брал деньги вперед «под работу» (поэтому в документах указан долг скупщику в сумме 14 рублей). Д.С. Беляев покупал лес в селе Катунки (за 12 руб.), а краску у скупщика Чванова (за 18 руб.). Расчет по выполненному заказу производился с Д.С. Беляевым товаром и деньгами («пополам»).

На скупщика М.И. Корятова работал Д.В. Польшцев. Он изготавливал 10 тысяч ложек в зимнее время года, стоимостью 7 руб. за тысячу штук. Его жена занималась окраской ложек. В летнее время Д.В. Польшцев работал каменщиком «на стороне». Однако, судя по его заработку в 10 руб., «в отходе» он находился минимальное время. Кроме того, Д.В. Польшцев занимался земледелием. Ложкарным промыслом семья Д.В. Польшцева занималась весь день, начиная работать в 3 часа утра и заканчивая к 10 часам вечера. Рассматривая доходы Д.В. Польшцева можно отметить, что чистая выручка от промысла составляла 37 рублей. Среди расходов выделяются покупка леса за 15 рублей и краски за 18 рублей.

Следует отметить, что 4 из 6 семей имели долги перед скупщиками, составлявшие в целом 32 руб. Только В.И. Польшцев и С.М. Фенодичев, получавшие заработок чистыми деньгами, не имели долгов.

Общий размер ложкарного производства 6 семей составлял 75 тыс. ложек на сумму 465 руб., составляя 36,7% общего размера ложкарного производства в деревне. В расчете на семью и на работника размер производства составлял 12,5 тыс. и 9,4 тыс. шт., а сумма

производства 77,5 и 58,1 рублей соответственно. Сумма производства у данных кустарей составляла 40,7% общей суммы ложкарного производства (1141 руб.). С вычетом расходов на лес и краски (196 руб.), чистая выручка от продажи ложек составляла 269 руб. При этом на семью приходилось 44,8 руб., а на одного работника 33,6 руб.

Размеры и сумма производства в расчете на семью и на работника были выше, чем в группе ложкарей работавших вольно. Но чистый доход в расчете на семью и на работника был ниже, чем у семей ложкарей с рабочим скотом, работавшим вольно.

В целом, ложкари, работавшие на скупщика, были наиболее тесно связаны с ложкарным промыслом, как главным источником их доходов. Об этом свидетельствует и участие женщин, жен домохозяев, в ложкарном производстве. Доходы от земледелия и отхожих промыслов были минимальны (в отходе недолгое время находился один человек). Земельные участки кустарей данной группы были невелики, а арендованных и покупных земель они не имели. Производительность труда здесь была выше, чем в других группах ложкарей. Работая на скупщика, являвшегося заказчиком основной продукции, семьи кустарей были тесно связаны с ним, что и определялось обязательствами кустарей по выполнению полученного заказа в установленном объеме и в указанные сроки. Кроме того, «под работу» кустари брали кредиты (товар или деньги) и имели долги перед скупщиком.

В пяти из шести семей практически все члены семьи, как мужчины, так женщины и подростки, принимали участие в ложкарном промысле. Мужчины занимались изготовлением ложек от заготовки до конечного изделия, а женщины – окраской ложек.

Таким образом, изучение организации хозяйства промыслово-земледельческих крестьян на примере отдельных деревень дает возможность построения общей картины жизни и быта крестьян-кустарей на рубеже XIX–XX вв., а также позволяет рассмотреть особенности кустарного производства и его вклад в социально-экономическое развитие определенных территорий.

С.М. ЛЕДРОВ,

кандидат исторических наук, доцент,
Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте,
г. Нижний Новгород

**Промыслы по обработке сырья
животного происхождения как пример
экономического самоопределения
сельского населения Нижегородской губернии
в конце XIX века**

Ключевые слова: кустарные промыслы, обработка сырья животного происхождения, экономическое самоопределение, Нижегородская губерния, XIX век

Историю отечественной экономики невозможно рассматривать без кустарных промыслов не только как феномена историко-культурного наследия России (именно в кустарном производстве лежат истоки многих народных художественных промыслов), но прежде всего как традиционного механизма самоорганизации населения, ставшего формой экономического самоопределения крестьянских хозяйств в период перехода к товарно-денежным отношениям. Кустарная промышленность позволяла сельским жителям решать проблему дефицита семейного бюджета при помощи дополнительных источников существования, а для наиболее оборотистых предпринимателей служила источником первоначального накопления капитала. С другой стороны, прежнее кустарное производство, в отличие от современных народных художественных промыслов, нацеленных в основном на изготовление

предметов декоративно-художественного и сувенирного характера, было нацелено на массовое производство товаров повседневного потребления, ибо крупная фабрично-заводская промышленность тогда еще не могла полностью удовлетворить этот спрос, особенно на селе.

Вследствие данных обстоятельств сельская Россия была покрыта широкой сетью «кустарных гнезд». Особой концентрацией таких «гнезд» отличалась Нижегородская губерния. Причинами тому стали удобное географическое положение губернии в центре европейской части России, на перекрестке торговых путей с сетью исторически сложившихся торговых центров (ярмарок), как общегосударственного, так и местного значения; наличие источников промышленного сырья. К этому следует отнести и природные условия, способствовавшие успешному развитию кустарной промышленности России в целом, а именно короткий сельскохозяйственный сезон, вследствие чего у крестьян появлялось свободное время для несельскохозяйственных занятий.

Чтобы оценить масштаб отраслевого разнообразия кустарных промыслов Нижегородской губернии, можно, к примеру, обратиться к таким современным научным трудам как «Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX – начала XX столетий» Я.Е. Водарского и Э.Г. Истоминой³⁷³ и «Кустарные промыслы Нижегородской губернии второй половины XIX – начала XX века» В.Г. Егорова, О.А. Зозули, С.В. Моркунцова, С.В. Петряева³⁷⁴.

Многие отрасли (и отдельные виды внутри отраслей, или подотрасли) местного кустарного производства достигли в нашем крае столь высокого уровня развития, что их центры стали брендами того или иного промысла и получили всероссийскую известность (Хохлома, Павлово, Богородское, Большое Мурашкино, Выездная Слобода, Катунки, Юрино).

В своем выступлении мы остановимся на обзоре одной из наиболее распространенных (и географически и по числу участников), но еще недостаточно изученных отраслей сельской промышленности Нижегородской

губернии – обработке сырья животного происхождения. Эта отрасль укоренилась здесь еще в XVII–XVIII вв., но самое широкое развитие получила во второй половине XIX в., превратившись в основной или дополнительный вид хозяйственной деятельности многих крестьянских семей во всех уездах губернии в период экономической адаптации (самоопределения) населения к новым реалиям пореформенной России.

Отрасль по обработке сырья животного происхождения имеет достаточно сложную внутреннюю структуру и не всегда полностью и подробно учитывалась официальной статистикой. Последняя в первую очередь отдельно фиксировала лишь те предприятия, которые относились к фабрично-заводской промышленности (естественно, с точки зрения того времени). Это кожевенные, овчинные, клееваренные и мыловаренные заводы (и то не все). Остальные производства по обработке животного сырья относились к мелким промышленным заведениям или к категории ремесла. И по ним давались только общие поездные и погубернские сведения (число производственных единиц, количество участников, сумма производства). Естественно, разной степени полноты.

В конце XIX в. появились описания отдельных центров таких промыслов в Трудах Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России³⁷⁵ и в Нижегородском сборнике³⁷⁶.

Вместе с тем в конце XIX в. несколько раз проводился и одномоментный сбор более подробных статистических данных о промышленности по обработке продуктов животного происхождения в рамках всей губернии. Цели таких мероприятий были разные, но их итоги позволяют более объективно представить степень распространения интересующей нас отрасли. Так, в ЦАНО хранятся «Сведения о заведениях, обрабатывающих сырые животные продукты в Нижегородской губернии за 1897 год»³⁷⁷ (далее «Сведения...»). Они собирались уездными исправниками согласно предписанию Нижегородского губернского ветеринара от 13 марта 1898 г. В соответствии с правилами ветеринарного надзора такие заведения должны были подвергаться обязательному осмотру, так как они

являлись источником повышенной эпидемиологической опасности.

По неясным причинам в деле отсутствуют сведения из Ардатовского уезда. По остальным уездам даются подробные данные по волостям и населенным пунктам с указанием владельца заведения, вида производства по используемому сырью и форме организации (фабрично-заводское или кустарное), объема вырабатываемой продукции, времени деятельности в течение года, месте расположения (в населенном пункте или за его чертой) и о случаях заразных болезней.

Всего в «Сведениях...» содержатся данные по 11 производствам: кожевенному, шорно-сыромятному, овчинному, скорняжному (меховому), клееваренному, мыловаренному, салотопенному, костемольному, щетинному, волосоразборному, кошмоваленному.

Кроме того, в нашем распоряжении имеются уже изданные «Материалы для оценки фабрик, заводов и других промышленных заведений Нижегородской губернии»³⁷⁸ (далее «Материалы...»). Они собирались представителями губернского земства чуть раньше выше указанных «Сведений...» – со второй половины 1895-го до осени 1896 г., с целью равномерного и правильного обложения земским сбором промышленных предприятий. Оценке подлежали заведения, имеющие хотя бы один из перечисленных признаков: паровой или иной двигатель, особое производственное здание, наемных рабочих. Это позволило учесть как крупные промышленные предприятия, так и кустарные мастерские. Статистические данные в «Материалах...» сгруппированы по отраслям и внутри них по уездам (в том числе и по Ардатовскому, по которому нет данных за 1897 г.): число заведений, число основного производственного оборудования (чанов, котлов, печей, толчей и т.п.), количество перерабатываемого материала, объем выделанной продукции и ее стоимость, число своих и наемных рабочих по полу, ценность здания и инвентаря.

К группе производств по обработке продуктов животного происхождения, данные о которых имеются в «Материалах...», следует отнести: кожевенное, рукавичное,

овчинное, клееваренное, мыловаренное и свечное, салотопенное, костемольное, шерстобойное, сукноваленное, кошмоваленное, валено-сапожное, стирно-стелечное.

Для наглядности итоговые данные, определенные нами на основе сведений, содержащихся в обоих статистических источниках, представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Промышленность по обработке сырья животного происхождения в Нижегородской губернии в 1897 году

Производства	Число селений	Число заведений	Объем производства
Кожевенное	31	205	658 965 штук кож
Шорно-сыромятное	1	5	23 900 штук изделий
Овчинное	216	850	1 972 505 штук овчин
Скорняжное (меховое)	1	12	1 156 500 штук мехов
Клееваренное	16	35	16510 пудов клея
Мыловаренное	3	3	1140 пудов мыла
Салотопенное	6	13	3665 пудов сала
Костемольное	1	1	3 пуда костной муки
Щетинное	2	6	2100 пуда щетины
Волосоразборное	1	1	2000 пудов волоса
Кошмоваленное	1	5	74 450 пудов шерсти
Итого	248	1136	

Таблица 2

**Промышленность по обработке сырья животного происхождения
в Нижегородской губернии в 1895/1896 году**

Производства	Число заведений	Объем произведенной продукции	Стоимость произведенной продукции (тыс. руб.)	Работников (чел.)			Стоимость здания и инвентаря (руб.)
				Своих	Наемных	Всего	
1	2	3	4	5	6	7	8
Кожевенное	334	767 491 шт. +2342 пар +114 000 пар рукавиц ³⁷⁹	2 252,848	337	1042	1419	468126
Рукавичное	–	1 129 600 пар рукавиц	–	163	264	427	Без цены
Овчинное	727	597 235 шт. овчин	607,213	1159	931	2090	89800
Клееваренное	39	18 770 пудов клея	73,4	51	113	164	17000
Мыловаренное и свечное	14	19 000 пудов мыла и свеч ³⁸⁰	71,5	10	33	43	6200
Салотопенное	18	5477 пудов сала	21,3	22	5	27	6300

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Костемольное	1	–	–	–	–	–	6900
Кошмоваленное	50	199 815 штук кошем	237,4	61	496	557	5300
Шерстобойное	220	16 233 пудов шерсти	182,2	372	52	424	8800
Сукноваленное	17	34 105 аршин сукна	17,1	28	6	34	2000
Валено- сапожное	2065	659 049 пар валенок +					
3000 штук стелек	591,0	3406	643	4049	87400		
Стирно- стелечное	256	990 274 штук стелек	104,8	488	98	586	10200
ИТОГО	3741		–	6097	3683	9780	708026
В среднем на 1 заведение				1,63	0,98	2,61	189,26

Сравнение итогов обследований показывает разнотой в количественных показателях по одним и тем же видам производств, особенно наиболее распространенным. Это говорит о том, насколько сложно было организовать массовый учет всех производственных единиц, от крупных до самых мелких. Например, в «Сведениях...» по Горбатовскому уезду учтено лишь 69 кожевенных заводов и 5 шорных заведений, а в «Материалах...» – 138 таких предприятий. Также по Васильсурскому уезду – 81 и 123 кожевенных заведения. По овчинному производству Княгининского уезда наоборот: по «Сведениям...» – 437, а по «Материалам...» – только 257 производственных единиц. Соответственно и по овчинному производству всей губернии: по «Сведениям...» – 850, а по «Материалам...» – 727 (даже несмотря на то, что в число последних вошли и 33 овчинных заведения Ардатовского уезда, о котором данных по ветеринарной линии нет).

Вместе с тем оба источника позволяют представить общую картину состояния промышленности по обработке животного сырья в Нижегородской губернии в конце XIX в.

Какой же нам видится структура этой отрасли на основе таких сведений. В целом предприятия отрасли можно разделить на три группы:

- 1) выделка кож и мехов и изготовление из них изделий;
- 2) переработка внутренних органических остатков (мездры, жира, кости);
- 3) обработка волосяного покрова (коровьего и конского волоса, щетины, овечьей шерсти).

Наиболее развитыми были производства первой группы, которые являлись поставщиками сырья для предприятий остальных групп. Ведь при выделке шкур животных на этапе так называемых «вспомогательных операций» (золение, мездрение) происходило их (шкур) очищение от волосяного покрова и внутренних органических остатков с целью выделения собственно кожи. К таким производствам можно отнести кожевенное, овчинно-меховое и скорняжное.

Кожевенное производство, в свою очередь, объединяло выделку дубленых кож, выделку сыромяти и шитье из нее шорных изделий, выделку «голых» овчин на рукавицы (точнее – голицы). Иногда несколько таких специализаций объединялись под рукой одного предпринимателя. Например, один и тот же заводчик выдeldывал конские или коровьи кожи и имел шорную мастерскую, другой выдeldывал кожи и занимался рукавичным производством. Это подтверждают и данные обследования 1895–1896 гг., в которых рукавицы, как готовая продукция, присутствуют в собственно кожевенном и рукавичном производствах.

В целом кожевенное производство было зафиксировано в 32 населенных пунктах всех уездов (учитывая, что в «Материалах...» есть данные и об одной кожевне с одним работником (хозяином) в Ардатовском уезде). Однако ведущая роль в этом виде производства принадлежала крестьянам-промышленникам сел: Богородского Горбатовского, Тубанаевки и Юрина Васильсурского, Катунки и Городец Балахнинского уездов, а также арзамасским купцам (кстати, город Арзамас тогда был единственным городом Нижегородской губерний, в котором развивалась обработка сырья животного происхождения).

Наиболее широкая специализация в кожевенном деле наблюдалась в селе Богородском, где выдeldывались конские и коровьи кожи, изготовлялась упряжь, шились рукавицы и склеивались подборы из кожаных обрезков на подошвы. Во всех перечисленных центрах в рассматриваемый период выделка кож в основном приобрела заводской характер (с использованием наемной рабочей силы и круглогодичным производством), а изготовлением изделий, особенно рукавиц, занимались кустари-надомники, утратившие экономическую самостоятельность. В других уездах кожеобработка не выходила за рамки кустарного производства: по 9 мелких кожевен было в Княгининском и Сергачском, 5 – в Семеновском, по 3 – в Нижегородском и Макарьевском, 2 – в Лукояновском, 1 – в Ардатовском уездах.

Кроме прочего, помимо изготовления из кож упряжи и рукавиц, в Нижегородской губернии получил развитие

сапожный промысел. В «Сведениях...» и «Материалах...» данных о нем нет. В первом случае, вероятно, из-за того, что мастера-сапожники имели дело уже с выделанным кожевенным полуфабрикатом, а обработкой кожевенного сырья не занимались, а во-втором, из-за того, что организация данного промысла не отвечала ни одному из признаков, на основе которых составлялись «Материалы...»: сапожники какие-либо двигатели не использовали, особых производственных зданий не имели, наемных рабочих не привлекали.

Сапожничество в губернии в единичных масштабах было распространено повсеместно. Однако центров массового производства кожаной обуви в Нижегородской области было немного: с. Выездная Слобода Арзамасского, с. Катунки Балахнинского и Богородская волость Горбатовского уездов. Наибольшее развитие промысел получил в Выездной Слободе: в конце 1870-х гг. из 689 местных дворов им занимались в 600-х³⁸¹. Причем в 400 дворах сапоги шили круглый год, в остальных кустари совмещали промысел с земледелием.

Овчинно-меховое производство, в отличие от кожевенного, в губернии географически было более распространено. Однако в основном оно оказалось сосредоточено в селе Большом Мурашкине Княгининского уезда. В 1897 г. мурашкинцам принадлежало 385 овчинных заведений (почти половина их общего количества в губернии), на которых было выделано 1,7 млн штук овчин (86% общегубернского производства). 20 заводов относились к категории крупных, по местным меркам, предприятиям, на долю которых приходилось от 600 тыс. до 900 тыс. штук овчин. Однако в целом местное производство определялось как кустарное. По данным «Материалов...» общее число наемных работников (678 чел.) незначительно превышало число промыслов членов семей хозяев (554 чел.). Еще 52 овчинные мастерские располагались в 18 иных селениях Княгининского уезда, в том числе 18 – в селе Ичалки. Другим по значимости районом сосредоточения овчинного промысла был Васильсурский уезд. Здесь он развивался в 15 селениях (98 заведений), но в основном

в селе Монастырском Ватрасе: 62 заведения кустарного типа, 39,5 тыс. овчин. Круглогодичный производственный процесс в овчинном промысле велся только в Большом Мурашкине, Ичалках и отчасти в Монастырском Ватрасе. В других местах крестьяне занимались выделкой овчин.

Скорняжное производство специализировалось на выделке заячьих, беличьих, кошачьих и хорьковых мехов и было сконцентрировано в Арзамасском уезде. Прежде всего, в самом городе Арзамасе, где оно приобрело крупный характер. По «Сведениям...» в городе действовало 9 купеческих и мещанских скорняжных фабрик с наемными рабочими. Еще 3 промышленных заведения определены как раздаточные конторы. Их владельцы раздавали меха на выделку кустарям окрестных селений.

Производств второй группы в губернии было меньше. В основном к ним относилось клееварение. Такие заведения существовали в 5 уездах. Преимущественно же они располагались в местах широкого развития кожевенного производства. Всех больше клееварен (24) в 1897 г. было зарегистрировано в Балахнинском уезде, в основном в Катунской и Павелковской волостях. 5 таких заведений действовало в Большом Мурашкине Княгининского уезда, 4 в – Спасской волости Васильсурского уезда, по одному в г. Арзамасе и д. Вышки Нижегородского уезда.

Мыловаренное, свечное и салотопенное производства (продукция последнего шла на изготовление свеч и мыла) кустарного типа также сосредотачивалось вокруг центров кожевенного производства, главным образом Арзамасского, Балахнинского и Васильсурского уездов. Салотопня и мыловарня также действовали в с. Лыскове Макарьевского уезда.

Костная мука (3000 пудов в год) производилась на заводе в сельце Левиха Воскресенской волости Макарьевского же уезда. Производство на нем велось круглогодично.

Третья группа производств по обработке сырья животного происхождения объединяла щетинные, волосоразборные предприятия и многочисленные заведения по

обработке шерсти. Заготовка щетины (волосяной покров свиной), коровьего и конского волоса, гусиного и куриного пера и пуха была традиционным занятием крестьян Спасской волости Васильсурского уезда. В конце XIX в. в с. Спасском и д. Турбанке местные предприниматели открыли «фабрики» по ручной разборке такого сырья, нанимая для этих целей десятки рабочих.

Более широкое распространение в губернии получила обработка шерсти. Кошмоваленные предприятия, по размерам самые большие из шерстеобрабатывающих производств, действовали в Арзамасе. В «Сведениях...» перечислены 5 наиболее крупных таких «фабрик» города. В «Материалах...» же приводятся общие сведения о 37 кошмоваленных предприятиях Арзамасского уезда (172 тыс. штук кошм) с 45 своими и 192 наемными работниками. В крестьянских хозяйствах губернии были распространены и небольшие шерстобитни и сукновальни кустарного типа. Особняком в этой группе, по числу участников, стоял валено-сапожный промысел. Он объединял саму обработку шерсти и изготовление из нее теплой обуви (валенки) и был распространен во многих уездах. Однако 78% лиц (1609 заведений, 3125 человек), занятым таким промыслом проживало в Семеновском уезде, на долю которого приходилось 88% (583,6 тыс. пар валенок) валеночного производства губернии. На следующем месте по значимости в этом производстве находились Балахнинский (189 заведений) и Горбатовский (141 заведение). Жители последнего, кстати, помимо валенок занимались еще и изготовлением стелек. Хотя в губернии имелись и отдельные стирно-стелечные заведения – в том же Семеновском (163 единиц) и Арзамасском (93 единицы) уездах.

Таким образом, в конце XIX в. отрасль по выделке сырья животного происхождения занимала значительный сегмент обрабатывающей промышленности Нижегородской губернии. Сосредоточена она была преимущественно в сельской местности и состояла из трех групп предприятий 10 производств (отдельные производства имели и внутреннюю специализацию) по виду обрабатываемого

сырья или виду изготавливаемой продукции: кожевенное (выделка дубленых кож, шорно-сыромятное, подборное, рукавичное, сапожное производства), овчинно-меховое, клееваренное, скорняжное, мыловаренное и свечное, салотопенное, костемольное, щетинное, волосоразборное, обработка шерсти (кошмоваленное, сукноваленное, шерстобитное, валяно-сапожное, стирно-стелечное). Несмотря на наличие в отдельных производствах относительно крупных предприятий, относящихся официально статистикой к фабрично-заводскому типу, большинство заведений по обработке сырья животного происхождения развивалось в рамках мелкого, кустарного производства.

Список литературы

1. *Я.Е. Водарский, Э.Г. Истомина.* Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX – начала XX столетий. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2004.

2. *А.В. Карпов.* Сапожный промысел в Выездной слободе Арзамасского уезда // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. III. – СПб., 1880. С. 29–42.

3. Кустарные промыслы Нижегородской губернии второй половины XIX – начала XX века / *Егоров В.Г., Зозуля О.А., Моркунцов С.В., Петряев С.В.* – СПб., 2013.

4. Материалы для оценки фабрик, заводов и других промышленных заведений Нижегородской губернии. – Нижний Новгород: Нижегородское губернское земство, 1902.

5. Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. III, V, VI, IX. – СПб., 1880–1883.

А.В. ЛЮБАВИН,

историк,
г. Богородск, Нижегородская область

С.В. ПЕТРЯЕВ,

историк,
заместитель директора по научной работе НИП «Этнос»,
главный редактор научно-популярного Общероссийского
историко-энциклопедического журнала
«Провинциальная Россия»,
г. Нижний Новгород

К истории развития кожевенного промысла в селе Богородском Горбатовского уезда Нижегородской губернии в XVIII веке

Ключевые слова: кожевенный промысел, село Богородское, Шереметевы, XVIII век

I

Село Богородское (с 1923 г. город Богородск) считается одним из крупнейших центров кожевенного производства в России. Поскольку данная отрасль промышленности в былые времена имела неоспоримое значение в народнохозяйственном комплексе страны, внимание к ней со стороны исследователей было особо пристальным. Тем не менее, в истории ее есть один слабоизученный временной отрезок – XVIII в.

Объяснение этому довольно простое: отсутствие исторических источников³⁸². И эта лакуна создает существенную проблему, суть которой в том, что не подда-

ется объяснению факт наличия развитого кожевенного промысла в селе Богородском на рубеже XVIII–XIX вв. при отсутствии его превалирующего наличия столетием ранее.

И это действительно так. Длительное время существовавшая точка зрения о занесении кожевенного промысла в с. Богородское новгородцами в 1570 г. документального подтверждения не находит. Последние исследования нижегородского ученого С.М. Ледрова показывают, что в течение XVII в. он устойчивого развития здесь не получил и определяющим в хозяйственной жизни села не был³⁸³.

Но вот проходит сто лет, и к концу XVIII в. этот промысел уже главенствовал в занятиях богородчан.

II

В.П. Шеломаев, изучив историю кожевенной промышленности в Нижегородской губернии, выделил необходимые условия (наличие самостоятельного населения; выгодное географическое положение; наличие удобных путей сообщения) и предпосылки (техническое умение выделывать из сырых шкур кожевенный товар; возможность получения больших количеств химически-доброкачественной воды при минимальных затратах на ее получение и с удобствами отвода отработанной воды; наличие комплекса условий выгоды занятия в данной местности этим промыслом) для ее возникновения и развития³⁸⁴.

Эти условия и предпосылки либо изначально присутствовали, либо формировались в ходе развития кожевенного промысла в с. Богородском. Но в условиях крепостного права нужно учитывать еще один фактор – личную заинтересованность и непосредственное участие в хозяйственном процессе помещика, в нашем случае нижегородских Шереметевых³⁸⁵ – нетитулованной линии знатнейшего рода, берущей свое начало от Василия Петровича Шереметева, брата Б.П. Шереметева, графа и одного из выдающихся сподвижников Петра I. И здесь уместно будет вспомнить, каким образом село стало их собственностью.

Старый кожевенный завод в с. Богородском

После смерти в 1632 г. наследника К. Минина Нефедя, который был бездетным, с. Богородское с деревнями отошло в казну. Но вскоре оно стало собственностью князей Черкасских. При них село продолжило устойчивый рост населения, и уже к концу века в нем числилось 466 дворов, в которых проживало около 3000 человек, при этом половина населения (в 1667 г.) пашенной земли не имела³⁸⁶.

Переписная книга Нижегородского уезда письма и переписи князя Ю.М. Солнцева-Засекина 1678 г. дает нам обстоятельную картину занятости жителей села. Анализ ее показывает, что в селе насчитывалось 57 ремесленников, из них 12 связаны с кожевенным производством: кожевников – 2, овчинников – 4, сапожников – 4, шапочников – 2³⁸⁷. Эти данные позволили С.М. Ледрову сделать вывод, что «возможно, уже тогда начала проявляться первоначальная специализация богородских мастеров, занятых в этой отрасли, именно на выделке овчин (из которых шили рукавицы – прим. авт.). Она была характерна для местной кожевенной промышленности в XVIII–XIX веках... В целом же в XVII веке Богородское

пока не являлось крупным центром кожеобработки»³⁸⁸ (в Нижегородском крае – прим. авт.).

В начале XVIII в. с. Богородское сменило своего владельца. В 1714 г. оно перешло в собственность нижегородских Шереметевых, а именно Василия Петровича, доставшись ему после брака с П.М. Черкасской. Он был владельцем села до своей смерти, последовавшей 19 апреля 1733 г.

В архиве вотчинного правления Шереметевых сохранился документ, датированный 29 июля 1726 года. В нем говорится, что «Нижегородской губернии Нижегородского уезду Березопольского стану вотчины Василья Петровича Шереметева в селе Богородском по скаскам и по свидетельству мужеска полу душ тысяча шестьсот шестьдесят человек. Да в деревнях: Демидове – 184, Пешошной – 97, Выболове – 133, Коростелихе – 133»³⁸⁹. При таком количестве населения прокормиться только земледелием на не самых плодородных в здешних местах землях было весьма затруднительно. Это обстоятельство толкало крестьян на поиск дополнительного заработка, в том числе и на стороне. Помещик также в этом был заинтересован. Вторая подушная перепись населения 1744 г. насчитывает 279 жителей села, «с паспортами» отпущенных на волю³⁹⁰. Однако сведениями о том, как шло развитие в с. Богородском кожевенного промысла, мы не располагаем.

После смерти Василия Петровича его сыновья Иван и Сергей поделили наследство. Село Богородское с деревнями отошло капитану лейб-гвардии Семеновского полка С.В. Шереметеву (1723–1773)³⁹¹.

В 1758 году Сергей Васильевич был уволен из гвардии³⁹². Хранящиеся в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО) документы вотчинного правления Шереметевых дают нам основание полагать, что он занимался хозяйственной деятельностью села. Но, по всей видимости, недооценивал его значение. Иначе бы не решился на поступок, от которого его предостерег граф Петр Борисович Шереметев, сын знаменитого сподвижника Петра I и его, Сергея Васильевича, двоюродный брат.

Василий Сергеевич и Татьяна Ивановна Шереметевы с детьми Сергеем, Василием и Наталией; слева – сестра Татьяны Ивановны и неизвестная

С картины, сделанной во время волынского губернаторства и принадлежащей Ю.С. Шереметевой

27 февраля 1765 года П.Б. Шереметев отправил ему письмо, в котором пишет:

«Государь мой Сергей Васильевич!

Письмо ваше получил, которым изволите требовать от меня совета, чтоб для оплаты долгов ваших продать нижегородскую вотчину село Богородское и теми деньгами заплатить долги, а на достальные купить подмосковныя вотчины графа Алексея Петровича Бестужева (канцлера А.П. Бестужева-Рюмина – прим. авт.). **Я вам такой капитальной деревни продавать не советую. Это такая деревня, какой впредь нажить не уповательно (выделено авт.).**

...Пребываю покорный и верный ваш слуга и брат граф Шереметев»³⁹³.

В чем же заключалась «капитальность» Богородского, о которой хорошо был осведомлен граф, обширные владения коего непосредственно граничили с селом? Да в том, что жители такого большого села, уже в XVII в. в силу малоземельности все более активно занимавшиеся различными ремеслами, продолжили эту тенденцию и в следующем веке. Одним из таких ремесел и была коже-обработка.

Подтверждением этому служит сохранившееся в архиве вотчинного правления Шереметевых письмо, датированное 17 марта 1768 г.: «... Казанского уезду ... дворянина Евдокима Демидова железным заводам жительству ... письмо священника с. Архангельского Чистое Поле тож в том, что имеется он (крестьянин с. Богородского вотчины С.В. Шереметева Иван Спиридонов) Иван у нас в селе для делания сыро(мятных) кож и для шитва рукавиц по пашпорту с прошлаго 767 года и во оном нашем селе сочетался законным браком онаго года сентября 21 числа онаго нашего села на девице Домне Ивановой дочери и мною священником Андреем Григорьевым обвенчан и в том и сие писмо дано»³⁹⁴.

Ценность этого документа в том, что оно:

– подтверждает наше предположение о направлении (и специализации) хозяйственной деятельности жителей с. Богородского в указанный период – кожевенный промысел;

– показывает, что оно вышло на высокий уровень, коль крепостные мастера-кожевники были востребованы в имениях других помещиков и на большом удалении от с. Богородского.

Однако мы должны принять во внимание, что Иван Спиридонов мог оказаться в Чистом Поле и из близлежащего села, которое в разное время называлось и Уратьма, и Богородское, и Шереметевка. Как сообщает член-корреспондент Казанского губернского статистического комитета С.Е. Мельников, «Мурзы Урекеевы, приняв Христианскую веру, отыскиали себе для жительства более удобные места, а принадлежавшие им земли по речке

Уратьме продали в 1757 году Лейб-гвардии Семеновского полка капитан-поручику Сергею Васильеву Шереметеву, который заселил их крестьянами, переведенными из Нижегородской губернии»³⁹⁵. Здесь, в казанском Богородском, так же и успешно длительное время развивался кожевенный промысел³⁹⁶.

Приведенные сведения, между прочим, позволяют еще раз вспомнить о дискуссии между местными (богородскими) исследователями В.П. Шеломаевым и Ф.А. Желтовым по поводу зарождения кожевенного промысла в с. Богородском, имевшей место в начале XX в.

Шеломаев придерживался новгородского «следа», связанного с разорением Новгорода Великого в 1570 г. Иваном Грозным и расселением мастеровых жителей вольного города по пределам Московского государства, в том числе и в с. Богородском Нижегородского уезда. Желтов же – восточного, от волжских болгар³⁹⁷.

Болгары, Шереметевка-Уратьма и Архангельское, населенные пункты Казанской губернии, расположены невдалеке друг от друга. Получается, что восточное влияние (а скорее взаимопроникновение) на развитие кожевенного промысла в с. Богородском, и в казанском, и в нижегородском, идет со 2-й половины XVIII в., а не с древних времен.

Не меньший интерес в этом плане представляет и документ, датированный 19 января 1769 г. Суть его заключается в том, что в начале этого года С.В. Шереметев покупает в Нижнем Новгороде «двор своя ветхим деревянным строением и с садом». Дом этот располагался на Телячьей улице Похвалинского прихода, и, как следует из документа, предназначался «на проезд ево господина Шереметева и ево крестьян» в губернский город³⁹⁸. Логичен вопрос: для каких целей приобретался этот дом?

В середине XVIII в. этот район представлял собой окраину Нижнего Новгорода. Здесь располагались бойни, ямские слободы, невдалеке торг. В округе, например, в расположенной рядом слободке Благовещенского монастыря, развитие кожевенного промысла прослеживается до конца XVII в.³⁹⁹

Герб и родословная нижегородских Шереметевых

Напрашивается предположение: покупка дома совершалась не для проживания, а для торговых целей – приобретения сырья и сбыта кожевенных (и других) товаров богородских крестьян.

Примечателен такой факт. В «Росписании приходов к церквам Нижняго-Новгорода, утвержденном Святейшим Синодом 28 Июля 1895 года» в приходе Похвалинской церкви по Телячьей улице среди прочих упоминаются мещане Яков Шубин, Иосиф Лосев и Яков Сыромятников⁴⁰⁰. Шубины – фамилия алешковских ямщиков. В XVII в. дворы ямщиков находились в этом районе Нижнего Новгорода, в том числе и на Телячьей улице⁴⁰¹. Сохранилось «Позволительное письмо», в котором говорится, что «1764 году Мая 8 дня по Указу ... ямского правления ... ниж. ямщика Михаила Васильева сына Шубина дочери ево девке Агафье Михайловой по самопроизволному

ея желанию замужество ... деревни Демидова (владение Шереметевых – прим. авт.) за крестьянина Ивана Никитина сына Решетова понеже оная девка подлинно ямская показаннаго ямщика Алешковской слободы Михайла Шубина дочь ...»⁴⁰². Уточним: Алешково – ямская слобода и село от с. Богородского всего-то в нескольких верстах. Что же касается Лосевых, то это старинный род богородских кожевников, ну а фамилия Сыромятниковы говорит сама за себя.

Возвращаясь к истории семейных взаимоотношений Шереметевых – графской и нижегородской ветвей, – отметим еще одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание. А именно – их (семейных взаимоотношений) исключительно доверительный характер, сложившийся в течение XVIII в. Выше мы привели образец искренней дружбы между графом Петром и его кузеном Сергеем. Их дети сохранили и приумножили эту традицию. Например, в письме к Василию Сергеевичу граф Николай Петрович пишет: «Приятно, милостивый государь мой, видеть в нынешний век наималейшую связь между родными, и мы часто лишаемся сего приятнейшаго удовольствия; но вы тот доброрасположенный человек, который мне оное чувствовать даете... Не лишайте меня сего истиннаго и достойнаго чувств человеческих блага. Приятно и с чужим иметь хорошую связь; сколь же оное утешительно между родственников»⁴⁰³. И это были не просто слова.

Для нас же этот семейный альянс важен в том плане, что он мог способствовать развитию кожевенного промысла в с. Богородском. Известно, что в с. Павлове, крупном промышленном селе графов Шереметевых, расположенном неподалеку, в течение второй половины XVIII в. кожеобработка процветала. Но к концу века ее значение в хозяйственной структуре села стало падать, а к середине XIX-го она окончательно уступила и первенство, и место металлообработке⁴⁰⁴.

У богородчан тенденция была прямо противоположная⁴⁰⁵. Более того, есть мнение, что «этому способствовал сговор владельцев Павлова и Богородского... по перераспределению роли промышленных центров Горбатовского уезда»⁴⁰⁶.

Поэтому мы можем предположить, что многое в организации ремесла (и вообще хозяйственной деятельности⁴⁰⁷) было заимствовано у соседей павловчан⁴⁰⁸, хотя специализация на рубеже XVIII–XIX вв. у них и у богородских кожевников была различной⁴⁰⁹.

Особенностью же организации производства в с. Богородском стало то, что местные Шереметевы сформировали особый его тип, который в пору назвать «крепостническим социализмом». Для развития ремесла помещик учреждал артельное производство: мелкие мастера соединялись в артели, артельно покупали сырье и продавали изделия; для мелких мастеров имелся банк, в котором они могли занимать деньги для промысла и домашних расходов. Для покупки сырья и продажи изделий посылались особые выборные, облеченные доверием артели и помещика»⁴¹⁰. Помещик буквально заставлял своих крестьян заниматься этим прибыльным делом. Особенно широко это проявилось уже в XIX в., при Сергее Васильевиче Шереметеве, который «...был крут, но двигал промышленность железной рукой и содействовал процветанию села. Скольких крестьян он гнал силой в Петербург; плакали, когда уезжали, а после разбогатели! Сергей Васильевич не позволял не только водку, но и чай пить и курить не позволял, очень строгой был и крутой, а добра много сделал; бывало, узнает, кто не пьет, велит дать ему сто кож, работай!»⁴¹¹. «Добрые» слова в адрес предприимчивых дворян высказал даже В.И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России». Говоря о кожевном производстве в с. Богородском, он отметил: «... в истории промысла особенно памятны помещики Шереметевы (начало XIX века), значительно способствовавшие развитию промысла и защищавшие, между прочим, давным-давно образовавшийся здесь пролетариат от местных богачей»⁴¹². Но до идеализации, конечно, было очень далеко⁴¹³.

III

С.В. Шереметев умер 29 марта 1773 г. в возрасте 50 лет. Послушав совета своего двоюродного брата, он не продал с. Богородское, способствовал развитию и села

и кожевенного промысла в нем. В конце XVIII в. были составлены «Экономические примечания к Генеральному межеванию земель Горбатовского уезда Нижегородской губернии». Согласно им в с. Богородском числилось 948 дворов, в которых проживало 2448 мужского и 2625 женского пола душ. «При том селе состоит 46 (в архивном документе поверх этого числа проставлено 76 – прим. авт.) домашних кожевенных заводов, на которых выделяется разный товар. Сапожной (и бараний) и рукавишный, который употребляется име в сем селе (в) торговые дни, так и развозят в разные города и по ярманкам для продажи не менее по цене в год до 40.740 рублей...

Крестьяне состоят на оброке, а большею частию упражняются в делании разных кожевенных товаров или же выделывают овчины, а для сего же промыслу ходят в отдаленные губернии и города. Землю всей дачи отдают близлежащих селений крестьянам, и хотя некоторую часть и обрабатывают сами, но только наемными людьми и зажитком довольно хороши»⁴¹⁴.

Купчие крепости о продаже 6 кожевенных заводов за 1798–1810 гг., дают нам некоторое описание этих заведений. Из них следует, что заводы состоят из: «исбы с кожевенной посудой», «кожевни с толчеею», «каменного кожевенного завода с кожевенной посудой», дубней, толчеей, каменной кладовой и хоронным дворовым строением»⁴¹⁵.

Так кто же после смерти Сергея Васильевича (1773) «правил» селом и развитием кожевенного промысла в нем, достигшего, как мы убедились, значительных успехов? В Планах дач генерального и специального межевания, 1746–1917 гг. (коллекция), хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, есть запись, датированная 26 августа 1785 г. В ней говорится о том, что «Богородское село с деревнями [находилось во владении] Капитанши Натальи Шереметевой». И в сем селе проживало 2525 душ «мужеска пола»⁴¹⁶.

Наталья Яковлевна Шереметева, урожденная княжна Голицына (1731–1792), была женой С.В. Шереметева. Возможно, после его смерти она и руководила огромным

хозяйством нижегородских Шереметевых. Во всяком случае, в указанном нами источнике все деревни Шереметевых в Горбатовском уезде числятся за ней.

Однако хранящийся в ЦАНО документ, в котором нижегородский второй гильдии купец Алексей Алексеев сын Брызгалов объявляет: «прикащику своему нижегородского уезду вотчины лейб гвардии Конного полку ротмистра Василья Сергеевича Шереметева села Богородскаго крестьянину Михаилу Матвееву сыну Головастикову сим полную даю мочь и веру в том что ему Головастикову с вышеписаннаго числа впредь на три года на мое хозяйское имя ищет в Москве и в других российских городех ярмонках и протчих местах також в Нижнем в холщовом ряду или где случится всякаго звания товар покупал и продавал на собственные мои деньги до тысячи рублей или что и сверх онаго до тысячи рублеф подростиску...»⁴¹⁷, — указывает на участие в хозяйственных делах и сына Василия, единственного наследника С.В. Шереметева.

Но его заслуги в развитии села в эти годы под вопросом. В.С. Шереметев (1752–1831) с молодости избрал военную стезю. Достигнув высоких чинов и званий, ушел в отставку. В письме графу Н.П. Шереметеву, написанном им собственноручно в с. Богородском и датированном 4 января 1800 г., он сообщает своему троюродному брату, что «живет спокойно, среди семейки своей». И добавляет: «Занимаюсь хозяйством мало...»⁴¹⁸.

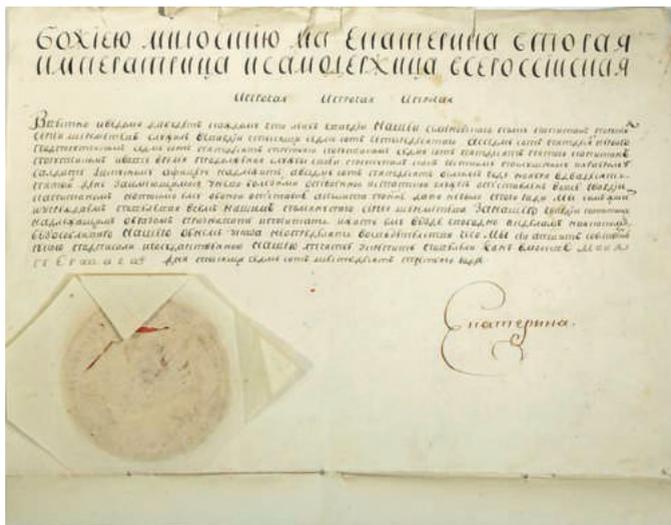
Это первое имеющееся в нашем распоряжении упоминание о пребывании В.С. Шереметева в своем нижегородском имении. Время же его здесь, в с. Богородском, наступит в веке девятнадцатом.

Приложение 1

Указ Екатерины II об отставке С.В. Шереметева

Божией милостью мы Екатерина вторая императрица и самодержица всероссийская и прочая и прочая и прочая

Известно да ведомо будет каждому что лейб гвардии нашей Семеновскаго полку капитан поручик Сергей Шереметев служил в гвардии стысящи семь сот четыредесятаго асседьмь сот

Указ Екатерины II об отставке С.В. Шереметева

пятьдесят первого подпоручиком семь сот пятьдесят третьего поручиком семь сот пятьдесят пятого капитан поручиком и в оное время продолжения службы своей поступал как честному послушному и храброму солдату и искусному офицеру надлежит, а в семь сот пятьдесят восьмом году ноября в двадцать пятый день заимеющимся у него болезнью от военной и статской службы оставлен в оную гвардии капитаном только ему об оной отставке ашита помне дано не было того ради мы сим жалуем и учреждаем повелевая всем нашим помянутого Сергея Шереметева занашего гвардии капитана надлежащим образом признавать и почитать и жить ему везде свободно а к делам ни каким особливаго нашего об нем указа не определять в свидетелство чего мы сей ашит собственной рукою подписали и государственною нашею печатью укрепить повелели дан в Москве мая перваго дня тысяща семь сот шестьдесят третьего года.

Екатерина

(Публ. по: ЦАНО. Ф. 933. Оп. 1963. Д. 2. Л. 1.)

Приложение 2

Лета тысяща сем сот шестьдесят девятого генваря девятого на десять нижегородский ямщик Иван Иванов сын Пилин

в роде своем не последний продал я лейб гвардии господину капитану Сергию Васильевичу Шереметеву на приезд ево господина Шереметева и ево крестьян состоящей в Нижнем Новгороде в Похвалинском приходе в Телячьей улице двор своя ветхим деревянным строением и с садом, доставшийся мне по вексельному иску нижегородской губернской канцелярии от отставнаго канцеляриста Ивана Михайлова сына Львова мерою тово моего двора и с садом поперешнику с лица по Телячьей улице полосы сажени назады по Похвалинской улице и в середине сада восемь сажен с аршином длиною того двора и ссаду в Телячьей улицы до Похвалинской улицы восемьдесят восемь сажень в трех аршинную сажень в межах тот мой двор от поля придиленной про сад нижегородских ямщиков Дмитрия Каменикова с братьями по другую сторону порожнее место нижегородской благовещенской слободы крестьянина Дмитрия Серебренникова а взял я Пилин с означеннаго господина лейб гвардии капитана Шереметева за тот двор денег шестьдесят рублей и впредь мне Пилину и наследником моим до того двора дела нет и не вступатца а тот мой двор и ссадом кроме сей купчей инде никому не продан и не заложен и ни у кого ни в каких крепостях не укреплен и не отписан и к отписанию не следует. А ежели и кто по каким мне имеется крепостям учнет в том дворе ссадом вступаца и мне Пилину и наследникам мои ево господина Шереметева и наследников ево в то вступащих и от всяких крепостей очищат и убытка никаково не недоставят а буде неочищением моих и наследников моих учинятся как и с убытки Господину Шереметеву и наследникам ево взять на мне Пилине и наследников моих по сей купчей те свои данные денги и с убытки все сполна к сей купчей нижегородский ямщик Иван Иванов сын Пилин в том что вышеописанный двор свои с хоронным строением и садом лейб гвардии господину Шереметеву Сергию Васильевичу продал за денег шестьдесят рублей взял и руку приложил при сей купчей нижегородской губернской канцелярии канцелярист Алексей Михайлов Львов свидетелем был и руку приложил при сей купчей тое же канцелярии канцелярист Никита Максимов сын Максимов свидетелем был и руку приложил при сей купчей тое же канцелярии канцелярист Данила Степанов сын Морозов ...

Купчую писал и записал писец Андрей Скоробогатов

Запрещений нет сия купчая писана в нижегородской крепостной конторе 1769 году генваря 19 дня.

(Публ. по: ЦАНО. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 49. Лл. 1–1 об. 19 января 1769 г.)

Верующее письмо Копия

1779 году Октября 29 дня нижегородской второй гильдии купец Алексей Алексеев сын Брызгалов объявляю что я прикащику своему нижегородского уезду вотчины лейб гвардии Коннаго полку ротмистра Василья Сергеевича Шереметева села Богородскаго крестьянину Михаилу Матвееву сыну Головастикову сим полную даю мочь и веру в том что ему Головастикову с вышеписаннаго числа впредь на три года на мое хозяйское имя ищет в Москве и в других российских городех ярмонках и протчих местах також в Нижнем в холщовом ряду или где случится всякаго звания товар покупал и продавал на собственные мои деньги до тысячи рублей или что и сверх онаго до тысячи рублеф подростиску ... поверено будет в том что прекословить иметь не буду Алексей Алексеев сын Брызгалаф купец нижегородский подписуюсь своеручно. Михайла Головастиков руку приложил.

(Публ. по: ЦАНО. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 49. Лл. 1 об. – 2. 19 января 1769 г.)

Список литературы

1. *С.И. Архангельский*. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII–XIX вв. Горький, 1950.
2. *В.В. Башкиров, Л.Р. Башкирова*. Богородск. Б.м. 2004.
3. *Ф.А. Желтов*. Исторические очерки (О начале промышленности в Богородском) // Искры творчества. Литературно-художественный сборник. С. Богородское, 1922. № 1.
4. *В.Г. Егоров и др.* Кустарные промыслы Нижегородской губернии второй половины XIX – начала XX вв. СПб., 2013.
5. История лейб-гвардии Семеновского полка. Составил *П. Дирин*. СПб., 1883. Т. II.
6. *Л.Г. Козлова*. Павловские кожевники и мыловары // Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. Памяти русского историка. Богородск, 2014.
7. *Кондоров*. Кожевенный и овчинный промыслы в селе Больш. Мурашкине, княг. уезда // Нижегородские губернские ведомости. 1889. 13 сентября.

8. *С.М. Ледров*. Кожевенная промышленность в нижегородских вотчинах Шереметевых в конце XVIII – первой половине XIX века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2013.

9. *В.И. Ленин*. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 3. М., 1971.

10. *Н. Лузин*. Из прошлой жизни города Арзамаса // Нижегородские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1894, 1 декабря.

11. Нижегородские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1897, 15 сентября.

12. Отголоски XVIII века. Выпуск V. М., 1897.

13. Письма графа Н.П. Шереметева к В.С. Шереметеву. I (1792) // Русский архив. 1899. № 3.

14. Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду. Москва – Нижний Новгород, 2011.

15. *Л.С. Прокофьева*. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX века (на материалах вотчин Шереметевых). Л., 1982.

16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1354. Оп. 265. Ч. I. Ед. хр. 898.

17. *Г.А. Санникова*. Крестьянское кожевенное производство Казанской губернии XIX века // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982.

18. Село Богородское в XVII веке. Документы и исторический очерк / Сост. *С.М. Ледров, В.Н. Беляева*. Н. Новгород, 2014.

19. Статистика края. Село Богородское – Уратьма тож в Чистопольском уезде (Статья *С.Е. Мельникова*) // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1856, 27 августа.

20. *В.П. Столбов*. Вотчинные крестьяне рода Шереметевых // Историко-экономические исследования. Т. 14, № 3 / 2013. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета экономики и права (БГУЭП). 2013.

21. *В.И. Таланин*. Род Таланиных в истории Богородска. Богородск, 2015.

22. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 933. Оп. 1963. Д. 2; Ф. 829. Оп. 676 б. Д. 8; Ф. 2148. Оп. 1. Д. 4, 44, 48, 49.

23. *В.П. Шеломаев*. Кожевенная промышленность Нижегородской губернии. Исторический очерк и перспективы. Н. Новгород, 1928.

24. *В.П. Шеломаев*. «По Оце реце, где втечет в Волгу» // Горьковская область, 1940. № 3.

25. *В.П. Шеломаев*. Богородский район. Горький, 1941.

26. *П.С. Шереметев*. Василий Сергеевич Шереметев. 1752–1831. СПб., 1910.

27. *Н.М. Щегольков*. Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым. Ярославль. 1992. Репринт 1911 г.

28. Ядро Российской Истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих в печать изданное, с предисловием о сочинителе сей книги, и о фамилии князей Хилковых. – М., 1770.

И.В. МАРШЕВА,

искусствовед, член СХ РФ,
заместитель директора по науке

Нижегородского государственного выставочного комплекса,
г. Нижний Новгород

Реализация изделий с хохломской росписью в 1920–30 гг. на зарубежном рынке

Ключевые слова: хохлома, народные художественные промыслы, ар-нуво

Деревянные изделия с хохломской росписью вошли в сознание как национальный брэнд, оказались в обойме устойчивых идеологем, не подвергаемых не только критике, но и сколько-нибудь серьезному научному анализу. Работы об изделиях с хохломской росписью носят, как правило, описательный или публицистический характер, сопровождают глянцевые художественные альбомы. Пожалуй, единственным объемным и глубоким исследованием являются работы нижегородского искусствоведа Т.И. Емельяновой, внесшей огромный вклад в исследование истории, истоков, происхождения и художественных особенностей росписи. Однако эти исследования методологически построены как искусствоведческие.

В то же время совершенно очевидными в настоящее время являются проблемы, связанные с изготовлением, маркетингом и бытованием изделий, отражающих особенности традиционной народной художественной культуры. Проблемы эти являются системными и ставят

под угрозу любое народное искусство, существовавшее исторически как промысел. Перенося видение дымковской игрушки, жостовских подносов или скопинской керамики из области художественно-эстетической в область ремесленного или промыслового производства, мы наносим этим явлениям невосполнимый ущерб, поскольку конкурентными в нынешних условиях рынка высокохудожественные изделия существовать не могут и быстро вытесняются контрафактной массовой. Сохранение народных художественных промыслов как явлений народной художественной культуры требует особого подхода, методы и технологии которого необходимо выработать совместно специалистам разных профилей – экономистам, маркетологам, искусствоведам, культурологам, этнографам – без расстановки профессиональных приоритетов.

Для хохломской росписи это актуально в той же мере, даже не смотря на всенародную к ней любовь. Главным условием принадлежности к народному искусству, народной художественной культуре является прикладной характер изделий. В настоящий момент их применение в быту сведено, практически, к нулевой отметке. Флэшки, мышки и прочие компьютерные гаджеты «под хохлому» в данном случае не в счет – это довольно судорожные попытки современных маркетологов встроить хохлому в современный сувенирный и туристический бизнес. В то же время история росписи демонстрирует поразительную живучесть изделий с уникальной росписью, которая всегда была связана с тенденциями моды и международного рынка художественных изделий.

Первые появления упоминаний об изделиях русских кустарей относятся к середине XIX в., когда изделия с хохломской росписью завоевали внимание, любовь, а соответственно и покупательский спрос на внутреннем рынке и на крупных промышленно-художественных выставках Европы и США. «Из Нижнего Новгорода, куда в 1817 году была переведена Макарьевская ярмарка, хохломская посуда отправлялась также в Сибирь, к Балтийскому и Белому морям. Англичане, немцы, французы

покупали ее в Архангельске... Оригинальная роспись, прекрасный лак хохломской мебели и посуды вызывали восхищение публики на отечественных и зарубежных выставках, где хохлома экспонировалась начиная с 1860-х годов», – пишет Т.И. Емельянова⁴¹⁹.

Там же указывается на присутствие хохломы на международном рынке: «Значительно вырос ее экспорт. В конце XIX века мастера получали заказы из Румынии, Болгарии, Турции, Норвегии, Франции, Египта. В большом количестве продавались изделия семеновских крестьян в Германии, причем торговцы выдавали их за японские и китайские. Там же был построен завод, который выпускал деревянную посуду, имитировавшую хохломскую. В 1884 году хохлома путешествовала в Париж, Лондон, Амстердам и Ниццу, через год в Антверпен, Прагу, а за тем на Лейпцигскую ярмарку. Появлялась она и в отдаленных городах Америки, Африки и Австралии»⁴²⁰.

Такой спрос на изделия с пышной, роскошно имитирующей золото росписью, легкие и недорогие, был связан, несомненно, с вошедшим в моду общеевропейским стилем национального романтизма. В рамках этой стилиевой тенденции в каждой стране художники обращались к мотивам и образам национальной культуры. Народное искусство являлось неисчерпаемым источником стилизаций, но самым прекрасным воплощением этих идей является, несомненно, народный мастер – носитель той самой корневой народной эстетической традиции. Данная мода позволила хохломе сохранить свое производство, обновить ассортимент и продержаться на потребительском рынке еще какое-то время.

Первые годы существования страны Советов не нанесли мелкотоварному кустарному производству серьезного урона. Изготовление деревянной посуды и мебели некоторое время сохраняли свой прежний уклад и обеспечивало занятость населения северных территорий Нижегородской губернии, хотя география бытования росписи несколько сократилась.

В 1920–30-е гг. в столичной и местной прессе систематически появляются материалы о нижегородской-горь-

ковской расписной деревянной посуде и мебели. В 1935 г. в Москве открывается новый магазин табачных изделий с хохломской отделкой работы семеновских артелей⁴²¹. Позже такой магазин открывается и в самом г. Горьком. В 1936 г. в Центральном паке культуры и отдыха им. Горького в Москве проходит большая выставка работ хохломских художников⁴²². Пафос публикаций сводится к прославлению советской власти, позволяющей народным умельцам широко проявлять свои таланты. Маркетинговая составляющая не входит в круг интересов публицистов. Лишь вскользь упоминается то обстоятельство, что массовым потребителем хохломских изделий является зарубежный рынок. Так, Ф. Хитровский в очерке «Мастер огневой росписи» о художнике Ф.Ф. Красильникове так рассуждает о стиле «хохломской окраски»: «Не аннулирую старинного, былинного стиля, возможно частичное внедрение мотивов современности, например, тех же колхозных. Опасения же, что заграница привыкла к старым темам и не будет брать изделия с новыми, современными мотивами, неосновательны. Заграница любит древние ковши и использует их как пепельницы или для визитных карточек; заказчики часто требуют, чтобы в предметах с изображениями былинных мотивов были приспособления для электрических лампочек, – словом, происходит смесь древнерусских мотивов с потребностями многоэтажного нью-йоркского особняка»⁴²³.

В 1931 г. в издательстве Московского товарищества писателей выходит отдельным изданием очерк Даниила Фибиха⁴²⁴ «Киноварь на золоте»⁴²⁵, в котором, помимо традиционных описаний жизни и быта семеновских ложкарей, содержатся интересные сведения о связях хохломской росписи с международным художественным рынком в перерыве между двумя мировыми войнами.

Во вводной части очерка автор указывает: «Мало кто у нас слышал вообще про село Хохлому, про тамошних мастеров, про чудесный пылающий, как хвост жар-птицы, спектр хохломских красок. Зато прекрасно знает их заграница, оценившая, полюбившая и усиленно требующая изделия семеновского кустаря. Господа из

Сан-Франциско, из Чикаго, из Лондона и Берлина, падающие на раритеты, на очаровательно-наивный варваризм славянской экзотики, охотно украшают строгий деловой свой стол точеным из дерева ковшом или витязем на коне, любясь узорчатой и фантастической их раскраской. Изделия семеновских кустарей составляют не столь уж незначительную часть нашего экспорта. Хохлома, наряду с Палехом, – имя, звенящее валютой»⁴²⁶. Автор обнаруживает на столе заведующего «экспортной базой» пачку толстых глянцевого журналов «*The American Hebrew*», «*Art in Trade*», «*The American Home*» с фотографиями и статьями «о семеновских кустарях и несравненной, единственной в мире хохломской окраске»⁴²⁷. В поставке изделий за границу существовали серьезные риски, обоснованные удаленностью рынка, большим количеством посредников, кустарными методами торговли, отсутствием точного знания потребностей покупателя. Но в то же время они, вероятно, с лихвой покрывались. В очерке описывается эпизод такого самодеятельного маркетинга: «И случается: летит из Америки телеграмма представителя Кустэкспорта: – Ковши стояковые, размера такого-то, пользуются спросом. Только ковш надо разделить на два отделения: для сигар и для пепла. А сбоку сделать подставку для коробки спичек. А ручку просверлить: там пройдет провод для электрической лампочки»⁴²⁸. Но тем не менее спрос на товар был обильный и устойчивый: «Богатый заморский покупатель требует всякий товар, раскрашенный хохломским узором, – ковши и подставки, клубошницы и братины, столы, табуреты, подносы, коробки, рафинадницы, чашки, банки, чайницы, – до пятисот видов наименований»⁴²⁹. Несомненно, что такой спрос, повышенные требования к качеству экспортируемого товара не могли не сказаться положительно на художественном и технологическом качестве изделий хохломских художников.

К сожалению, ни Д.В. Фибих, ни другие авторы не дают объяснения ажиотажному спросу на хохломские изделия за границей, поскольку русское искусство, особенно в советское время, старательно размежевывалось с основными

тенденциями мировой культуры. Однако в настоящее время недальновидно было бы по-прежнему устранять отечественное искусство из общемировых тенденций. Именно внутренними художественно-эстетическими связями резонно объяснить интерес зарубежной публики к отечественному искусству, в данном случае, к хохломской росписи.

Основной стилевой тенденцией в мировом художественном пространстве 1920–30-х гг. становится ар-деко. Выросший из причудливого, капризного, рафинированного модерна, новый стиль сформировался под вкусы среднего класса. Его отличительной чертой было стремление к нарочитой роскоши. Это проявлялось в пышных и крупных формах изделий, богатстве цветов, щедрых орнаментах, предпочтение в отделке отдавалось натуральным материалам – камню, коже, металлу, дереву. Особое внимание ар-деко уделял этнической экзотике. Международная выставка декоративного искусства и современной художественной промышленности, проходившая в Париже в 1925 г. ярко отразила расцвет нового стиля и ввела его в сферу массового потребления.

Павильон Советской России на этой выставке был сооружен из дерева по проекту архитектора К.С. Мельникова в остросовременном стиле конструктивизма и оказался самым посещаемым на огромном мировом форуме. Особой популярностью у зрителей пользовались изделия мастеров народных художественных кустарных промыслов Сергиева Посада, Богородска, Мстеры, Холуя, Вологды, других центров. Хохломская роспись из глухого провинциального городка Семенова не была исключением, напротив, оказалась в фаворитах. Приходится только сожалеть о том, что об экспонатах и участниках той выставки сохранилось невероятно мало сведений. Известно, что на этой выставке участвовал мастер хохломской росписи Георгий Петрович Матвеев⁴³⁰. Это обстоятельство оказалось зафиксированным документально только лишь потому, что художник в 1945 г. стал членом Союза художников СССР, и его биография сохранилась в архивах Союза. А сколько осталось безымянными мастеров народного искусства, работавших в крупных и мелких артелях в лихую пору становления местной промышленности.

Изделия мастеров хохломской росписи как нельзя лучше отвечали современным модным тенденциям. Они произведены из дерева, имеют характерную выразительную форму, обладают яркостью и цветовой насыщенностью. Очень важной чертой хохломских изделий является их утилитарность, что так же соответствовало тенденциям времени. Таким образом, изделия хохломских мастеров совпали по духу и эстетическим качествам с доминировавшим в это время стилем ар-деко, что и обеспечило им в 1920–30-е гг. активный спрос на рынке потребительских товаров.

Народные художественные промыслы, как, впрочем, и любой другой вид изобразительного искусства, чрезвычайно зависимы от общих стилевых тенденций времени. Моду и соответственно спрос на изделия хохломских художников трудно прогнозировать, но в целях сохранения уникальной народной культуры необходимо проводить кропотливые исследования с выявлением имен, предметов, событий, которые отражали бы историю бытования столь значимого культурного феномена.

Список литературы

1. *Т.И. Емельянова.* Хохломская роспись. – Нижний Новгород, 2009.
2. Новый магазин хохломской отделки // Горьковский рабочий. – 1935. – 2 авг.
3. *Д. Родионов.* Народное искусство Хохломы// Правда. – 1936. – 15 сент.
4. *Ф. Хитровский.* Мастер огневой росписи// Промысловая кооперация. – 1937. – № 15.
5. Лучанинов (Фибих) Даниил Владимирович (1899–1975) – советский писатель, публицист, в 1930-е работал корреспондентом «Известий» и других центральных изданий.
6. *Д.В. Фибих.* Киноварь на золоте. М., Московское товарищество писателей. 1931.
7. Художники Нижнего Новгорода. 1933–2003. Справочник. Н. Новгород, 2003.

А.А. МЕДВЕДЕВА,
главный библиотекарь по краеведческой работе
МКУК ЦГБ им. В.И. Ленина,
г. Нижний Новгород

Народные промыслы в женских монастырях Нижегородской епархии в XIX – начале XX века

Ключевые слова: Нижегородская епархия, монастыри, промыслы, иконопись, ткачество, льнопрядение

Монастыри и их роль в культуре России исследовались многими специалистами: историками, искусствоведами, архитекторами, археологами, богословами и даже педагогами. Были попытки изучения монастырей как уникальных комплексов, так же и отдельных сторон монастырской культуры: как формировались их архитектурные ансамбли, их памятники, как велась хозяйственная деятельность, какую роль они играли в развитии письменности, духовной музыки. В конечном итоге: как монастыри повлияли на и формирование городской и сельской культурной среды. Реже изучались художественные ремесла и промыслы в качестве существенной составляющей монастырской культуры, хоть и значительна роль их мастерских в сохранении и развитии традиций народного творчества, декоративно-прикладного искусства, их влияние на развитие других видов ремесел и промыслов. И все это в совокупности сказывалось на развитии городов, сельской местности и культуры населения.

Безусловно, монастырь первично – духовный центр, а иногда и градообразующий объект. Кроме молитвы и богослужения монастырь это: книжное дело, различные виды искусств, приюты, больницы, школы. Вот, в каких важнейших направлениях социальной жизни участвовали монашеские учреждения. Поэтому важен анализ монастырских промыслов и ремесел, понимание их роли в истории и современной культуре региона. Хотя бы для реализации социокультурных проектов с участием монастырей. Вряд ли можно спорить, что изучение художественных промыслов женских монастырей, выявление их роли в формировании механизмов взаимодействия с населением, общественными и государственными структурами может показать нам новые страницы в истории развития поселений России, значит, и нашего региона. В фондах нашей библиотеки вы найдете не в изобилии, но все же некоторые наиболее характерные для XIX века «Исторические описания» монастырей – монастырь становится объектом исследования уже в XVIII веке.

Тема истории монастырских именно женских промыслов важна при осуществлении выставочных и образовательных проектов в сфере культуры, поскольку важны партнерские проекты образовательного и просветительского характера. Так же, бесспорно, необходимо сотрудничество между церковными и светскими властями с опорой на исторически сложившиеся традиции для сохранения и развития ремесленного мастерства и культурной среды поселений. Учеными изучается образ жизни монахинь женских монастырей в XIX – начале XX века как социокультурный феномен, представляющий синтез традиционных форм жизни и деятельности и новых видов взаимодействия социальных групп современного российского общества. Разнообразные типы деятельности и виды занятости уже используются при возрождении монастырей России. Так же, эта тема важна для туристических программ и экскурсий, ибо промысловая деятельность женских монастырей внесла вклад в развитие художественной культуры и социальной коммуникации российских городов и поселений.

Издравле одной из основных черт русской монашеской жизни было выполнение насельниками традиционных рукоделий, в том числе и на продажу для заработка средств к существованию.

Нижегородская земля – древнейший центр старообрядчества, ставший после церковной реформы Патриарха Никона центром вполне «благонадежного» православия. Здесь основывались, росли и развивались как женские, так и мужские монастыри. Они проживали свою такую разную, полную нестроений и одновременно примеров подвижничества, историю. На 1917 год в Нижегородской епархии было 25 монастырей: 7 мужских и 18 женских⁴³¹.

Древнейшие монастыри на территории Нижегородской земли

Федоровский Городецкий мужской монастырь. Считается, что великий князь Юрий Владимирович Долгорукий в 1152 году основал Городец и при нем, на месте еще более древней часовни со святой иконой Божией Матери Одигитрии, монастырь. (В 1238 году Батый сжег Городец и разорил обитель; икона чудесным образом явилась в г. Костроме в 1239 году, была поставлена в Костромской Федоро-Стратилатовой церкви и стала именоваться Федоровской. Жители Городца списали с нее копию и поставили в Городецком монастыре). В 1263 году в этой обители скончался великий князь Александр Невский, приняв схиму с именем Алексия⁴³².

Нижегородский Благовещенский мужской монастырь основан одновременно с Нижним Новгородом. После разорения Пургасом в 1229 году святитель Алексий Митрополит Московский восстановил его и вложил в него древнейшую икону Корсунской Божией Матери (993 год)⁴³³.

В княжение Суздальского князя Александра Васильевича, между 1328 и 1330 годами, иеродьяконом Киево-Печерской обители, впоследствии святым Дионисием, архиепископом Суздальским, был основан Печерский Вознесенский мужской монастырь. В 1530-е годы при Иване Грозном – Спасский Арзамасский монастырь для

крещения мордвы-эрзя, в последние годы его царствования – Никольский женский монастырь в Арзамасе⁴³⁴.

В первой половине XVI века возникновению Острово-озерского Троицкого монастыря при с. Ворсма способствовал князь Борис Камбулатович Черкасский, которому принадлежало село, разрешив пустынноiku Макарию-веригоносцу основать обитель⁴³⁵.

В 1634 году в местности «Орано поле» дворянин Петр Алексеевич Глатков основал Оранский монастырь, прославленный своей чудотворной иконой. Далее последовательность возникновения святых обителей такова:

1721–1725 годы – Ветлужский Троицкий Варнавинский монастырь (Костромская губерния);

1848 год – Крестовоздвиженский монастырь в с. Осинки Семеновского района;

1904 год – Единоверческая женская община, бывшая старообрядческая;

1889 год – Лукояновский Тихоновский монастырь;

1892 год – Спасский женский монастырь в Лысковском уезде;

1898 год – Азрапинская женская община в Лукояновском уезде⁴³⁶.

Общая статистика

В первой четверти XVII века в Нижегородской губернии было 8 монастырей: 5 мужских и 3 женских, с шестью церквями.

В 1888 году в епархии уже 25 монастырей (3 единоверческих), в 1904 году – 8 мужских и 17 женских.

В 1915 году на Нижегородской земле 26 монастырей: 8 мужских и 18 женских.

Мужские:

– Архиерейский дом (3 иеромонаха, 2 иеродьякона)

– Нижегородский Печерский 1-го класса (6 иеромонахов, 5 иеродьяконов), настоятель – преосвященный Макарий, епископ Балахнинский, наместник – архимандрит Парфений;

– Нижегородский Благовещенский 3-го класса (6 иеромонахов, 3 иеродьякона, 12 бельцов). Архимандрит Иеремия.

– Городецкий Федоровский 1-го класса (16 иеромонахов, 10 иеродьяконов, 7 монахов, 8 бельцов). Архимандрит Алексей.

– Островоезерский Троицкий (4 иеромонаха, 5 иеродьяконов, 4 монаха, 7 бельцов). Заштатный настоятель иеромонах Сергей.

– Оранский Богородицкий 1-го класса (14 иеромонахов, 13 иеродьяконов, 9 монахов, 8 бельцов). Архимандрит – просвещенный Иоаким, епископ Нижегородский и Арзамасский, наместник – архимандрит Серафим.

– Арзамасский Спасский 3-го класса (3 иеромонаха, 3 иеродьякона, 1 монах, 1 белец) (имя настоятеля по фондам не выявлено).

– Высокогорская пустынь Арзамасская (6 иеромонахов, 5 иеродьяконов, 3 монаха, 20 бельцов). Настоятель – пресвященный Арсений.

Женские:

– Нижегородский Крестовоздвиженский 1-го класса, штатный (25 монахинь, 56 белиц). Игуменья Мария.

– Спасо-Зеленогорский 3-го класса, общежительный (63 монахини, 200 белиц). Игуменья Таисия.

– Мало-Пицкий Скорбященский внештатный, общежительный (28 монахинь, 160 белиц). Игуменья Поликсения.

– Выксунский Иверский 3-го класса, общежительный (72 монахини, 412 белиц). Игуменья Серафима.

– Дальне-Давыдовский Богородицкий внештатный, общежительный (37 монахинь, 197 белиц). Игуменья Августа.

– Абабковский Николаевский (Георгиевский) 3-го класса, общежительный (40 монахинь, 162 белицы). Игуменья Рахиль.

– Ягодинский Введенский 3-го класса, общежительный (62 монахини, 224 белицы). Игуменья Магдалина.

– Макарьевский Желтоводский Троицкий 2-го класса, общежительный (44 монахини, 156 белицы). Игуменья Рафаила.

– Осиновский единоверческий Крестовоздвиженский внештатный, общежительный (26 монахинь, 131 белица). Игуменья Агния.

– Медведевский единоверческий Покровский 3-го класса, общежительный (22 монахини, 95 белиц). Игуменья Маргарита.

– Керженский единоверческий Благовещенский 3-го класса, общежительный (2 монахини, 33 белицы). Игуменья Ангелина.

– Арзамасский Алексеевский Новодевичий 3-го класса, общежительный (73 монахини, 308 белиц). Игуменья – монахиня Алевтина.

– Лукояновский Тихоновский 3-го класса, общежительный (26 монахинь, 24 белицы). Игуменья Асенефа.

– Серафимо-Понетаевский Скорбященский 3-го класса, общежительный (125 монахинь, 683 белицы). Игуменья Нектария.

– Серафимо-Дивеевский Троицкий 3-го класса, общежительный (145 монахинь, 1084 белицы). Игуменья Александра.

– Ардатовский Покровский 3-го класса, общежительный (56 монахинь, 66 белиц). Игуменья Тарасия.

– Кутузовский Богородицкий заштатный (55 монахинь, 257 белиц). Игуменья Феофания.

– Арзамасский Николаевский 3-го класса (66 монахинь, 61 белица). Игуменья Ефросиния.

Сверх того, в епархии находились следующие женские общины:

– Знаменская при урочище «Куриха».

– Святотроицкая Спасская (с 1918 года – монастырь; начальница, затем настоятельница – монахиня Антония).

– Маровская Крестовоздвиженская.

– Азрапинская Спасская⁴⁸⁷.

Сведения о промыслах монастырей

В литературе из фондов Центральной городской библиотеки имеются некоторые сведения о бытовавших в монастырях (большей частью женских) промыслах:

– Серафимо-Дивеевский Троицкий женский монастырь: живопись, мозаика, финифть, школа академической иконописной живописи, завод для производства

восковых свечей, пчельник, выделывание и чернение монтейного сукна, пошив одежды, обуви, белья, вязание поясов и чулок, златошвейный промысел, фотографное, метахромотипное и хромофотографное дело. Эта обитель – одна из крупнейших в епархии, поэтому совершенно естественно, что здесь присутствовали самые разнообразные и до 1917 года отлично развивавшиеся промыслы⁴³⁸.

– Серафимо-Понетаевский Скорбященский женский монастырь: златошвейная мастерская, мозаика, финифть, чеканка иконописных образов, вышивки и вязание на продажу, выделывание и крашение материи для монастырских одежд, прядение льна и шерсти, ткачество⁴³⁹.

– Ардатовский Покровский женский монастырь: пошив одежды для сестер и священнослужителей, вышивка, вязание, шитье кожаной обуви, ткачество холстов.

– Спасо-Зеленогорский женский монастырь во имя иконы Спаса Нерукотворного (на месте упраздненного мужского монастыря): пошив одежды для сестер и священнослужителей, украшение икон фольгой, вязание поясов и чулок, шитье кожаной обуви, ткачество холстов.

– Мало-Пицкий Скорбященский женский монастырь: украшение икон фольгой и цветами, вязание и ткачество для своих нужд и на продажу.

– Курихинская Знаменская женская община: пошив одежды для сестер и священнослужителей, льнопрядение, ткачество холстов.

– Милявская женская община во имя иконы «Умиление»: вышивка, ткачество⁴⁴⁰.

– Нижегородский Крестовоздвиженский женский монастырь: златошвейный промысел – «шитье золотом церковных облачений и низанье жемчугом иконных окладов». Продукция монастыря получила широкую известность в России⁴⁴¹.

– Выксунский Иверский: шитье, вязание, украшение икон фольгой, башмачный промысел – собственная известная за стенами обители мастерская.

– Дальне-Давыдовский Богородицкий: украшение икон, мастерская по изготовлению искусственных цве-

тов, вышивальня; сестры вязали для своих нужд и на продажу.

– Абабковский Николаевский (Георгиевский): вышивка шерстью и бисером, златошвейное дело именно здесь была самая известная в епархии мастерская⁴⁴².

– Ягодинский Введенский: пошив облачения для сестер и священнослужителей, плетение поясов, плетение кружев, ткачество.

– Макарьевский Желтоводский Троицкий: иконопись, шитье облачений для монахинь и священнослужителей, ткачество, льнопрядение, вязание поясов, вышивка на продажу.

– Арзамасский Алексеевский Новодевичий: иконописная и златошвейная мастерские, вязание, ткачество.

– Кутузовский Богородицкий: украшение икон фольгою, вязание, вышивка, плетение кружев, ткачество, прядение, шитье одежды для сестер и облачений для монахинь и священнослужителей, небольшая иконописная мастерская, башмачное ремесло (мастерицы обучались в Иверском Выксунском женском монастыре).

– Арзамасский Николаевский: вязание, вышивка, плетение поясов, шитье одежды для сестер и облачений для монахинь и священнослужителей⁴⁴³.

В целом, монастыри являлись центрами хранения и развития традиционных промыслов в Нижегородской губернии, а традиционные промыслы для сестер и насельниц нижегородских монастырей (разных возрастов и социального происхождения) – средством сохранения монашеской жизни и ее духа.

Список литературы

1. *О.В. Букова. Женские обители преподобного Серафима Саровского. История десяти нижегородских женских монастырей.* – Н. Новгород, 2003.

2. *О.В. Букова. Женские обители преподобного Серафима Саровского. История десяти нижегородских женских монастырей.* – Н. Новгород, 2003.

3. *О.В. Букова*. Из истории Лукояновского Свято-Тихоновского женского монастыря и жизни его основательницы Анны Никифоровны Листой. – Н. Новгород, 2010.

4. *Л.Н. Варэс*. За монастырскую стеною: [Нижегородский Крестовоздвиженский женский монастырь] // Нижегородская старина. 2005. № 10. Выксунский Иверский женский монастырь // Приокская глубинка: Краеведческий альманах. – Выкса, 2008.

5. *О.В. Дегтева*. Арзамасский Алексеевский женский монастырь: исторический очерк // Нижегородская старина. 2007. № 14.

6. *О.В. Дегтева*. Игуменья Евгения Страгородская // Нижегородская старина. 2007. № 14.

7. *О.В. Дегтева*. Монастырское подворье. История строительства и ликвидация // Нижегородская старина. 2008. – № 16.

8. *Л.И. Денисов*. Православные монастыри Российской империи. М., 1908.

9. *Макарий (Миролюбов)*. Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния. – СПб, 1859.

10. *Серафим Чичагов*, архимандрит. Летопись Серафимодивеевского монастыря. Ч. 1. – СПб, 1903.

11. *А. Снежницкий*. Адрес-календарь Нижегородской епархии в память исполнившегося в 1888 году 900-летия крещения Руси. – Н.Новгород, 1888.

12. *П.П. Сойкин*. Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. – СПб, 1910.

13. Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь // Храмы России. – М., 2008.

14. *Н.И. Храмовский*. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. – Н. Новгород. 1998.

15. *М.С. Шумилкин*. Архитектура нижегородских монастырей эпохи классицизма // Ученые записки Волго-Вятского отделения Международной Славянской академии наук, образования и культуры. Вып. 27. – Н. Новгород, 2010.

М.В. ПАЛЕОЛОГ,

кандидат исторических наук, доцент,
Московский городской педагогический университет,
г. Москва

Исторические и природные условия развития кустарных промыслов в подмосковной деревне

Ключевые слова: кустарные промыслы, Московская губерния, плодопеременная система земледелия, мелкотоварное производство

В трудах современных историков, как и в сочинениях их предшественников, в качестве условия, предопределившего развитие кустарных занятий населения нечерноземной деревни, как правило, называется отсутствие возможности интенсивного развития сельскохозяйственного производства вследствие скудости почвы. Однако, даже упуская региональные особенности, определившие целый спектр факторов, опосредовавших промышленные занятия крестьян, основания, способствующие таковым в отдельно взятом регионе Нечерноземья, в частности в Подмоскovie, не сводились исключительно к неблагоприятным условиям для ведения сельского хозяйства.

Состав почвы подмосковных территорий «в разных смешениях, песок, глина и суглинок» и «в некоторых местах небольшое количество чернозема» позволял при внесении достаточного количества удобрений успешно развивать земледелие⁴⁴⁴.

Согласно статистическому описанию А.К. Шторха, средняя урожайность зерновых по уездам Московской губернии в начале XIX в. выглядела следующим образом.

В сравнении с наивысшими средними показателями урожайности зерновых по стране в целом (сам 9) показатели производительности подмосковного земледелия выглядели не самым худшим образом. Развитию этой отрасли общественного хозяйства здесь способствовал мягкий климат. «Климат Московской губернии благоприятствует хлебопашеству, – говорилось в описании хозяйства губернии офицерами Генерального штаба, – засухи случаются в редкие годы; также редко хлеб не вызревает от продолжительных дождей»⁴⁴⁵.

Таблица 1

Средняя урожайность зерновых по уездам Московской губернии⁴⁴⁶

Уезд	Средняя урожайность (сам –)
Московский	2 – 6
Богородский	3 – 5
Никитский	3 – 5
Подольский	3
Воскресенский	3 – 5
Бронницкий	3 – 5
Звенигородский	3 – 4
Дмитровский	4 – 6
Клинский	3 – 5
Волоколамский	3 – 6
Можайский	4 – 6
Серпуховской	4 – 6
Верейский	5 – 6
Коломенский	5 – 6
Средняя урожайность по Московской губернии	3,4 – 5,28

Применение передовых по тем временам агрономических приемов вело к поразительным в Нечерноземье результатам. Приведем лишь один показательный в этой

связи пример. В с. Рамихе Звенигородского уезда помещик при переходе на прогрессивную технологию выращивания озимой ржи стал получать устойчивый урожай сам 300⁴⁴⁷. Также успешно развивалось хлебопашество в других районах губернии, где широко применялись удобрения и «плодопеременная система земледелия». Например, в Коломенском приказе удельного ведомства, где севооборот «включал первый посев репы, потом поздний картофель, третий посев, по весеннему удобрению, картофель и четвертый – рожь и овес»⁴⁴⁸. Изобильными урожаями отличались имения помещиков Позен, Норд, Мусина-Пушкина, Голицыных, Абрамовского общества крестьян Дубровской волости, лежащего близ восточных границ губернии, все имения Богородского уезда, Шигинское и Косовское общества, Поповкинской волости, поместья большинства землевладельцев Волоколамского уезда⁴⁴⁹.

Благодаря близости столицы и большим потребностям горожан во фруктах и овощах, в Подмосковье успешно развивалось садоводство и огородничество. Производимых в сельской местности губернии фруктов и ягод хватало только для восполнения потребностей москвичей в свежей продукции, а продукты садоводства для консервирования и заготовки на зиму ввозились в больших количествах из других регионов страны⁴⁵⁰.

Сельские огороды и пригородные поля доставляли в г. Москву капусту, репу, редьку, лук, чеснок и картофель. И, несмотря на большое количество производимых в Подмосковье овощей, значительная их часть ввозилась из-за пределов губернии. В Верейском уезде, специализировавшемся на выращивании лука и чеснока, Богородском и Бронницком, производивших товарный хмель, огородничество являлось основной статьей дохода крестьян⁴⁵¹.

Большое количество пойменных и болотистых территорий способствовало развитию сенокосения и скотоводства в Подмосковье. Однако, избегая некорректных оценок, заметим, что уровень развития как первого, так и второго не удовлетворял огромным потребностям рассматриваемого региона. Однако в нашем контексте это обстоятельство только подчеркивает большие возмож-

ности роста одной из отраслей сельскохозяйственного производства Московской губернии – скотоводства. Емкость этого сегмента рыночной экономики Подмоскovie позволяют представить данные наличия луговых угодий в ней к середине XIX в.

Таблица 2

Величина луговых угодий Московской губернии в середине XIX в.⁴⁵²

	Число десятиин	На одну десятиину пахотных полей	На одну душу мужского пола
Московский уезд	21,296	0,26	0,46
Клинский	28,665	0,35	0,68
Дмитровский	21, 945	0,20	0,50
Богородский	21,608	0,30	0,40
Бронницкий	16,110	0,16	0,39
Коломенский	12,385	0,10	0,17
Серпуховской	11,522	0,11	0,35
Подольский	17,314	0,14	0,46
Верейский	7,684	0,11	0,35
Можайский	23,323	0,33	0,88
Волоколамский	17,172	0,17	0,38
Рузский	22,734	0,30	0,74
Звенигородский	13,908	0,18	0,38
Итого	235,666	0,20	0,44

К середине XIX столетия подлинными рассадниками продуктивного животноводства в Московской губернии стали помещичьи имения, активно занимающиеся разведением племенного скота, в том числе ввезенного из-за границы. К 1842 г. В губернии имелось 840 голов высокопородных овец⁴⁵³, в 1852 году – 640 голов породистых меринсов⁴⁵⁴.

В 1846 г. в Московской губернии имелось 304 989, в 1850–305 701 лошадей притом, что ежегодно только на сухопутный подвоз товара в г. Москву (не считая почтовую, ямскую гоньбу, другие хозяйственные нужды) требовалось более 2 млн. конных подвод⁴⁵⁵.

Даже краткий обзор сельского хозяйства Московского края убеждает в том, что его состояние и тенденции развития к середине XIX в. ставят под сомнение приоритет отсутствия условий его полноценного роста в качестве фактора, определившего активные промышленные занятия крестьян.

Среди других прочих причин, обусловивших становление Москвы в качестве общенационального экономического центра, проецирующих свое влияние на рост промышленных занятий сельского населения, центральное место занимала принадлежность региона к Волжско-Окскому району, в котором с эпохи Средневековья активно развивалась торгово-промышленная деятельность. По крайней мере, значительная часть промыслов населения Подмосковья уходила своими корнями в глубокую старину. В ходе подворного опроса крестьян (1858 г.), 72% хозяев-промышленников не смогли указать даже приблизительно на время обращения их предков к кустарной промышленности. Многие из них заявляли, что даже «деды говорили о мастерстве, с которым работали всегда»⁴⁵⁶. Чтобы указать на давность изготовления мебели, столяр из деревни Бреховой Звенигородского уезда сказал: «Лет 30 тому назад умер у нас один старик; прожил он с лишком 100 лет на свете; сам он сызмала отдан был обучаться столярному делу и не помнит, когда в деревне это дело началось»⁴⁵⁷.

«Становым хребтом» экономического района, включавшего в себя Московскую губернию, являлась разветвленная речная система, соединявшая в единый организм земли и города, располагавшиеся как восточнее Москвы, так и севернее, западнее и южнее.

«Реками Московская губерния очень богата и, несмотря на малую их величину и водность, они играли весьма важную роль еще в отдаленные времена истории как пути

сообщения, связывавшие при помощи «волоков» (перетаскивание судов по сухопутью из одной реки в другую, например, волок на Ламе – Волоколамск) бассейн Днепра с Владимиро-Суздальской областью и культурные центры того времени – Киев, Новгород со Средним Поволжьем.

Река Ока, составлявшая южную границу губернии, на протяжении 150 верст протекала по ее территории. Притоки Оки орошали почти всю юго-восточную часть Подмосковья. Самым важным притоком являлась р. Москва, главная водная артерия губернии, которая в пределах ее протекала на протяжении 381 версты, до самого впадения в Оку, около Коломны. Течет р. Москва очень извилисто, образуя много меандров (извилины), удобных для организации импровизированных пристаней.

На р. Москве располагались, кроме самой Москвы, еще г.г. Можайск, Звенигород, Бронницы и Коломна.

Главнейшими притоками р. Москвы были: справа – Колоча, Ельца, Сетунь, Пахра (на которой стоял г. Подольск) с Мочей, Десной и Рожайей, Северка, Коломенка; слева – Иночь, Искона, Руза (на которой стоял г. Руза) с притоком Озерной, вытекающей из Тростенского озера (пространством – 5,2 кв. в.), Истра (на которой стоял г. Воскресенск) с Нудалью и М. Истрой, вытекающей из озера Глубокого (до 22 арш. Глубиной), Пехорка, Яуза, Сходня с Горедвой, Гжелка и Нерская.

Кроме того, впадали в р. Оку (на которой располагался г. Кашира) Нара (на которой стоял г. Серпухов – один из важных пунктов текстильной промышленности) с притоком Тарусой, Лопасня, Каширка, Протва (на которой стоял г. Верея) с Исьмой, Клязьма (на которой стоял г. Богородск – важнейший подмосковный текстильный район) с Учей и Ворей, Шерной и Дрезной. На притоке Вори – Торгоше располагался г. Сергиевск (б. Сергиев Посад – центр кустарного игрушечного производства).

Некоторые же реки, стекавшие с Клинско-Дмитровской гряды, впадали непосредственно в Волгу, входящую на протяжении 13 верст в северную границу Московской губернии. В Волгу впадали р.р. Шоша с Лобом и Ламой (на которой стоял г. Волоколамск) с притоками Б. и М.

Сестрой, Дубна с притоками Велей и Сестрой (на которой располагался г. Клин), в которую впадали Лутошня и Яхрома (на которой стоял г. Дмитров) и с Волкушей. Река Сестра соединялась когда-то с рекой Истрой, притоком р. Москвы, так называемым Московским каналом, в который входило одно из крупнейших озер губернии – Сенежское озеро.

Что же касается до находящихся на территории губернии озер, то кроме перечисленных (Тростенское, Глубокое, Сенежское и еще Свиное, Круглое, Нерское) в прежние времена было вероятно больше, но реки, врезаясь в возвышенности, спустили многие озера, и на месте их остались лишь озеровидные расширения долин и многие болота с «окнами». В общем, площадь озер в губернии составляла 30 кв. верст. Озера, лежащие в возвышенных частях губернии, более глубоки, чисты и не так легко зарастали, как в северной, низменной части.

Такое обилие рек в пределах Московской губернии, правда, не таких больших и глубоководных, все-таки давало возможность использования их для перемещения небольших грузов»⁴⁵⁸.

Только через Коломенскую пристань в 1858 г. прошло товара различного назначения на сумму 7 млн. рублей серебром. В этом же году через Меленковскую пристань было отправлено на Макарьевскую ярмарку фарфорового товара, произведенного в Московской губернии, на 25 000 рублей⁴⁵⁹. В Петербург отправлялось ежегодно с Рогачевской пристани товара на сумму 1 млн. 480 тыс. рублей, с Безбородовой пристани – 50 000 рублей⁴⁶⁰.

Безусловно, важнейшую роль в промышленном становлении региона сыграло его превращение в центр российской государственности. Нужды развивающегося централизованного государства требовали не просто создания благоприятных условий для промышленного производства, но его «насаждения сверху». Так, в 1556 г. последовало повеление отправить в г. Москву всех пленных шведов, знающих промышленное ремесло⁴⁶¹. В 1661 г. правительство дозволило жить в Москве иностранным оружейникам⁴⁶². В 1774 г. в Серпухове были созданы две казенные суконные и три парусные мануфактуры⁴⁶³.

Становление г. Москвы в качестве административно-го, культурного и хозяйственного центра Московского царства, а затем и Российской империи, сопровождалось непрекращающимися сооружением и совершенствованием путей сообщения, соединявших столицу со всеми территориями страны.

К середине XIX в. была построена Николаевская железная дорога Санкт-Петербург – Москва, дорога через Тулу из хлебобродных губерний Великороссии и Малороссии, Рязано-Владимирская дорога, соединявшая «низовые губернии» (где Рязань выполняла роль центра сообщения с Сибирью и Средней Азией), Ярославская дорога, ведущая к восточным территориям Империи (но, главным образом, служившая средством транзита сибирского сырья в Дмитровский, Александровский и Ростовский уезды Московской губернии), Смоленский тракт, приобретающий экономическое значение по мере возрастания торговли с западными губерниями и царством Польским⁴⁶⁴.

В середине XIX века г. Москва стала общенациональным центром товарного транзита, промышленности и торговли. «В Москву стекаются произведения целого государства и, сверх того, значительная часть заграничного привоза, – говорилось в Отечественных записках. – В 1884 году привезено в Москву из С.-Петербурга более 4 млн. пудов товара и из Коломны, водой, до 8 млн., вообще же сухим путем до 42 млн. пудов груза, на доставку которого употреблено более 1 млн. подвод. В этом же числе заключалось 9 млн. пудов зернового хлеба»⁴⁶⁵.

Самостоятельное значение приобрели местные ярмарки, товарооборот которых непрерывно возрастал. В 1844 г. в Московской губернии действовало более 40 ярмарок и 13 базаров, на которых ежегодно доставлялось товара почти на полмиллиона рублей⁴⁶⁶.

Величину торгового оборота крупных ярмарок в уездных городах позволят представить следующие данные.

**Величина торгового оборота ярмарок в уездных городах
Московской губернии в 1858 году⁴⁶⁷**

Уездные города	Оборот ярмарок (в руб. сер.)
Москва с торговым оборотом более	60 000 000
Коломна	800 000
Серпухов	500 000
Верея	190 000
Можайск	150 000
Клин	100 000
Волоколамск	90 000
Дмитров	90 000
Подольск	75 000
Бронницы	50 000
Руза	30 000
Звенигород	30 000
Богородск	20 000
Всего	62 345 000

Общий показатель товарооборота на уездных ярмарках (без Москвы) выражался в огромной сумме – 2 млн. 345 тыс. рублей.

Помимо прямого стимулирующего действия на кустарные промыслы, включение Московской губернии в общенациональные торгово-экономические связи имело и другое чрезвычайно важное последствие, которое ускользает от взора современных исследователей, но неоднократно отмечалось практиками хозяйственного строительства середины XIX в. Речь идет о неоднозначном влиянии интеграции столичного хозяйства в национальный рынок.

Вот что по этому поводу писали в отчете офицеры Генерального штаба: «Москва составляет средоточие всей промышленности губернии; в ней запасаются ма-

териалами и имеют сбыт своих произведений почти все фабрики и заводы в губернии находящиеся, деревенские кустари; в ней устанавливаются цены на хлеб, а вместе с тем на товары, и плата работникам. Близость Москвы и довольно удобное сообщение с нею не допускает нигде ценам сильно возвыситься или понизиться, потому что при значительной разнице этих цен с ценами московскими как продавец, так и покупатель, работник, кустарь, наемщик обращаются в Москву.

Удобство сообщения Москвы с соседними губерниями и постоянный подвоз в нее хлеба уменьшают цену его, так что урожай Московской губернии не имеет почти никакого влияния на возвышение и понижение цены хлеба; цена эта зависит от урожая губерний соседних южных и юго-восточных; цены товаров, находясь в зависимости от задельной платы, а последняя – от цены хлеба, подчиняются этому влиянию»⁴⁶⁸.

Во-первых, тесно связанное с общенациональным хлебным рынком московское сельское хозяйство исключало возможность ведения хлебопашества исключительно традиционными, малопродуктивными методами. Не случайно в этой связи наибольшее количество имений, применявших передовую технологию, было характерно именно для Подмосковья. Очевидно, что большинство крестьянских хозяйств, имевших ограниченные возможности совершенствования аграрного производства, напротив, лишались перспектив трансформации в фермерские интенсивные хозяйства. Этим обстоятельством, прежде всего, объяснялось значительное отвлечение производственных сил крестьянских дворов на промысловую деятельность.

Во-вторых, московские цены на товары и услуги устанавливались в соответствии со всероссийскими рыночными законами, в то время как цены на товары и услуги в других регионах в значительной мере определялись местными условиями и потребностями населения.

В-третьих, кустарная промышленность Подмосковья развивалась в условиях жесткой конкуренции не только с нарождающимся крупным производством, но и мелкой

промышленностью других нечерноземных регионов, прежде всего, Поволжского края. Не случайно в этой связи кустарная промышленность Московской губернии, располагавшая значительным потенциалом освоения массового обезличенного рынка, уступала в уровне своего развития, например, мелкой сельской промышленности Нижегородской губернии. Так, если в Нижегородском крае к середине XIX в. оформились центры специализации кустарных промыслов: Семеновский ложкарно-посудный, Павловский металлообрабатывающий район, в Московской губернии «редко встречались селения, в которых господствовала одна какая-нибудь отрасль промышленности: обыкновенно промыслы разнообразны»⁴⁶⁹.

Кроме того, кустарные промыслы Подмосковья, испытывая конкуренцию со стороны всероссийского рынка, в большинстве своем не обеспечивали полноценный доход крестьян. По уровню доходов кустари «отстают от крестьян и не пристают к горожанам»⁴⁷⁰.

Таким образом, если крестьяне других неземледельческих территорий за счет кустарных промыслов в значительной мере восполняли свой денежный доход или в силу коммерческой выгоды делали добровольный выбор в смещение трудовой активности в промышленность, селянин Подмосковья был стеснен в хозяйственном маневре и зачастую рассматривал кустарную промышленность, как и другие неземледельческие занятия, прежде всего, как средство обеспечения прожиточного минимума.

Низкая вариативность увеличения доходности крестьянских хозяйств Подмосковья, ограниченная прямым действием всероссийского рынка, фундировалась, помимо всего прочего, острой нехваткой земельных и, прежде всего, пахотных угодий. Из 2 960 672 десятин всей территории Московской губернии 1 188 390 десятин было занято под пахотными угодьями, что составляло 40% всех земель. На одну душу мужского пола приходилось 1,75 десятин земли, даже исключая крестьян, проживающих в городах, не более 2,24 десятин.

Посевная площадь на душу населения составляла еще меньшую величину – 1,49 десятины⁴⁷¹.

Таблица 4

**Величина пахотных и посевных земель на душу мужского пола
в Московской губернии в середине XIX в.⁴⁷²**

	Число десятин пахотной земли	На одну душу мужского пола	Количество посевов	
			Число десятин	Сколько приходится на душу
В Московском	79,711	1,73	53,074	1,15
В Клинском	82,271	1,96	54,847	1,31
В Дмитровском	110,849 ^{1/4}	2,56	73,899	1,70
В Богородском	70,137	1,30	46,758	0,86
В Бронницком	99,033	2,27	66,022	1,51
В Коломенском	125,128	1,76	83,418	1,17
В Серпуховском	105,169	2,70	70,112	1,80
В Подольском	119,915	3,07	79,943	2,04
В Верейском	70,912	3,30	47,275	2,20
В Можайском	69,707	2,64	46,472	1,76
В Волоколамском	101,468	2,29	67,645	1,52
В Рузском	76,128	2,51	50,753	1,67
В Звенигородском	78,062	2,14	52,042	1,42
Итого	1,189,390^{1/4}	2,24	792,260	1,49

Вместе с тем, как уже говорилось, всероссийский рынок, центром которого являлась, как нам представляется, г. Москва, оказывал и прямое иницирующее действие на кустарные промыслы населения, прежде всего, за счет насыщения региона сырьем, доставляемым из самых отдаленных уголков страны. Для иллюстрации сказанного, воспользуемся данными, характеризующими уровень снабжения Москвы и Санкт-Петербурга продуктами животноводства.

Таблица 5 показывает, что Москва потребляла в 5 раз больше продуктов животноводства, нежели Санкт-Петербург. Интересные подсчеты сделали офицеры Генерального штаба. По их мнению, в Московской губернии в середине XIX в. ежегодно оставалось благодаря переработке 15% транзитного сырья, что в стоимостном выражении представляло огромную цифру – 6 млн. рублей серебром.

Таблица 5

**Количество скота, пригнанного на продажу
в г. Москву и Санкт-Петербург, с 1832 по 1851 гг.⁴⁷³**

Год	Пригнано в Москву		Пригнано в С.-Петербург
	крупного скота	мелкого скота	крупного скота
1832	112 497	27 447	33 264
1846	118 131	31 727	35 400
1851	117 359	23 098	34 888

Включение Московской губернии во всероссийский рынок стимулировало промышленную деятельность населения через широкую возможность сбыта ее результатов⁴⁷⁴. Продукция московских кустарей благодаря отлаженному транзиту доходила до самых отдаленных территорий Зауралья, Сибири, Средней Азии. Собственно, в московском крае оседало не более четверти всего произведенного промышленностью товара; за его пределы ежегодно уходило промышленных продуктов на 30 млн. рублей, значительную долю в которых составляли рукоделия кустарей⁴⁷⁵.

Развитию кустарной промышленности не в последнюю очередь способствовало наличие в губернии естественных природных ресурсов и, прежде всего, предмета традиционной кустарной переработки – леса. Площадь лесных угодий примерно равнялась величине пашни. В 1852 году на 1 400 000 десятин пашни приходилось 1 350 187

десятин леса⁴⁷⁶. Лесной покров, хотя и не в равной мере, присутствовал во всех уездах Подмоскovie.

Таблица 6

Величина лесных угодий в 1852 г. по уездам Московской губернии в соотношении с сельским населением, запашкой и площадью⁴⁷⁷

Уезда	Число десятин	На одного крестьянина	На 1 десятину пахотного поля, леса приходится	На 1 десятину всего пространства
Московского	115,050	2,51	1,44	0,44
Клинского	192,575	4,60	2,37	0,60
Дмитровского	153,578	3,55	2,38	0,49
Богородского	191,499	3,59	2,73	0,60
Бронницкого	79,789	1,83	0,80	0,38
Коломенского	41,197	0,57	0,30	0,22
Серпуховского	102,262	2,65	0,90	0,40
Подольского	66,287	0,69	0,55	0,30
Верейского	78,465	3,68	1,10	0,46
Можайского	63,080	2,01	0,90	0,38
Волоколамского	74,167	1,68	0,73	0,36
Рузского	73,880	2,43	0,91	0,39
Звенигородского	95,026	2,60	1,21	0,47
Всего	1,326,855	2,52	1,11	0,44

Деревообрабатывающий промысел, как показали исследования, являлся наиболее консервативным и, в большей степени, чем другие, сохранял традиционные черты даже в эпоху модернизации, что позволяет логично предположить его особую связь и преемственность традиционному обществу⁴⁷⁸. Особое место, которое занимала деревообработка в крестьянском хозяйстве с «незапамятных времен», отмечалось в подворном опросе (1858 г.).

Практически все хозяева отметили самое «древнее» происхождение крестьянских лесоперерабатывающих рукоделий⁴⁷⁹.

Московская губерния была богата и другими полезными ископаемыми. Наличие залежей глины позволяло крестьянам успешно заниматься горшечным, кирпичным, израсцовым и фаянсовым производством. Источники израсцовой глины располагались в Завидовской волости Клинского уезда в селах Новоселки, Песках, деревне Борневской в Коломенском уезде и в Московском уезде. Горшечная глина лучшего качества добывалась в Дмитровском уезде при селах Куликове, Вербилках. Добыча глины для фаянсовой посуды производилась в Гжельской волости Бронницкого уезда. Посуда, изготовленная в Гжеле, была известна во всей России⁴⁸⁰.

Большие запасы природного камня также стали предметом приложения труда промысловиков. В пределах губернии добывали белый камень, жерновой, булыжный, бутовой, кремль и желтый мрамор.

Белый известковый камень ломали в селе Мячкове Бронницкого уезда, в деревне Наумовой (у р. Лубянки), в селах Колычево, Острове, д. Свиновой Подольского уезда, в Коломенском уезде при селе Ачкасово, по берегу Москвы-реки. Жерновой камень добывался в деревне Панках Московского уезда и в селе Остров Подольского. Бытовой камень и булыжник доставлялся в столицу из д. Татаровой, находившейся в непосредственной близости к ней, и села Коробьева Коломенского уезда. Желтый мрамор пилили в Серпуховском уезде⁴⁸¹.

Развитию крестьянской промышленной деятельности немало способствовали доступные источники энергетики. У Боровского перевоза добывался каменный уголь⁴⁸², а торфяные залежи присутствовали практически по всей территории Подмосковья. Около самой Москвы к 1723 году по повелению Петра I фон Армус провел необходимые изыскания и обустроил «резку торфа». Он же обнаружил три торфяных болота в Богородском уезде⁴⁸³. Другой исследователь, Эльрих, в 1794 г. обнаружил торф в двух верстах от столицы в Перовской роще⁴⁸⁴.

Активная разработка торфяных залежей началась в губернии с 1841 года. В этом году было добыто 5 051 куб. сажень торфа. Резка производилась у Свиблово⁴⁸⁵. В это же время осваивались торфяники высокого качества в селах Порово, Щекутово и Улитино Богородского уезда.

Для крестьян-промысловиков торф представлял собой даровый источник энергии, использовавшийся в технологии многих производств: перегонке смолы и дегтя, гончарном и изразцовом деле, выделке кож и т.д. Причем объем этого естественного источника был практически неистощим. Например, Чесмарское болото занимало площадь 8 000 десятин, Мытищинское – 200 десятин, Мачница – 300 десятин, Самаринское – 800 десятин⁴⁸⁶.

Таким образом, активные промышленные занятия крестьян Московской губернии были опосредованы целым рядом факторов социального, политического и естественного характера. Вышесказанное очевидно свидетельствует, что утверждение о том, что развитие кустарных промыслов сельского населения нечерноземной деревни было обусловлено исключительно неплодородием почвы, страдает упрощением. На самом деле, корни кустарничества «питались» как традицией средневековых промыслов Волжско-Окского Междуречья, обслуживавшего важные направления товарного транзита, так и процессами, которые в конечном итоге определили рост и величие Московской государственности. Став центром хозяйственной жизни страны, Московский край, как никакой другой, испытывал влияние развернувшейся в экономике страны модернизации, определившей основные направления эволюции, в том числе кустарной промышленности Подмосковья.

В сочетании с наличием необходимых природных условий политические и социальные предпосылки создали необходимую питательную среду для промышленной деятельности сельского населения.

Список литературы

1. Акты Археографической Комиссии. Т. III. 1661 г. № 151.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 1. Московская губерния. СПб., 1853.
3. Московская губерния. Журнал МВД. 1842, 1843. Тетр. 2.
4. А. *Исаев*. Промыслы Московской губернии. Т. II. М., 1876.
5. Малый энциклопедический словарь. *Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон*. Т. 3. Вып. III. Изд. II-е. СПб., 1894.
6. Московские Губернские Ведомости. 1843. № 15.
7. Московские Губернские Ведомости. 1852. № 3.
8. Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. Вып. II. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. СПб., 1896.
9. Промыслы Московской губернии. Т. 1. Вып. 1. М., 1876
10. Статистическое описание Московской губернии. М., 1812.
11. А.К. *Шторх*. Материалы для статистики Российской империи. Т. 1. СПб., 1796.
12. И.Ф. *Штукенберг*. Статистические труды. – СПб., 1858.

Я.А. РАТЧИН,
аспирант,
Московский государственный областной университет,
г. Москва

Кустарные кооперативы и кооперативное движение Московской губернии

Ключевые слова: кооперация кооперативное движение, мелкотоварное производство

Кооперативы и кооперативное движение, которые определены в качестве предмета исследования, являются общественными феноменами, имеющими разную природу и внутреннее содержание. Кооперация кустарей, являвшаяся результатом естественного процесса концентрации мелкого производства в переходный период от традиционного к индустриальному обществу, представляла собой особый тип производственных отношений, в то время как кооперативное движение, охватывавшее в том числе объединения кустарей, инициированные усилиями энтузиастов кооперативной идеи, относилось к надстроечным явлениям и проецировалось в общественном сознании, политике, идеологии и т.д.

Эволюционное рождение артелей и товариществ из глубин традиционного общества определило их «генетическую» связь с его институтами.

Исходным моментом коллективных предприятий мелких товаропроизводителей являлась крестьянская семья – основной институт традиционного общества. Объединения самостоятельных хозяев на первоначальных ступенях кооперации как бы дополняли недостающие

звенья семейного разделения труда. «Так как от 1/3 до 1/2 крестьянских семей имеют в своем составе 2 и более взрослых мужчин, а в семьях, состоящих из одного мужчины-работника, находятся взрослые женщины и подростки, – писал В.П. Воронцов, – то огромное большинство крестьян, занимающихся кустарным промыслом, имеют возможность вести последний не единолично, а артелью; и там, где доход от промысла играет достаточно видную роль в бюджете крестьянина, участие его семьи в промысловом заработке делается более или менее систематическим и организованным, что дает возможность мелкому промышленнику пользоваться преимуществами разделения труда»⁴⁸⁷.

Примеров семейной кооперации в кустарных промыслах множество. Мелкотоварное производство, вышедшее из недр домашней промышленности, не могло миновать семейной ассоциации, как наиболее выгодной с точки зрения понижения издержек и дополняемой сторонними хозяйственными связями лишь в случаях крайней необходимости.

Кровнородственные отношения в первых коллективных объединениях играли настолько заметную роль, что порой оставались определяющими даже тогда, когда размеры предприятия перерастали рамки одной отдельно взятой семьи. Показателен в этом связи пример с мастерской Самсоновых деревни Митино Черкизовской волости Московского уезда, объединявшей коллектив из шести взрослых родственников: двух дядей с племянниками. В течение не менее столетия (со второй половины XVIII века), несмотря на семейные разделы, «все-таки оставались прямые потомки этих первоначальных столяров Самсоновых, и число их никогда не было меньше 4–5. Сознавая преимущества общего производства, они крепко держались друг за друга, стараясь всеми средствами устранять возникавшие несогласия. Считая возможным работать выгодно при таком числе членов, они никогда не принимали наемных рабочих и учеников...»⁴⁸⁸

Необходимость замещения недостающего технологического звена в семейной кооперации, а в большинстве

случаев замены семейного рабочего более квалифицированным трудом мастера вели к сужению возможностей коллективов родственников и расширению сферы деятельности объединений самостоятельных товаропроизводителей. Процесс вытеснения патриархальной семьи из сферы товарного производства приобретал все более ясные очертания, по мере того как рынок и его законы оказывали доминирующее влияние на внутренний строй промысловых хозяйств.

Несмотря на эволюцию самой кооперации мелких товаропроизводителей, ее историческая связь с патриархальной семьей обусловила наличие в кооперативных объединениях «генетической памяти» традиционных черт, конкретно проявлявшихся в организационных принципах, нравственных нормах и хозяйственных устоях.

Значительно более весомо, нежели в Западной Европе проявлялась в России и другая характерная черта аграрного общества, нашедшая свое отражение в кооперативном строительстве, а именно особое положение коллективных форм труда, обусловленное характером производительных сил⁴⁸⁹. Достаточно сложные условия противоборства человека с природой на большей части территории страны, жизненно важная роль (при огромных масштабах государства) всеобщих средств производства: дорог, мостов, переправ, ирригационных сооружений и т.д. делали объединенный труд не только обязательным, но единственно возможным для обеспечения существования. Широкое распространение «артельного начала» на российской почве проявилось как в хозяйственном укладе, так и в ментальности русского человека. Коллективизм нашел свое конкретное воплощение в быту, экономике и общественной жизни страны. Достаточно указать на то, как артельность произросла даже в армии. Об этом подробно говорится в материале, посвященном ассоциациям декабристов⁴⁹⁰.

Историческая обусловленность и ментальная predisposition народа к коллективному труду и быту позволили народникам, и думается не без основания,

увидеть в нем важный элемент самобытного развития России. Однако верно замеченная особенность русской действительности привела в абстрактном теоретизировании к необоснованной идеализации возможностей союзов мелких товаропроизводителей объективно имеющих свои исторические пределы, а конкретно в российском социально-экономическом процессе, ограниченных индустриализацией страны.

Было бы лишним пояснять, какое влияние на генезис кооперации в мелкой промышленности оказал многовековой опыт народных артелей и ассоциаций. Вплоть до начала XX века весь внутренний уклад кооперативных предприятий кустарей основывался на традициях, дошедших из недр веков и переданных из поколения в поколение наследием народной мудрости. Мало того, собственно генезис кооперации мелких хозяев был исторически связан с всевозможными формами коллективного труда, В реальной жизни эта взаимосвязь была настолько тесной, что порой не представлялось возможным провести четкую грань исходного рубежа кооперации. Так, например, вплоть до конца XIX столетия изготовление санных полозьев, тележных колес, дуг и т.д. осуществлялось в виде «помочи». «Помочане» в количестве 8–10 человек участвовали в совместной работе за «угощение». «Помочь» оказывалась попеременно то одному, то другому мастеру так, что наиболее трудоемкие операции производственного цикла были обобществлены и фактически представляли собой зачаточные формы кооперативной организации.

В хлопчатобумажном ткачестве приготовлением основ занимались 4–5 ткачих: «одна баба удерживает основу в натянутом положении, держа за клубок, две другие держат рядку и две последние вертят навой». Помощницы работали бесплатно, так как сами нуждались в аналогичных услугах⁴⁹¹.

Помимо непосредственного участия в производстве, взаимопомощь использовалась при постройке мастерских, кузниц, плотин для водяного привода и т.д.⁴⁹² Аналогичный характер носили «супрядки», устраиваемые в том

случае, тогда мастера не успевали сработать требуемого количества пряжи или шерсти⁴⁹³. На такие мероприятия селяне шли не только из-за необходимости помощи и собственном хозяйстве, но и «потому, что работа помощью нетрудна, представляет, благодаря большому собранию народа, массу веселья, развлечений; особенно любит помочи молодежь, для нее это просто праздник».

Особенностью России являлось и то обстоятельство, что рождение и функционирование кооперативной формы организации общественного производства тесно переплеталась с деятельностью другого традиционно-го института – общиной, сохраняющей свое значение вплоть до начала массовой коллективизации сельского хозяйства. Разнообразные общинные установления так или иначе повседневно влияли на кооперацию. Имея и без того много родственных черт, обусловленных единством формирующей их цивилизации, кооперация как бы приспособлялась к обстановке, детерминируемой общиной. И, тем не менее, правомерно утверждение В.В. Кабанова о том, что кооперация и община, разные в социальном плане явления⁴⁹⁴. То обстоятельство, что их историческое пересечение или сосуществование произошло тогда, когда община еще не утратила свои функциональный потенциал, есть результат специфики российского исторического процесса, а не свидетельство тождества.

Община активно вторгалась в процессы кооперирования кустарей, создавая в реальной хозяйственной практике синкретические структуры, не укладывающиеся в современное представление о кооперации, но, вне всякого сомнения, являвшиеся таковыми. Действующая в рамках всего сельского общества организация, по сути, производила характерные черты кооперативного предприятия, однако, полностью подчиненного принципам и устоям общины.

Реальный механизм обоюдонаправленных связей был настолько сложным и многообразным, что представить сколько-нибудь полный набор их комбинаций не представляется возможным. Сложившийся под действием объективных условий и отточенный многовековой прак-

тикой институт крестьянской общины оказывал влияние на сравнительно молодую структуру кооперации всей мощью своею хозяйственного, организационного, нравственного потенциала. Из хозяйственного инструментария общинного регулирования нарождающихся союзов промысловиков земские источники и труды комиссии по исследованию кустарной промышленности содержат сведения о передаче в аренду источников сырья: глиняных карьерой, угольных разработок, лесных угодий, мирских предприятий: кузниц, парилен, светелок, кирпичных заводов и т.д., обеспечении гарантий кредитования⁴⁹⁵.

Не менее эффективной была система нравственных установлений общины, регламентирующая взаимоотношения кустарей и их объединений.

Итак, кооперация кустарей, появившаяся в России в результате товаризации крестьянских промыслов и представлявшая собой реалию, отражавшую постепенный переход к модернизации хозяйственного строя страны, несла в себе содержание, воспроизводящее рыночную новизну хозяйственной ситуации, и этим принципиально отличалась от традиционных институтов. Вместе с тем, объединения мелких товаропроизводителей, как и основа их рождения – мелкотоварный уклад, явились результатом эволюционного развития экономики, а не революционных перемен, предполагающих ломку предшествующих хозяйственных структур. Именно поэтому характеру кооперации мелких промышленников был присущ дуализм. Наряду с признаками модернизма, она гармонично впитала с себя все богатство традиционных черт, определявших неантагонистическое сосуществование с другими социально-экономическими сущностями аграрной культуры.

Подметив эту особенность кооперативных предприятий, просвещенные умы XIX столетия считали благодатной российскую почву, сохранившую незыблемыми многие традиционные формы, в том числе общину. Отмечая в своей докторской диссертации условия, благоприятствующие росту кооперации в России, профессор А. Исаев писал: «Главная причина лежит в том, что

земельная община, еще столь крепкая у нас, способная поддерживать в человеке склонность к артельному общению, давно разложилась в Западной Европе»⁴⁹⁶. Не менее определенно высказался на этот счет Д. Тимирязев: «Исконная же склонность нашего населения, – писал он, – к образованию артелей и наличность столь широко распространенного союза, какова община, представляет собой весьма благодарную и восприимчивую почву для успешного применения начал кооперации»⁴⁹⁷.

Кооперативная тенденция мелкого промышленного производства реализовывалась в бесконечно многообразной экономической реальности, что обусловило множество конкретных форм ее воплощения. При этом имеющиеся источники не позволяют выявить какой-либо закономерности в выборе уровня обобществления хозяйств кустарей или последовательности в смене форм коллективных объединений (если не иметь в виду те случаи, когда кооперация являлась следствием сознательных действий энтузиастов, общественных организаций или государства).

Представление о кооперировании, как о процессе постепенного перехода от простых форм к более сложным, от обобществления снабженческо-сбытовых функций к коллективизации собственно производства, от товариществ к артелям с общей мастерской, получившее право на жизнь в сочинениях практиков кооперативного строительства, политиков, а затем и ученых, складывалось не в результате отражения исторической действительности, а по мере того, как на кооперацию возлагалась не свойственная ей роль средства противодействия капиталистической стихии. Включенная в системы политических построений, она наделялась чертами, желательными с точки зрения предоставления наиболее полных гарантий хозяйственной стабильности мелким товаропроизводителям и консолидации пролетариев, достигаемых в формах кооперативных союзов, обобществляющих все стороны производственного процесса и в наибольшей степени соответствующих теоретическим проектам устройства общества будущего.

Действительные направления обобществления хозяйств промысловиков в конце XIX – начала XX веков вели к единовременному складыванию предприятий, объединяющих закуп сырья, продажу товара, союзов для совместного строительства и использования производственных помещений и орудий труда, производственных коллективов.

Исследуя различные формы кооперативных ассоциаций, В.П. Воронцов писал: «... В одних местностях и в одних промыслах чувствуется потребность в специальных мерах для приобретения сырья, в других – для сбыта готового продукта, в-третьих, – для устройства целесообразной мастерской или какого-либо приспособления, в-четвертых, – для приобретения машин, в-пятых, – для образования более крупных производственных единиц и т.д. Словом, каждый вид промысла в конкретной обстановке того или другого района имеет свои особые требования, нуждается в развитии кооперации в особом направлении»⁴⁹⁸.

Предоставляемые земскими исследованиями немногие возможности отражения исторической динамики отдельных кооперативных союзов подтверждают их организационную устойчивость и не дают оснований видеть в снабженческо-сбытовых товариществах зачатки неизбежно наступающей коллективизации производственной деятельности мелких промышленников.

Для того чтобы облегчить задачу описания форм промысловой кооперации наиболее корректным, с нашей точки зрения, может быть выделение двух больших групп кооперативных предприятий: товариществ снабжения и сбыта и производственных союзов. В свою очередь, последнюю необходимо поделить на две подгруппы: объединения для общего использования средств производства и непосредственно производственные артели. При этом критериями данной классификации является глубина процесса концентрации мелкопромышленного производства.

Объединения в сбыте готовых изделий кустарей, наверняка широко распространенные в дореформенный период⁴⁹⁹, к рубежу веков практически сходят на нет в

связи с деятельностью скупщиков... Наряду с еще сохранившимися свое значение, хотя и в урезанных масштабах, снабженческо-заготовительными товариществами, промысловики лишь «иногда совместно же и продают свои изделия». «Сговорившись торговать вместе на ярмарке, кустари назначают цены изделиям и уговариваются, сколько, кому выставить товару. На ярмарке один продает, другой получает деньги, третий записывает. При такой торговле цены несколько повышаются, но при этом требуется участие всех прибывших на ярмарку представителей данного промысла. Общая продажа ведет к сокращению ярмарочных расходов»⁵⁰⁰.

Значительно большее место в хозяйственной практике кустарей занимали к концу XIX века сырьевые товарищества, которые в отличие от сбытовых союзов, имели дело с менее капиталоемкими продуктами, а, следовательно, в относительно меньшей степени подвергались деформирующему влиянию капитализма.

Анализ известных источников по истории российской мелкой промышленности убеждает в том, что кооперация в сфере снабжения кустарно-ремесленных промыслов к концу XIX века сохранилась, за небольшим исключением, в отраслях трудоемких, но не требующих большого вложения капитала.

В узких границах представлены в источниках конца XIX века ассоциации в сфере производства вообще и по совместному использованию средств производства в частности. Причем сравнение одних и тех же промыслов с различным временем возникновения убеждает в том, что достаточно широко распространенная в дореформенное время кооперативная форма организации мелкого производства, в ходе становления индустриального общества, уступала место в отраслях восприимчивых к техническому прогрессу частнокапиталистическим предприятиям. Например, говоря о кузнечном промысле, В.П. Воронцов замечал, что рядом встречаются как артельные, так и частные кузницы: первые преобладают в тех деревнях, где промысел существует с давнего времени; вторые – там, где он возник недавно⁵⁰¹.

В 70-е годы XIX столетия, вместе с ростом хлопчатобумажной промышленности, после нескольких десятилетий упадка, количество «светелок» вновь резко возросло. Однако новый подъем крестьянского ткачества в совместных мастерских был связан не с возрождением благоприятных условий кооперирования мелких промышленников, а с появлением домашней системы капиталистического производства, использующего дешевый крестьянский труд. В 80-е годы крестьянское ткачество вновь перемещается в избы. Причина таких перемен коренилась в инициированном буржуазными сношениями поиске возможностей реализации и удешевления промышленной деятельности крестьян. За счет, по возможности, полного использования времени в течение рабочего дня, сокращения специальных расходов на свет и тепло мелкий промышленник пытался удержать уровень своих доходов, имеющих тенденцию к снижению под действием усиливающейся эксплуатации.

Вместе с тем наступление крупного машинного производства лишь сократило функциональное пространство производственных кооперативов, но не исключало последние из структуры трансформирующейся экономики. В зависимости от степени капиталистического освоения промыслов, их расположении от основных магистралей товарных потоков национального рынка, отраслевой и региональной принадлежности коллективные предприятия отыскивали экономические «ниши», определяли свое место в формируемом индустриальном хозяйственном строе.

По мере того, как валяльный и войлочно-фетровый промыслы приобретали товарный характер и выходили за рамки крестьянской избы, в них организовывались кооперативные стирни. Коллективные стирни использовались шляпниками Московской губернии. Причем они составляли здесь не менее 30% от общего числа⁵⁰².

Кооперативные начала были характерны и ткацкому производству.

Общественные помещения мастеров-ткачей в дореформенной России были достаточно распространены. Коррес-

понденты министерства земледелия и государственного имущества писали, что «в былое время, при массивности станов и дешевизне леса и дров, крестьяне для ткачества устраивали, сообща или артельно, особые светелки, в которых и работали⁵⁰³. Тот факт, что «общие светелки были в прежнее время обыкновенным явлением», отмечал и В.П. Воронцов⁵⁰⁴. Относительно общественных ткацких мастерских в 50-е годы XIX века Л.А. Мещерский и К.И. Модзалевский, составившие «Свод материалов по кустарной промышленности» писали, что «новины и холсты ткуются женщинами в избах, для тканья же тонких полотен устраиваются особые светелки, преимущественно в местах низменных, вдоль берега реки. Светелки выстраивает какой-нибудь крестьянин и отдает в найм по 7 рублей ассигнациями в зиму с окошка, или же несколько ткачей выстраивают светелку в складчину и выбирают окна по жребью»⁵⁰⁵.

Таким образом, кооперации кустарей в использовании средств производства конца XIX столетия, т.е. исторического периода, когда капиталистическая индустриализация значительно сократила жизненное пространство коллективных предприятий, убеждает в том, что благодаря росту товарности промысловых хозяйств, кооперативное строительство проникло далекое вглубь мелкой промышленности, охватив не только сбыт и снабжение, но и собственно производство.

Непосредственно производственный процесс обобществлялся, как правило, тогда, когда для успешного занятия промыслом труд одной семьи был недостаточным, а мастерство кустарей не имело определяющего значения. Чаще всего кооперация этого вида в рассматриваемый период встречалась в отраслях строительных и горнодобывающих: камнетесной, угольной, добыче алебастра, глины, изготовлении мельничных жерновов и т.д. Причем в силу относительно низкой капиталоемкости, а, следовательно, непривлекательности для капиталистических инвестиций, занятия такого рода сохраняли кооперативные формы организации, вплоть до начала XX столетия.

Строительные артели представляли собой традиционную структуру организации коллективного труда и аккумулировали новое содержание кооперативов мелких собственников по мере товаризации экономики, в ходе которой такие реалии, как мастерские навыки и индивидуальная собственность приобретали стоимостную характеристику. Вместе с тем, совершенно очевидна неосновательность полного отождествления строительных кооперативов, имеющих одинаковую природу с артелями бурлаков, грузчиков, ямщиков и т.д., с объединениями, составляющими одну из черт процесса трансформации прежних хозяйственных устоев. В отличие от немногочисленных союзов мелких промышленников, ведущих совместное производство, используя пооперационное разделение труда и являющихся отражением концентрации кустарного производства, традиционные артели строителей существовали задолго до того, как стали проявляться первые признаки модернизации и приобрели новое институциональное качество лишь в силу изменившихся условий хозяйствования.

Большой, в сравнении со строительными артелями, удельный вес обобществляемой собственности в горнодобывающих коллективных предприятиях способствовал более весомому наполнению их рыночным содержанием. Работая на продажу, старатели приобретали статус товаропроизводителей, а их союзы, преследующие прежде цель извлечения выгоды исключительно из объединения трудовых усилий в операциях непосильных одному труженику, превратились в ассоциации реализующие свое преимущество в оптимизации процесса производства товара.

Замечательно, что далеко не все традиционные артели претерпевали трансформацию по мере их ориентации на рынок. Практически не меняли свое лицо и оставались патриархальными союзы ямщиков, возчиков, докеров, грузчиков и т.д. И дело обстояло не только в наличии или отсутствии объединяемых материальных средств, хотя и это было немаловажным. Причина социально-экономической дифференциации артелей, дошедших из глубокого средневековья до начала XX века, заключалась в отличии

величины элементов составляющих в процессе производства новую стоимость, а именно в степени необходимого мастерства, имеющего в рыночных условиях свою цену. Совершенно очевидно, что объединения неквалифицированного труда, не представляющего особую ценность, не могли обрести значения ассоциаций собственников (в данном случае умений и навыков).

Понятно, что артели, объединяющие промысловиков, обладающих особыми способностями, и, вместе с тем, роль которых в традиционной системе хозяйства сводилась к примитивным формам коллективного труда, становились в условиях рынка предприятиями мелких товаропроизводителей, обобществляющих специфическую собственность – уникальное мастерство кустарей и, в этой связи, представляющих более совершенную и сложную в сравнении с патриархальной структуру промышленного производства.

Существенное изменение места и роли в социально-экономическом строе кустарей к концу XIX – начале XX вв. испытывали производственные кооперативы, рожденные естественным ходом концентрации мелкотоварного производства. В отличие от сбыто-снабженческих товариществ, артели непосредственно испытывали конкуренцию с фабрикой, делающей многие виды ручного труда экономически нецелесообразными.

Закономерный процесс пооперационного разделения труда в кустарном производстве, побуждаемый вовлечение и его в сферу товарных отношений, хронологически совпал (вторая половина XIX века) с активным капиталистическим освоением промыслов. Естественно, что в «соревновании» за овладение плодами разделения труда победителями оказывались наиболее предприимчивые материально состоятельные представители активно нарождающейся буржуазии.

Вместе с тем, земские источники и материалы центральных государственных ведомств все же содержат отдельные примеры наличия, нашедших свое место в новой пирамиде индустриального развития, производственных кооперативов мелких товаропроизводителей.

В своем исследовании металлического промысла Московской губернии 1876 года А. Исаев упоминал о кооперативной подносной мастерской в деревне Хлебниковой, Троицкой волости. Московского уезда, в которой был обобществлен как производственный процесс, так и сбыт готовых изделий⁵⁰⁶.

Использованное нами для квалификации кооперативных предприятий деление их на снабженческие, сбытовые, обобществляющие только средства производства или производственный процесс в целом, носит условный характер. В реальной практике хозяйствования реализация кооперативных начал проявлялась значительно сложнее и разнообразнее. За редким исключением ассоциации мелких товаропроизводителей нельзя было отнести в чистом виде к одному из перечисленных выше разрядов. В.П. Воронцов, изучавший кооперацию мелких промышленников в конце XIX века, специально отметил это обстоятельство. «В других случаях, – писал В.П. Воронцов, – артельная работа является продолжением артельной покупки материала и ограничивается операциями подготовки последнего для данного промысла...»⁵⁰⁷

Кооперативная тенденция прокладывала себе дорогу, воздействуя на все стороны кустарного производства, порождая различные по продолжительности существования и сочетанию обобществляемых сфер деятельности коллективные объединения.

Не менее, сложным представлялся и набор организационных принципов кооперативного строительства. Как уже отмечалось, неординарность институционального строя ассоциации мелких промышленников заключалась в двойственной природе кооперации, представляющей собой переходную форму промышленного производства от его традиционных реалий (домашней промышленности, общинных предприятий, коллективной трудовой деятельности: артелей, общественных работ; всякого рода помочей и т.д.) к индустриальному устройству. Соответственно, внутреннее качество коллективных предприятий, в том числе и их организационные принципы, несли в себе черты, присущие как аграрному обществу, так и индуст-

риальной цивилизации. Именно этим обстоятельством объяснялась возможность рождения промышленной кооперации на основе промыслов, не утративших свою связь с земледелием. Появление же частнокапиталистических предприятий предполагало полную ликвидацию такой связи.

Необходимо отметить, что связь с сельским, хозяйством препятствовала концентрации промышленного производства как в кооперативной, так и частнокапиталистической формах. Однако, в отличие от капиталистической организации, кооперация, благодаря ее переходному положению, мирно уживалась с традиционной организацией общественного хозяйства.

Явившиеся результатом эволюции, кооперативные предприятия вобрали в себя все богатство черт предшествующей хозяйственной строя.

При этом дошедшие из глубин веков артельные образования играли в этой связи особую роль. Выработанные многовековой традицией нормы артельного устройства, переходя из поколения в поколение, составляли основу постепенно трансформирующихся организационных принципов кооперативных ассоциаций мелких собственников. Преимущество последних традициям наиболее последовательно отразилась в сохранении ими нравственного содержания. Объединения кустарей несли в себе облик патриархальной семьи, заботившейся не только о материальном благополучии, но и моральном состоянии своих членов. Не мог не заметить этой особенности посетивший в 70-е годы XIX века артель грабарей (землеустроителей) А.Н. Энгельгардт. Коллективы грабарей, в силу особого мастерства кустарей и большого рыночного спроса на их труд, приобрели в пореформенное время особую популярность. «Человек может быть мошенник, пьяница, злодей, кулак, подлец, как человек сам по себе, — отмечал в своем письме, опубликованном в 1879 году в «Отечественных записках» А.Н. Энгельгардт, но, как артельный грабарь он честен, трезв, добросовестен, когда находится в артели». «В артели грабары всегда отлично ведут себя, ни пьянства, ни буйства, ни воровства, ни мо-

шенничества. Артель не только бдит за своими членами, но оберегает от всяких подозрений свою добрую славу»⁵⁰⁸. По свидетельству А. Исаева, «ссоры, брань, игра в карты» категорически запрещались в биржевых артелях⁵⁰⁹. Непременным правилом: «не пить, не бражничать, друг друга не покинуть» были скреплены артели кузнецов⁵¹⁰. Кооперативные коллективы, как правило, складывались на основе уже существующих общностей односельчан так, что «каждый приблизительно был знаком с нравственными качествами своих соседей; каждый был уверен, что в общем деле можно скорее положиться на односельца, чем на людей чужих»⁵¹¹.

Помимо этических норм поведения, родственная связь кооперативов с традиционной организацией проявилась в живучести на артельной почве принципа круговой поруки, уходящего вглубь средневековой истории Руси. Древние акты подряда содержат записи о взаимной ответственности артельщиков. В одном на них говорится: «Все мы, подрядчики и каменщики, поручились семи друг за друга круговой порукою». Обязуясь исполнить работу «самыми добрыми материалами... и оттого каменного дела никуда не отойти»⁵¹². Несмотря на то, что круговая порука становилась препятствием рыночному развитию кооперативных форм организации кустарной промышленности, требующего стоимостного выражения личного трудового и имущественного вклада каждого, ее широкое присутствие обнаруживалось в практике союзов мелких товаропроизводителей вплоть до конца XIX – начала XX веков. Особенно часто взаимная ответственность востребовалась в случаях необходимости обеспечения гарантий при кредитовании. Причем инициаторами ее установления зачастую являлись крупные капиталисты или учреждения, видевшие в сохранении круговой поруки залог возвратности займов и исполнения обязательств кооперативами⁵¹³.

Вместе с тем, модернизация крестьянских промыслов все более сокращала пределы применения традиционной организации, в том числе и принципа круговой поруки, что позволило корреспонденту «Русской мысли» в 1889

году заметить: «Однако, значительная доля мирской справедливости, положенная в основу этих правил, в настоящее время существует только на бумаге»⁵¹⁴. Аналогичным образом складывались обстоятельства относительно других традиционных установлений. Попадая в сферу доминирования товарно-денежных отношений, кооперация, изначально включавшая в себя родовые черты аграрного общества, постепенно утрачивала их или испытывала основательную трансформацию. Так, например, возникший в глубокой древности обряд создания трудовых коллективов, унаследованный коллективами конца XIX в., заменялся формальным письменным договором, а после принятия соответствующих законов, государственной регистрацией. В отличие от кооперации буржуазной эпохи, рождение артелей не требовало каких-либо формальностей. Ведь их возникновение происходило «на миру», в условиях уже сложившихся общинных коллективов. Вот как выглядела традиционная процедура образования союзов: члены будущего предприятия собирались в доме предполагаемого «атамана», «зажигали свечу перед образом, молились Богу, целовали икону и пили вино. После этого артель считалась сложившейся: на отступление кого-либо из участников смотрели как на большой грех»⁵¹⁵.

В кооперативах рубежа XIX и XX столетий на смену устному «ряду»⁵¹⁶ приходит письменный договор с подробным разъяснением всех внутрикооперативных правил. Такая метаморфоза была связана с изменением самого характера взаимоотношений членов объединений, учитывающим стоимостные реалии хозяйственной деятельности⁵¹⁷.

Дальнейшее кооперативное строительство в условиях рынка обусловило внедрение европейского опыта уставных взаимоотношений кооператоров. Специальным документом, определявшим все стороны жизни ассоциаций, становился устав обществ.

При этом заметим, что легитимизация уставов в промысловой кооперации России была связана с общественной и государственной инициативой насаждения

кооперативных объединений с целью предотвращения пауперизации кустарно-ремесленного населения в конце XIX века. В отличие от артелей, имеющих многовековую историю, где превалировало «влияние обычая», замечал А. Исаев, «те группы артелей, которые образовывались сравнительно недавно, являются гораздо более сложными формами. И применение артелей в тех отраслях труда, где они ранее не имели места, и участие в их создании сторонних лиц и общественных учреждений, и установившегося воззрения на артели нового наслоения, отсутствие обычая заставляло при образовании каждого союза этой последней группы к точному регулированию как существенных черт, так и частей жизни артели. Явилась надобность начертать в каждом отдельном случае устав, который предусматривал бы все подробности жизни в артели, который точно обозначил бы и порядок возникновения союза, и условия участия в нем, и обстоятельства, ведущие к его расторжению»⁵¹⁸.

Двойственный характер кооперативных союзов проявлялся также в порядке формирования и использования коллективной собственности. Кустарно-ремесленная кооперация конца XIX – начала XX веков несла в себе черты преемственности материальному нивелированию, господствовавшему в средневековых коллективных объединениях. Практическое отсутствие отличий во вкладе артельщиков в совместную трудовую деятельность, наибольшая ценность простого физического труда в складывающихся на ранних этапах исторического прошлого союзах, определили уравнительный принцип в распределении совместно созданных материальных благ⁵¹⁹. Равенство в формировании общей собственности и наделении доходами сохраняли свою роль, хотя и в значительно ограниченных пределах, в кооперативном строительстве второй половины XIX века.

По понятным причинам, уравнительное распределение результатов труда имело более широкое распространение в традиционных артелях добывающих отраслей, имеющих давнюю историю⁵²⁰. Вместе с тем, быстро меняющаяся экономическая реальность неизбежно вносила

свои коррективы в патриархальный уклад коллективных предприятий.

Для уяснения изменений в организации кооперативов, вызванных влиянием рынка, воспользуемся примером артелей, возникших задолго до того, как товарно-денежные отношения стали определять тенденцию концентрации мелкого производства, наименее восприимчивых к модернизации. Уже приводимые письма А.Н. Энгельгардта содержат на этот счет интересное замечание о том, что вопреки обычаю, в коллективах грабарей «вся работа производится в раздел... и каждый получает по количеству им выработанного» (выделено – А.Н. Энгельгардтом). «Вообще согласие в артели замечательное, и только работа производится в раздел, причем никто никогда друг другу не помогает, хоть ты убейся на работе»⁵²¹. Специально исследовавший внутренний строй российских артелей А. Исаев, на основе анализа большого фактического материала, выделял три способа раздела совместно полученного кооперативного дохода: «Первый способ раздела дохода есть раздел его на доли, абсолютно равные. Мы находим этот порядок в очень многих из наших старинных артелей».

Второй способ, практикуемый в коллективных ассоциациях, раздел «на исправные доли, обуславливаемый неодинаковым участием членов в общих работах или неодинаковой оценкой специальных обязанностей, лежащих на отдельных участниках». И третий способ, когда неравный раздел дохода был связан с отличием в паевых взносах⁵²².

Рудиментом, доставшимся от артельного прошлого, являлся, имевший место в рассматриваемый период, натуральный паевой взнос кооператоров. «В артелях старинного происхождения, слагающихся в деревнях, – писал А. Исаев, – взносы членов делаются частью в натуральной форме, частью в денежной»⁵²³. «В артелях более нового происхождения преобладают денежные взносы, хотя и натуральные не устранены: так, в Петербургской столярной артели каждый член должен внести в артельный магазин мебели на 50 рублей»⁵²⁴. Паевые взносы на-

зывались «вкупом», «вкупными деньгами», «новизной». Выплата всей суммы пая рассрочивалась на несколько лет. Непосредственно при вступлении в кооператив, мастера платили «передовые деньги»⁵²⁵.

Источники конца XIX – начала XX вв. говорят о том, что кооперативные союзы кустарей, за редким исключением, не преодолели принцип равенства в формировании совместного имущества и капитала. Как правило, промысловики вносили одинаковые суммы в кооперативное дело. Интересно заметить, что кустари, не обладавшие необходимыми средствами, участвовали в кооперативах, имея всю полноту прав, как и те члены, которые внесли необходимую сумму, за вычетом права на доход от пая, и не являлись в полном смысле наемными рабочими по образцу пролетариев капиталистической фабрики⁵²⁶. Кстати заметить, что это обстоятельство так же подчеркивало переходное положение кооперативной организации и ее отличие от капиталистической, где социальная поляризация труда и капитала достигала радикальных пределов антагонистического противоречия. «Признавая в своей юридической жизни абсолютное равенство членов, – писал А. Исаев, – отводя каждому в деле правления такую же совокупность прав, как и всем остальным, артель в своих экономических отношениях руководствуется наличием относительного равенства. Артель стремится к тому, чтобы все члены исполняли в экономической жизни союза одинаковые обязанности и, поскольку такая цель достигается, постольку все участники пользуются равными правами при распределении выгод, проистекающих из артельного предприятия. Равенство обязанностей в экономической жизни союза проявляется в том, что каждый член посвящает артели столько же сил, как и все его сотоварищи. А под силами в широком смысле слова всегда разумеется и труд, который член посвящает на служение артели, и те имущественные взносы, которые он вносит в общий капитал»⁵²⁷.

Дуализм социальной природы промысловой кооперации отражался в содержании и тенденциях трансформации руководящих органов кустарных союзов.

Общее направление, в русле которого менялось существо функций управления коллективными предприятиями, характеризовалось, во-первых, выработкой механизма кооперативной демократии; во-вторых, приобретением профессиональных черт.

Демократия патриархальных коллективов, черты которой легли в основу институциональных начал кооперации товаропроизводителей, проявлялась в делегировании власти выборному предводителю и безусловной его поддержке; полномочия всего общества как бы отходили на второй план. К концу XIX века в большинстве кооперативных ассоциаций главным органом управления становится общее собрание. Вот, что по этому поводу писал А. Исаев, делавший вывод на основе глубокого анализа реалий кооперативного строительства: «Органом распорядительной власти служит общее собрание (выделено – А. Исаевым) членов артели. Ознакомясь с жизнью отдельных артелей, мы видим, что хотя юридический центр тяжести управления союзом лежит в общем собрании, однако фактически оно нередко передает свою распорядительную власть должностным лицам, прежде всего мы находим это среди древнейших артелей». «Весьма вероятно, что и в других простейших артелях права общего собрания дремлют. И это объясняется патриархальностью отношений между членами... Такой порядок не может иметь место в артелях с более сложными оборотами, многочисленных, где союз волей-неволей должен быть на стороне своих должностных лиц. В этих артелях мы и находим правильные общие собрания с точно определенными функциями»⁵²⁸.

К компетенции общего собрания кооператоров относились все основополагающие вопросы внутреннего устройства объединения: создания и ликвидации, прием новых членов, организация взаимной помощи, наказания, поощрения, исключения и т.д.⁵²⁹ Но даже в кооперативах конца XIX века все эти процедуры имели патриархальную окраску. Для иллюстрации приведем пример описания акта приема в члены кооператива. «Если вступающий хорошо известен нескольким артельщикам, – писал знаток

кооперативного быта конца XIX века Немиров, – то его может принять и малое собрание «у образа». После общей молитвы вступающий подпиской обязуется повиноваться правилам артели; за несовершеннолетних подписку дают их поручители. Затем вступающий вносит артельному старосте деньги, которые и отмечаются в особой вкупной книге вместе с именем, отчеством, фамилией вскатившего и т.д. Прием заканчивается угощением»⁵³⁰. Другие мероприятия и заседания общего собрания также имели большее сходство с семейными ритуалами, нежели с официальной процедурой управленческого органа. «В артелях лесорубочных расправу над виновным учиняет вся артель, – писал о наказаниях в кооперативных объединениях Печерский, – стоит ему (старшому) слово сказать, артель встанет, как один человек, и такую вставку задаст послушнику, что в другой раз не захочется дурить»⁵³¹.

Одним из показателей незавершенности процесса складывания собственно кооперативного качества коллективных предприятий являлось, помимо наличия уже описанных традиционных черт, отсутствие сложившихся структур контроля за действием исполнительного руководства. Заметим, что ревизионные комиссии, встречающиеся в организационной практике промысловых кооперативов конца XIX века, были исключительно результатом усилий сторонних: общественных и государственных учреждений. Описывая организационное развитие кооперации в это время, А. Исаев писал: «Большинство наших артелей не имеет особого органа для контроля. Артели древнего происхождения не нуждаются в нем, главным образом потому, что они или малочисленны или же вся деятельность должностного лица происходит на глазах всей артели, наконец, часто эта деятельность настолько не сложна, что добросовестное исполнение обязанностей старостой, равно как и злоупотребления, могут быть замечены без труда». Однако усложнение внутрикооперативного учета, увеличение объема внешних экономических связей, появление в силу этого возможности злоупотреблений, привело к возникновению лишь «первичной формы контроля» «в лице писаря»,

осуществлявшего контроль за старостой⁵³², «ведение артельных книг, приготовление счетов хозяевам»⁵³³.

Адекватной реакцией на углубление рыночных отношений, вносивших дополнительные трудности в осуществление руководства кооперативными объединениями, стало изменение характера выборной исполнительной власти кооперативов. Предводители коллективных предприятий аграрного общества («атаманы», «старосты», «рядчики») были равными среди равных, не только «де-юре», но и «де-факто», и делили с другими членами артелей все тяготы труда, получая за свое «особое» положение лишь мизерное вознаграждение (и, то с согласия остальных компаньонов). Так, А.Н. Энгельгардт упоминает о 5–10 копейках с заработанного рубля «лапотных денег», полагавшихся старшему за «хождение приисканием работы»⁵³⁴. «Такой староста «большак», «уставщик», не всегда утверждается в своей должности распорядителя прямым, формальным избранием, – писал В.П. Воронцов, – иногда это делается как-то само собой. Так, в артелях углекопов, дроворубов и пильщиков староста выдвигается сам собой из числа лиц, выдающихся по уму или ловкости и терпеливости характера; благодаря названным качествам к обладающему ими лицу обращаются за советом или за указанием прочие члены артели, и понемногу он становится как бы избранным молчаливым соглашением старостой, и исполняет все функции последнего. Не оправдавший ожидания артели также молчаливо лишается своего сана, и на его место выдвигается кто-либо другой»⁵³⁵.

По мере становления кооперации в качестве полноправного субъекта товарного хозяйства, функции и положение части ее руководителей становились иными. На них возлагался комплекс непростых обязанностей, во-первых, «внешнего сношения», «во-вторых, руководство работою артели; назначение порядка работ, распределение последних между членами артели, исправление сделанных кем-либо ошибок», заведование «хозяйственной частью»⁵³⁶. А, самое главное, староста кооператива наделялся полномочиями «быть юриди-

ческим представителем». Зачастую эта новая функция руководителей специально закреплялась письменным договором, регистрируемым в волостном правлении⁵³⁷. Соответственно увеличивался размер вознаграждения управленческой деятельности.

Например, в строительных артелях конца XIX века за исполнение своих обязанностей староста получал «от артели 20–30 рублей сверх своего пая», а «если он человек грамотный и умеет разбираться в архитектурских планах», то оплата его труда увеличивалась «еще рублей на 30»⁵³⁸.

Таким образом, анализ внутреннего строя кустарно-ремесленных кооперативных предприятий России конца XIX – начала XX веков убеждает в эволюционном характере генезиса коллективной формы концентрации мелкого промышленного производства.

Наличие в промысловой кооперации, в чистом виде, признаков традиционной организации свидетельствовало о больших резервах ее эволюционного роста, и возможности дальнейшего развития кооперативных процессов.

Вместе с тем, нельзя представлять кооперацию универсальной формой, одинаково функциональной как для переходной эпохи, так и для индустриального этапа развития экономики. Кооперация, в силу институциональных черт, приобретенных ею от аграрного общества (например, преобладающей роли субъекта – человека с его умениями и навыками), ее могла преодолеть, вызванного механизацией, ущемления значения живого труда и безграничного обобществления производства, явно противоречащего групповым интересам. Так, А. Исаев, для которого кооперация являлась предметом специального научного поиска, говорил «о безграничной применимости артелей (исключительно. – В.Е.) **в промыслах, не требующих сколько-нибудь ценных орудий производства...** (выделено – В.Е.)»⁵³⁹, а профессор Э.Р. Вреден в своей работе «Курс политической экономии» утверждал, что увеличение числа участников кооперации ведет к тому, что будет «нарушено экономическое основание артели – непоколебимость круговой поруки»⁵⁴⁰.

В индустриальной цивилизации объединения промысловиков должны были занять место, обеспечивающее существование, гарантирующее сохранение видовых черт или пройти новый виток концентрации уже на ином, более сложном качественном уровне. Однако практика насаждения капиталистических порядков прервала интенсивно развивающуюся эволюцию кооперации в мелком промышленном производстве.

Капиталистическая индустриализация, начавшаяся с быстрого роста железнодорожного транспорта, охватила все стороны экономической жизни (финансы, кредитную и банковскую сферы, промышленные отрасли, обеспечивающие военную мощь державы, и строительство железных дорог, инвестиционную политику и т.д.) и, как следствие, революционизировала экономический строй страны в целом.

В настоящем сочинении не ставится цель дать сколько-нибудь полное освещение такую сложного и многогранного явления, как российская капитализация второй половины XIX – начала XX веков. В данном случае нас интересуют лишь ее результаты, проявившиеся в кустарной промышленности и повлиявшие на ход эволюционного развития последней. При этом мы отдаем себе отчет в различной природе таких явлений, как капиталистический уклад, сформировавшийся несмотря на крепостнические препоны, и явившийся таким же закономерным плодом эволюции, как и кооперация и капиталистические образования и структуры, возникшие по воле правящей администрации.

Капиталистическая индустриализация, напрямую воздействующая на хозяйственный строй кустарей, направила кооперативную эволюцию промыслов в виды труда, неспособные воспринять без ущерба качества продукции, черты свойственные крупномасштабному производству; отрасли, не требующие больших инвестиций, и регионы, где в силу отсутствия транспортных коммуникаций, концентрации промыслового населения или достаточной сырьевой базы не сложились благоприятные условия для освоения капиталом. Напротив,

наиболее активному внедрению буржуазных отношений подверглись отрасли кустарного производства, профиль которых обуславливал их конкуренцию с крупной индустрией и объективно предопределял переход к масштабной технологии.

Резкий рост производства, стимулируемый финансовыми вливаниями правительства, сократили экономическое пространство кустарной промышленности. Фабрика вытесняла из отраслей, адекватных техническому перевооружению. Так, например, к началу XX века в Московской губернии почти полностью исчезло кустарное миткалевое ткачество, в то время как в конце 70-х годов XIX века 80% изготовленной ткани приходилось на крестьянские светелки и избы. Уже к 80-м годам в Можайском уезде количество мелких мастеров уменьшилось втрое. В Дмитровском уезде за тот же период количество ручных мастерских сократилось со 158 до 27. По словам земского санитарного врача А.В. Погожева, «мелкой промышленности из года в год становится все труднее бороться с механическими фабриками, работающими и дешевле, и быстрее ручных ткачей»⁵⁴¹.

«Описывая кустарное производство в разных губерниях, – писал в записке о льно-прядельно-ткацком промысле С.Е. Мерзеевский, – все исследователи указывают на упадок льно-прядельно-ткацкого производства, и как на единственную причину такого упадка указывают на устройство больших механических льно-прядельно-ткацких фабрик»⁵⁴².

Во второй половине XIX в., независимо от развития кооперации как хозяйственного уклада мелкой промышленности, стало активно развиваться движение в ее поддержку – кооперативное движение, в которое включилось в том числе государство.

Государственное вмешательство в кооперативное движение, обусловленное, во-первых, стремлением к регулированию процессов имущественного расслоения кустарей и ремесленников, во-вторых, попыткой использовать ресурс кустарной промышленности в решении государственных задач, особенно в военное время и, в-третьих, же-

лением оградить кооперацию, как достаточно массовую организацию от влияния революционных настроений.

Со второй половины 60-х годов «идея артели, в применении к различным сторонам народной хозяйственной деятельности, становится любимой темой рассуждения и литературы, и собраний ученых сообществ, и частных кружков». И, «вместе с тем, являются попытки практического ее применения, при посредстве интеллигенции, в тех отношениях, в которых самим народом она не применялась, и в тех новых формах, которые выработаны практикой более образованных народов»⁵⁴³.

В 1859 г. в «Современнике» была напечатана статья Н.А. Добролюбова «Роберт Оуэн и его общественные реформы», а 1862 г. ознаменовался выходом брошюры Л. Милорадовича «Артели рабочих для основания фабрик или мастерских (ассоциаций)». Под влиянием идей П.Г. Чернышевского, содержащихся в романе «Что делать?», последователями одного из первых русских профессиональных революционеров И.А. Ишутина (1840–1879) в Москве были созданы на принципах ассоциации переплетная (осень, 1864), швейная (февраль, 1865) мастерские, ватная фабрика в Можайском уезде (октябрь, 1865)⁵⁴⁴.

Организационное оформление кооперативного движения состоялось осенью 1871 года утверждением Министерством финансов при Московском обществе сельского хозяйства Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, «центром активности которого стало ее Петербургское отделение...». Петербургское отделение Комитета добилось права издавать книги и по теории и практике кооперации, собирать и распространять сведения, содействовать учреждению товариществ и ходатайствовать об их нуждах перед правительством⁵⁴⁵. «Комитет стал научно-организационным центром кооперативной мысли и содействия созданию новых товариществ» не только кредитной, но и кустарно-ремесленной кооперации⁵⁴⁶.

Чрезвычайно важной представляется необходимость несколько подробнее остановиться на теоретических взглядах первых кооператоров, так как именно они в

большей степени, нежели практика хозяйствования, определяли характер и содержание кооперативного движения и не всегда адекватно отражали процессы, протекавшие в мелкотоварном производстве, а точнее не отражали их вовсе.

Оторванность сподвижником кооперативного дела от реальных условий российской действительности отмечали сами кооператоры. «Блуждая по совершенно неизвестной почве экономических условий труда в России (здесь и далее – выделено В.Е.), вместе с тем, поражаемые бросающейся в глаза нищеты народа, – писал А.В. Яковлев, – люди, желающие помочь народу, естественно не могли почерпнуть чего-либо, вытекающего непосредственно из действительных условий жизни. Они должны были искать средства на аналогичной почве других стран, более разработанной и дающей готовые материалы...»; «мы стали наполнять журналы описаниями успехов ассоциаций на Западе...»

«Сколько ни появилось в литературе статей и даже отдельных сочинений, мы нигде не найдем указаний на необходимость изучить условия нашего экономического быта, нигде не найдем экономического исследования развивающегося самобытно артельного начала. Мы поверили на слово и сделали введение форм западноевропейской ассоциации в русскую жизнь целью своих стремлений». «Вопрос об ассоциациях спутался до того, что в большинстве публики, черпающей свои познания из журнальных статей, сложился взгляд, что вопрос об ассоциациях есть вопрос, скорее, политический, чем экономический»⁵⁴⁷. Нельзя сказать, что отечественные светила кооперативной мысли совершенно не замечали реально существующие коллективные объединения мелких товаропроизводителей, скорее, наоборот⁵⁴⁸. Однако адекватному осмыслению их институционального качества препятствовала априорная заданность понимания сути кооперации, обусловленная перенесением на российскую почву европейского опыта кооперативного движения, в котором последняя давно приобрела политическое звучание и получила статус орудия борьбы с неизбежной

пауперизацией. Не пытаясь определить действительное место и роль кооперативных предприятий в эволюции хозяйственного строя страны, отечественные кооператоры, вслед за западными единомышленниками, безапелляционно перенесли вопрос о кооперации в плоскость социально-политического противоборства с надвигающимся капитализмом. «Кооперация рассматривалась как своеобразный институт воздействия на экономическую, социальную и духовную жизнь народа, – справедливо замечают Н.К. Фигуровская и Б.И. Подколзин, – с целью уменьшения тягот, возникающих в связи с форсированным развитием в стране капиталистических отношений в пореформенную эпоху...»⁵⁴⁹

В связи с этим деформировалось видение качественных черт кооперативных организаций. По мнению одних, артели и товарищества являлись не результатом внутренней эволюции мелкотоварного уклада, а сущностями, возникающими из необходимости «сгруппирования личностей для противодействия неблагоприятным экономическим условиям (в России второй половины XIX в. это стихия капиталистического рынка), то есть необходимость самозащиты»⁵⁵⁰. По мнению других, возникновение кооперативных ассоциаций являлось следствием «способности капитализма к саморегуляции («в самом себе заключать средства к исцелению»⁵⁵¹). Причем «благотворные действия благосостояния, порожденные ассоциацией», на их взгляд, «не только приносят прямую пользу тем личностям, на которые они непосредственно действуют, но и распространяются на все общество...»⁵⁵². По мнению третьих, коллективные ассоциации должны были стать средством материальной реабилитации пролетариев и их трансформации в «самостоятельных предпринимателей»⁵⁵³.

Особая симпатия общественного мнения к организационной форме, представляющей возможность противостоять злу капитализма, превратила кооперацию в предмет политических манипуляций различных партий и течений. И без того достаточно выпуклая социально-политическая ориентация кооперативных начинаний стала

одной из доминант, прослеживающейся на протяжении всей дореволюционной истории движения кооператоров. «Сила, заключающаяся в ассоциации, – писал в 1872 г. А.В. Яковлев, – конечно, не могла быть не замечена в борьбе различных политических и религиозных партий. Желание приобрести поддержку в этой силе было причиной того, что каждая партия притягивала к себе ассоциацию, и, соответственно, своим специальным целям вводила в нее те чуждые ассоциации элементы, которые обращали ассоциацию в послушное оружие той или другой идеи. Ассоциацией не пренебрегали ни клерикалы, ни радикалы, ни феодалы, ни самые умеренные либералы. Результатом этого вышло то, что ассоциация сделалась орудием для проведения тех или других воззрений; педагогическому элементу придано было значение непрременной принадлежности ассоциации; развивающее педагогическое значение ассоциации поставлено выше их значения экономического, некоторые дошли на этом пути до абсурда, утверждая, что, если б ассоциация даже вредила экономическому быту рабочего, то и тогда она полезна как учреждение воспитывающее»⁵⁵⁴.

Искусственное насаждение кооперации (а этот факт не вызывал сомнений даже у самих кооператоров)⁵⁵⁵, обуславливало теоретическую полемику вокруг двух главных вопросов: «Следует ли ограничиться пропагандой идей ассоциации и уповать на «русскую артельность» или необходимо оказывать процессу кооперирования материальную и законодательную поддержку?»; «Если продвижение западноевропейского опыта кооперирования на российскую почву требует материального содействия, то откуда должны поступить средства на эти благие дела?». Понятно, что даже искусственное стимулирование закономерно появившегося и развивающегося (а не умирающего) уклада не ставит вопрос о поиске ресурсов так остро, как попытка привнесения в далеко неблагоприятную хозяйственную реальность, фактически инородной структуры, поэтому выше обозначенные темы не выходили, вплоть до Октября, из числа наиболее злободневных.

Позиции первых кооператоров по вопросам сторонней помощи кооперации были прямо противоположны. На-

пример, в отличие от Н.П. Колюпанова, приверженца принципов «невмешательства» и «самопомощи», А.В. Яковлев считал государственное, земское и общественное содействие обязательным⁵⁵⁶. Не без основания, необходимым условием развития товариществ Э.Р. Вреден считал законодательное оформление новой общественной структуры⁵⁵⁷. Тернер Ф.Г. полагал содействие кооперации обязанностью «высших классов», которые «совета́ми, своей прямой деятельностью, наконец, даже участием своих материальных средств» «могут дать первый толчок подобным учреждениям, вызвать их к жизни»⁵⁵⁸. Однако уже первые робкие шаги нарождающихся «новых» союзов убеждали в невозможности серьезной работы по «насаждению» кооперации без материальных и организационных стимулов извне.

Отрывая кооперацию от конкретно-исторических условий ее возникновения и развития, первопроходцы-кооператоры наделяли коллективные объединения несвойственными им качествами. Одним из таких качеств, по замыслу теоретиков, был универсальный характер артелей и товариществ якобы позволяющий им успешно справляться с любой исторической миссией. Например, вопреки действительному предназначению кооперации (переходной ступени от аграрной к индустриальной цивилизации), ей приписывались возможности адекватные законченным формам модернизации (фабрикам). «При невозможности превратить опять фабрику в ремесло, — писал Ф.Г. Тернер, необходимо (через кооперацию. — авт.) — поднять ремесло до значения фабрики»⁵⁵⁹.

Такая позиция была вполне оправдана, стремление актуализировать кооперативные изыскания в условиях, когда самой насущной хозяйственной задачей страны являлась ускоренная индустриализация, а почва для кооперативной парадигмы развития мелкою производства, по выражению Н.К. Михайловского «убывала с каждым днем».

Идеалом устремлений большинства энтузиастов кооперативного движения, вопреки логике, выработанной естественным ходом кооперирования, был союз

трудящихся в его «высшей» форме – производственной ассоциации. И это понятно. Ведь только полная коллективизация в наибольшей степени гарантировала от пагубного влияния рыночной стихии. «Мечта о возможности пересоздания общества по заранее начертанному плану возвела производительную ассоциацию в генеральский чин...»⁵⁶⁰.

А так как кооперация, согласно теоретических построений, являлась следствием созидательной деятельности наиболее передовой части общества, то участие в высших формах кооперативных объединений (в связи с отсутствием необходимых качеств, выработанных предшествующей хозяйственной практикой) предполагало «подготовление, нравственное перевоспитание обыкновенного работника»⁵⁶¹, в простейших ассоциациях, являющихся «подготовительной, переходной формой к дальнейшему развитию кооперативного движения, которое стремится к кооперативному производству»⁵⁶². Примат производственных форм кооперации, как и их деление на простые и сложные, низшие и высшие, введенные в практику кооперирования и научный оборот на заре кооперативного движения, определяли взгляды многих поколений ученых, государственных и общественных деятелей.

В это же время сложился другой вредный стереотип: представление о кооперативных союзах как об объединениях малоимущих слоев населения. Кстати заметить, именно иная, нежели предполагалось, социальная направленность первых «насажденных» товариществ привела к разочарованию многих деятелей артельной стези. Вот что по этому поводу писал знаток истории земств Б.Б. Веселовский: «Задаваясь целью прийти на помощь менее состоятельным элементам деревни, земства не уяснили себе, в какой мере эта задача могла быть осуществлена. Когда же выяснилось, что товарищества идут на пользу, главным образом, состоятельным элементам деревни, в земских кругах – наиболее интересовавшихся товариществами – наступает разочарование»⁵⁶³.

В надеждах участников кооперативного движения, призванных выполнить роль средства борьбы с паупери-

зацией, кооперация изменила социальный объект своего применения. Усилия энтузиастов общественной организации хозяйства, как и их теоретические предпосылки, были направлены в сторону пролетарских масс трудящихся, лишенных собственности, объединение которой закономерно составляло основополагающий принцип кооперации. «Выдающиеся потребности бедного населения, – писал А.В. Яковлев, – и существенная необходимость группироваться в ассоциации и артели, были, конечно, причиной того, что на самую ассоциацию стали смотреть, как на форму, служащую специально бедному, а в некоторых случаях даже одному рабочему классу»⁵⁶⁴.

«Бескапитальность» членов предполагаемых артелей и товариществ, по мнению Э.Р. Вредена, делала обязательным сохранение принципа круговой поруки, в действительности изживающего себя с расширением товарности промысловых хозяйств⁵⁶⁵. Вслед за ним такой же точки зрения придерживался В.Ю. Скалон⁵⁶⁶. Кроме того, по причине малоимущего положения артельщиков последний считал необходимым воспользоваться новшеством западных кооператоров – запасным капиталом, формируемым кооперативами «на черный день для покрытия могущих быть убытков»⁵⁶⁷.

В таком виде, как это мыслилось отечественными кооператорами и как подсказывал европейский опыт, кооперация явно выходила за рамки экономической сферы. Ее новое содержание включало в себя политический, воспитательный и образовательный аспекты, представляя собой синтез разнородных и порой противоречивых идей и реалий. Такая противоречивость препятствовала ясному пониманию предмета настойчивых дерзаний интеллигенции. По отзыву одного из выдающихся кооператоров – пионеров Н.П. Баллина, даже сам центр отечественной кооперации – Комитет ссудо-сберегательных и промышленных товариществ во главе с князем А.М. Васильчиковым «никогда не был на высоте своего положения, и дело кооперации понимал смутно»⁵⁶⁸.

Таким образом, взгляды первых отечественных теоретиков кооперации, выработанные под впечатлением

достижений западноевропейских единомышленников и их сочинений, не являлись отражением объективного процесса кооперирования мелкого промышленного производства, и лишь на уровне внешней схожести соприкасались с предшествующим опытом развития промысловой кооперации России. Так же, как в европейских странах, переживающих ускоренную капитализацию, отечественные идеи кооперации приобрели широкое звучание тогда, когда их содержание опосредовалось условиями, ставящими перед обществом задачу противодействия надвигающейся стихии капитализма, что не могло не проявиться в отличном от реальности отражении общественным сознанием места и роли кооперативных предприятий.

Не умоляя и не преувеличивая заслуг первых кооператоров и их теоретических воззрений, заметим, что они искренне служили делу прогресса российского общества, и в силу особой ментальности русского народа приобрели широкое сочувствие масс.

Помимо академических дискуссий и полемики на страницах периодических изданий, кооперация стала идеей, вдохновлявшей земских специалистов и меценатов. Благодаря их усилиям в кустарной промышленности стали насаждаться кооперативы, воплощавшие в себе надежду на их абсолютную универсальность и благоприемлемость для любых ситуаций и всех категорий мелких промышленников. Оторванность кооперативного движения от реальных потребностей кустарных хозяйств проявлялась во всем: в утопичности и абсолютизации кооперативной парадигмы развития мелкого производства, возложении на кооперацию не свойственных ей функций политической консолидации мелких собственников. На практике этот же недостаток проявлялся в насаждении кооперации «сверху», в несоответствующих формах и даже там, где отсутствовали реальные потребности обобществления предприятий кустарей. Не трудно представить, то большинство из «привнесенных» в кустарную среду кооперативных объединений оказывалось нежизнеспособными. Так, например, дело снабжения кустарей

сырьем было поручено первому «кустарному кооперативу» Московской губернии – Вяземскому потребительскому обществу, созданному в 1899 году. Признавая основой правильной организации кустарной промышленности развитие кооперации губернским земством, было поручено потребительскому обществу несвойственная ему функция – закупка корзиночного материала и продажа его кустарям. Прежде эта операция велась существующей здесь корзиночной учебной мастерской Московского губернского земства.

Деятельность Вяземского общества начала развиваться чрезвычайно успешно, а вслед за ним начали образовываться и другие артели, сначала сырьевая с потребительскими при них лавками (Хлевинское, Собакинское), затем складочно-сырьевая (Кленовская артель), а потом и производительная. Всего в Московской губернии были открыты и существовали в 1890-х гг. 28 кооперативов.

Многие кооперативы, создание которых по инициативе земства санкционировали власти, вследствие незаинтересованности кустарей так и не начали своей деятельности⁵⁶⁹.

Хлевинское потребительское общество не просуществовало и пяти лет, Кленовская артель действовала только три года, Уваровское потребительское общество – 2 года, Петровское общество функционировало всего год. Назарьевское общество не приступило к деятельности. Убыток уездных земств в связи с ликвидацией кооперативов составил 10 тыс. руб.⁵⁷⁰

Однако приведенные данные выявляют поразительное обстоятельство: 17 обществ из 21, действующего в кустарной промышленности на 1912 год, были созданы в течение двух последних, по отношению к этому году, лет, что вызывает справедливый интерес к причинам, побудивших активный рост кооперативного строительства в этот период.

Перечень кооперативов Московской губернии по датам их основания и закрытия⁵⁷¹

Название	Промысел	Местонахождение	Время основания	Время закрытия
1	2	3	4	5
Вяземское потреб. об-во с 1900 – склад. потр. об-во	плетение из прута, камыша и проч.	с. Большие Вяземы, Звенигородского уезда	22 октября 1899 г.	–
Хлевинское потреб. об-во	столярный	с. Хлевино, Серпуховского уезда	3 ноября 1902 г.	расп. в начале 1907 г.
Кленовская артель	шляпный	д. Кленово, Подольского уезда	– « –	прекр. в 1907 г.
Собакинское об-во	щеточный	д. Собакино, Звенигородского уезда	март, 1905 год	–
Уваровское потреб. об-во	щеточное	с. Уварово, Подольского уезда	май, 1905 год	прекр. в 1907 год
Марейнская артель	кроватьный	д. Марфино, Московского уезда	сентябрь, 1906 года	–

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
Петровская артель	паяльный	с. Петровское, Звенигородского уезда	январь, 1906 год	ноябрь, 1907 год
Клинская артель	слесарно-кузнечный	г. Клин	1906 год	1908 год
Зайцевская артель	картонажный	с. Зайцево, Звенигородского уезда	апрель, 1907 год	–
Назарьевское общество	счетный	с. Назарьево, Верейский уезд	20 декабря 1909 года	не приступили к деятельности
Федоскинская артель	живопись по папье-маше	д. Федоскино, Московского уезда	7 октября 1910 года	– « –
Артель «Кустарь-художник»	выжигание и раскраска по дереву	Сергиев-Посад, Дмитровского уезда	1 декабря 1910 года	– « –
Хотьковское об-во	столярно-резное	С. Хотьково, Дмитровского уезда	28 ноября 1910 года	– « –
Женская кукольщиц	кукольный	Сергиев-Посад, Дмитровского уезда	16 мая 1911 года	– « –

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
Бояркинское складское об-во	корзиночный	д. Бояркино	в апреле 1911 года	– « –
Бабенское складское потреб. об-во	токарный	д. Бабенки, Подольского уезда	5 июня 1911 года	– « –
Архангельская артель	счетный	с. Архангельское, Верейского уезда	25 января 1911 года	– « –
Тимониская артель	паникадильный	Д. Тимонино (потом Лукино), Верейский уезд	13 апреля 1912 года	– « –
Борисовская	паникадильный	Д. Борисово	30 ноября 1911 года	– « –
Ликинское складско-потребит. об-во	токарный	д. Ликино, Звенигородского уезда	в апреле 1912 года	– « –
Бабьевская артель	сусальный	д. Бабьево	24 мая 1912 года	– « –
Бабьевская артель	столярный	д. Бабьево	24 мая 1912 года	– « –

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
Филиповская артель	киотный	д. Филипово	17 августа 1912 года	– « –
Дмитровская артель	ткацкий	д. Дмитрово	1 сентября 1912 года	– « –
Телепневская артель	Столярно-резная	д. Телепнево	8 августа 1912 года	– « –
Шиховская артель	гитарный	д. Шихово, Звенигородского уезда	18 мая 1912 года	– « –
Дмитровская артель	столярный	д. Дмитрово	в июне 1912 года	– « –

Хлевинское потребительское общество не просуществовало и пяти лет, Кленовская артель действовала только три года, Уваровское потребительское общество – 2 года, Петровское общество функционировало всего год. Назарьевское общество не приступило к деятельности. Убыток уездных земств в связи с ликвидацией кооперативов составил 10 тыс. руб.

Однако приведенные данные выявляют поразительное обстоятельство: 17 обществ из 21, действующего в кустарной промышленности на 1912 год, были созданы в течение двух последних, по отношению к этому году, лет, что вызывает справедливый интерес к причинам, побудивших активный рост кооперативного строительства в этот период.

Дело в том, что именно с 1910 года начинает действовать фонд имени С.Т. Морозова, финансирующий кустарные кооперативы. Условия выдачи фондом ссуд кооперативам были намного более либеральными, чем условия кредитования, применяемые губернским земством⁵⁷².

Размер ссуд кустарным кооперативным объединениям с 1909 по 1912 гг. вырос за счет фонда им. С.Т. Морозова в 3,3 раза.

Показательно еще и то, что вплоть до 1907 г. в деятельности кооперативов преобладали операции по снабжению членов артелей сырьем, стимулирующие рост производства, а с 1907 г. преобладает устойчивая тенденция к преобладанию операции по закупке у кустарей готовых изделий. Скупка продукции артельщиков фактически выводила последних из сферы деятельности рыночных законов, консервировала технический застой и низкое качество кустарных изделий. В преобладании в сбыто-снабженческих операциях объединений мелких промышленников скупки изделий явно указывало на элитарный характер их деятельности, консервировавший традиционный строй крестьянских промыслов и, вследствие этого, не имевший перспективы.

Обращает на себя еще одно обстоятельство, просматриваемое из анализа данных таблицы. Среднее количество

членов, приходящихся на один кустарный кооператив, колебалось от 86 в 1901 году до 30 в 1912 году. Даже последний показатель позволяет сомневаться в самостоятельности кооперативных организаций, институциональное качество которых предполагало, чтобы каждый член коллектива полноценно участвовал в управлении предприятием и распределении прибыли, одним словом, был его совладельцем. Большая численность кооперативов препятствовала реализации этого институционального качества.

Институциональное качество кооперации, рожденной закономерным ходом развития кустарной промышленности, предполагало, прежде всего, обобществление мелкой собственности. Именно гармонизация труда и собственности определяла эффективность и социальную целесообразность кооперативной формы организации экономики.

В артелях и товариществах, рожденных «сверху», этот фундаментальный принцип кооперации не работал. Данные вышеприведенной таблицы показывают соотношение собственных паевых и заемных средств в большинстве кооперативов Московской губернии, созданных земством.

Институциональное качество кооперации, рожденной закономерным ходом развития кустарной промышленности, предполагало, прежде всего, обобществление мелкой собственности. Именно гармонизация труда и собственности определяла эффективность и социальную целесообразность кооперативной формы организации экономики.

В артелях и товариществах, рожденных «сверху», этот фундаментальный принцип кооперации не работал. Данные вышеприведенной таблицы показывают соотношение собственных паевых и заемных средств в большинстве кооперативов Московской губернии, созданных земством.

Финансовое состояние кустарных кооперативов⁵⁷³

Название кооператива		Число членов	На какое время приводятся отчетные данные	Имеется павое и специальное собственное капиталов	На какую сумму имеются заемных капиталов из губ. земства, местн. упр.	Стоимость собственных помещений	На какую сумму продано за отчетное время			Получено от торговых операций чистой прибыли (+) или убытка (-)
							материалов производ.	продуктов потребления	товара (готовых изделий)	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Вяземское общество	259	За год на 1 июля 3/х 1912 г.	32662,12	45561,00	18124,40	76725,02	47419,23	163744,47	+14256,86	
Назарьевское общество	100	За год и 3 м. на 3/х 1912 г.	2373,81	22878,66	3066,64	—	20621,97	39849,11	-1096,18	
Бабенское общество	48	За год на 17.11.1912	2182,31	12600,00	3719,44	—	10522,17	23925,42	+1373,87	
Ликинское общество	20	За 10 м. 25 д. на 25.11.1912	295,90	2999,00	—	269,39	189,56	3740,70	-74,58	
Итого	427	—	37514,39	83059,66	24910,48	76994,41	78752,93	231259,70	+15630,73 -1170,66	

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Хотьковское общество	15	За год и 21 д. на 21.11.1912	885,62	5035,98	1377,50	2970,12	-	16273,13	+1630,09
Бояркинское общество	16	За год и 13 д. на 1.12.1912	90,62	3464,81	386,27	2461,36	-	4088,45	-454,44
Зайцевская артель	18	За год на 16.02.1912	962,83	8195,80	-	228615 ^{1/2}	-	5137,16	+850,86 ^{1/2}
Сергиев-Посадская артель кукольщиков	10	На 28.10.1912	193,12	1400,00	-	1267,89	-	11504,83	+509,38
Дмитровская ткацкая артель	12	На 3.12.1912	39,65	2000,00	-	1104,64	-	410,40	+10,27
Шиховская артель	7	-	159,53	700,00	-	203,84	-	01,35	-36,64
Итого	78	-	2331,37	15796,59	1763,77	10294,00 ^{1/2}	-	37915,32	+3000,60 ^{1/2} -491,08

Складочные общества

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Марфинская артель	18	1 За год на 1.01.1912	1857,54	1849,75	756,44	22238,68	-	+1693,36	-
Федоскинская артель	14	25.11.1912	1414,79	6202,96	2514,36	643,15	-	9364,30	+820,63
Кустарь-художник	10	За год на 21.10.1912	327,86	2546,60	-	2224,70	-	7280,76	+365,02 1/2
Тимонинская артель	19	За 6 м. на 1.11.1912	1179,75	5000,00	2697,01	3892,34	-	7710,00	-15,80
Борисовская артель	8	За год на 8.10.1912	1109,70	800,00	857,75	3929,93	-	6493,50	-30,40
Бабьевская артель сусальщиков	9	За 6 м. на 5.12.1912	368,69	3050,00	-	3174,46	-	3777,90	+1,29
Архангельская артель	23	За год	757,25	5000,00	-	3556,10	-	10667,96	+25,57
Бабьевская столярная артель	13	6.12.1912	135,05	2900,00	1666,97	369,75	13-04	213,35	-111,57
Филипповская артель	10	За 3 м. 22 дн. на 8.12.1912	80,00	1000,00	-	452,77	204-52	1098,80	+1,38

Прочие водительные артели

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Телепневская артель	10	На 24.11.1912	181,17	500,00	-	373,92	-	602,52	-79,27
Сергиев-Посадская столярная артель	7	-	48,00	-	-	-	-	6712,48	+884,77
Дмитровская столярная артель	3	-	60,0	-	-	-	-	231,00	-
Итого	144	-	7519,80	18849,32	8492,53	40855,80	217,56	90404,99	+3792,02 _{1/2}
Всего	649	-	47365,48	102255,57	35166,78	128144,21 _{1/2}	78970,49	359580,01	+22423,36 -1898,78

В большинстве из них собственные ресурсы не достигали даже половины оборотных средств. Так, в Вяземском обществе собственный паевой капитал составлял 41,7% , заемный – 58,3% ; в Назарьевском, соответственно – 9,4% и 90,6% ; в Бабенском – 14,7% и 85,3% ; в Ликинском – 12,8% и 87,2% ; в Хотьковском – 14,9% и 85,1% ; в Бояркинском – 2,5% и 87,5% ; в Зайцевской артели – 23,1% и 76,9% ; в Сергиево-Посадской – 12,1% и 87,9% ; в Дмитровской – 1,9% и 88,1% ; в Шиховской – 18,5% и 81,5% ; в Марфинской – 50,1% и 49,9% ; в Федоскинской – 18,5 и 81,5% ; в артели «Кустарь-художник» – 11,3% и 88,7% ; в Тимонинской – 19,0% и 81,0% ; в Борисовской – 78,7% и 21,3% ; в Бабьевской – 10,7 и 89,3% ; в Филиповской – 2,9 и 07,1% и Теленновской – 26,5% и 73,5% .

Отчужденные от кооперативной собственности кустари не ощущали себя полноценными сохозяевами коллективного предприятия и рассматривали его в узкоэгоистических целях получения выгодных условий сбыта, снабжения или кредита. В любом случае, создаваемые артели и товарищества были чужеродными образованиями в кустарной промышленности и хозяйственном укладе кустарей.

Такое положение насаждаемых земством кооперативов усугублялось в том случае, если в них преобладали представители полупролетарских слоев промысловиков, уже лишившихся необходимых качеств коммерческой сметки и предприимчивости.

В создаваемых земствами кооперативах кустарей привлекала возможность переложить со своих плеч на земство сложные задачи изыскания оборотных средств и организации снабжения и сбыта. Безусловно, для решения этих проблем земство располагало куда более репрезентативным потенциалом, нежели отдельные промысловые хозяйства.

**Количество готовых изделий кооперативов кустарей,
реализованное через Кустарный музей в 1912 году⁵⁷⁴**

Название кооперативов	Продано изделий за отчетное время всего на сумму		В том числе поставлено в Кустарный музей		% товара, поставленного в Кустарный музей ко всей продаже
	руб.	коп.	руб.	коп.	
1	2	3	4	5	6
Вяземское общество (за год)	163744	47	35843	–	21,88
Назарьевское общество (за 15 лет)	39849	11	614	34	1,54
Бабенское общество (за год)	23925	42	13823	76	57,78
Ликинское общество (за 10 лет 25 дней)	3740	70	1350	19	36,09
Хотьковское общество (за год 21 день)	15780	63	9805	96	60,3
Зайцевская артель (за год)	5137	16	2345	24	44,6
Артель кукольщиц (за год)	11504	83	7049	73	61,2
Марфинская артель (за год)	36252	42	3893	79	10,74

1	2	3	4	5	6
Федоскинская артель (за год)	9364	30	5775	85	61,68
Артель «Кустарь-художник» (за год)	7280	75	3906	30	53,66
Архангельская артель (за год)	10667	96	544	–	5,1
Сергиево-Посадская столярная артель (за год)	6712	48	5985	47	89,17
Дмитровская столярная артель (за год)	231	–	231	–	100,0
Всего по 22 артелям	359580	01	91167	63	24,9

Резко увеличилась численность кооперативных кустарей после учреждения фонда им. С.Т. Морозова, имеющего в качестве главной цели способствование через кредитные механизмы обобществлению предприятий мелких промышленников.

Как только губернское земство вступило на путь содействия образованию артелей, так тотчас же появилась надобность в сужении их капиталом.

Чтобы начать даже простую из торговых операций по приобретению и продаже материалов производства, требовались значительные средства, которых кустари не могли образовать путем собственных взносов.

Из всех 28 кооперативов, открывшихся в Московской губернии, только два начали свою работу на собственные средства, на паевые взносы своих членов. Прочие 26, образовавшись, обращались с просьбой о ссуде в земство или к каким-либо частным лицам и только после получения ссуды начинали свою деятельность. Несколько вполне организовавшихся артелей, которым по каким-либо сооб-

ражениям было отказано в ссудах, распались тотчас же, и не пытаясь существовать на свои средства⁵⁷⁵.

Итак, с открытия первой артели – Вяземского потребительного общества – в октябре 1899 г. губернское земство ввело в свою практику кредитование кустарных кооперативов. В течение первых десяти лет дело образования кооперативов и их кредитование развивалось весьма медленно: с одной стороны, оно тормозилось отсутствием определенного источника кредита в губернском земстве; с другой, – согласно утвержденным губернским земским Собранием правилам, кредит для кооперативов, действующих в уезде, открывался только при поручительстве за ссуду со стороны уездных земств, которые неохотно брали на себя эту ответственность, особенно, когда несколько кооперативов было ликвидировано со значительным убытком, и взятые им ссуды пришлось выплачивать из уездных средств. Наконец, нужен был достаточный опыт, который убедил бы в возможности успешного развития кустарных кооперативов в Московской губернии.

Частная инициатива дала возможность повести дело содействия кооперации среди кустарей по более широкому руслу. В 1909 г. в губернскую Управу поступило пожертвование в 100 тыс. руб. от С.Т. Морозова, который, как он писал в своем заявлении, желал прийти на помощь земству в деле организации кустарного кредита, придя к убеждению в крайней необходимости его и в том, что существующими в губернии учреждениями соответствующая потребность совершенно не удовлетворялась.

Внося свое пожертвование, С.Т. Морозов поставил ряд условий, на которых должен был предоставляться соответствующий кредит.

Условия С.Т. Морозова земским Собранием были приняты, был образован особый фонд имени жертвователя при губернской Управе, явилась возможность непосредственного кредитования кооперативов из губернского земства. В этих условиях кооперативное строительство среди кустарей пошло быстро и, по данным трехлетнего опыта, развивалось быстрыми темпами.

Деятельность фонда была открыта с 31 марта 1910 года.

По срокам выданные ссуды на 1 декабря 1912 года в сумме 121700 руб. распределялись следующим образом⁵⁷⁶:

	Число ссуд	На сумму
На 12 лет	17	60600
На 6 лет	2	4800
На 5 лет	2	1200
На 3 года	1	3000
На 2 года	2	7800
На 1 год	4	14900
На 9 мес.	8	19400
На 8 мес.	1	500
На 6 мес.	1	500
На 5 мес.	1	5000
На 3 мес.	1	2000

Таким образом, к фонду предъявлялись по преимуществу запросы на долгосрочные кредиты, и больше половины всей выданной им суммы было дано в ссуды на срок свыше 6 лет и 49,8% на срок в 12 лет.

Приводимые сведения относятся к декабрю 1912 года. В течение следующего месяца все средства фонда были исчерпаны и оказалось необходимым сверх того открыть кустарным кооперативам кредит из другого фонда – в память освобождения крестьян, – из которого было разрешено выдать в ссуды уже 11500 руб.

Кредитование кустарных кооперативов из иных источников, помимо фонда им. С.Т. Морозова было три:

1) «Фонд памяти освобождения крестьян»; по постановлению земского Собрания 9 февраля 1912 г. для кредитования кустарных кооперативов была предназначена часть этого фонда в сумме 70 тыс. руб.;

2) Губернская земская касса мелкого кредита; из этого источника предоставлялся лишь кредит краткосрочный;

3) Уездные земские кассы мелкого кредита, в большинстве которых также средств долгосрочного кредита нет.

В 1912 году земское Собрание согласно заключению Кустарного совета возбудило ходатайство перед правительством о разрешении фонду им. С.Т. Морозова долгосрочного кредита в 300 тыс. руб. Вместе с тем, С.Т. Морозовым был поднят вопрос о необходимости образования специального земского кустарного банка. При обсуждении этого вопроса в Кустарном совете большинство его членов высказалось принципиально за желательность такого банка; но были и его противники. Для полного уяснения вопроса и принятия по нему определенного решения, земское Собрание 11 февраля 1912 года высказалось за разработку вопроса о земском кустарном банке в течение ближайшего времени и предоставление доклада о нем следующему Собранию.

Таким образом, кооперация, как одна из форм эволюционной концентрации мелкого производства, зародилась в недрах традиционного общества. В отличие от предпринимательских частнокапиталистических предприятий, основывающихся на экспроприации мелкой собственности, кооперативные товарищества базировались на добровольном обобществлении трудовых и имущественных ресурсах кустарей. Эволюционный характер генезиса кооперации обуславливал преемственность ее основополагающих качеств институтам традиционного общества: семьи, общины, системы трудовой взаимопомощи и т.д. И, тем не менее, артели и товарищества являлись продуктом модернизации аграрного хозяйства и несли в себе черты нового миропорядка. Кооперация, зародившись на самых ранних ступенях исторического развития, получила свое функциональное пространство только с ростом товарно-денежных отношений и преодолением натурального характера общественного хозяйства.

В силу государственной патерналистской политики в отношении крупной промышленности и форсированного насаждения капитализма «сверху», масштабы и временные рамки функционирования кооперативного

сектора мелкой промышленности были значительно ограничены.

Вместе с тем, бурный рост капиталистической экспансии, неизбежно порождавшей массовую пауперизацию мелких товаропроизводителей, вызвал широкий протестный отклик в общественном сознании, реализовавшийся в том числе в движении интеллигенции (прежде всего, из земской среды) за кооперацию. Необходимость поощрения кооперации была осознана и на государственном уровне. Для государства кооперация являлась средством решения острых социальных проблем: аграрной перенаселенности и трудовой занятости населения.

Естественно, усилия меценатов, земств, государства в кооперативном строительстве были направлены, прежде всего, на пролетаризирующуюся кустарную массу, во многом утратившую необходимые ментальные качества для ведения самостоятельного предприятия. Кроме того, подмена коллективной собственности благотворительными пожертвованиями или средствами, выделяемыми государством, деформировала институциональную основу кооперации: гармоничное соединение труда и собственности, определявшую ее эффективность.

Именно поэтому многие насажденные «сверху» артели и товарищества были недолговечными и не могли конкурировать с крупным капиталом, активно проникавшим в кустарную промышленность.

Список литературы

1. *Н.П. Баллин.* о русском кооперативном движении 70–80-х годов.

2. *Б.Б. Веселовский.* История земств за сорок лет. – Т. II. – СПб., 1909. Виленская Э.С. Производительные ассоциации в России в сер. 60-х годов XIX в. (из истории Иштутинской организации) // Исторические записки. – 1961. – № 68.

3. *В.П. Воронцов.* Артель в кустарном промысле. – СПб., 1895.

4. *В.П. Воронцов.* Артельные начинания русского общества. – СПб., 1895. – С. 18.

5. *В.В.П. Воронцов*. Очерки кустарной промышленности в России.
6. *Э.Р. Вреден*. Курс политической экономии. – СПб., 1874.
7. *Андрей Исаев*. Артели в России. – Ярославль, 1881.
8. *В.В. Кабанов*. Крестьянская община и кооперация России XX века. – М., 1997. 37.
9. Кооперация. Страницы истории: Избранные труды российских общественных деятелей, кооператоров-практиков. – Т. I. Кн. 2. 60-е годы XIX – начала XX вв. Возникновение кредитной кооперации в России. – Ч. I. – М.: Наука, 2001.
10. Кооперация: страницы истории. – Т. I. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков. Книга первая. 30–40 гг. XIX – начала XX вв. Предыстория. – М, 1998.
11. *В.В. Крылов*. Теория формации. – М.:, 1997.
12. *А.А. Мещерский и К.И. Модзалевский*. Свод материалов по кустарной промышленности в России. – СПб., 1874.
13. *А. Исаев*. Промыслы Московской губернии. – Т. II, 1. Металлические промыслы. 2. Гончарный промысел. – М., 1876
14. Обзор кустарных промыслов России. – С. XI–XII.
15. *В.С. Садовский*. О развитии рабочих ассоциаций как меры государственного благоустройства.
16. Сборник статистических сведений по Московской губернии. – Т. VII. – Вып. III. – М., 1903
17. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. – Т. VI. – Вып. I. Промыслы Московской губернии. Сост. В. Орлов и И. Боголепов. – М, 1879.
18. *В.Ю. Скалон*. Артели на Руси. // Грамотей. Народный журнал. – 1872. – № 10.
19. *Ф.Г. Тернер*. О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния // Кооперация. Страницы истории. Т. I. Кн. 1. М., 1999
20. Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. – Вып. II.
21. *А.Н. Энгельгардт*. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. – М.: Мысль, 1987. Якушкин П.И. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. – СПб., 1860.

Е.С. САРЫКОВ,

старший преподаватель,
Государственный гуманитарно-технологический университет,
г. Орехово-Зуево

Трансформация хозяйственного строя кустарей Курской губернии на рубеже XIX – XX столетий

Ключевые слова: кустарные промыслы; трансформация; модернизация крестьянского хозяйства, Курская губерния, отходничество

Развитие кустарной промышленности региона к концу XIX – началу XX столетий определялось положением в общественном хозяйстве, доминирующее место в котором занимала аграрная отрасль.

Упадок сельскохозяйственного производства Черноземья, в том числе в Курской губернии, отмечала «Высочайше утвержденная 16 ноября 1901 г. Комиссия по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1901 г. благосостояния сельского населения». Из данных, приводимых комиссией, отчетливо прослеживается, как кризис аграрной отрасли черноземных губерний разворачивался на фоне роста народонаселения. Так, производство зерновых (в пудах) на душу населения 1891–1900 гг. к 1861–1870 гг. составляло всего 74,8%, а прирост населения 151,5%.⁵⁷⁷

Низкие темпы внедрения прогрессивных методов земледелия на основе многокультурного севооборота обусловили необходимость увеличения паров и уменьшения

площади посевов, что еще больше осложняло и без того тяжелое положение аграрной отрасли⁵⁷⁸.

Кризис поразили не только мелкие крестьянские, но и крупные владельческие хозяйства. К 1897 г. в Курской губернии 43,8% дес., находившихся в их собственности, были заложены в банке. При этом на 1 заложенную дес. приходилось 70 руб. 21 коп. долга⁵⁷⁹.

В отличие от относительно комфортного положения аграрных хозяйств в середине XIX в., спустя полвека в материалах Белгородского уездного комитета о нуждах сельского хозяйства отмечалось, что «крестьянское благополучие покоится на двух устоях: на земле, которая должна дать необходимый хлеб и корм, и на труде в форме отхожих промыслов и всяких вообще посторонних заработков. Если нарушить это соотношение, то немедленно на место довольства заступает бедность, как одной землей крестьянин не прокормится»⁵⁸⁰.

Вместе с тем далеко не вся рабочая сила, высвобождаемая из крестьянского сельского хозяйства, направлялась на неземледельческую деятельность. Наиболее крупные частновладельческие экономии в конце XIX – начале XX в. сократили отдачу земли в аренду и значительно изменили свою специализацию, уменьшив посев зерновых и увеличив площади возделывания технических и кормовых культур (картофеля, сахарной свеклы, травосеяния и др.).

Результатом этого явился усиленный спрос на местные рабочие руки, что видно из прогрессивного увеличения сроковой и годовой платы местным рабочим и уменьшения числа отправляющихся в отход на заработки. Так, например, средняя по Львовскому уезду годовая плата работнику с 1898 по 1902 г. увеличилась с 52 руб. 30 коп. до 68 руб. 20 коп., т.е. на 16 руб. 10 коп. Судя по числу выданных паспортов в Львовском уезде, с 1898 по 1902 г., число отхожих промыслов неуклонно уменьшалось. Таким образом, население уезда все чаще находило приложение своего труда в местных хозяйствах⁵⁸¹.

При том что общее ухудшение положения аграрной отрасли стимулировало поиск сельским населением

внеземледельческих заработков, кризисные явления, связанные с неурожаем, суживали потребительский рынок и вызывали обвал формирующейся кустарной промышленности. Неурожаи 1891 и 1892 гг. в губернии стали причиной того, что «спрос на изделия кустарей был незначительный»⁵⁸². Несмотря на то что в 1892 г. количество кустарей по сравнению с 1891 г. не сократилось, их заработок уменьшился сразу на 10,5%.

Положение двух отраслей: аграрной и промышленной, – было настолько взаимосвязано, что в обеих проявлялись сезонные колебания. Например, о сапожном производстве в сельской местности Суджанского уезда говорилось: «Производство носит отчасти сезонный характер. Так как покупателем является крестьянское земледельческое население, то, вполне естественно, спрос бывает наибольшим осенью, когда по уборке хлеба у крестьянина временно имеется свободная деньга. В то время зажиточные кустари принимают себе рабочих, те же, кто не в состоянии этого сделать, стараются усиленным трудом использовать благоприятную конъюнктуру. Этот период усиленного спроса обыкновенно равен 1,5–2 месяцам. Понятно, что хороший или плохой заработок сапожника бывает теснейшим образом связан с урожаем: во время голода голодает не одно земледельческое население, но и обучающие и одевающие его промышленники»⁵⁸³.

С конца XIX в. кустарные промыслы Курской губернии становятся объектом пристального внимания государства и земства. Причем наращивание государственных и земских усилий в сфере кустарного производства прямо зависело от появления тенденций кризиса в аграрной отрасли земледельческого региона.

Для инструкторов, выезжающих на места, была разработана памятка проведения исследования⁵⁸⁴. Круг изучаемых проблем включал следующие вопросы:

1. Каким путем кустари приобретают сырой материал для своего производства, может ли им быть оказана какая-либо помощь для его приобретения на более выгодных условиях.

2. Каких улучшений требует то или другое кустарное производство в техническом отношении и могут ли быть

эти улучшения достигнуты путем ознакомления кустарей с некоторыми еще неизвестными им техническими приемами или снабжением их лучшими образцами рисунков, моделей, орудий, или же для этого нужны иные, более серьезные меры, как, например, учреждение в данной местности специальных учебных заведений по тем или другим отраслям производства.

3. Заслуживают ли кустарные изделия особенного внимания и могут ли служить для удовлетворения спроса потребителей с более развитым и требовательным вкусом.

4. Какие существуют пути сбыта, есть ли в данной местности или вне ее торговые склады этих изделий.

5. Может ли быть организован, при участии местных деятелей и кредитных учреждений, кредит для содействия кустарям как по закупке сырых материалов, так и по сбыту готовых изделий.

Вместе с тем инструкторам было поручено приобрести, по возможности непосредственно от самих кустарей, наиболее характерные для данной местности или вообще чем-нибудь выдающиеся кустарные изделия, которые затем могли бы поступить в состав коллекций учреждавшегося в то время в Соляном городке Императорского сельскохозяйственного музея, кустарного отдела.

Содействие становлению и развитию кустарных промыслов Курского края было одним из важнейших направлений деятельности Курского губернского земства. В частности, в материалах земства начала XX столетия говорилось: «Необходимость экономических мероприятий выдвигается в числе задач земства черноземных земледельческих губерний с особенной настойчивостью за последние годы, когда наш богатый чернозем все более и более распахивается и выпахивается, и неурожаи периодически возвращаются и учащаются. С каждым годом становится ясней, что население этого района даже при улучшении техники земледелия не может прокормиться исключительно своим зерновым хозяйством. Не касаясь здесь более общих условий, необходимых для экономического подъема нашей деревни, отметим лишь

те факторы, которые ставят вопрос о поддержании и развитии кустарных промыслов в ряде насущнейших задач земства. Таковыми факторами, главным образом, являются: наш климат, делающий для земледельца половину года свободным, малоземелье и связанные с ним отхожие промыслы со всеми их отрицательными сторонами, переселение в Сибирь, ненормально растущие арендные цены на землю (до 30 руб. за 1 дес. озимого и 20 руб. ярового посева), уничтожение извозного промысла железными дорогами и отсутствие фабрик»⁵⁸⁵. На начальной стадии разворачиваемой работы практически все уездные земства осуществили скрупулезное обследование кустарных промыслов с целью выработки обоснованного плана деятельности. Работа по содействию кустарной промышленности уездных земств была возложена на экономические советы, учрежденные в 1890-е гг.

Основными направлениями мер содействия кустарным промыслам Курской губернии являлись инструкторская помощь в освоении кустарями современных технологических приемов, организация выставок для популяризации кустарных промыслов как источника дополнительного заработка, создание учебных мастерских с целью обучения деревенской молодежи навыкам промышленного производства, формирование системы доступного кредита и прямого финансирования неземледельческой отрасли крестьянского хозяйства.

В целом следует отметить, что политика государства и земства в конце XIX – начале XX в., рассчитанная на замещение кустарными занятиями деструктивных последствий кризисных явлений в аграрной отрасли в условиях земледельческой губернии, являлась важным фактором развития мелкой сельской промышленности Курской губернии, но, к сожалению, не могла кардинальным образом повлиять на положение сельских жителей. Наиболее успешными промышленниками, как свидетельствуют данные о суджанских сапожниках, становились состоятельные крестьяне, которые промышленной деятельностью создавали дополнительную «подушку прочности». Напротив, беднейшие слои крестьян и в кустарном промысле не преуспевали.

Состояние традиционной отрасли селян определяло и степень их устойчивости, и степень их эксплуатации со стороны торгово-посреднического капитала в кустарном производстве. Так, сапожники разных селений: сл. Михайловки и сл. Черняки одного Новооскольского уезда, имея отличающиеся условия земледелия, имели неодинаковый «иммунитет» в отношениях со скупщиками.

Михайловские сапожники, совершенно утратившие связь с землей и лишённые вследствие этого возможности продолжительного срока реализации своих изделий, стали легкой добычей скупщиков, полностью подчинивших кустарей, получавших за свой труд в десять раз меньше предпринимателей.

В то же время сапожники сл. Черняки, сохранявшие прочное материальное положение в виде традиционного земледельческого хозяйства, вообще не пользовались услугами скупщиков и продавали собственную продукцию самостоятельно, получая при этом значительно больший доход⁵⁸⁶.

Таким образом, кустарная и аграрная отрасль крестьянского хозяйства к началу XX столетия в своей подавляющей доле не дифференцировались и составляли две стороны одного экономического организма. Доля кустарных производств, утративших связь с земледелием в общем объеме крестьянской промышленности, составляла 11,9%.

В отличие от промышленно развитых губерний Центральной России, в Курской губернии фабрично-заводские заведения не составляли конкуренцию кустарной промышленности. Мало того, в значительной доле являясь перерабатывающими предприятиями, фабрики и заводы также зависели от циклических спадов и подъемов сельскохозяйственного производства. Неурожай начала 1890-х гг. тяжело сказались на крупном промышленном производстве губернии. Число фабричных предприятий с 1892 по 1899 г. сократилось практически вдвое⁵⁸⁷.

Кустарная промышленность стала развиваться в тех отраслях, в которых отсутствовала конкуренция с крупным производством. Отраслевая структура фабричной и кустарной промышленности совпадает всего на 16%.

Таким образом, темпы развития, отраслевая структура фабрично-заводской промышленности губернии во второй половине XIX в. позволяют утверждать, что рост крупного промышленного производства не составляет препятствия на пути модернизации мелких промышленных промыслов.

Наибольшим препятствием количественного роста кустарной промышленности являлась включенность Курской губернии в национальный рынок. Приток товаров, в том числе кустарного производства, из промышленно развитых регионов серьезно препятствовал рекрутированию новых сельских промышленников и заставлял уже работающих кустарей искать «легкого» заработка вне пределов губернии. Ежегодно число лиц, занятых отхожими промыслах, увеличивалось на 2–3%⁵⁸⁸.

Несмотря на наличие «амортизатора» в виде отходничества, новые условия хозяйствования все же инициировали глубокую качественную трансформацию кустарных промыслов губернии.

Наиболее исследованным модернизационным направлением мелкой сельской промышленности в стране в целом и Курской губернии в частности являлась капитализация, продвигавшаяся в двух направлениях: посредством выделения из кустарной среды предпринимательских элементов, занимавшихся организацией производства и посреднической деятельностью, и проникновения торгово-посреднического и ростовщического капитала извне. К началу XX в. этот процесс охватил 42% кустарных отраслей губернии.

Капиталистическая эксплуатация в кустарной промышленности приобретала варварские формы, особенно в случаях, когда крупные промышленники организовывали массовое производство на дому, обрекая кустарную массу на прозябание. Иначе выглядели отношения кустарей с нарождающимися в собственной среде предпринимателями. Как правило, мастерская зажиточного кустаря сохраняла облик патриархальной семьи, где хозяин делил с работниками кров и пищу и сам принимал участие в производстве.

Рыночная трансформация кустарных хозяйств неизбежно вела к имущественной дифференциации мелких промышленников. Так, годовой доход кустарей-шубников Белгородского уезда отличался в разы. «Мелкие кустари за сезон приготавливают товара на 150–200 руб., а годовой оборот крупных колеблется от 3000–5000 руб. В среднем мелкий кустарь зарабатывает в сезон 40–50 руб., а крупный за год – от 500 до 1000 руб.»⁵⁸⁹.

Получая от промысла доход, значительно превышающий выгоду от занятий земледелием, «крупные» кустари переходили к круглогодичному производству промышленной продукции. Совершенно утратили к концу XIX столетия связь с сельским хозяйством состоятельные кожевенники Белгородского уезда⁵⁹⁰.

Капитализация кустарной промышленности Курской губернии являлась не только следствием имущественной дифференциации, но и результатом освоения крестьянских промыслов торгово-ростовщическим и промышленным капиталом.

Вид рассеянной мануфактуры приобрел промысел миропольских ситников, объединявших 112 дворов. Производство организовывали скупщики, раздавая кустарям материал: конский волос, сосновые ободья и т.д. Годовой доход скупщика превосходил доход кустаря в 7 раз. Выход (вопреки совету помещика) на дарственный надел привел к массовому малоземелью веревочников Нижних Деревенек Льговского уезда. В свою очередь, конкуренция с завозимой веревкой из других регионов сделала веревочный промысел Нижних Деревенек нерентабельным. Не имея необходимого потенциала прочности в виде земледельческой отрасли, промышленники попали в полную зависимость от комиссионеров-скупщиков, которые фактически организовали капиталистическое производство на дому.

Исследователь, проводивший изучение кустарных промыслов Суджанского уезда, писал: «Обследование существующих в Мирополье кустарных промыслов выяснило, что жизнь каждого из них складывается под решающим влиянием одного основного фактора – рынка: его

близость или отдаленность, более или менее широкие размеры, большая или меньшая строгость требований, предъявляемых к товару, – все эти обстоятельства определяли характер отношений, складывающихся между зажиточной и «маломощной» частью кустарей, роль скупщиков и капитала»⁵⁹¹.

Однако модернизация кустарных промыслов далеко не всегда регулировалась в появлении крупных предприятий и рождении слоя протобуржуазии. Некапиталоемкие отрасли, работающие на бесплатном природном сырье и не отличающиеся эксклюзивностью мастерства, в условиях сокращения местного рынка, замещаемого товарами из промышленно развитых регионов, постепенно прекращали свое существование или приходили в упадок. Примером такого результата трансформации кустарной промышленности мог служить промысел по производству берд в слободе Белой Суджанского уезда. В середине XIX в. этот традиционный промысел давал заработок 300 семей. Однако в результате обвального сокращения спроса к началу 1890-х гг. производством берд занимался всего 31 домохозяин. Кустари работали только в зимнее время, посвящая остальное время года земледелию. Потеряв местный рынок и не имея возможности сбывать свой товар далеко за пределами губернии, мастера сбывали свои изделия скупщикам по 6 коп. (цена реализации составляла 12 коп.) за штуку⁵⁹².

Таким образом, из года в год эта отрасль кустарного производства все более сокращалась и выталкивала значительную часть промышленников в отходничество, в том числе на «черные» работы. Часть кустарей, бросив производство, «закупив у соседей готовые берда, развозят их для продажи по селам». Курские же ткачи предпочли местным бердам из камыша изделия «северных кустарей, изготавливавших берда из так называемой березовой трости»⁵⁹³. За всю зиму кустарь зарабатывал в лучшем случае 12 руб. 50 коп.

Учитывая, что на один двор бердовщиков приходилось в среднем 3,5 дес. сельскохозяйственных угодий (включая пастбище и сенокос), единственно возможным путем

поддержания материального положения семьи был отход на заработки.

Не справлялся с адаптацией в рыночной экономике и традиционный гончарный промысел Львовского уезда. Количество дворов, занимающихся изготовлением горшков, с середины до конца XIX в. сократилось в 5 раз. Причины упадка промысла земские специалисты видели в удорожании гончарной глины (в 7 раз), топлива для обжига горшков, конкуренции с эмалированным и простым чугуном, охотно покупаемым крестьянами.

Большинство (84,8%) кустарей не имели возможности обустроить специальное помещение и работали в жилой избе. Не отличались в лучшую сторону и условия кустарей, работающих в примитивных гончарнях. Вот как описывал мастерские Химаров священник с. Кошли: «Санитарные условия как жилых помещений-гончарен, так и специальных весьма неудовлетворительны – особенно же жилых. Непривычный человек в гончарне не может пробыть, не рискуя заболеть, и пяти минут. Сырость, сажающаяся плесенью на стенах от испарений глины и выделанной сырой посуды, делает воздух в гончарне затхлым. К этому – запах дегтя и тучи глиняной и свинцовой пыли при температуре в помещении 20–25°C. Кроме того, помещения у всех гончаров темны, низки и грязны. Подобные условия производят свое действие на их здоровье, и большинство гончаров страдают чахоткой»⁵⁹⁴.

Некоторое улучшение технологии изготовления гончарных изделий существенных преимуществ продукции львовских гончаров не принесло. Усугублял тяжелое положение мастеров высокий (доходящий до 200% годовых) кредит, предоставляемый скупщиками.

Напротив, промыслы, сохранившие свое значение даже в эпоху фабрики, из-за своей художественной ценности не испытывали деструктивных последствий модернизации, а формировали собственное функциональное пространство в рыночной экономике. Так, производство художественной вышивки в слободе Белой Суджанского уезда давало заработок 227 дворам. Из общей массы мастеров выделились 20, занимающихся исключительно

раздачей материала и заказов надомницам. Более 30% кустарей занимались промыслом свыше 20 лет, 5% – 20 лет, 10% – 15 лет, 10% – 10 лет, 10% – 5 лет. Таким образом, у более половины мастеров производство вышивки имело значительную историю. Годовой заработок у 5% вышивальщиков составлял 300 руб., у 10% – 200 руб., у 15% – 150 руб., у 15% – 120 руб., у 20% – 100 руб., у 25% – 60 руб. и у 10% – 20 руб. Такой заработок кустарей, даже по меркам промышленных регионов, мог быть признан значительно превышающим средний уровень.

Двадцать дворов, ведущих предпринимательскую деятельность, помимо раздачи работы на сторону, сами являлись крупными производителями: два двора нанимали для собственного производства по 2 работницы, 2–3 работницы, 2–4 работницы, 5–7 работниц, 3–6 работниц, 1–10 работниц и только 4 двора обходились собственными силами членов семьи. Таким образом, можно заключить, что этот доход все же служил порядочным подспорьем для хозяйства. Это еще видно и из того, что эти кустары живут более достаточно, чем их собратья-бердовщики⁵⁹⁵.

К началу XX столетия трансформационные изменения испытывал ковровый промысел. Спрос на примитивные, «крестьянские», ковры в конце XIX в. упал. «Чувствительным недостатком долгое время являлось отсутствие подходящих рисунков, и таковые создавались изобретательной фантазией самих мастериц. От разноцветных полосок, кругов, треугольников они постепенно переходили к изображению фигур человека, животных, птиц, растений, частью же пользовались различными рисунками войлочных и раскрашенных попон и проч.

К началу 1900 г. в деревне Косторной 14 семейств занимались изделием ковров. Из них в 6 семействах работали по одной женщине, а в 8 – по две. Все они, кроме того, занимались земледелием.

Следует отметить, что весь год производством ковров данные семейства не занимались. В силу высокой конкуренции (в том числе на внутреннем рынке) и необходимости совершенствования качества изделий заработок ковровщиц был хотя и стабильным, но не очень высоким.

В среднем одна мастерица зарабатывала в год около 30 руб. »⁵⁹⁶.

Безусловно, новые экономические условия, активизировавшие товарные отношения и инициировавшие ориентацию кустарных хозяйств на массовое производство, деформировали и отрасли ручного труда, ранее выпускавшие эксклюзивный высокохудожественный продукт. Показательна в этой связи история иконописного промысла сл. Борисовки Грайворонского уезда.

Возникновение этого промысла относится, по преданию, ко времени устройства близ Борисовки Богородице-Тихвинского женского монастыря, основанного в 1710 г., в память Полтавской победы, генерал-фельдмаршалом графом Б.П. Шереметевым, приславшим из Петербурга в Борисовку живописца Игнатьева для иконописных работ в строящихся монастырских церквах и для обучения местных жителей иконописанию. Промысел, привившись в Борисовке и привлекая многих крестьян, постоянно развивался и настолько окреп, что в конце XVIII в. и первой четверти XIX в. местное иконописание завоевало широкую известность.

Развитию иконописных работ в сл. Борисовке содействовали сами владельцы Шереметевы, дававшие полную свободу борисовцам выбирать себе занятия. Обложенные сравнительно низким денежным оброком, они почти не несли других обязанностей по отношению к владельцу. Будучи обеспечены продовольственными и кормовыми средствами, борисовцы имели еще заработок от иконописания. В годы бедствий (неурожаев, повального падежа скота, градобитий) получали вспомоществование из владельческой конторы, а малоимущим выдавался поделочный и строевой материал из графского леса. При таких экономических условиях ежегодные подати уплачивались исправно, и графского управляющего борисовцы не видели по целым годам.

При материальной обеспеченности и культурное развитие борисовцев было выше, чем у соседней крепостных. Еще во время крепостничества (за 30 лет до реформы) из среды борисовцев вышло несколько известных мастеров.

Графы Шереметевы имели в Петербурге хор певчих, в который набирали мальчиков из своих имений, преимущественно же из Борисовки, которая всегда славилась хорошими голосами. Из этих мальчиков наиболее талантливые нередко пробивали себе широкий путь к известности, как, например, композитор и регент придворной капеллы Ломакин и пианист Игнатъев. Некоторые из этих певчих, когда «спадал» голос, поступали по призванию в Академию художеств (Игнатъев, Гавенко, Хвостенко) и возвращались, принося художественные новинки в местную среду.

С течением времени общие экономические условия, вызвавшие ухудшение крестьянских хозяйств, неблагоприятно отразились и на иконописном промысле. Спрос на хорошие иконы понизился. Крестьянин-покупатель стал менее требовательным при выборе иконы. Прежде, например, селянин, покупая икону для благословения жениха и невесты, не жалел денег, а с ухудшением общего материального положения стал менее взыскательным при выборе иконы. Конечно, и хорошие иконы находили своих покупателей, но их было значительно меньше. При таких условиях спроса на иконы, еще в 80-х гг. XIX столетия, по данным земской статистики, замечалось из года в год сокращение числа лучших живописцев в Борисовке, где в период процветания промысла преобладали мастера-красочники, т.е. настолько хорошо подготовленные, что каждый из них мог в красках изобразить всю икону «в одежде», с одним или несколькими ликами (групповые); личкунов, т.е. таких мастеров, которые умели изображать на иконе лицо и руки, было немного, и работа их, производившаяся под наблюдением опытного красочника, не имела самостоятельного значения. Позднее личкуны, приноровившись к спросу, оттеснили красочников, что сразу изменило технику производства в ущерб художественности исполнения и ценности изделий. Дешевые иконы в изобилии появились на местных и южных рынках.

С проведением железных дорог положение иконописного промысла в Борисовке еще более ухудшилось, так

как на местных и южных рынках, где главным образом установился спрос на борисовские иконы, появились дешёвые грубые изделия с севера и печатные образа фирмы Бонакера. Исполненные хорошими красочниками иконы в Борисовке, если они не делались по особым заказам, должны были выдерживать непосильную конкуренцию не только с местными личкунскими изделиями, но и с привозными печатными иконами фабричного производства. Поэтому число хороших мастеров еще более сократилось. В начале XX столетия настоящих иконописцев в Борисовке числилось до 15 чел. из 900.

В 1889 г. Министерство земледелия и государственных имуществ командировало в сл. Борисовку особое лицо для обследования⁵⁹⁷.

Важнейшей особенностью модернизации традиционных кустарных промыслов Курской губернии стало обретение ими рыночного характера. На смену прежним производствам и отраслям, удовлетворявшим потребности в лучшем случае местного рынка или замыкающимся на потребности внутриобщинного спроса, пришли виды промышленной деятельности, позволяющие крестьянам извлекать доход даже в условиях конкуренции не только на местном, но и на национальном рынке. По сведениям самих кустарей Льговского уезда, относящимся к началу XX в., «начало самых старых (кустарных промыслов) положено не раньше как лет 40 назад, т.е. почти совпадает с моментом изменений всего строя крестьянского хозяйства, внесенного освободительными реформами 1861 г., когда большая часть крестьян, получив небольшие наделы, почувствовала необходимость в тех или иных подсобных занятиях и заработках»⁵⁹⁸.

В 50% кустарных производств происходила качественная трансформация, обусловленная товаризацией крестьянской промышленности: наряду с выпуском традиционной продукции мелкие промышленники осваивали новые виды изделий, ориентированных в том числе на национальный рынок; в кустарном производстве активно внедрялось разделение труда, обеспечиваемое на начальном этапе модернизации семейными рабочими.

Впоследствии нехватка квалифицированных мастеров внутри крестьянских семей замещалась наемными рабочими, концентрация которых продуцировала генезис мануфактурной формы организации хозяйства.

Несмотря на общее земледельческое направление экономики региона, наиболее успешные кустари стали посвящать значительно больше свободного времени не-земледельческим занятиям. Сельское ремесло, работа на заказ, являвшиеся в дореформенное время преобладающей формой крестьянской промышленности, втягиваясь в товарно-денежные отношения, пополняли сегмент мелко-товарного производства. В 34,2% отраслей кустарной промышленности сельское ремесло окончательно приобрело облик товарного производства, в 39,4% работа на рынок совмещалась с работой на заказ, и только в 0,26% сельское ремесло продолжало оставаться господствующей формой организации.

Концентрация мелкого производства в результате товаризации развивалась не только в направлении генезиса частнокапиталистических форм, но и по пути обобществления хозяйственных функций мелких товаропроизводителей и создания кооперативных объединений. Так, суджанские кожевники для доставки сырья с юга «участвовали в компании для этой цели; человека два, три, четыре складываются для покупки большой партии кож, которые, конечно, в таком случае обходятся дешевле»⁵⁹⁹.

В «Курском сборнике» по итогам обследования кустарной промышленности начала XX в. говорилось: «Распространяя разделение труда и за пределы семейной группы и развивая артельные начала, кустарные промыслы дают возможность земледельцам производительно использовать свободное, преимущественно зимнее время в обычной обстановке, имеющей все-таки свои преимущества перед фабрично-заводской»⁶⁰⁰.

Кооперативная ориентация присутствовала не только в сбытоснабженческой сфере, но и в производстве, где недостаток оборотных средств или семейных трудовых ресурсов восполнялся объединением нескольких хозяев.

Так, в дужном производстве Корочанского уезда кустики сообща выполняли работу, непосильную одному производителю. «Самая техника производства сводится к следующему: сперва у плахи обтесывают концы, придавая им в грубых чертах ту форму, какую должны они иметь после уже в обделанном виде, другими словами, по местному выражению, «обивают концы». Затем плаха переносится в парницу, где ее распаривают в течение одной ночи, а иногда и несколько дольше. После этого можно уже и гнуть плаху, для чего закладывают один из ее концов неподвижно в особую колоду, имеющую по наружной поверхности очертание дуги, а другой конец пригибают постепенно к колоде с помощью 2 воротов. Обычно гнут дугу 3 рабочих, из коих один «правит», или «направляет» дугу, т.е. с помощью особого костыля регулирует сгибание, следя за тем, чтобы волокна дерева не перекручивались, а оставались постоянно параллельными друг другу. Между прочим, можно указать на то, что мастера закладывают плаху так, чтобы та сторона ракиты, которая во время роста больше освещалась солнцем, служила бы наружной стороной дуги. Когда плаха согнута надлежащим образом, концы ее стягивают «крупной дуговой связиной», чтобы она не могла разойтись в стороны, а затем снимают с колоды для грубой обтески топором. Такая обтесанная дуга снова поступает для просушки в парницу, откуда ее вынимают дня через 3 или 4 и подвергают уже более тщательной обделке особыми стругами или иногда, правда редко, рубанками. После этого крупную дубовую связину заменяют мелкой дубовой, вообще более слабой связью, и дуга готова. Впрочем, зачастую работа довершается более тщательной отделкой, а именно: украшением дуги резьбой, которая, кстати сказать, делается весьма однообразно. Преимущественно режут по дугам рисунки, называемые у крестьян «виноградом» и еще «с колонками», причем один рисунок отличается от другого добавлением к изображению «винограда» еще какой-то как бы листов»⁶⁰¹.

Более состоятельные дужники использовали в своих предприятиях труд поденных рабочих, оплачивая «гнут-

чику» в день 30–35 коп. «за обивки концов», по 1 коп. за «тесание», по 2 коп. за «обстругивание», по 5 коп. за «плаху».

Кооперативная организация традиционно использовалась в каменоломном промысле Курского уезда. «Для добывания камня и мела рабочие соединяются обыкновенно в артели, от 4 до 19, в зависимости от длины и направления галерей или ям; одиночная работа по ее условиям, решительно невозможна. Инвентарь, употребляемый в этом деле, состоит из ломов, молотов, кованых лопат, крючков, штырек (род тонкого лома) и носилок.

Разыскав пласт саморода, на что иногда тратится недели две, рабочие вырывают и выносят наружу находящийся под плитой песок и посредством лома и штырек осторожно стараются обвалить подрытый пласт; благодаря встречающимся в нем трещинам это удается без труда, но сопряжено с некоторой опасностью: или преждевременно обрушившийся пласт, или обвалившийся от сотрясения мел и другая какая-нибудь порода может засыпать находящихся под ними рабочих. Для избежания этой опасности иногда в боковых стенках галереи устраиваются небольшие ниши, куда по сигналу одного из рабочих и прячутся все в момент обвала. Этот момент настолько опасен, что, по словам крестьян, команда «Прятаться!» выкрикивается страшным голосом. Обвалившийся камень очищают от лежащих на нем песка, дресвы и, разбивши молотами и ломом на куски, выносят на носилках наружу вместе с попадающимися над плитой и под нею отдельными кругляками саморода. Галереи устраиваются вышиной аршина в 2 с лишним, шириною же немного больше полусажени и укрепляются в местах, грозящих обвалом, предназначенными для этого столбиками. Песок и прочий негодный материал при закладке новых ям выносится наружу; при дальнейшем же ходе работ им забиваются старые боковые галереи. Галереи эти в старых, давно эксплуатируемых каменоломнях достигаются 150 сажени и более; при сравнительно медленном ходе земляных работ вообще такие размеры галерей указывают на значительную древность самого

промысла. Так как в длинных, узких и расположенных иногда уступами галереях одна пара носильщиков не в силах протащить носилки во всю длину, то для облегчения этой работы через каждые 10–15 сажень устраиваются станции из 2-х рабочих с носилками каждая.

При благоприятных условиях артель в 10 чел. может поставить в неделю до 2-х кубических сажень камня; в противном случае величина добычи спускается ниже одной сажени в то же время. Та же артель ставит мела до сажени в день; при коротких же ходах – и до двух. Вообще же за время с 14 ноября до Пасхи та же артель добывает от 13 до 20 кубических сажень саморода. И в период от Пасхи до Петрова дня – от 60 до 80 кубических сажень мела. Работать начинают парни лет 15–18, постепенно переходя от легких к более трудным работам»⁶⁰².

Объединяя материальные и трудовые ресурсы, вели свое предприятие гончары слободы Куток Дмитриевского уезда. Кустари сооружали кооперативные горны для обжига посуды. Таким образом, они сэкономили средства на сооружении печей и, не позволяя им остывать, затрачивали меньше топлива⁶⁰³.

В свободе Ниновке веялочное производство приняло крайне интересную форму. Шесть кустарей, убедившись в том, что работа каждого в отдельности приносит плохие результаты, решили образовать артель. Являясь между собой родственниками, они устроили мастерскую для совместной работы. После основания артели они сразу обнаружили преимущества коллективной деятельности. Отдельному кустарю кредита не давали, артель же с удовольствием стали кредитовать все лавки в городе. С товаром для сбыта едет один из участников объединения, остальные же остаются дома и не прекращают работы. Валовой заработок кустарей в веялочном промысле приблизительно можно считать 10000 руб., а чистый заработок 3000 руб.⁶⁰⁴

Положительное влияние артельного труда на нравственность кустарей заслуживает специального замечания. Артельная форма организации, как и кооперативная, сохраняющая черты традиционного общества (артельная в

большой степени, кооперативная в сочетании с чертами модерна) несла в себе высокий нравственный потенциал. Объединенные одной целью, связанные отношениями, берущими свое основание в круговой поруке, кустари были «обречены» быть трезвыми и трудолюбивыми.

В случае с артелью не конкуренция и соперничество, как в частнокапиталистической организации, а взаимодействие и сотрудничество определяли успех совместного предприятия. Кооперативная солидарность, помимо нравственных оснований, фундируемых традиционными ценностями, обусловлена и взаимной коммерческой выгодой, извлекаемой из обобществления труда и собственности.

Кооперативная организация в наибольшей степени отвечала потребностям хозяйств кустарей с неустойчивым имущественным положением. Востребованность кооперирования падала в группах состоятельных и малоимущих кустарей. В первой – в силу самодостаточности, во второй – вследствие низкого уровня товарности и отсутствия мотивации на повышение эффективности предприятий. Так, попытки земцев привлечь к созданию артелей краснопольских слесарей Щигровского уезда, отличавшихся особым искусством ручного труда, а, следовательно, и высокими заработками, вызвали противодействие со стороны кустарей. Напротив, кустари Верхней Ольховки, Лавровки и Нижнего Ольховатого, начавшие осваивать слесарное дело только в конце XIX в., сами выступили инициаторами кооперирования⁶⁰⁵.

Одним из результатов модернизации стало к концу XIX столетия завершение процесса формирования кустарных центров Курской губернии. В отличие от кустарных гнезд промышленных районов страны кустарные центры Черноземья приобретали скорее вид городских поселений, сосредотачивающих кустарное население разных профессий, в то время как гнезда объединяли большие территории сельской местности с промысловиками одной профессии (Павловский металлообрабатывающий район, Семеновский ложкарный, Кимрский сапожный и т.д.). Типичным примером такого поселения в Курс-

кой губернии стала слобода Борисовка Грайворонского уезда. Кустарное население слободы имело следующий состав: позолотчики – 10; ткачи – 79; сапожники – 428; кузнецы – 220; столяры – 404; портные – 165; бондари – 73; дугари – 25; резчики – 5; колесники – 45; шорники – 10; овчинники – 45; шапошники – 39; гончары – 33; иконописцы – 500⁶⁰⁶.

Помимо слободы Борисовки центрами кустарного производства стали слободы Мирополье и Велико-Михайловка. Население этих поселений к концу XIX в. практически утратило связь с сельским хозяйством. Душевой надел в указанных селениях не превышал 1 дес.⁶⁰⁷ Наряду с главным – кожевенным – промыслом здесь успешно развивалось гончарное, столярное, кузнечное производство. Кустарные поселения превратились в подлинные центры, обеспечивающие промышленной продукцией окрестные деревни и села.

В слободе работали кустари 16 профессий, значительно отличающихся по уровню доходности. Модернизация привела к появлению предприятий капиталистического характера. Так, в числе 38 кожевенных заводов имелись заведения с 10 000 руб. годового дохода.

Процесс дифференциации сельского хозяйства и кустарной промышленности, характерный для центров крестьянской промышленной деятельности, хорошо иллюстрируют данные по слободе Гончарной Суджанского уезда. Из 38 дворов гончаров 10% не имели земли, кроме усадебного участка, 31% – имели не более 1 дес. земли, 31% – владели не более 2 дес. и лишь 5% располагали более 10 дес. Большая часть гончаров (76%) обрабатывали землю наймом, 4% дворов отдавали свои наделы в аренду. Среди гончаров 81% являлись безлошадными, 71% не имели коров. Обеспечивали свои нужды в хлебе только 13% семей гончаров, остальные существовали за счет покупки зерна на стороне⁶⁰⁸.

Центры кустарного производства Курской губернии имели характерный облик, отличающий эти поселения от кустарных гнезд промышленных регионов. Главным отличием центров кустарничества Черноземья от про-

мышленных регионов являлась их низкая капитализация. Даже к началу XX в. в «промышленных поселениях» Курской губернии процесс формирования предпринимательского слоя кустарей не достиг сколько-нибудь зрелых результатов. Увеличение дохода и укрупнение кустарного гончарного производства достигались исключительно за счет интенсификации труда и семейной кооперации.

Разделения труда в процессе производства не существовало. Техника производства была одинаковой как у бедных, так и у более зажиточных гончаров. Взрослый кустарь зарабатывал в день приблизительно 30 коп., в месяц от 7 до 10 руб. Лучшая оплата труда зажиточных гончаров объяснялась не тем, что они употребляли более производительные приемы обработки, но тем, что они имели возможность подождать с продажей в случае понижения цены.

Лишь в трех дворах нанимались работники, и притом в двух из них на лето на сельские работы и лишь в одном для промыслового труда. Работали в день в среднем по 12 часов. При большем спросе на товар – до 15 часов. «Труд гончара тяжел и оказывает на здоровье влияние в высшей степени вредное, можно даже сказать, убийственное. Отдельных помещений для работы не имеется; работают в хате, в которой и живут; от постоянного присутствия мокрой глины стены сыреют, с потолка каплет, в хате стоит туман, иногда даже не горит свеча; кирпичный фундамент в хатах гончаров быстро отсыревает и разрушается значительно скорее, чем в хатах соседей, не работающих гончарных изделий. Все гончары жалуются на болезнь груди; многие из них умирают от чахотки и других легочных заболеваний. Обжигание горшков требует 12-часового пребывания кустаря у горна; при громадной разнице в температуре у горна и на открытом воздухе, куда сейчас же попадает кустарь, лишь немного отойдя от горна, простудиться очень легко. Для поливы употребляется свинец в порошок, и притом в столь большом количестве, что, по заявлению земского провизора, производившего анализ поливы, употребление поливленной посуды может вредно отразиться на здоровье; понятно, что кустари жалуются

на специфические заболевания, порождаемые употреблением свинца: печеночные колики, потерю аппетита»⁶⁰⁹.

Кардинальным образом отличалось в центрах кустарной промышленности Курской губернии положение скупщиков. Если в промышленных губерниях торговый капитал, работающий в кустарной промышленности, формировался за счет зажиточных крестьян или приходил со стороны, то «отряд» мелких торговцев Черноземья в основном складывался из наименее состоятельной части сельского населения, потерявшей связь с аграрным производством. «Скупщик здесь далеко не «хозяин положения», не обладатель капитала, держащий кустаря в кабальной зависимости (тип, созданный промышленной областью); это скорее коммивояжер, уполномоченный кустарем на продажу его изделий. Скупщиками являются крестьяне некоторых деревень Суджанского и Льговского уездов достатка ниже среднего, из которых многие и никогда не занимались гончарством; товар они обыкновенно получают от кустарей в кредит с обязательством уплатить по продаже. Заработок скупщика далеко не велик, и лишь бедные кустари решаются заняться скупкой; из 38 дворов гончаров лишь 2 занимаются ею, и оба далеко не принадлежат к наиболее зажиточным. Скупщики развозят товар по деревням, базарам, ярмаркам Суджанского и соседних уездов, большей частью продавая его за деньги; лишь скупщики из дер. Кожли Льговского уезда, по-старинному, обменивают гончарные изделия на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты»⁶¹⁰.

В Новооскольских промыслах скупщиками почти всегда являлись те же кустари, которые благодаря удачному стечению обстоятельств, уму и энергии выбились из своей среды. В редких случаях они бросали свой промысел. Брали ли они своей стороны слишком большой процент за свое посредничество, это другой вопрос. И часто кустари вполне справедливо смотрели на скупщика, как на эксплуататора, который за посредничество по продаже продуктов их труда кладет львиную часть их заработка в свой карман. Поэтому вполне понятна та злоба, с которой рядовой кустарь говорит о скупщиках. Но с другой сто-

роны, нельзя отрицать важного значения, которое имели и имеют в промыслах скупщики при отыскавши новых рынков для сбыта кустарных изделий⁶¹¹.

Кроме вышеописанных промыслов в каждом уезде найдется несколько десятков мастеровых, занимающихся выделкой деревянных гребней, борон, валенок, железных ведер, веревок, можно найти несколько шорников и слесарей, портных, которые работают для заказчика из его материала, а не для рынка.

Так, например, портняжный промысел в свободе Слоновке Новооскольского уезда трудно назвать кустарным. «Портной работает из материала заказчика, но в своей хате и продолжает заниматься сельским хозяйством. Он шьет поддевки, свиты, куртки, тужурки, пиджаки, брюки. За работу свиты берет от 1 руб. до 1 руб. 20 коп., пиджак – 75 коп., брюки – 50 коп., работает вся семья; этот промысел главным образом женский. Вопросы о кредите, скупщиках, рынках сбыта, в этом промысле сами отпадают, так как кустари работают на заказ. Заработок сильно колеблется от 30 до 50 коп. в день и боле»⁶¹².

Еще одной характерной чертой кустарных центров Курской губернии стало выдавливание, по мере интеграции региона в национальный рынок, части оседлых кустарей в отходничество. В рассматриваемой слободе более трети всех гончаров на длительное время уходили на «каменные работы». Большой частью отходники рекрутировались из кустарей, полностью порвавших связь с землей.

Оборотными средствами, необходимыми для своего промысла, большинство кустарей были не обеспечены, в виду этого им приходилось прибегать к займам в местных сельских банках из 8–10% годовых, или занимать у частных лиц, но в этом случае процент за ссуду был значительно выше, обыкновенно 5 коп. с рубля в месяц, не считая обычных затрат на „могарычи». Сельский банк выдает ссуды на год, кроме того можно взять еще отсрочку на 6 месяцев, у частных же лиц занимают деньги под векселя с обязательством уплатить по первому требованию. Но в банке, труднее получить ссуду; недоимщикам ссуды

не выдаются, поэтому чаще всего зажиточные хозяева кредитуются в сельском банке, а бедные занимают на стороне, или по мелочи у знакомых без процентов, только за «могарычи»⁶¹³.

Уникальным явлением одного из центров кустарного производства Курской губернии слободы Холань Новооскольского уезда стал сельский банк, созданный на средства населения. Слобода Холань без всякого постороннего вмешательства создала крупный «корректив» в своем промысле в виде Холанского сельского банка, средства которого были всецело направлены на помощь шубному промыслу. Отпуская крестьян на выкуп Князь Трубецкой вместо надела заплатил им 5 000 руб.

В Холани имелось еще около 5 000 руб. общественного капитала. Эти средства дали возможность учредить банк. Капитал раздавали в ссуду кустарям, взимая сначала 8% , в 1900-х гг. – 6% . Выросший из процентов капитал банка составил к началу XX в. 53 000 руб. Организация банка давала полную возможность ежегодно контролировать его деятельность вкладчиками. В рождественские праздники деньги банка раздавались в несколько дней кустарям. Практически все кустари брали ссуды: наибольшая – 200 руб., минимальная – 50. Затем все ссуды осенью кустари уплачивали выбранному сходом лицу, заведующему банком. При этом процент взыскивался одинаковый, независимо, принесет ли кустарь деньги в ноябре или в декабре, что, конечно, облегчало расчеты. Затем собранная сумма, увеличенная процентами, снова раздавалась в ссуду кустарям. Кустари бережно относились к своему учреждению и производили расчет своевременно и в полном объеме.

При сравнении Холанского банка, который являлся продуктом народного труда и творчества, и учрежденных товариществ, становятся очевидны преимущества банка, который с кустаря берет 6% , в то время, как кредитное товарищество – 12% . Банк, имеющий капитал 50 000 руб., не рассчитывает на большие вклады в деревне. По правилам для создания кредитного товарищества на район, состоящий из не менее 500 дворов (слобода Холан имеет

немногим более) выделяется только 2 000 руб., при этом предполагается расширение операций за счет вкладов, что практически невозможно при существующей бедности деревни. В то время, как в сельском банке счетоводство достаточно простое, необходимо записать только кому выданы и от кого получены деньги. За свою работу заведующий банком получает достаточно низкую оплату – 50 коп. в день за раздачу и получение ссуд. В кредитном товариществе ведутся 15 книг о 2 000 руб., кроме того, подается отчет в государственный банк ежемесячно. О преимуществах указанных форм сельского кредита в отчете инспектора губернского земства не говорится, лишь дается описание удобства и простоты, выработанной кустарями-шубниками в слободе Холани формы кредита по сравнению с кредитным товариществом, предлагаемым государственным банком⁶¹⁴.

По социально-экономической природе банк представлял собой типичный пример кредитно-производственного товарищества, созданного инициативой снизу массой кустарей в целях повышения эффективности собственных предприятий. Благодаря существованию банка мелкие промышленники успешно избегали эксплуатации со стороны скупщиков и ростовщиков, и их доход намного превышал заработок шубников других селений.

Таким образом, процессы, происходившие в кустарной промышленности региона, определялись двумя основными факторами: состоянием сельскохозяйственной отрасли экономики, ухудшение которого стимулировало крестьян на поиск дополнительных внеземледельческих заработков, в том числе в промышленной деятельности, и расширением масштабов товарно-денежных отношений и включением губернии в систему национального рынка.

Являясь одной из органических сторон традиционного хозяйства, кустарные промыслы находились в тесной связи и обусловленности с аграрной отраслью. Наиболее состоятельные кустари, как правило, имели высокое материальное положение сельхозпроизводителей. В отличие от промышленных губерний, в Курской губернии не прослеживалась закономерность повышения матери-

альной состоятельности кустарей в беднейших группах крестьян (практически порвавших связь с земледелием). В условиях давления со стороны национального рынка кустарь значительно успешнее справлялся с колебаниями конъюнктуры и конкуренцией с товарами мелкой промышленности, поступающими из Нижнего Новгорода, Ярославля, Москвы, Владимира, Тулы, имея стабильное сельское хозяйство, и, напротив, испытывал обнищание, не имея прочной основы в земледелии.

Местная фабричная промышленность не составляла конкуренции промышленным занятиям крестьян и в силу своей малочисленности не «утилизировала» избыточную рабочую силу, выдавливаемую из села.

Существенное препятствие в рекрутировании кустарного населения губернии составлял интенсивный приток промышленной продукции из промышленного центра. Куряне-аграрии, не обладавшие достаточными навыками промышленного труда, предпочитали, в значительной массе, искать заработок черновой, малоквалифицированной работой на стороне.

Несмотря на широкое распространение отходничества, амортизирующего аграрное перенаселение, новые условия хозяйствования все же явились причиной глубокой трансформации традиционной экономики крестьян региона, в том числе промышленной отрасли. Процесс модернизации охватил к началу XX в. 76,3% всех кустарных производств.

Внутри кустарных предприятий, вместе с товаризацией, интенсифицировались новые явления: производственная специализация, переход к производству новых видов изделий, разделение труда. Товаризация кустарной промышленности вызвала ее активное освоение капиталом, которое инициировалось как внутренними социально-экономическими сдвигами в мелком крестьянском промышленном производстве, так и внешними: освоением хозяйственной сферы торговым и промышленным капиталом.

Однако капитализацией не исчерпывалось содержание модернизации кустарной промышленности. В ее

Национальные наряды Курского региона

пространстве выделился сегмент некапиталоемких производств, основу которых составлял ручной труд, сохраняющий общественное значение и в новых условиях.

Таким образом, результатом модернизации явилось не только продуцирование сущностей, качественные характеристики которых указывали на их индустриальную природу, но и феномены, имеющие глубокие корни в традиционном хозяйстве. Дуалистичное содержание, совмещающее как черты традиции, так и характеристики модерна, имела кооперативная форма кустарной экономики, генерированная товарно-денежными отношениями.

Еще одним направлением модернизации стало завершение к концу XIX в. формирования центров промышленного производства, в которых новые условия хозяйствования проявлялись особенно отчетливо и интенсивно.

Список литературы

1. Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1891 год. – Курск–1890.

2. *А.Е. Кулыжный*. Описание кустарных промыслов в Льговском уезде Курской губернии. – Курск: Тип. Курского губернского земства. 1904. 3. Курский сборник с путеводителем по городу Курску и планом города. Издание Курского губернского статистического комитета / Под ред. Н.И. Златоверховникова. Вып. I. – Курск – 1901.

4. Курский сборник. Издание Курского губернского статистического комитета / Под ред. Н.И. Златоверховникова. Вып. II. – Курск – 1902.

5. Курский сборник. Издание Курского губернского статистического комитета / Под ред. Н.И. Златоверховникова. Вып. V. – Курск – 1907.

6. Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса движения с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 1. – СПб- 1903.

7. Материалы по исследованию кустарной промышленности в Курской губернии. Вып. I. Описание кустарных промыслов по отдельным уездам. – Курск – 1904.

8. Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. II. – СПб.– 1894.

9. Очерк деятельности Суджанского уездного земства по развитию кустарных промыслов и описание некоторых из них. – Курск – 1902.

10. Памятная книжка Курской губернии на 1894 год. – Курск – 1894.

11. Памятная книжка Курской губернии на 1898 год. – Курск–1898.

12. Сборник статистических сведений по Курской губернии. Отдел общих. Т. 1-й. I. Крестьянская грамотность и образование Центрального района Курской губернии. II. Промыслы и внеземледельческие занятия крестьян Центрального района. – Курск – 1885.

13. Статистический временник Российской империи. Серия III. Вып. 4.: Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 год. – СПб. – 1884.

14. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XIX. Курская губерния. – СПб. – 1903.

В.Б. ТЕМНУХИН,
независимый эксперт-лесопатолог,
г. Нижний Новгород

Мастера хохломской росписи: династия Мосиных-Ивановых

Ключевые слова: хохломская роспись, народные ремесла

*«Хохлома – это потребность души.
В природе травы зеленеют, отмирают
и оживают вновь. Вот и наша «травка»
под кистью художника всегда рождается заново»*

Н.А. Иванов

В хохломской промысел Николай Иванов пришел не сразу после окончания школы (как другие мастера), а имея за плечами целую трудовую жизнь и службу в армии.

Родился в г.Горьком в многодетной семье. Отец – рабочий (сварщик), участник Великой Отечественной войны. Мать – работница одного из заводов. В семье было 6 детей, 2 из которых умерли в раннем детстве. В 1960 году семья переезжает в Васильсурск, где Николай заканчивает 7 классов школы. В 15 лет начинается его трудовая биография. Работает возчиком на лошади, разнорабочим, молотобойцем в кузнице. Затем по комсомольской путевке Йошкар-Олинского горкома ВЛКСМ в составе группы отправляется строить железную дорогу Абакан – Тайшет. На строительстве – дорожный рабочий. В 1965–1968гг. проходит службу в рядах Советской Армии. Служит в РВСН (Архангельская область, рота охраны, музыкаль-

ный взвод). Окончил службу младшим сержантом. По возвращении зимой 1969 года из армии, учится в школе рабочей молодежи (поселок Юрино республики Марий Эл), работает обрубщиком сучьев на Васильсурском лесопункте. Закончив учебу (девять с половиной классов), уезжает в 1971 году в г.Тольятти, где работает слесарем-сборщиком второго разряда в цехе шасси первого механосборочного производства Волжского автозавода, а затем – художником-оформителем. Занимается, в основном, оформлением стенгазет. Но уже через 8 месяцев после приезда в Тольятти возвращается обратно в Юрино и устраивается, как и прежде, обрубщиком сучьев в Васильсурском спецлеспромхозе комбината «Марийлес». Фактически же работает не только обрубщиком сучьев, но и вальщиком леса, чокеровщиком. На короткое время становится бригадиром лесорубов.

Желая овладеть мастерством художника, обращается в Горьковское художественное училище, однако неполное среднее образование не позволило поступить в него.

Все же желание рисовать пересилило и стало главным в жизни. В 1972 году, узнав из рекламы о существовании хохломской росписи, Николай Иванов приезжает в качестве туриста на ее родину – в село Семино Ковернинского района Горьковской (ныне – Нижегородской) области. Здесь он впервые увидел технику хохломской росписи и познакомился с мастерами хохломы. В том числе, с главным художником фабрики росписи «Хохломской художник» Ольгой Павловной Лушиной и ее директором Александром Васильевичем Веселовым. Вакансий в цех росписи на тот момент не было, поэтому сначала пришлось поработать библиотекарем и заведующим клубом. Однако все же удалось перейти в цех росписи, где работал сначала (с 1972 по 1976 год) как ученик художника, а затем – с 1976 по 1984 год – как художник хохломской росписи 4-го разряда. Успехи начинающего мастера со временем были замечены признанными мастерами промысла, и Николая Иванова перевели в творческую группу предприятия, где он проработал около 10 лет. Особое влияние на молодого художника оказала встреча с потомственным мастером

хохломыской росписи Степаном Павловичем Веселовым, который стал на какое-то время наставником начинающего талантливого художника. Именно от Степана Павловича были усвоены многие особенности и традиции старинного письма. В том числе такой исконный для хохломы вид письма, как «пряник». Секретами хохломыской «травки» поделилась известная мастерица Елизавета Мосина, ставшая тещей Николая Иванова. Многие дали занятия искусствоведов-москвичей Вероники Михайловны Вишневецкой и Юрий Васильевича Максимова, которые те проводили с художниками фабрики.

Постепенно Николай Иванов овладел всеми видами хохломыского письма, но особенно его талант проявился в таких видах письма, как «травка» и «пряник». В изделиях мастера много воздуха и света, орнамент отличается особой утонченностью и цельностью, без излишней скупости либо чрезмерной щедрости на мелкие детали – и это делает художественный образ наиболее притягательным, ценным, полнозвучным.

Причем мастер зачастую не только расписывал изделия, но и самостоятельно изготавливал их как резчик по дереву или токарь, овладев без посторонней помощи токарным делом и мастерством резьбы. С 1984 года по 1988 год он официально считается резчиком ковшечных изделий.

Работая в составе творческой группы, Николай Иванов вошел в своего рода элиту мастеров хохломыской росписи. Его творчество получает известность и признание (прежде всего, в кругах творческой интеллигенции), произведениями художника интересуются искусствовед из Москвы Лидия Федоровна Крестьянинова, специалист РОСИЗО Татьяна Викторовна Горлова, деятели советского кино. Среди них – режиссер документального кино, москвич Анатолий Николаевич Панин, который занимался киносъёмками на фабрике «Хохломыской художник», а затем способствовал популяризации творчества Николая Иванова. В частности, организовал три поездки художника в Польшу, а также выезд на выставки в Германию и Францию.

Поездки в Польшу состоялись в 1986–87 годах. Первая из них включала демонстрацию искусства хохломской росписи в Варшаве, городах Торунь и Кросно; вторая – в городе Торунь; третья – на международном пленэре в районе Бесцады около города Санок в предгорьях Карпат. На пленэре была возможность познакомиться с народными мастерами не только из Польши, но также из Греции, ГДР, ЧССР.

Официальное письмо из ВЦСПС (Всесоюзного Центрального Совета профсоюзов) за №15-8-8/799 от 13.9.1989 за подписью заведующего отделом воспитательной работы, культуры и спорта С.И. Крамаренко уведомило Николая Иванова о том, что эта структура благодарна художнику «за активное участие в празднике ремесел и народных умельцев, который состоялся в Москве 20–21 мая 1989 года», и сообщило о том, что «Секретариат ВЦСПС поддержал предложение участников праздника о создании Ассоциации мастеров народного творчества и ремесел». Кроме того, в нем было приглашение Николаю Иванову принять участие в подготовке и проведении Всесоюзной учредительной конференции этой Ассоциации. Конференцию планировалось провести в Москве 20–22 декабря 1989 года. Планы осуществились, и уже в 1990 году при поддержке упомянутой Ассоциации и страховой компании «Ректайм» состоялась поездка в г. Сиэтл (штат Вашингтон, США) на Игры Доброй Воли, где Николай Иванов провел мастер-класс хохломской росписи в центре Спенсера. Это событие освещалось программой «Время» Центрального телевидения СССР. По условиям организаторов поездки, художник жил как частное лицо в американской семье, а часть его работ была роздана в качестве подарков.

В 1993–1994 годах выезжал для участия в выставках в Германию и Францию. Надо отметить, что выставка во Франции проходила на самом высоком официальном уровне (дирекция Третьяковской галереи, руководство Министерства культуры РФ, ЮНЕСКО) и широко освещалась французской радиовещательной компанией «ЕвропаПлюс».

Далее планировались поездки в Испанию, Италию, Великобританию, но они не состоялись, так как, по словам художника, он устал, испытал сильный нервный стресс.

С 1976 года Николай Иванов – участник отечественных и зарубежных выставок и конкурсов. В том числе таких, как Всесоюзная художественная выставка-конкурс, посвященная XXV съезду КПСС (Москва, 1976); комсомольско-молодежная выставка в честь 60-летия ВЛКСМ (Горький, 1978); ВДНХ СССР (Москва, 1978); выставка «Нижегородские темы» (Горький, 1979), всесоюзная выставка ЭКСПО-79 (Москва, 1979), «Большая Волга» (Казань, 1979); выставка «Россия-80» на ВДНХ СССР (Москва, 1980); областная художественная выставка в Дагестане (1980); областной конкурс (Горький, 1980), республиканский конкурс Министерства местной промышленности РСФСР (Москва, 1982); международная выставка, посвященная 1300-летию Болгарии (1981); ВДНХ СССР (1990); выставка русского народного искусства «Народное творчество: традиции и современность», организованная ЮНЕСКО в Париже (Франция, 1994); выставка русского народного искусства (*Russische Volkskunst*) во Фрайбурге-на-Майне (Германия, 1993–1994); выставка-продажа изделий народных умельцев (мастеров) России, посвященной 100-летию XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки (Нижний Новгород, 1996); выставка «Творчество нижегородских художников во времени и пространстве», организованная к 80-летию Нижегородского областного отделения Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России» (Нижний Новгород, 2013).

С 1987 года – член Союза художников России. Вступлению в Союз способствовала поддержка Анатолия Николаевича Панина и Лидии Федоровны Крестьяниновой.

Как видно, творческий успех и признание заслуг Николая Иванова стали возможны не только благодаря его личному таланту, но и широкой поддержке со стороны окружающих и, особенно, общественных организаций. Разумеется, главными среди них были комсомольские и

партийные, в которых состоял мастер в качестве рядового члена.

На фабрике «Хохломский художник» работал до октября 1988 года. Причем в последние годы работы на фабрике трудился как резчик-надомник: изделия изготавливал в мастерской, оборудованной собственными руками в своем доме. Между тем, вскоре вынужден был покинуть фабрику. По словам мастера, Ольга Павловна Лушина и Александр Васильевич Веселов, которые оказывали ему широкую поддержку, вышли по возрасту на пенсию, а отношение нового руководства оказалось не таким теплым. Кстати, постепенно и сама фабрика при таком подходе к делу разорилась и прекратила свое существование как производство хохломских изделий.

Хохломой в Семино стали заниматься частный предприниматель Евгений Соснин (ООО «Промысел»), открывший производство стилизованных под хохлому деревянных шкатулок и других сувениров, а также «колхоз» – сельскохозяйственный производственный кооператив (СПК) «Семинский», где имеется свой художественный цех. А Николай Иванов, тем временем, трудится изготовителем сувенирных изделий с последующей росписью в организации «Россан» Московского филиала совместного советско-индийского предприятия «Эст-Инд»; в 2005–2006 годах – технологом в мастерской-студии «Братина» при Доме культуры «Радуга» в селе Семино; в 2006–2008 годах – резчиком по изготовлению деревянных ложек в СПК «Семинский». Причем, по словам мастера, еще до официального трудоустройства в СПК «Семинский» он сотрудничал с этой организацией на безвозмездной основе, как волонтер. По достижении пенсионного возраста художник в 2008 году ушел из СПК на заслуженный отдых. В настоящее время – обычный сельский пенсионер без каких-либо заслуг и привилегий.

Работы Николая Иванова хранятся во многих музеях России, включая крупнейшие – Государственный русский музей в Санкт-Петербурге, Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства в Москве. Кроме того, работы мастера имеются в художественных

музеях Нижнего Новгорода, Иркутска, Тулы, Таганрога (Ростовская область); в картинных галереях Саянска (Иркутская область), Красноармейска (Московская область), Сальска (Ростовская область); Пермской художественной галерее; Алексинском художественно-краеведческом музее (Тульская область), Плесском архитектурно-историческом и художественном музее (Ивановская область); музейно-выставочном центре Зеленогорска (Красноярский край). Более 25 работ находятся в запаснике ФГБУК ГМВЦ «РОСИЗО» (Москва). Коллекция работ хранится в музейно-выставочном центре «Отчина» поселка Ковернино Нижегородской области.

В 2014 году в Музее истории художественных промыслов Нижегородской области состоялась выставка «Династия. Мастера художественного промысла», на которой были представлены работы хохломских художников династии Мосиных-Ивановых. В 2016 году в музейно-выставочном центре «Отчина» организована выставка «Волшебные травы хохломы», посвященная 70-летию Николая Иванова.

Награжден дипломом Союза художников РСФСР, дипломом II степени за участие в смотре изделий 1977–1978 гг., серебряной (удостоверение № 4462, 1990 г.) и тремя бронзовыми медалями ВДНХ СССР (удостоверения № 47016 от 9.11.1983, № 39220 от 29.8.1980 и № 43256 от 23.08.1978).

Сам мастер практически не интересуется званиями и наградами, ведет уединенный и весьма скромный образ жизни. Доброжелателен, приветлив. Считает, что его творчество и, особенно, зарубежные поездки были направлены на защиту России от внешних врагов. Источником вдохновения считает общение с Космосом и его мирами в самом широком значении этого слова. Однако в настоящее время, ссылаясь на здоровье, творчеством занимается очень мало.

Несмотря на то, что мастерством художника интересовались многие, включая студентов художественных вузов, учеников, как таковых, у него нет.

В известной степени продолжателем его дела является дочь, Светлана Николаевна Иванова. Она участвовала в

ряде выставок сначала вместе с отцом – выставке русского народного искусства «Народное творчество: традиции и современность», организованная ЮНЕСКО в Париже (Франция, 1994); выставке русского народного искусства (Russische Volkskunst) во Фрайбурге-на-Майне (Германия, 1993–1994); выставке-продаже изделий народных умельцев (мастеров) России, посвященной 100-летию XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки (Нижний Новгород, 1996), – а в дальнейшем самостоятельно принимала участие в выставочной деятельности.

Так, в 2010 году работы Светланы Ивановой можно было увидеть на выставках «Осенний вернисаж-2010» и «Рождественская-2010» Нижегородского областного отделения ВТОО «Союз художников России»; в 2012 году – на Всероссийской художественной выставке «Единение» и областной выставке нижегородских художников «Осенний вернисаж. 2012»; в 2013 году – на всероссийской выставке «Большая Волга» и выставке «Осенний вернисаж. 2013»; в 2014 году – в Музее истории художественных промыслов Нижегородской области на выставке «Династия. Мастера художественного промысла». Между тем, подлинным наставником Светланы Ивановой явилась, безусловно, ее бабушка, мастерица хохломской росписи Елизавета Васильевна Мосина, которая всячески старалась передать свое умение не только родственникам, но всем, кто к ней обращался. И, в первую очередь, молодежи, поскольку вела в Семинской средней школе занятия по хохломской росписи.

Светлана Иванова в равной степени владеет разными стилями хохломской росписи («кудрина», черный фон, красный фон, «древко», «верховое» письмо, «подлисток»). Для ее росписи характерны внешняя легкость рисунка, умеренная насыщенность элементами разной степени сложности, преобладание светлых, золотисто-«солнечных», тонов, внутренняя экспрессия, формирующие неповторимый авторский стиль.

К сожалению, творчество Светланы до сих пор не получило сколько-нибудь значимой поддержки, хотя бы

отдаленно напоминая ту, что была во времена расцвета творчества ее отца и бабушки. Поэтому росписью Светлане приходится заниматься урывками, в непригодном помещении, в свободное от основной работы время. Более того, как следует из официальной переписки, государство ныне не опекает народных мастеров как людей творческих, направляя усилия на поддержку предпринимателей, эксплуатирующих народные промыслы. Так, по меньшей мере, происходит на региональном уровне. Стоит ли удивляться, что промысел медленно угасает; что предприятия хохломской росписи закрываются либо переходят в собственность лиц, далеких от понимания истинного значения народного творчества; что прерываются творческие династии вышедших из народа мастеров росписи и снижается творческий потенциал мастеров?

В заключение следует отметить, что творчество Николая Алексеевича Иванова, странным образом, не получило хорошего приема и достойного освещения в современной литературе и средствах массовой информации, из-за чего художник остается практически неизвестным нынешней широкой публике.

Так, в книге Ф.А.Селезнева «Нижегородские художественные промыслы», адресованной в 2011 году в качестве учебного пособия студентам-историкам и содержащей весьма ценные сведения о тогдашнем состоянии художественных промыслов Нижегородчины, упоминание о Николае Иванове содержит лишь фамилию с инициалами, но ряду других мастеров хохломы уделено существенно большее внимание. На этом фоне настоящим прорывом выглядит вышедшая в 2014 году книга «Хохлома: травка, пряник, кудрина», в которой ее автор, Лариса Леонидовна Букарина, очень тепло отзывается о Николае Алексеевиче Иванове, причем не только как о художнике, но и как о человеке, необычно тонко видящем окружающий мир. Низкий поклон ей за это!

Между тем, чествование 70-летия художника началось исключительно по инициативе одного из его теперешних родственников.

Текст подготовлен с использованием буклета выставки «Волшебные травы хохломы» и материалов, предоставленных семьей художника, а также Музеем истории художественных промыслов Нижегородской области; устного сообщения Калмыковой И.С.

Аннотации к статьям

Балаболкин А.С. Хохломская роспись как интегратор социума, традиции и современность.

В статье рассматриваются проблемы сохранения традиционного художественного промысла и возможности его развития в настоящее время.

Беляева В.Н. Организация металлообработки в селе Лысково в XVII веке.

Статья посвящена истории развития ремесел, связанных с металлообработкой: территориальное объединение, институт ученичества, передача ремесла и связанной с ним собственности по наследству, на территории села Лысково в XVII веке.

Бухаренкова О. Ю. Ремесло как феномен городского быта России второй половины XIX века.

Статья раскрывает специфику отечественного ремесленного производства как особого феномена городского быта российского города XVIII в. Ремесленничество, не сформировавшееся в сословие, так и его экзистенциальные и ментальные характеристики представляли собой сложную палитру «красок», не подававшую во второй половине XIX в. признаков сужения цветовой гаммы. Автор делает вывод, что неоднородный социальный состав отечественного ремесла во второй половине XIX в. отражал нетривиальный и совсем непохожий на «западный» путь его становления и развития.

Варенцова Л.Ю. Нижегородский меднолитейный промысел XIX–XX вв.

В статье рассматривается возникновение и развитие меднолитейного промысла в Нижегородской губернии. Село Пурех Балахнинского уезда представлено как главное место бытования промысла, один из выдающихся

центров меднолитейного производства в России. Источниковой базой для данного исследования послужили дореволюционная периодическая печать, справочные источники, делопроизводственная неопубликованная документация.

Введенский Д.И. Нужно восстановить заглохшие промысла.

Настоящая работа принадлежит перу известного российского ученого-богослова Д.И. Введенского (1873–1954), волею судьбы оказавшегося в Нижнем Новгороде и посвятившего свою научную жизнь в том числе и исследованию кустарной промышленности Нижегородчины. Она, как и некоторые другие его работы данной тематики, была опубликована в третьем номере журнала «Горьковский край» за 1936 г. Несмотря на то, что прошло 80 лет с момента ее выхода в свет, она не потеряла своей актуальности и интереса со стороны исследователей. В условиях, когда государство ищет пути эффективной поддержки кустарных промыслов, занятости населения и насыщения рынка качественными отечественными товарами, опыт, отраженный в этой работе, может оказаться бесценным. Публикация подготовлена А.В. Любавиным и С.В. Петряевым.

Галкина М.В. Современное декоративно-прикладное искусство как проявление творческих способностей и средство реализации художественного потенциала.

В статье автор рассматривает аспекты современного декоративно-прикладного искусства не только как сложившегося комплекса традиционных промыслов, но и с точки зрения массового декоративного творчества непрофессиональных мастеров. Автор рассматривает некоторые причинно-следственные связи между активным увлечением традиционными промыслами со стороны групп населения, не имеющих профессионального художественного образования, но с интересом вовлекающихся в выставочные и реализационные процессы художественного творчества. В заключение статьи автор предлагает рассмотреть современное декоративное искусство с точки

зрения занятости населения в производственных возможностях кустарных промыслов.

Григорова В.А. Из истории металлургических предприятий в Центрально-Черноземном регионе на базе кустарных промыслов.

В статье на примере отдельного региона страны – Центрального Черноземья показано значение кустарных промыслов в процессе формирования и развития крупного промышленного производства. Хронологический период определен с середины XVII до конца XIX веков. Автор раскрывает роль мелких товаропроизводителей в подготовке сырьевой базы, в формировании кадрового состава для обслуживания производственного процесса фабрик и заводов, а также в создании мелких кустарных заведений, которые при наличии определенных условий перерастали в крупные капиталистические предприятия региона с собственными филиалами в других районах России.

Дегтева О.В. Отражение крестьянских промыслов Нижегородской губернии в церковных документах второй половины XIX – начале XX столетия.

Автор статьи анализирует церковные документы как источник изучения, позволяющий раскрыть новые грани проблемы развития кустарных промыслов Нижегородской губернии.

Егоров В. Г. Малые экономические формы самоорганизации населения как фактор развития.

Статья посвящена проблемам создания условий и механизмов рекрутирования в экономику широких масс населения, развития малых форм хозяйственной организации, их месту в цивилизационном процессе и совершенствовании российского механизма хозяйствования, конструктивной роли традиционных социально-экономических укладов в качестве дополнительного фактора роста.

Зозуля О.А. Народные промыслы в экономическом и правовом пространстве России.

Статья раскрывает проблемы развития народных промыслов на как современном этапе, так и в исторической ретроспективе. Особое внимание уделено формированию правового обеспечения функционирования народных художественных промыслов и ремесленничества. Автор акцентирует внимание на потенциальных возможностях народных промыслов как форме самозанятости населения, особенно актуальной в условиях санкционной политики Запада.

Иншаков А. Экономическая самоорганизация сельского населения.

Самоорганизация является неотъемлемой частью эволюции общества. В статье рассматриваются особенности процесса экономической самоорганизации сельского населения.

Казарина Н.И., Макаров И.А. Из истории кирпичного производства второй половины XIX века в Нижегородской губернии.

Статья посвящена сложной системе взаимоотношений сложившихся в сфере производства кирпича в нижегородской губернии в пореформенный период. Авторы отмечают характерную особенность отрасли, которая характеризовалась тем, что кирпичникам региона, в отличие от изразечников, удалось дольше продержаться в бурном море капиталистической экономики, но общая тенденция наступления крупного бизнеса и вытеснение с рынка мелких конкурентов сказалась и здесь.

Карташова М.В. Российское общество и кустарные промыслы в последней трети XIX – начале XX века.

В статье анализируется отношение государственных, общественных организаций и частных лиц к проблемам кустарных промыслов, стоящим в последней трети XIX – начале XX в. На основе архивных и опубликованных источников делается вывод о существовании в Российской империи целого общественного движения, широко поддержанного государством, направленного на развитие кустарных промыслов. В движение были включены

представители всех сословий и общественных групп, что способствовало не угасанию, а бурному расцвету кустарной промышленности, и, прежде всего, народных художественных промыслов.

Козлова Л.Г. Промысловое село Избылец во второй половине XVIII – XIX вв.

Статья посвящена истории и исчезновения одного из крупных в прошлом центров канатно-прядельного промысла в селе Избылец Горбатовского уезда Нижегородской губернии.

Лебедева О. Н., Мустафин И. Р. Организация хозяйства промыслово-земледельческих крестьян деревни Андронов Балашнинского уезда Нижегородской губернии на рубеже XIX–XX вв.

В статье отмечается, что в социально-экономическом развитии России кустарное производство играло существенную роль. Являясь традиционной основой жизни и быта российского крестьянства, с присущими ему специфическими чертами и особенностями, кустарное производство со временем превратилось в одну из базовых составляющих формирования фабрично-заводской промышленности. В современное время, когда на первый план выходят вопросы развития малого предпринимательства, поиска эффективных путей функционирования муниципальных территорий, в том числе в сельских местностях, изучение опыта организации хозяйства промыслово-земледельческих крестьян занимавшихся кустарным производством на рубеже XIX–XX вв. является актуальным и значимым.

Ледров С.М. Промыслы по обработке сырья животного происхождения как пример экономического самоопределения сельского населения Нижегородской губернии в конце XIX века.

В статье определено значение кустарных промыслов как традиционного механизма самоорганизации населения, ставшего формой экономического самоопределения крестьянских хозяйств в период перехода к

товарно-денежным отношениям. Перечислены причины широкого развития кустарного производства в Нижегородской губернии и проанализировано развитие местной промышленности по обработке сырья животного происхождения. Несмотря на наличие в этой отрасли относительно крупных предприятий фабрично-заводского типа, большинство заведений развивалось в рамках кустарного производства. Автором определены структура отрасли, включающей в себя 10 производств, степень распространения каждого производства в пределах губернии и его основные центры.

Любавин А.В., Петряев С.В. К истории развития кожевенного промысла в селе Богородском Горбатовского уезда Нижегородской губернии в XVIII веке.

В статье рассматривается развитие кожевенного промысла в с. Богородском Горбатовского уезда Нижегородской губернии в XVIII веке. Богородское, ныне г. Богородск, в изучаемый период являлся владением нижегородской линии Шереметевых и представлял один из крупнейших центров этого вида хозяйственной деятельности в России. Время, которому посвящена статья, остается малоизученным по причине узости документальной базы. Авторы, используя вновь открытые и уже опубликованные материалы на эту тему, показали, что уже в XVIII веке в с. Богородском сформировалась специализация кожевенного промысла, получившая дальнейшее развитие в XIX веке.

Маршева И. В. Реализация изделий с хохломской росписью в 1920–30 гг. на зарубежном рынке.

В сообщении публикуются некоторые малоизвестные сведения о бытовании изделий с хохломской росписью на международном рынке в 1920–30 гг. и осмыслению связи стиливых и эстетических особенностей изделий с их успехом на потребительском рынке.

Медведева А.А. Народные промыслы в женских монастырях Нижегородской епархии в XIX – начале XX в.

Данное сообщение подготовлено по фондам Центральной городской библиотеки г. Нижнего Новгорода, книг открытого доступа и редкого фонда, и представляет собой обзорный материал о развитии промыслов, связанных с производством изделий для монастырей Нижегородского региона.

Палеолог М.В. Исторические и природные условия развития кустарных промыслов в подмосковной деревне.

В статье исследуются региональные особенности, определившие целый спектр факторов, опосредовавших развитие кустарных промыслов в Подмосковье, которые, по мнению автора, не сводились исключительно к неблагоприятным условиям для ведения сельского хозяйства.

Ратчин Я.А. Кустарные кооперативы и кооперативное движение Московской губернии.

Статья раскрывает глубинное содержание таких общественных феноменов как кооперация и кооперативное движение, обращаясь к истории кооперации мелкого промышленного производства Московской губернии. Кооперативная тенденция реализовывалась в бесконечно многообразной экономической реальности, что обусловило множество конкретных форм ее воплощения, о чем свидетельствуют материалы, собранные исследователем.

Сарыков Е.С. Трансформация хозяйственного строя кустарей Курской губернии на рубеже XIX – XX столетий.

В статье рассматриваются некоторые итоги модернизации кустарной промышленности Курской губернии к началу двадцатого столетия, ее социально-экономическая структура, претерпевшая качественные изменения и впитавшая новые, характерные индустриальной эпохе тенденции развития.

Селезнев Ф.А. Г.П. Матвеев и Школа художественной обработки дерева: к 100-летию бытования хохломской росписи в городе Семенове.

В статье показана роль Г.П. Матвеева в становлении хохломской росписи в г. Семенове Нижегородской губернии в 1916–1931 гг. Рассматривается история Семёновской школы Художественной обработки дерева как предшественницы фабрики «Хохломская роспись».

Темнухин В.Б. Мастера хохломской росписи: династия Мосиных-Ивановых.

Автор статьи показывает прошлое хохломского промысла через историю персоналий. Автор раскрывает роль и значение члена Союза художников России Николая Алексеевича Иванова в развитии известного Нижегородского промысла – хохломская роспись.

Примечания

- ¹ Becattini, G. *Ilcalabrone Italia*. Bologna, Mullno, 2008. S.107
- ² Becattini, G. The Marshallian industrial district as a socioeconomic notion // Pyie F., Becattini G., Sengenberger W. (eds.) *Industrial districts and inter-firm cooperation in Italy*. Geneva: International Institute for Labour Studies, 1990. P. 38.
- ³ Япония-2000: Консерватизм и традиционализм. – М.: «Восточная литература» РАН, 2000, С. 129–130.
- ⁴ Белая книга по мелким и средним предприятиям. Токио, 1997, С. 174
- ⁵ Тоффлер Э. *Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века*: пер. с англ. М.: АСТ – Москва, 2009. С. 229–230.
- ⁶ Фурсов А.И. Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории // *ОбозревательObserver*. № 6. 2012, С. 71.
- ⁷ См., например, Егоров В.Г., Зозуля О.А. Трансформация кустарных промыслов России во второй половине XIX в. // *Вопросы истории*. № 6. 2015. С. 88–103.
- ⁸ Фурсов А.И. Указ. соч.
- ⁹ Кондратик. Л. Концептуализация понятий «моральная экономика» и «экономическая мораль» // *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2. 2008. С. 107.
- ¹⁰ *Ведомости* № 199 (4188). 2016. С. 5.
- ¹¹ *Ведомости*. № 211 (4200). 2016, С. 1.
- ¹² *Ведомости*. № 211 (4200). 2016, С. 20.
- ¹³ *Парламентская газета*. № 37 (2759). 2016, С. 7
- ¹⁴ <http://delonovosti.ru/business/3130kustarnoeiproizvodstvo>
- ¹⁵ Нефедова Т. Многоукладность сельской экономики и хозяйственная самоорганизация сельских обществ // *Отечественные записки*. № 1. 2006. С. 9–19.
- ¹⁶ См., например, Егорова М.Г. Преемственность и семейные традиции в становлении и развитии кустарных крестьянских промыслов центрального региона России в конце XIX – начале XX веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Иваново. 2005.
- ¹⁷ См., например: *Художественные промыслы России: Проблемы сохранения и развития традиционных народных художественных*

промыслов России в условиях рыночной экономики. Вологда, 1994.

¹⁸ <http://ica.coop>

¹⁹ www.ilo.org

²⁰ www.confecoop.

²¹ <http://ica.coop>.

²² Coop Norden AB Annual Reports. 2007

²³ <http://ica.coop>.

²⁴ Егоров В.Г., Мамадов М.М., Штоль В.В. Консервативная модернизация постсоветских политических режимов СПб., 2016.

²⁵ Егоров В.Г. Кооперация в современной России. СПб., 2013. С. 324.

²⁶ Егоров В.Г., Зозуля О.А., Палеолог М.В. Кустарные промыслы нечерноземной деревни второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах Московской губернии). М., 2011, С. 140–155.

²⁷ Нижегородский сборник. Изд. Нижегородским губ. стат. Комитетом под ред. А.С. Гациского. – Т. VIII. Н.Новгород, 1871. – С. 86, 121; там же. Т. Ч, С. 3 46; Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. – Вып. VI. С. 541.

²⁸ Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. II (Калужская и Нижегородская губерния) СПб. 1979. С. 291.

²⁹ Воронцов В.П, Артель в кустарном промысле. СПб., 1895. С. 11.

³⁰ Нижегородский сборник. – Т. IX. – 1879. – С. 17. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. – Вып. VI (Нижегородская и Ярославская губ.) СПб. 1880. С. 627. Там же. – Вып. V (Черниговская, Тверская, Московская и Нижегородская губернии). – 1880. С. 330–331.

³¹ См.: Холмс Л. Социальная история России: 19171941. Ростов-на-Дону. 1994.

³² <http://krasaderevni.ru/villages/vyatskoe/?yclid=7380066122365144143>

³³ Сучкова С. Ю. Развитие потенциала конкурентоспособности товаров народных художественных промыслов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. СПб., 2011.

³⁴ docs.cntd.ru/document/901723815

³⁵ Вересаев В.В. Живая жизнь. Киев. 1988. С. 103104.

³⁶ Некрасова М.А. Народные мастера. Традиции и школы. М., 2006. С. 13

³⁷ Официальный сайт Правительства Московской области. http://me.mosreg.ru/multimedia/novosti/novosti/1503201612554ministerstvoekonomikimoskovskoyoblastipodvelo/?sphrase_id=3135889

³⁸ Буровкина Л.А. Народное декоративноприкладное искусство – основа формирования духовнонравственной культуры учащихся / Среднее профессиональное образование. № 4 / 2010. С. 33.

³⁹ Дубровский П.С. Народные промыслы как форма мелкотоварного производства (экономико-теоретический очерк с историческими вставками). Монография. Иваново-Шуя, 2005. С. 15.

⁴⁰ Дубровский П.С. Народные промыслы как форма мелкотоварного производства. С. 10.

⁴¹ Парламентские слушания «Законодательная поддержка сохранения и развития народных художественных промыслов России» 30 октября 2008 г. // <http://www.garant.ru/news/15448/> Дата обращения: 20.10. 2016; Парламентские слушания «Народные художественные промыслы: проблемы сохранения и развития». 26.04.2011/ <http://archive.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/29712>. Дата обращения: 20.10. 2016

⁴² Кустарное дело в России. Т. 1. Исторический ход развития кустарного дела в России. Деятельность правительства, земств и частных лиц. СПб., 1904.

⁴³ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» ФЗ № 209 от 24 июля 2007 г. / Консультант +

⁴⁴ Кустарное дело в России. С. 29.

⁴⁵ Кустарное дело в России С. 30.

⁴⁶ РГИА Ф. 395. Оп. 1. Д 477.Л.3; Ф. 400. Оп. 1. Д. 9. Л.2.; ЦГИАМ. Ф. 184. Оп. 4. Д.Л.3.

⁴⁷ Зозуля О.А. Кустарные мастерские Московской губернии как фактор повышения профессионального образования крестьян-промысловиков. / Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2014. Т. 5. № 3. С. 82–87.

⁴⁸ Гриневицкий В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности. Харьков. 1919. С. 28.

⁴⁹ Гриневицкий В.И. Указ. соч. С. 31.

⁵⁰ Ажаева В.С. Мелкое предпринимательство в России (конец XIX в. – начало XX в.). Аналитический обзор. М., 1994. С. 5.

⁵¹ Туган-Барановский, М.И. Социальные основы кооперации / М.И. ТуганБарановский. – Л., 1921. С. 386.

⁵² Там же.

⁵³ История социалистической экономики СССР. М., 1977. С. 259.

⁵⁴ См.: Вестник кустарной промышленности. 1929. № 1–4.

⁵⁵ Народное хозяйство России за 1921/22 г.: Статистический ежегодник. С. 526.

⁵⁶ Достижения советской власти за 40 лет в цифрах: Статистический сборник. М., 1957. С. 43.

⁵⁷ Егоров В.Г. Кооперация в мелком промышленном производстве: формирования, этапы развития, огосударствление (первая треть XX в.). Казань. 2005. С. 76.

⁵⁸ Пасс А.А. Советское государство и промысловая кооперация: эволюция отношений (конец 1930-х – начало 1940 годов) / Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов II Всероссийской конференции. Челябинск., 2012. С. 186.

⁵⁹ Кооперативная и местная промышленность в послевоенной пятилетке. М., 1948. С. 12.

⁶⁰ См.: Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1941. № 12.

⁶¹ Из выступления С. М. Линовича, председателю совета директоров ЗАО «Экспедиционно-складской и торговый комплекс «Народные художественные промыслы», г. Москва на парламентских слушаниях «Народные художественные промыслы: проблемы сохранения и развития» / <http://archive.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/29712>. Дата обращения: 20.10. 2016.

⁶² Народные художественные промыслы. Теория и практика. Сб. науч. Трудов. М. 1982 г. С. 7.

⁶³ О мероприятиях по развитию местной промышленности и художественных промыслов». Постановление Совета Министров СССР от 30 сентября 1966 г. № 794/ Консультант +.

⁶⁴ «О дальнейшем развитии народных художественных промыслов в РСФСР». Постановление Совета Министров РСФСР от 4 мая 1982 г. №269 / Консультант +.

⁶⁵ См.: Комментарий к Федеральному закону от 6 января 1999 г. № 7ФЗ «О народных художественных промыслах» (постатейный) (Марлухина Е.О.) (Подготовлен для системы Консультант Плюс, 2007) / Консультант +.

⁶⁶ Комментарий к Федеральному закону от 6 января 1999 г. № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах» (постатейный) (Марлухина Е.О.) (Подготовлен для системы Консультант Плюс, 2007) Консультант +.

⁶⁷ <http://promisly.ru/programmankhp>; <http://msp.nnov.ru/registry/program/srf/22,1198373/> Дата обращения 19.11.2016.

⁶⁸ <http://msp.nnov.ru/registry/program/srf/22,1198373/> 19.11.2016

⁶⁹ <http://izvestia.ru/news/589629>. Дата обращения 30.09.2016.

⁷⁰ См.: <http://izvestia.ru/news/589629>. Дата обращения 30.09.2017.

⁷¹ Плохих А.А. Жизнь и творчество Г.П. Матвеева // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических статей. Выпуск 13. Нижний Новгород, 2013. С. 253.

⁷² Там же. С. 253–254.

- ⁷³ Архив Семеновского историкохудожественного музея. Инв. № 74/138. Вып. 64. Воспоминания А.П. Саечниковой (Сидо).
- ⁷⁴ Емельянова Т. , Китаева Л. Любовь моя, Хохлома: К 50-летию Семеновского объединения «Хохломская роспись». Горький, 1981. С. 27.
- ⁷⁵ Архив Семеновского историкохудожественного музея. Инв. № 605. Красильников В. Наша Хохлома: История Семеновского п/о «Хохломская роспись». Рукопись. (1978 год). С. 12.
- ⁷⁶ Архив Семеновского историкохудожественного музея. ВСП 837/17. Ящик 12. Папка 1а. Документы по истории Семеновской школы ХОД. Отчет инспектора Семеновского УОНО Т. Рукомойникова по обследованию учебнопроизводственных мастерских по художественной обработке дерева и папье-маше. Л.1.
- ⁷⁷ Гараничев Е. В Семеновском музее // Горьковская область. 1939. № 2. С. 37.
- ⁷⁸ Емельянова Т. , Китаева Л. Указ. соч. С. 28–30.
- ⁷⁹ Ее цветное фото см.: Емельянова Т. И. Золотые травы России. Горький, 1973. С. 50.
- ⁸⁰ Красильников В. Указ. Соч. С. 12.
- ⁸¹ Нижегородские губернские ведомости. 1855. № 49.
- ⁸² Забелин И. Е. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве // Вестник Европы. 1871. № 1.
- ⁸³ Гейман В. Хозяйство крупного феодала крепостника XVII века // Вестник АН СССР. 1933. № 6.
- ⁸⁴ Петрикеев Д. И. О некоторых материалах по истории вотчины боярина Б. И. Морозова // Исследования по отечественному источниковедению. М.–Л., 1964.
- ⁸⁵ Сербина К. Н. Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI – первой половины XIX в. Л., 1978.
- ⁸⁶ Филатов Н. Ф. Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке: История. Архитектура. Горький, 1989.
- ⁸⁷ Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека. Рукописный отдел (далее – НГОУНБ РО). Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1–121 об.
- ⁸⁸ НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 146–256 об.
- ⁸⁹ НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1–178 об.
- ⁹⁰ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (далее – РГБ ОР). Ф. 178. Д. 9986. Л. 4–159.
- ⁹¹ Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 13. Л. 351–499.
- ⁹² НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 2–286.
- ⁹³ НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1–133.

- ⁹⁴ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 37.
- ⁹⁵ НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 188 об.; Ед. хр. 5. Л. 41; ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 13. Л. 429 об.
- ⁹⁶ Забелин И. Е. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве // Вестник Европы. СПб., 1871. Т. 1.; Гейман В. О хозяйстве боярина Б. И. Морозова // Хозяйство крупного феодала крепостника XVII века. М.–Л., 1933. Ч. 1; Петрикеев Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII в.: По материалам вотчины боярина Б. И. Морозова. Л., 1967.
- ⁹⁷ Хозяйство крупного феодала крепостника XVII века. / Под ред. А. И. Яковлева. М.–Л., 1936. Ч. 2. С. 160.
- ⁹⁸ Сербина К. Н. Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI – первой половины XIX в. Л., 1978. С. 138.
- ⁹⁹ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова / Под ред. А. И. Яковлева. М.–Л., 1940. Ч. 1. С. 159.
- ¹⁰⁰ Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII – XIX вв. М.–Л., 1949. С. 34.
- ¹⁰¹ Петрикеев Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII в.: По материалам вотчины боярина Б. И. Морозова. Л., 1967. С. 127–130.
- ¹⁰² Сербина К. Н. Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI – первой половины XIX в. Л., 1978. С. 138.
- ¹⁰³ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова / Под ред. А. И. Яковлева. М.–Л., 1940. Ч. 1. С. 149–150.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 159.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 175.
- ¹⁰⁶ Хозяйство крупного феодала крепостника XVII века / Под ред. А. И. Яковлева. М.–Л., 1936. Ч. 2. С. 35.
- ¹⁰⁷ Забелин И. Е. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве // Вестник Европы. 1871 Т. 1. С. 498.
- ¹⁰⁸ Сербина К. Н. Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI – первой половины XIX в. Л., 1978. С. 175.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 138.
- ¹¹⁰ Чекан И. В. Тульские и Каширские железные заводы XVII века // Очерки по истории и промышленности в России в XVII и в начале XVIII столетия. М., 1928. С. 143–162.
- ¹¹¹ Колчин Б. А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. Т. 2. № 12. С. 203.
- ¹¹² Кирьянов И. А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький, 1961. С. 10.

- ¹¹³ Филатов Н. Ф. Веси Нижегородского края: Очерки истории сел и деревень Поволжья. Н. Новгород, 1999. С. 207–213.
- ¹¹⁴ НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 190 об. – 191.
- ¹¹⁵ Сербина К. Н. Крестьянская железодельная промышленность Центральной России XVI – первой половины XIX в. Л., 1978. С. 135.
- ¹¹⁶ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого XVII в. М., 1960. С. 399–400.
- ¹¹⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1088. Оп. 10. Д. 17. Л. 18.
- ¹¹⁸ Выпись с отказных книг на село Павлово с деревнями 151-го году // Ротштейн О. В, Шилова Н. И. Павлово в XVII веке. М., 1930. С. 54.
- ¹¹⁹ Санкт-Петербургский Институт истории РАН (далее – СПб. ИРИ РАН). Ф. 141. Д. 23. Л. 1–2.
- ¹²⁰ НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 20–22, 188 об–189 об.; Ед. хр. 5. Л. 40 об–42; ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 13. Л. 423–424, 429–429 об.; РГБ ОР. Ф. 178. Д. 9986. Л. 38 об–42.
- ¹²¹ При анализе источников за период с 1624 по 1700 гг. было выявлено 84 семьи, члены которых предпринимали попытки заниматься металлообработкой.
- ¹²² Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова / Под ред. А.И. Яковлева. М.–Л., 1940. Ч. 1. С. 128.
- ¹²³ НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 190.
- ¹²⁴ ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 13. Л. 392 об., 423.
- ¹²⁵ НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 42.
- ¹²⁶ НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 62, 80 об.
- ¹²⁷ Там же. Л. 62.
- ¹²⁸ Сербина К. Н. Крестьянская железодельная промышленность Центральной России XVI – первой половины XIX в. Л., 1978. С. 137. В ранних работах возможность наличия учеников у мастеров XVII века не отрицалась – Сербина К. Н. К вопросу об ученичестве в ремесле русского города XVII века // Исторические записки. М., 1946. Т. 18. С. 152–155.
- ¹²⁹ Заозерская Е.О. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII в. // Вопросы истории. 1949. № 6. С. 77.
- ¹³⁰ Данилова Л. В. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII – начале XVIII вв. (по материалам города Ярославля) // История СССР 1957. № 3. С. 103. Тальман Е.М. Ремесленное ученичество Москвы в XVII веке // Исторические записки. М., 1948. Т. 27. С. 6795.

- ¹³¹ НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 20.
- ¹³² Там же. Л. 39.
- ¹³³ ГУ ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 13. Л. 423, 497 об.
- ¹³⁴ Там же. Л. 392 об.
- ¹³⁵ НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 41 об., 52.
- ¹³⁶ НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 144.
- ¹³⁷ РГБ ОР. Ф. 178. Д. 9986. Л. 62.
- ¹³⁸ НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 61 об., 81.
- ¹³⁹ НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 20 об., 39.
- ¹⁴⁰ ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 13. Л. 392 об., 423–423 об.
- ¹⁴¹ НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 62.
- ¹⁴² РГБ ОР. Ф. 178. Д. 9986. Л. 41; НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 62.
- ¹⁴³ РГБ ОР. Ф. 178. Д. 9986. Л. 40.
- ¹⁴⁴ НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 62, 80 об.–81.
- ¹⁴⁵ ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 13. Л. 429–429 об.
- ¹⁴⁶ НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 42, 174.
- ¹⁴⁷ Там же. Л. 39.
- ¹⁴⁸ Сербина К. Н. Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI – первой половины XIX в. – Л., 1978. – С. 177.
- ¹⁴⁹ ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 13. Л. 389.
- ¹⁵⁰ НГОУНБ РО. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 172, 173; Ед. хр. 8. Л. 76 об.–77.
- ¹⁵¹ Филатов Н. Ф. Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке: История. Архитектура. – Горький, 1989. – С. 140–142.
- ¹⁵² ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 13. Л. 392 об., 429–429 об.
- ¹⁵³ Там же. Л. 392–392 об.
- ¹⁵⁴ Сербина К. Н. Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI – первой половины XIX в. Л., 1978. С. 77.
- ¹⁵⁵ Изделия кустарной промышленности Нижегородской губернии / Сост. С. А. Жевайкин. СПб., 1902. С. 1516.
- ¹⁵⁶ См. Егоров В.Г., Чистова С. М. Городское ремесленное производство России в отечественной историографии. М., 2009.
- ¹⁵⁷ См., например: Мухачев Е. Заметки о губернском городе Перми // ЖМВД. – 1860. Ч. 45; Дитятин И. Устройство и управление городов России. Городское самоуправление в России. Городское управление до 1870 года. Т. II. Ярославль, 1877; Торчков А.О. О состоянии торговли и промышленности в городах: Волхове, Малоархангельске,

Кромахе, Дмитровске. Орел, 1896; Семенов Тянь-Шанский В. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910; Рындаунский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958; Миронов Б.Н. Социальная структура городского населения России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Генезис и развитие капитализма в России. Проблемы истории города: Межвузовский сборник / Под ред. проф. И.Я. Фроянова. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988 и др.

¹⁵⁸ Зомбарт Вернер. Политическая экономия промышленности. СПб., б/г.; Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX вв. М.; 1897; Промышленность / Под ред. М.И. Водовозовой. СПб., 1905; Зак С. С. промышленный капитализм в России. СПб., 1917; Рашин А.Г. Формирование промышленного пролетариата в России. Статистико-экономические очерки. М., 1940; Любимиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М: ОГИС. Госполитиздат, 1947; Копылов Д.И. Развитие обрабатывающей промышленности г.Тюмени в конце XVIII – первой половине XIX в. // Города Сибири. Новосибирск, 1974 и др.

¹⁵⁹ Корсак А.О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. М., 1961; Ремесленник, изданный Другом Ремесленников. СПб., 1863; Степанов Н. сравнительно-исторический очерк организации ремесленной промышленности в России и западно-европейских государствах. Киев, 1864; Кулишер М.И. Цехи у нас и в Европе // Русская мысль. Ноябрь, М., 1887; Таранцов А. В мастерской (Из записок русского ремесленника) М., 1887; Миропольский В.Н. О ремесленных заведениях. Всероссийский торгово-промышленный съезд 1896 г. в Нижнем Новгороде. СПб., 1896; Ядров А.И. О сохранении церковного управления. СПб., 1897; Тюфилин А.М. Записка о состоянии ремесленности. Казань, 1906; Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1952; Ольховая Л.В. К истории развития мелкой промышленности Урала в конце XIX – начале XX вв. (до Первой мировой войны). Вопросы экономической истории и экономической географии. Свердловск, 1964; Клейн И.Л. Мелкая промышленность Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX вв. (К вопросу о мелкотоварном укладе в экономике России) // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972; Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX вв. М., 1995 и др.

¹⁶⁰ Олюнина Е.А, Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губ. М., 1914; Марголин С. О. Портняжное производство. Пб., 1915; Тульские оружейники / Отв. ред. И.Н.Юркин, отв.сост. Н.К.Фомин. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003 и др.

¹⁶¹ Ленин В.И. Кустарная перепись 189495 года в Пермской губернии. П.С.С., Т. 2; «Давно бы пора отбросить это выделение, основанное на предрассудке и на преувеличении отживших свое время сословных перегородок», С. 22; Риндзанский П.Г. «Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг.». М., 1978, С. 310

¹⁶² Соколов Н.Д. Промысловые занятия Московской губернии и его обращаемость в лечебницы. М., 1909, С. 51 (Подсчитано автором).

¹⁶³ Писемский А.Ф. Соб. соч. в 9-ти томах. Том 2. М., 1959, С. 174.

¹⁶⁴ См., например: Ковальченко И.Д., Малов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX века. М., 1974.

¹⁶⁵ Журнал Министерства внутренних дел. № 4. 1834.

¹⁶⁶ Журнал МВД. № 4. 1934, С. 157, 158.

¹⁶⁷ Военностатистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Т. XIII. Ч. 2. Воронежская губерния. СПб, 1859. С. 45–46.

¹⁶⁸ Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск. 1860. С. 68.

¹⁶⁹ Военностатистическое обозрение Российской империи. Т. XIII. Ч.3 Курская губерния. СПб, 1850, С. 69.

¹⁷⁰ Субботин А.П. Губернский Владимир в 1977 г. // Ежегодник Владимирского губстаткомитета. Вып. 3. Владимир. 1880, С. 183, 184.

¹⁷¹ ГАВО. ф. 263. оп. 1. д. 155. л. 1–2.

¹⁷² ЦГАСО. ф. 316. оп. 1. д. 1902. л. 5.

¹⁷³ ГАСК. ф. 7. оп. 2. д. 193. л. 4.

¹⁷⁴ ГАТО. ф. 3. оп. 1 д. 579. л. 1–2.

¹⁷⁵ См: Егоров В.Г. Социальный состав ремесленного населения России во второй половине XIX в. // Вопросы истории. № 1, 2011, С. 28–40.

¹⁷⁶ Руднев С. Ф. Промыслы крестьян в Европейской России // Сборник Саратовского земства. 1894. № 6., С. 209–210.

¹⁷⁷ ЦИАМ. ф. 188. оп. 4. ед. хр. 301. л. 4 (Расчеты выполнены автором).

¹⁷⁸ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. М., 2008., С. 265.

¹⁷⁹ См., например: Смурова О.В. Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на эволюцию образа жизни города и деревни в 1861–1914 гг. На материалах СанктПетербурга, Москвы, Костромской, Тверской и Ярославской губерний. Диссертация на соискание ученой степени доктора ист. наук. 2005. Ярославль. С. 115–137.

- ¹⁸⁰ Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии. Статистический очерк. Ярославль. 1903, С. 281.
- ¹⁸¹ Гиляровский В.А. Соч. в 4-х томах. Т. 2. М., 1968. С. 38, 40.
- ¹⁸² Промыслы и неземледельческие занятия крестьян центрального района. Курск. 1887. С. 42.
- ¹⁸³ Протопопов Д. О промыслах государственных крестьян Московской губернии // Журнал министерства государственных имуществ. 1843, Ч. IV, кн. 2, стр. 225.
- ¹⁸⁴ Успенский Г.И. Сочинения. В 2-х т. Т. I. М., 1988, С. 32–33.
- ¹⁸⁵ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. VI. Вып. II. М., 1880, С. 86.
- ¹⁸⁶ Там же.
- ¹⁸⁷ Пригородная слобода Казацкая // Курский сборник. Вып. II. Курск. 1902.
- ¹⁸⁸ Пригородная слобода Казацкая // Курский сборник. Вып. II. Курск. 1902, С. 184.
- ¹⁸⁹ Олюнина Е.А. Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губ. М., 1914, С. 48, 51, 190, 244, 248.
- ¹⁹⁰ Труды Всероссийского съезда по ремесленной промышленности в Петербурге. 1900 г. СПб, 1900. Т. 3, С. 261–262.
- ¹⁹¹ Успенский Г.И. Сочинения. В 2-х т. Т. I. М. 1988, с. 33.
- ¹⁹² Гиляровский В.А. Сочинения в четырех томах. Том 4. М., 1968, С. 30.
- ¹⁹³ Гиляровский В.А. Сочинения в четырех томах. Том 4. М., 1968, С. 68.
- ¹⁹⁴ Н.В.Шелгунов. Очерки русской жизни. («Рус. Вед.», 1885 г. «Рус. Мысль» 1886–1891 г.) – СПб, 1895, С. 88.
- ¹⁹⁵ ЦГИА. ф. 223. ос. 1, д. 5090, л. 17 об.
- ¹⁹⁶ Олюнина Е.А. Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губ. М., 1914, С. 242–244.
- ¹⁹⁷ См., например: Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. Под ред. И.П. Загоскина. Казань, 1895, С. 508.
- ¹⁹⁸ ГАВО. Ф. 263. Оп. 1. д. 148а. л.14.
- ¹⁹⁹ ГГИА. ф. 1287. оп. 1, д. 545. л. 122 об.
- ²⁰⁰ Тарачков А. О состоянии торговли и промышленности в городах: Болхове, Малоархангельске, Кромах и Дмитровске. Орел. 1869.
- ²⁰¹ Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр. 19\8011895. М., 1972. С. 62, 68.
- ²⁰² ЦИАМ. ф. 6. Оп. 1. ед. хр. 7.л. 36.
- ²⁰³ Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия. М., 1990. С. 64–65.

²⁰⁴ Черкашин О.Н. Определение понятия «дворовые люди» в правовых актах и мемуарных источниках XIX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 19. С. 88.

²⁰⁵ Тарасов Б.Ю. Россия крепостная. История народного рабства. М., 201, С. 243.

²⁰⁶ Описание людской избы и быта дворовых // Тарханы. Государственный Лермонтовский музейзаповедник. /tarhany.ru/museum/nauchnie_statii/tarhanskie_vestniki

²⁰⁷ Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России. Т. 2. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. СПб, 1888. С. 273.

²⁰⁸ Труды Государственного Исторического музея. Вып. XVIII. М., 1947, С. 179.

²⁰⁹ РГИА. ф. 1287. Оп. 44. д. 479. л. 120.

²¹⁰ Таблица составлена на основании: Справочная книга о купцах гор. С. Петербурга. С. Петербург. 1895.

²¹¹ Гиляровский В.А. Булочники и парикмахеры // Сочинения в четырех томах. Том 4, М., 1968. С. 208.

²¹² Там же.

²¹³ Олюнина Е.А. Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губернии. М., 1914, С. 36.

²¹⁴ Там же. С. 196.

²¹⁵ Уваров С. С. , Лялин В.В. Охрана жизни и здоровья работающих. Б.М.1908., С. 47.

²¹⁶ Русское Слово, 1912, № 68.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ ЦГИА. ф. 223. оп. 1. д. 5090. л. 15.

²¹⁹ Журнал МВД. Ч.3. 1853, С. 33–35.

²²⁰ ЦГИА. ф. 223. оп. 1, д. 3322, л. 5–5 об; д. 3375, л. 6 и др.

²²¹ ЦИАМ. ф. 223. оп. 1. д. 5090. л. 28 об, 29.

²²² ЦИАМ. ф. 223. оп. 1. д. 5090. л. 29 об.

²²³ ЦИАМ. ф. 223. оп. 1. д. 5090. л. 29.

²²⁴ Русские Ведомости. № 334 от 3 декабря 1899 г.

²²⁵ Филатов Н.Ф. Подвиг во имя России. Козьма Минин и Дмитрий Михайлович Пожарский. Н. Новгород, 1996. С. 106.

²²⁶ Филатов Н.Ф. Веси Нижегородского края. Очерки историй сел и деревень Поволжья. Н. Новгород, 1999. С. 10.

²²⁷ Гациский А.С. Несколько слов о балахнинской промышленной жизни // Гациский А.С. Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом, под редакцией действительного члена и секретаря комитета А.С. Гациского. Н. Новгород, 1870. Т. 3. С. 324.

- ²²⁸ С. Пурех // Нижегородская земская газета. 1906. № 7. С. 184.
- ²²⁹ С. Пурех. Балахнинского уезда. (Базары) // Нижегородская земская газета. 1903. № 8. С. 169.
- ²³⁰ Годин Л. Звонкое эхо веков // Советский музей. 1984. № 3. С. 53–54.
- ²³¹ Варенцова Л.Ю. Колокольчики и бубенчики Пуреха // Нижегородские народные промыслы. Часть 2: Учебное пособие. Н. Новгород, 2013. С. 88.
- ²³² Там же, С. 88.
- ²³³ Яковлева Н.П. К вопросу о систематизации ямщицких колокольчиков // Колокола: история и современность. М., 1993. С. 232.
- ²³⁴ Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. Вып. II. СПб., 1896. С. 72.
- ²³⁵ Колокольчико-литейное производство. (Из С. Пурех Балахнинского уезда) // Нижегородская земская газета. 1905. № 18. С. 462.
- ²³⁶ Колокольчико-литейное производство. (Из С. Пурех Балахнинского уезда) // Нижегородская земская газета. 1905. № 18. С. 462.
- ²³⁷ Варенцова Л.Ю. Колокольчики и бубенчики Пуреха... С. 89.
- ²³⁸ Там же. С. 90.
- ²³⁹ Варенцова Л.Ю. Колокольчики и бубенчики Пуреха... С. 90.
- ²⁴⁰ Духин И.А. «И заливаается задорно нижегородский бубенец» // Памятники Отечества. 1985. № 2. С. 150.
- ²⁴¹ Торговля и промышленность Нижегородской губернии: Справочный сборник 1905 г. Н.Новгород, 1905. С. 67.
- ²⁴² Варенцова Л.Ю. Колокольчики и бубенчики Пуреха... С. 90.
- ²⁴³ Прокопьев Д.В. Художественные промыслы Горьковской области. Горький, 1939. С. 218.
- ²⁴⁴ Годин Л. Звонкое эхо веков... С. 54.
- ²⁴⁵ Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде. Каталог кустарного отдела Нижегородского губернского земства. Н. Новгород, 1896. С. 67–71.
- ²⁴⁶ Варенцова Л.Ю. Колокольчики и бубенчики Пуреха... С. 91.
- ²⁴⁷ Титов А.А. Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1907 года. М., 1908. С. 69.
- ²⁴⁸ Варенцова Л.Ю. Колокольчики и бубенчики Пуреха... С. 91.
- ²⁴⁹ Титов А.А. Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1907 года... С. 69.
- ²⁵⁰ Сперанский С.В. Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1915 г. М., 1916. С. 131.
- ²⁵¹ Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1917 г. Составлен под ред. С.В. Сперанского. М., 1918. С. 48.

- ²⁵² Годин Л. Звонкое эхо веков... С. 52.
- ²⁵³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 12 т. Т. 5. М., 2000. С. 80.
- ²⁵⁴ Там же. С. 80.
- ²⁵⁵ Российский историко-бытовой словарь. М., 1999. С. 52.
- ²⁵⁶ Духин И.А. «И заливается задорно нижегородский бубенец» ... С. 146.
- ²⁵⁷ Торговля и промышленность Нижегородской губернии: Справочный сборник 1905 г. С. 67.
- ²⁵⁸ ЦАНО. Ф.457. Оп. 324. Д.193. Л. 48.
- ²⁵⁹ Варенцова Л.Ю. Колокольчики и бубенчики Пуреха... С. 94.
- ²⁶⁰ Варенцова Л.Ю. Колокольчики и бубенчики Пуреха... С. 94.
- ²⁶¹ См.: РГАДА, ф. 271, оп. 3, д. 68, л. 1; Герман И. Историческое начертание горного производства в Российской империи / И. Герман. Ч. 1. – Екатеринбург, 1810. – С. 16–17.
- ²⁶² См.: ГАВО, ф. И18, оп. 1, д. 22, лл. 198, 219, 231–233, 235, 237, 243, 249–253, 256–258, 260–278, 297, 304, 346, 348, 351, 354–361, 363, 383.
- ²⁶³ См.: ГАВО, ф. И18, оп. 1, д. 22, л. 245.
- ²⁶⁴ См.: РГАДА, ф. 271, кн. 691, л. 390.
- ²⁶⁵ См.: Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX веков / АН СССР. Т. 1. – М.; Л., 1935. С. 188.
- ²⁶⁶ См.: Недосекин В.И. Металлургическая промышленность Черноземного центра России в середине XVIII века / В.И. Недосекин // Известия ВГПИ. Т. 31. Воронеж, 1960. С. 85.
- ²⁶⁷ См.: Веселовский Г.М. Воронеж в историческом и современностатистическом отношениях. Издание Воронежского губернского статистического комитета. /Г.М. Веселовский. – Воронеж: Типография Губернского Правления, 1866. С. 9.
- ²⁶⁸ См.: ГАКО, ф. 4, оп. 1, д. 104, л. 11.
- ²⁶⁹ См.: ГАВО, ф. И19, оп. 1, д. 2496, лл. 11–12, 24.
- ²⁷⁰ См.: ГАВО, ф. И167, оп. 2, д. 1368, лл. 1–2.
- ²⁷¹ Нижегородские епархиальные ведомости издавались с 1864 года до 1905 года, церковно-статистические очерки публиковались в неофициальной второй части издания. В губернских ведомостях такие материалы встречаются значительно реже. В Церковнообщественном вестнике, выходившем с 1905 по 1918 год, размещались так же не часто.
- ²⁷² Больше всего публикаций А.Ф. Можаровского было посвящено приходам Сергачского уезда. Подробно об этих авторах можно прочесть в книге «Нижегородская духовная семинария. Вехи истории». – Н. Новгород, 2010.

- ²⁷³ Нижегородские епархиальные ведомости. 1886. № 21–23. – Часть офиц.
- ²⁷⁴ Нижегородские епархиальные ведомости. 1894 № 7. – Часть офиц.
- ²⁷⁵ Там же.
- ²⁷⁶ Нижегородские епархиальные ведомости. 1894 № 7. – Часть офиц.
- ²⁷⁷ ЦАНО. Ф. 6033, оп. 1, д. 4 – Авторство этого фрагмента рукописи подтверждается следующей записью: «...все вышеписанное составлял и переписывал настоятель церкви С. Заскочихи священник Александр Никольский, октября 27 дня 1907 года, а свидетельствовал священник Николай Миронов, 1908 г. января 9 дня».
- ²⁷⁸ Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. Выпуск II. СПб., 1896. Глава IV – Нижегородские гвоздари (Красная рамень и район шиповок). С. 8; Смирнов С. Красная Рамень. // Нижегородская правда. – 2006, № 46, от 6 мая.
- ²⁷⁹ Плотников М.А. Кустарные промыслы в Нижегородской губернии. – Н. Новгород, 1894.
- ²⁸⁰ ЦАНО. Ф. 6033, оп. 1, д. 4.
- ²⁸¹ ЦАНО. Ф. 6033, оп. 1, д. 4.
- ²⁸² Там же.
- ²⁸³ Там же.
- ²⁸⁴ Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. – М., 1995. С. 142.
- ²⁸⁵ Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Т. 1–17. – СПб., 1879–1890.
- ²⁸⁶ ПСЗШ, Т. VIII. № 5080. П. 3. – СПб., 1890.
- ²⁸⁷ ПСЗШ, Т. XIV, № 10457, 1894. – СПб., 1898.
- ²⁸⁸ Указатель состоящей под августейшим покровительством ея императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Второй Всероссийской Кустарной выставки в С. Петербурге 1913 г., устроенной главным управлением землеустройства и земледелия. – СПб., 1913.
- ²⁸⁹ Указатель Всероссийской кустарнопромышленной выставки, состоящей под августейшим покровительством ея императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны, 1902 г. – СПб., 1902; Вторая Всероссийская кустарная выставка // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. XI. – Пг., 1915. С. 483–533. С. 514.
- ²⁹⁰ Труды съезда деятелей по кустарной промышленности в С. Петербурге. 1902 г. Ч. II. – СПб., 1902. С. 1.
- ²⁹¹ Труды съезда деятелей по кустарной промышленности в С. Петербурге. 1910 г. Т. II. – СПб., 1910. С. 64.

²⁹² ЦАНО. Ф. 42. Оп. 240. Д. 123. Л. 108.

²⁹³ Труды III-го Всероссийского съезда деятелей по кустарной промышленности в С. Петербурге 1913 г. Вып. I. Отд. I и II. – СПб., 1913. С. 1.

²⁹⁴ Труды съезда деятелей по кустарной промышленности северных губерний. 2024 августа 1903 года. – Ярославль, 1903. С. 114119.

²⁹⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 395. Оп. 1. Д. 220.

²⁹⁶ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 221.

²⁹⁷ Порай-Кошиц А.Е. Отбельнокрасильнонабивной промысел // Кустарная промышленность России. Разные промыслы. В 2-х т. Т. 1. СПб., 1913. С. 399–492; Положение красильноткацкого кустарного промысла в Белебеевском уезде Уфимской губернии и меры к его поднятию // Отчеты и исследования по кустарной промышленности. Т. XI. Пг., 1915. С. 346–357.

²⁹⁸ Бартрам Н. Игрушечный промысел // Кустарная промышленность России. Разные промыслы. В 2-х т. Т. 1. СПб., 1913. С. 219–309.

²⁹⁹ Барыков В. Промысловые занятия крестьянского населения Костромской губернии. Кострома, 1909

³⁰⁰ Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. – Тифлис, 1900.

³⁰¹ Отчет о деятельности Амурского Отдела Дальневосточного Кустарного Комитета за 1915 год и план ближайшей его деятельности / В. Смолич. – [Б.м.], [1915].

³⁰² Серебренников И.И. Промыслы Иркутской губернии: (Материалы для описания существующих в Иркутской губернии промыслов ремесленно-кустарного характера). Иркутск, 1914; Серебренников И.И. Кустарная промышленность в Иркутской губернии // Отчеты и исследования по кустарной промышленности. Т. XI. СПб., 1915. С. 112–199.

³⁰³ Кустарная промышленность России: Промыслы по обработке дерева / Сост. Н.А. Филиппов, В.А. Петровский, В.П. Родников и др. – СПб., 1913.

³⁰⁴ Воронцов В.П. Очерки кустарной промышленности в России. – СПб, 1886.

³⁰⁵ Пругавин В.С. Промыслы Владимирской губернии. Выпи. 1–2. – М., 1882–84; Пругавин В.С. Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевоцкого уезда Владимирской губернии. – М., 1884.

³⁰⁶ Рыбников А.А. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий: доклад Организационного бюро по созыву Земского съезда по вопросам о совместной деятельности земств по сбыту кустарных

изделий. – М., 1913; Рыбников А.А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. – М., 1922.

³⁰⁷ Середа С. П. Сведения о кустарных промыслах по Рязанской губернии. Вып. 1. Данные переписи крестьянских хозяйств, занимающихся кустарными промыслами, произведенной в 1912 г. – Рязань, 1915.

³⁰⁸ Солдатов В.В. Внеземледельческие домашние промыслы сельского населения и сельское рыболовство в Забайкальской области (по данным анкеты 1910 г.). Труды Амурской экспедиции. Т. V. Вып. II. – Хабаровск, 1912.

³⁰⁹ Бенни К. Современное состояние кустарной промышленности в Царстве Польском // Кустарная промышленность России. Разные промыслы. В 2-х т. Т. 2. СПб., 1913. С. С. 433–469.

³¹⁰ Морозов С. Т. Значение красоты в жизни человека и красота в кустарной промышленности // Вестник промысловой кооперации. 1919. № 3. С. 12–15.

³¹¹ Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Воспоминания. – М., 2002.

³¹² Национальный архив республики Карелия (НАРК). Ф. 10. Оп. 2. Св. 37. Д. 295. Л. 31 – 32 об.

³¹³ Кустарные промыслы Тамбовской губернии. – Тамбов, 1900. С. 84–85.

³¹⁴ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 81. Оп. 14. Д. 11. Л. 51.

³¹⁵ Указатель состоящей под августейшим покровительством ея императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Второй Всероссийской Кустарной выставки в С. Петербурге 1913 г., устроенной главным управлением землеустройства и земледелия. – СПб., 1913. С. 420.

³¹⁶ ЦАНО. Ф. 42. Оп. 240. Д. 3. Л. 168.

³¹⁷ Указатель состоящей под августейшим покровительством ея императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Второй Всероссийской Кустарной выставки в С. Петербурге 1913 г., устроенной главным управлением землеустройства и земледелия. С. 429.

³¹⁸ Николаевский К.В. Отчет о Всероссийской кустарно-промышленной выставке, в Петербурге, в 1902 году // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. VIII. СПб., 1907. С. 285–357. С. 288.

³¹⁹ Список населенных мест Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1911. С. 78

³²⁰ Административно-территориальное деление и органы власти Нижегородского края – Горьковской области (1929–1979): Справочник. Горький, 1984. С. 209.

- ³²¹ ЦАНО. Ф.5. Оп. 40. Д. 158 (1801). Л. 59.
- ³²² Там же. Л. 58.
- ³²³ Там же. Л. 10.
- ³²⁴ ЦАНО. Ф. 5. Оп. 41. Д. 210 (1804). Л. 2об., Д. 220 (1804). Л. 12об.; Ф. 476Р. Оп. 1. Д. 1054. Л. 1
- ³²⁵ ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1а. Д. 163. Л. 3133
- ³²⁶ История города Горького. Горький, 1971. С. 87
- ³²⁷ ЦАНО. Ф.4. Оп. 1а. Д. 163. Л. 32–32 об., 33
- ³²⁸ Там же. Л. 32
- ³²⁹ Там же. Л. 33
- ³³⁰ Крестьянская промышленность XVIII века и первой половины XIX века. М.–Л., 1935. С. 221; ЦАНО. Ф.5. Оп. 40. Д.19 (1797). Л. 14.
- ³³¹ ЦАНО. Ф. 5 Оп. 40. Д. 49 (1802). Л. 131 об.–132.
- ³³² ЦАНО. Ф.5. Оп. 41. Д. 220. Л. 1 об.
- ³³³ Там же. Л. 9.
- ³³⁴ Там же. Л. 12 об.
- ³³⁵ Там же. Л. 19.
- ³³⁶ Там же. Л. 12 об., 15
- ³³⁷ Состояние фабрик и заводов в Нижегородской губернии в 1828г. // Журнал мануфактур и торговли. 1830, № 10. С. 63.
- ³³⁸ Там же. С. 56, 63.
- ³³⁹ ЦАНО. Ф. 1398. Оп. 315. Д. 35. Л. 19, 20, 22.
- ³⁴⁰ Там же. Л. 21.
- ³⁴¹ Там же. Л. 23, 24, 25.
- ³⁴² ЦАНО. Ф.5. Оп. 41. Д. 210 (1804). Л. 2.
- ³⁴³ Плотников М.А. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1894. С. 253–254.
- ³⁴⁴ Подсчитано по – ЦАНО. Ф. 1398. Оп. 315. Д. 35. Л. 19–25; Д. 58. Л. 15об.; Д. 104. Л.4; Д. 134. Л. 60. 62, 92; Д. 217. Л. 62, 70; Ф. 60. Оп. 232. Д. 1830. Л. 2–5, 6 об., 7 об.
- ³⁴⁵ Подсчитано по – ЦАНО. Ф. 60. Оп. 232. Д. 1830. Л. 25, 6об., 7об.
- ³⁴⁶ Там же.
- ³⁴⁷ ЦАНО. Ф. 1398. Оп. 315. Д. 35. Л. 19.
- ³⁴⁸ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 232. Д. 1830. Л. 5.
- ³⁴⁹ Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887. С. 54.
- ³⁵⁰ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 236. Д.116 (1906). Л. 12.

- ³⁵¹ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 233. Д. 2663 (1863). Л. 72 об.–73
- ³⁵² Там же.
- ³⁵³ ЦАНО. Ф. 1398. Оп. 315. Д. 227. Л. 33 об.
- ³⁵⁴ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 233. Д. 2663 (1863). Л. 72 об.–73
- ³⁵⁵ Рославлев И. Пенькоканатный промысел в селе Избыльце Горбатовского уезда // Нижегородский сборник. Т. 4. Н. Новгород, 1871. С. 299, 301.
- ³⁵⁶ Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887. С. 83
- ³⁵⁷ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 233. Д. 2663 (1863). Л. 72об. 73; Рославлев И. Пенькоканатный промысел в селе Избылец Горбатовского уезда // Нижегородский сборник. Т. 4. Н. Новгород, 1871. С. 301.
- ³⁵⁸ ЦАНО. Ф. 2 Оп. 4 Д. 468 (1828). Л. 31.
- ³⁵⁹ ЦАНО. Ф. 5 Оп. 51. Д. 21217. Л. 68об.
- ³⁶⁰ Там же.
- ³⁶¹ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 98 (1865). Л. 25об.
- ³⁶² Ильинский А.А. Ложкарноверетенный район Балахнинского уезда Нижегородской губернии. Опыт описания кустарных промыслов в связи с крестьянским хозяйством. Балахна, 1905. С. 16–17.
- ³⁶³ ЦАНО. Ф.45. Оп. 242а. Д. 205. Д. 14.
- ³⁶⁴ Ильинский А.А. Указ. соч. С. 14.
- ³⁶⁵ ЦАНО. Ф. 45. Оп. 242а. Д. 205. Л. 27, 28.
- ³⁶⁶ ЦАНО. Ф.45. Оп. 242а. Д. 205. Л. 9–10.
- ³⁶⁷ ЦАНО. Ф. 45. Оп. 242а. Д. 205. Л. 7, 8, 39, 40.
- ³⁶⁸ ЦАНО.Ф. 45. Оп. 242а. Д. 205. Л. 40.
- ³⁶⁹ Там же. Л. 1, 2, 39, 41, 42.
- ³⁷⁰ ЦАНО. Ф. 45. Оп. 242а. Д. 205. Л. 21–21 об.
- ³⁷¹ ЦАНО. Ф. 45. Оп. 242а. Д. 205. Л. 35а.
- ³⁷² ЦАНО.Ф. 45. Оп. 242а. Д. 205. Л. 35, 36.
- ³⁷³ Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX – начала XX столетий. М., 2004. С. 70–74.
- ³⁷⁴ Кустарные промыслы Нижегородской губернии второй половины XIX – начала XX века / Егоров В.Г., Зозуля О.А., Моркунцов С. В., Петряев С. В. СПб., 2013. С. 113–130.
- ³⁷⁵ Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. III, V, VI, IX. СПб., 1880, 1883.
- ³⁷⁶ Нижегородский сборник / под ред. А.С. Гациского. Т. VIII, IX. Н. Новгород, 1889, 1890.
- ³⁷⁷ ЦАНО. Ф. 5. Оп. 49. Д. 14198.

³⁷⁸ Материалы для оценки фабрик, заводов и других промышленных заведений Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1902.

³⁷⁹ Данные о производительности только 187 заведений.

³⁸⁰ Данные о производительности только 187 заведений.

³⁸¹ Карпов А.В. Сапожный промысел в Выездной слободе Арзамасского уезда // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. III. СПб., 1880. С. 31.

³⁸² С.И. Архангельский, изучая данные описи 1827 г. о возникновении кожевенных заводов в Нижегородской губернии, сделал вывод: «самые крупные центры кожевенного производства, как Богородское и Павлово, сложились и развивались ранее XIX века...». Но как это произошло, он не излагает – по той же причине (Архангельский С.И. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII–XIX вв. Горький, 1950. С. 132).

³⁸³ Село Богородское в XVII веке. Документы и исторический очерк / Сост. : С. М. Ледров, В.Н. Беляева. Н. Новгород, 2014.

³⁸⁴ Шеломаев В.П. Кожевенная промышленность Нижегородской губернии. Исторический очерк и перспективы. Н. Новгород, 1928. С. 13–15.

³⁸⁵ В.П. Шеломаев отмечает, что «распространение кожевенного промысла в Шереметевских поселениях нельзя объяснить простой случайностью. Несомненно, оно обязано в значительной мере деятельности самих Шереметевых» (Шеломаев В.П. Кожевенная промышленность Нижегородской губернии. Исторический очерк и перспективы. Н. Новгород, 1928. С. 24).

³⁸⁶ Село Богородское в XVII веке. Документы и исторический очерк / Сост.: С.М. Ледров, В.Н. Беляева. Н. Новгород, 2014. С. 84.

³⁸⁷ Там же. С. 86.

³⁸⁸ Там же. С. 89.

³⁸⁹ Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 2148. Оп. 1. Д. 4. Л. 13 об. Согласно первой ревизии 1724 г. в с. Богородском числилось 3830 жителей (данные приводятся по: Архангельский С. И. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVIII–XIX вв. Горький, 1950. С. 102).

³⁹⁰ Шеломаев В.П. Кожевенная промышленность Нижегородской губернии. Исторический очерк и перспективы. Н. Новгород, 1928. С. 23.

³⁹¹ Таланин В.И. Род Таланиных в истории Богородска. Богородск, 2015. С. 30. В Центральном архиве Нижегородской области хранится указ Екатерины II об отставке С. В. Шереметева от воинской службы, датированный 1 мая 1763 г. (ЦАНО. Ф. 933. Оп. 1963. Д. 2. Л. 1).

³⁹² История лейб-гвардии Семеновского полка. Составил П. Дирин. СПб., 1883. Т. II. С. 185.

³⁹³ Отголоски XVIII века. Выпуск V. М., 1897. С. 75–76.

³⁹⁴ ЦАНО. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 48. Л. 1. 17 марта 1768 г.

³⁹⁵ Статистика края. Село Богородское – Уратьма тож в Чистопольском уезде (Статья С. Е. Мельникова) // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1856, 27 августа. С. 270. Отметим, что такими данными, видимо, не располагал крупнейший знаток истории кожевенного промысла в С. Богородском В.П. Шеломаев. В своей первой фундаментальной работе на эту тему он указал, что «Шереметевы для развития кожевенного промысла у крестьян своих вотчин широко пользовались принудительными расселениями крестьянкожевников по своим имениям» (Шеломаев В.П. Кожевенная промышленность Нижегородской губернии. Исторический очерк и перспективы. Н. Новгород, 1928. С. 35). Но XVIII в. не упомянул. В 1940 г. он, развивая эту тему, называет общую дату: «В конце XVIII в. много крепостных ремесленников (из Богородского – прим. авт.) было переселено в ... Шереметевку, Казанской губернии» (Шеломаев В.П. «По Оце реце, где втечет в Волгу» // Горьковская область, 1940. № 3. С. 54). А в следующем, 1941, году Шеломаев, говоря о переселении «в НовоБогородское или Шереметевку», вообще не указывает какойлибо даты (Шеломаев В.П. Богородский район. Горький, 1941. С. 44).

³⁹⁶ Санникова Г.А. Крестьянское кожевенное производство Казанской губернии XIX века // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982.

³⁹⁷ См.: Шеломаев В.П. Кожевенная промышленность Нижегородской губернии. Исторический очерк и перспективы. Н. Новгород, 1928. С. 711; Желтов Ф.А. Исторические очерки (О начале промышленности в Богородском) // Искры творчества. Литературно-художественный сборник. С. Богородское, 1922. № 1. С. 1416. Кстати, эта дискуссия носит отнюдь не «местный», богородский, характер. Например, Н.М. Щегольков также (и, как Шеломаев, без ссылок на конкретные источники, «по преданиям») придерживается новгородского влияния, говоря, что расселенные Иваном Грозным новгородцы принесли в Арзамас «предприимчивость и знакомство с процветавшими в пределах новгородских ремеслами: кожевенным, мыловаренным и скорняжным» (Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым. Ярославль. 1992. Репринт 1911 г. С. 19). Возможно, он воспользовался публикацией священника села Выездной Слободы Арзамасского уезда Н. Лузина в «Нижегородских епархиальных ведомостях» (НЕВ, 1894, 1 декабря. С. 720721), в которой тот без ссылок на конкретный источник сообщает: «Царь Иван Васильевич, карая Великий Новгород..., предал мечу множество из его жителей, а других разослал по новым городам; в том числе и в г. Арзамас было отправлено несколько семейств, которые принесли сюда ремесла – кожевенное, скорняжное и др. Фамилии некоторых купцов доселе ведут свое начало от Новгородских поселенцев». Справедливости ради отметим, что редакция газеты сочла необходимым уточнить:

эти данные (о начале Арзамаса) составлены автором на основании рукописи некоего Мерлушкина, жившего в Арзамасе в конце XVIII века. Тот же ссылается на сочинение князя Хилкова (Хилков А.Я. Ядро Российской Истории... М., 1770. В газетной статье сочинение кн. Хилкова ошибочно названо «Ядро Российской Империи»), а более – на древнюю рукописную историю Арзамаса местного купца Шлейникова (НЕВ, 1894, 1 декабря. С. 717). Но у Хилкова нет ни слова о том, что именно Иван Грозный расселил свободолюбивых новгородцев в нижегородских пределах. Более того. По поводу событий 1570 г. в сочинении кн. Хилкова сказано так: «Царь Иоанн Васильевич... ратным своим людям всех сряду Новгородцев рубить и убивать велел, где никакому полу мужеску ни женску, ни веку молодому и старому никакой пощады не было...» (Ук. соч. С. 171) А вот о событиях, которые произошли в русской истории веком ранее, во времена Великого Князя Ивана Васильевича (в 1480 г.), кн. Хилков сказал так: «И дабы Новгородцев в конечное порабощение пригнать, Архиепископа их и первейших из дворянства и посадников мужеска и женска полу больше нежели 7000 человек оттуда выслал к Москве, которым испоместиться велел в Московском, Владимирском, Муромском, Нижегородском, Ростовском, Переяславском, Юрьевском и Костромском уездах; а на их поместья в Новгородчину послал из тех же помянутых уездов дворян из Московского, Владимирского и прочих» (Ук. соч. С. 203). Некто же Кондоров в своем очерке «Кожевенный и овчинный промыслы в селе Больш. Мурашкине, княг. уезда», опубликованном в нескольких номерах «Нижегородских губернских ведомостей» в 1889 г., предполагает, «что кожевенный промысел перешел в Мурашкино из «Господина Великаго Новгорода» по следующему случаю: в 1478 году бунтовавший Новгород был покорен вел. кн. московским Иоанном III и большинство новгородцев было выслано на поселение в Н.Новгород и его область, в том числе ими было заселено и Мурашкино. В Новгороде в то время на ряду с буйством и «ушкуйничеством» процветала промышленность, а в том числе и кожевенное дело» (Нижегородские губернские ведомости. 1889. 13 сентября). Так что окончательная точка в этом запутанном вопросе историками еще не поставлена.

³⁹⁸ ЦАНО. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 49. Лл. 1–1 об. 19 января 1769 г.

³⁹⁹ См.: Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду. Москва – Нижний Новгород, 2011. Стлбц. 351–352, 451.

⁴⁰⁰ Нижегородские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1897, 15 сентября. С. 511–513.

⁴⁰¹ См.: Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду. Москва – Нижний Новгород, 2011. Стлбц. 295–298.

⁴⁰² ЦАНО. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 44. Л. 1. 8 мая 1764 г.

⁴⁰³ Письма графа Н.П. Шереметева к В.С. Шереметеву. I (1792) // Русский архив. 1899. № 3. С. 391.

⁴⁰⁴ См.: Козлова Л.Г. Павловские кожевники и мыловары // Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. Памяти русского историка. Богородск, 2014. С. 110–121.

⁴⁰⁵ См.: Ледров С. М. Кожевенная промышленность в нижегородских вотчинах Шереметевых в конце XVIII – первой половине XIX века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2013. С. 83–91.

⁴⁰⁶ Башкиров В.В., Башкирова Л.Р. Богородск. Б.м. 2004. С. 19. К сожалению, авторы не дали ссылку на конкретный источник, дав лишь общий список использованных архивных и прочих материалов.

⁴⁰⁷ Организация крепостного хозяйства в вотчинах гр. Шереметевых изложена в целом ряде работ. Из них выделим: Прокофьева Л.С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX века (на материалах вотчин Шереметевых). Л., 1982; Столбов В.П. Вотчинные крестьяне рода Шереметевых // Историко-экономические исследования. Т. 14, № 3 / 2013. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета экономики и права (БГУЭП), 2013 // [Электронный ресурс] // URL: <https://jhist.isea.ru/pdf.aspx?id=19051>. Дата обращения 10.11.2016.

⁴⁰⁸ В.П. Шеломаев считал, что павловские заводы, кстати, устроенные владельцами села гр. Шереметевыми, «непосредственной связи с Богородском не имели» (Шеломаев В.П. Кожевенная промышленность Нижегородской губернии. Исторический очерк и перспективы. Н. Новгород, 1928. С. 27).

⁴⁰⁹ См.: Ледров С. М. Кожевенная промышленность в нижегородских вотчинах Шереметевых в конце XVIII – первой половине XIX века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2013. С. 84.

⁴¹⁰ Цит. по: Егоров В.Г. и др. Кустарные промыслы Нижегородской губернии второй половины XIX – начала XX вв. СПб., 2013. С. 66.

⁴¹¹ Шереметев П.С. Василий Сергеевич Шереметев. 1752–1831. СПб., 1910. С. 251. Слова эти были сказаны графу П.С. Шереметеву в 1910 г. в С. Богородском спустя 44 года после смерти С. В. Шереметева (1792–1866).

⁴¹² Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 3. М., 1971. С. 403.

⁴¹³ Здесь, пожалуй, уместны слова В.П. Столбова, сказанные о графском роде, но приемлемые и в нашем случае. «Род Шереметевых на протяжении своей истории, по выражению историка К. Шепетова, «вглядывался и вслушивался в крепостную деревню». В жизни этого рода выдерживался принцип «беречь крестьян, – это сила России», который передавался из семьи в семью. Этот принцип реализовывался в стремлении улучшить и облегчить жизнь крестьян, развить в русском народе корни национальной, народной культуры, развить предпринимательскую жилку в отдельных смекалистых крестьянах.

Однако вряд ли Шереметевы были альтруистами в крестьянском вопросе, они понимали (особенно это проявилось в выкупе крестьян), что крестьяне своей деятельностью, особенно «капиталистский» их тип, представляли своей деятельностью определенный процесс самовозрастания капитала, то есть были сильным источником его накопления» (Столбов В.П. Вотчинные крестьяне рода Шереметевых // Историко-экономические исследования. Т. 14, № 3 /2013. Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета экономики и права (БГУЭП), 2013. С. 146 – [Электронный ресурс // URL: <https://jhist.isea.ru/pdf.aspx?id=19051>. Дата обращения 10.11.2016).

⁴¹⁴ ЦАНО. Ф. 829. Оп. 676 б. Д. 8. Лл. 95–97.

⁴¹⁵ Шеломаев В.П. Богородский район. Горький, 1941. С. 45.

⁴¹⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1354. Оп. 265. Ч. I. Ед. хр. 898. Л. 3. [Электронный ресурс] URL: <http://rgada.info/poisk/index.php?fund>. (Дата обращения 10.11.2016).

⁴¹⁷ ЦАНО. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 49. Лл. 1 об. – 2. 19 января 1769 г.

⁴¹⁸ Шереметев П.С. Василий Сергеевич Шереметев. 1752–1831. СПб, 1910. С. 142.

⁴¹⁹ Емельянова Т. И. Хохломская роспись. – Нижний Новгород: «Литера», 2009, С. 53.

⁴²⁰ Там же. С. 54.

⁴²¹ Новый магазин хохломской отделки//Горьковский рабочий. – 1935. – 2 авг.

⁴²² Родионов Д. Народное искусство Хохломы// Правда. – 1936. – 15 сент.

⁴²³ Хитровский Ф. Мастер огневой росписи// Промысловая кооперация. – 1937. – № 15. – С. 104–111. С. 110.

⁴²⁴ Лучанинов (Фибих) Даниил Владимирович (1899–1975) – советский писатель, публицист, в 1930-е работал корреспондентом «Известий» и других центральных изданий.

⁴²⁵ Фибих Д.В. Киноварь на золоте. М., Московское товарищество писателей. 1931.

⁴²⁶ Фибих. Указ соч. С. 3.

⁴²⁷ Фибих. Указ соч. С. 6.

⁴²⁸ Фибих. Указ соч. С. 11.

⁴²⁹ Фибих, указ соч. С. 10.

⁴³⁰ Художники Нижнего Новгорода. 1933–2003. Справочник. Н. Новгород, 2003, С. 110.

⁴³¹ Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. – М., 1908.

⁴³² Сойкин П.П. Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. – СПб, 1910.

⁴³³ Сойкин П.П. Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. – СПб, 1910.

⁴³⁴ Сойкин П.П. Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. – СПб, 1910.

⁴³⁵ Макарий (Миролюбов). Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния. – СПб, 1859. Храмцовский Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. – Н. Новгород, 1998

⁴³⁶ Букова О.В. Женские обители преподобного Серафима Саровского. История десяти нижегородских женских монастырей. – Н. Новгород: Книги, 2003.

⁴³⁷ Снежницкий А. Адрескалендарь Нижегородской епархии в память исполнившегося в 1888 году 900-летия крещения Руси. – Н. Новгород, 1888. Шумилкин, М.С. Архитектура нижегородских монастырей эпохи классицизма // Ученые записки ВолгоВятского отделения Международной Славянской академии наук, образования и культуры. Вып. 27. – Н. Новгород, 2010.

⁴³⁸ Серафим Чичагов, архимандрит. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Ч. 1. – СПб, 1903. Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь // Храмы России. – М., 2008.

⁴³⁹ Букова О.В. Женские обители преподобного Серафима Саровского. История десяти нижегородских женских монастырей. – Н. Новгород: Книги, 2003.

⁴⁴⁰ Букова О.В. Женские обители преподобного Серафима Саровского. История десяти нижегородских женских монастырей. – Н. Новгород: Книги, 2003. Сойкин П.П. Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. – СПб, 1910.

⁴⁴¹ Варэс Л.Н. За монастырскую стеною: [Нижегородский Крестовоздвиженский женский монастырь] // Нижегородская старина. – 2005. – № 10. – С. 1–4. Монастыри и храмы Нижнего Новгорода: Путеводитель / авт.сост. М. Пчелинцева. – Н. Новгород: Глагол, 2008.

⁴⁴² Выксунский Иверский женский монастырь // Приокская глянцет: Краеведческий альманах. – Выкса, 2008.

⁴⁴³ Букова О.В. Из истории Лукояновского Свято-Тихоновского женского монастыря и жизни его основательницы Анны Никифоровны Листой. – Н. Новгород: Литера, 2010. Дегтева О.В. Арзамасский Алексеевский женский монастырь: исторический очерк // Нижегородская старина. – 2007. – № 14. Дегтева О.В. Игуменья Евгения Страгородская // Нижегородская старина. – 2007. – № 14. Дегтева О.В. Монастырское подворье. История строительства и ликвидация // Нижегородская старина. – 2008. – № 16.

⁴⁴⁴ Штуценберг И.Ф. Статистические труды. – СПб., 1858. – С. 4.

- ⁴⁴⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 1. Московская губерния. – СПб., 1853. – С. 134.
- ⁴⁴⁶ Шторх А.К. Материалы для статистики Российской империи. Т. 1. – СПб., 1796. – С. 137–210. Таблица составлена автором.
- ⁴⁴⁷ Земледельческая Газета. 1837. – С. 114.
- ⁴⁴⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи. – С. 136.
- ⁴⁴⁹ Там же. С. 135–136.
- ⁴⁵⁰ Статистическое описание Московской губернии. – М., 1812. – С. 68.
- ⁴⁵¹ Там же. С. 69.
- ⁴⁵² Военно-статистическое обозрение. Т. VI. Ч. 1. Московская губерния. – С. 139.
- ⁴⁵³ Земледельческая Газета. 1843. – С. 318–319.
- ⁴⁵⁴ Московские Губернские Ведомости. 1852. № 3. – С. 41.
- ⁴⁵⁵ Отечественные записки. 1847. – С. 52; Журнал Министерства Государственных имуществ. 1841. № 2. – С. 234; Отечественные записки. 1855. Вып. VI. – С. 78–79.
- ⁴⁵⁶ Материалы для статистики России. – С. 34; Промыслы Московской губернии. Т. 1. Вып. 1. – М., 1876. – С. 3–4.
- ⁴⁵⁷ Там же. С. 4.
- ⁴⁵⁸ Малый энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 3. Вып. III. Изд. II-е. – СПб., 1894.
- ⁴⁵⁹ ЦИАМ. Ф. 190. Оп. 1, ед. хр. 7. Л. 3.
- ⁴⁶⁰ ЦИАМ. Ф. 184, оп. 17, ед. хр. 431. Л. 6.
- ⁴⁶¹ Дополнение к Историческим актам. 1841. Вып. I. № 102. – С. 12.
- ⁴⁶² Акты Археографической Комиссии. Т. III. 1661 г. № 151.
- ⁴⁶³ Санкт-Петербургский Журнал. 1782. Вып. II. – С. 25; 1783. Вып. II. – С. 55.
- ⁴⁶⁴ Штукенберг И.Ф. Статистические труды. – С. 12–13.
- ⁴⁶⁵ Отечественные записки. 1885. Вып. VIII. – С. 20–36, 180–196.
- ⁴⁶⁶ Московские Губернские Ведомости. 1843. № 15. – С. 3.
- ⁴⁶⁷ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 1. Московская губерния. – С. 175.
- ⁴⁶⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 1. Московская губерния. – С. 133–134.
- ⁴⁶⁹ Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. Вып. II. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. – СПб., 1896. – С. 9.

- ⁴⁷⁰ Штукенберг И.Ф. Статистические труды. – С. 11.
- ⁴⁷¹ Там же. С. 136.
- ⁴⁷² Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 1. Московская губерния. – С. 136–137.
- ⁴⁷³ Там же. С. 181.
- ⁴⁷⁴ Там же.
- ⁴⁷⁵ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 11, ед. хр. 27, л. 321.
- ⁴⁷⁶ Отечественные записки. 1852. № 84. Вып. II. – С. 61–84.
- ⁴⁷⁷ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 1. Московская губерния. – С. 147.
- ⁴⁷⁸ См., например: Исаев А. Промыслы Московской губернии. Т. II. – М., 1876. – С. 3.
- ⁴⁷⁹ Материалы для статистики России. – С. 34.
- ⁴⁸⁰ Статистическое описание Московской губернии. – М., 1812. – С. 28.
- ⁴⁸¹ Там же. С. 29.
- ⁴⁸² Штукенберг И.Ф. Статистические труды. – С. 6.
- ⁴⁸³ Отечественные записки. 1839. Вып. III. № V. – С. 4.
- ⁴⁸⁴ Там же. 1852. Вып. VIII. – С. 20–36; 180–196.
- ⁴⁸⁵ Журнал МВД. 1842, 1843. Тетр. 2. – С. 23.
- ⁴⁸⁶ Штукенберг И.Ф. Статистические труды. – С. 10.
- ⁴⁸⁷ Воронцов В.П. Артель в кустарном промысле. – СПб., 1895. – С. 15.
- ⁴⁸⁸ Воронцов В.П. Артель в кустарном промысле. – С. 5.
- ⁴⁸⁹ См., например: Крылов В.В. Теория формации. – М.: Восточная литература, 1997. – С. 13.
- ⁴⁹⁰ Кооперация: страницы истории. – Т. I. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков. Книга первая. 30–40 гг. XIX – начала XX вв. Предыстория. – М.: Наука, 1998. – С. 17–64.
- ⁴⁹¹ Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. – Вып. II. – С. 291.
- ⁴⁹² Там же. Вып. VI.
- ⁴⁹³ Там же. Вып. V. – СПб., 1880. – С. 330–331.
- ⁴⁹⁴ Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. – М., 1997. – С. 37.
- ⁴⁹⁵ Воронцов В.П. Очерки кустарной промышленности в России. – С. 131. Он же. – Артель в кустарном промысле. – С. 68, 74, 75, 79, 112, 113, 133.
- ⁴⁹⁶ Исаев Андрей. Артели в России. – Ярославль, 1881. – С. 307–308.

- ⁴⁹⁷ Обзор кустарных промыслов России. – С. XI–XII.
- ⁴⁹⁸ Воронцов В.П. Артель в кустарном промысле. – С. 13.
- ⁴⁹⁹ Это суждение основывается на большой роли коллективных форм крестьянской торговли на ярмарках, значение которых в экономической жизни страны к концу XIX в. постепенно убывало. – См., например: Аксаков И. Исследование о торговле на украинских ярмарках. – СПб., 1858.
- ⁵⁰⁰ Воронцов В.П. Очерки кустарной промышленности в России. – С. 132.
- ⁵⁰¹ Там же. С. 116.
- ⁵⁰² Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. – Т. VI. – Вып. I. Промыслы Московской губернии. Сост. В. Орлов и И. Боголепов. – М.: Изд. Московского губ. Земства, 1879. – С. 186–187.
- ⁵⁰³ Отчеты по исследованиям кустарной промышленности в России. – Т. III. – С. 67.
- ⁵⁰⁴ Воронцов В.П. Очерки кустарной промышленности в России. – С. 126.
- ⁵⁰⁵ Мещерский А.А. и Модзалевский К.И. Свод материалов по кустарной промышленности в России. – СПб., 1874. – С. 363.
- ⁵⁰⁶ Исаев А. Промыслы Московской губернии. – Т. II, 1. Металлические промыслы. 2. Гончарный промысел. – М.: Изд. Моск. Губернской земской управы., 1876. – С. 72.
- ⁵⁰⁷ Воронцов В.П. Артель в кустарном промысле. – С. 145.
- ⁵⁰⁸ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. – М.: Мысль, 1987. – С. 351.
- ⁵⁰⁹ Исаев А. Артели в России. – С. 46. Указанное произведение является публикацией докторской диссертации автора, в которой на основе опубликованных источников и личных наблюдений соискателя дан анализ организационных принципов русских артелей конца XIX в.
- ⁵¹⁰ Там же. С. 48.
- ⁵¹¹ Там же. С. 114.
- ⁵¹² Исаев А. Указ. соч. С. 47.
- ⁵¹³ Воронцов В.П. Артель в кустарном промысле. – С. 26; Исаев А. Указ. соч. С. 191–192.
- ⁵¹⁴ Исаев А. Указ. соч. С. 133.
- ⁵¹⁵ Якушкин П.И. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. – СПб., 1860. – С. 41.
- ⁵¹⁶ «Ряд» – договор; терминология, применяемая в хозяйственном обиходе средневековой Руси.
- ⁵¹⁷ Исаев А. Артели в России. – С. 46.
- ⁵¹⁸ Там же. С. 104.

- ⁵¹⁹ Там же. С. 222.
- ⁵²⁰ Воронцов В.П. Артель в кустарном промысле. – С. 113–114, 121, 123, 128, 130.
- ⁵²¹ Энгельгардт А.Н. Указ. Соч. С. 350–351.
- ⁵²² Исаев А. Указ. Соч. С. 222, 223, 225; Раздел кооперативного дохода именовался термином, появившимся в глубокой древности, – «дуван». См. там же. С. 220.
- ⁵²³ Там же. С. 120.
- ⁵²⁴ Исаев А. Указ. соч. С. 121.
- ⁵²⁵ Там же. С. 121–122.
- ⁵²⁶ Воронцов В.П. Артель в кустарном промысле. – С. 160.
- ⁵²⁷ Исаев А. Артели в России. – С. 220–221.
- ⁵²⁸ Указ. соч. С. 166–167.
- ⁵²⁹ Там же. С. 124, 132, 173, 174, 177 и Т.д.
- ⁵³⁰ Там же. С. 124.
- ⁵³¹ Там же. С. 177.
- ⁵³² Именно так, по аналогии с общиной, назывался председатель кооператива.
- ⁵³³ Исаев. Артели в России. – С. 163–164.
- ⁵³⁴ Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 350.
- ⁵³⁵ Воронцов В.П. Артель в кустарном промысле. – С. 177–178.
- ⁵³⁶ Там же. С. 184.
- ⁵³⁷ См., например: Плотников М.А. Указ. соч. С. 110.
- ⁵³⁸ Воронцов В.П. Артель в кустарном промысле. – С. 182.
- ⁵³⁹ Исаев А. Артели в России. – С. 291.
- ⁵⁴⁰ Вреден Э.Р. Курс политической экономии. – СПб., 1874. – С. 149.
- ⁵⁴¹ Сборник статистических сведений по Московской губернии. – Т. VII. – Вып. III. – М., 1903. – С. 951; там же. Отдел санитарной статистики. Т. III. Вып. VI. Можайский уезд. – С. 8; там же. – Вып. VII. – Дмитровский уезд. – С. 5; там же. Санитарный отдел. – Т. III. Вып. VI. Волоколамский уезд. – С. 72.
- ⁵⁴² Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. III. – С. 319.
- ⁵⁴³ Воронцов В.П. Артельные начинания русского общества. – СПб., 1895. – С. 18.
- ⁵⁴⁴ Виленская Э.С. Производительные ассоциации в России в сер. 60-х годов XIX в. (из истории Иштутинской организации) // Исторические записки. – 1961. – № 68. – С. 79–80.
- ⁵⁴⁵ Кооперация. Страницы истории: Избранные труды российских общественных деятелей, кооператоров-практиков. – Т. I. Кн. 2. 60-е

годы XIX – начала XX вв. Возникновение кредитной кооперации в России. – Ч. I. – М.: Наука, 2001. – С. 7–9, 18.

⁵⁴⁶ Там же. С. 19.

⁵⁴⁷ Яковлев А.В. Ассоциация и артель Там же. С. 478–479.

⁵⁴⁸ См., например: Вреден Э.Р. Об экономическом значении артели и условия ее развития в России // Кооперация. Страницы истории. – М.: Наука, 2001. – С. 192–198; Вот что по этому поводу писал выдающийся земский деятель В.Ю. Скалон: «... Артель ... есть явление чисто русское: она самобытно образовалась у русского народа и ни от кого не заимствована. Русский народ уже много столетий знает артель и привык к ней. Поэтому в настоящее время для улучшения быта крестьян и других рабочих людей нет надобности придумывать чтолибо новое, а достаточно взяться за это старинное учреждение, развивать его и содействовать его улучшению и распространению. – Т. I. – Кн. 2. – Ч. 1. – С. 7.

⁵⁴⁹ Кооперация. Страницы истории. – Т. I. – Кн. 2. Ч. 1. – С. 7.

⁵⁵⁰ Яковлев В.А. Доклад «Об экономическом значении артели и условиях ее развития в России», прочитанный в Политико-экономическом комитете ВЭО 5 января 1872 // Кооперация. Страницы истории. – Т. I. – Кн. 2. Ч. 1. – С. 474.

⁵⁵¹ Тернер Ф.Г. Ассоциация // Кооперация. Страницы истории. – Т. I. – Кн. 1. – 30–40-е годы XIX – начала XX вв. Предыстория. – М.: Наука, 1998. – С. 208.

⁵⁵² Там же. С. 228.

⁵⁵³ Вреден Э.Р. Курс политической экономики // Кооперация. Страницы истории. Т. I. – Кн. 2. Ч. 2. – С. 156.

⁵⁵⁴ Яковлев А.В. Ассоциация и артель // Кооперация. Страницы истории. – Т. I. – Кн. 2. Ч. 1. – С. 493.

⁵⁵⁵ «Эти последние (артели и товарищества. – В.Е.) именно настолько же искусственны, т.е. первоначально путем научного исследования и систематически созданы и путем публичной пропаганды, даже единоличной почти, внесены в народную нашу жизнь, как внесены в народную жизнь Германии...» // Там же. С. 193.

⁵⁵⁶ Там же. С. 8, 17.

⁵⁵⁷ Вреден Э.Р. Указ. соч. С. 194.

⁵⁵⁸ Тернер Ф.Г. О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния // Кооперация. Страницы истории. – Т. I. – Кн. 1. – С. 230.

⁵⁵⁹ Тернер Ф.Г. Указ. соч. С. 244.

⁵⁶⁰ Яковлев А.В. Ассоциация артель // Кооперация. Страницы истории. – Т. I. – Кн. 2. Ч. I. – С. 480.

⁵⁶¹ Тернер Ф.Г. О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния // Кооперация. Страницы истории. – Т. I. – Кн. 1. – С. 246.

⁵⁶² Садовский В.С. О развитии рабочих ассоциаций как меры государственного благоустройства. // Там же. С. 570.

- ⁵⁶³ Веселовский Б.Б. История земств за сорок лет. – Т. II. – СПб., 1909. – С. 44.
- ⁵⁶⁴ Яковлев А.В. Ассоциация и артель // Кооперация. Страницы истории. – Т. I. – Кн. 2. Ч. I. – С. 490.
- ⁵⁶⁵ Вреден Э.Р. Об экономическом значении артели в условиях ее развития в России // Кооперация, страницы истории. – Т. I. – Кн. 2. Ч. II. – С. 196.
- ⁵⁶⁶ Скалон В.Ю. Артели на Руси // Там же. С. 229.
- ⁵⁶⁷ Там же. С. 232.
- ⁵⁶⁸ Н.П. Баллин о русском кооперативном движении 70–80-х годов // Там же. С. 720.
- ⁵⁶⁹ Кустарная промышленность Московской губернии и содействие кустарям со стороны земства. – С. 55.
- ⁵⁷⁰ Кустарная промышленность Московской губернии и содействие кустарям со стороны земства ... – С. 57.
- ⁵⁷¹ ЦИАМ, ф. 184, оп. 4, ед. 224, л. 7.
- ⁵⁷² Там же. С. 60.
- ⁵⁷³ Там же. С. 58.
- ⁵⁷⁴ ЦИАМ, ф. 184, оп. 4, ед. хр. 242, л. 3.
- ⁵⁷⁵ ЦИАМ, ф. 184, оп. 4, ед. хр. 301, л. 4.
- ⁵⁷⁶ ЦИАМ, ф. 184, оп. 4, ед. хр. 301, л. 4.
- ⁵⁷⁷ Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии.... Ч. 1. СПб., 1903. С. 160–63.
- ⁵⁷⁸ Статистический временник Российской империи. Сер. III. Вып. 4: Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 год. СПб., 1884. С. 88–93, 98–101
- ⁵⁷⁹ Памятная книжка Курской губернии на 1898 г. С. 200.
- ⁵⁸⁰ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XIX. Курская губерния. СПб., 1903. С. 77.
- ⁵⁸¹ Кулыжный А.Е. Описание кустарных промыслов в Льговском уезде Курской губернии. – Курск. 1904. С. 2.
- ⁵⁸² Памятная книжка Курской губернии на 1894 г, Курск, 1894. С. 220.
- ⁵⁸³ Материалы по исследованию кустарной промышленности в Курской губернии. Вып. I. Описание кустарных промыслов по отдельным уездам. Курск, 1904. С. 87.
- ⁵⁸⁴ РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 2086. Л. 7 об.
- ⁵⁸⁵ Очерк деятельности Суджанского уездного земства по развитию кустарных промыслов и описание некоторых из них. Курск, 1902. С. 1.
- ⁵⁸⁶ Там же. С. 251–252.
- ⁵⁸⁷ Календарь и Памятная книжка Курской губернии на 1891 г., Курск, 1890. С. 118–119; Памятная книжка Курской губернии на 1894

- г. Курск, 1894. С. 218–219; Курский сборник. Вып. I. Курск, 1901. С. 220–222; Курский сборник. Вып. II. Курск, 1902. С. 187–189.
- ⁵⁸⁸ Курский сборник. Вып. II. Курск, 1902. С. 186.
- ⁵⁸⁹ Материалы по исследованию кустарной промышленности в Курской губернии. Вып. I. Описание кустарных промыслов по отдельным уездам. Курск, 1904. С. 286.
- ⁵⁹⁰ Там же. С. 287.
- ⁵⁹¹ Материалы по исследованию кустарной промышленности в Курской губернии. Вып. I. Описание кустарных промыслов по отдельным уездам. Курск, 1904. С. 85.
- ⁵⁹² Очерк деятельности Суджанского уездного земства по развитию кустарных промыслов и описание некоторых из них. Курск, 1902. С. 9–16.
- ⁵⁹³ Там же. С. 11–12.
- ⁵⁹⁴ Кулыжный А.Е. Описание кустарных промыслов в Львовском уезде Курской губернии. – Курск. 1904. С. 4–8.
- ⁵⁹⁵ Материалы по исследованию кустарной промышленности в Курской губернии. Вып. I. Описание кустарных промыслов по отдельным уездам. – Курск: Тип. Курского губернского земства, 1904. С. 117–118.
- ⁵⁹⁶ Там же. С. 123–124.
- ⁵⁹⁷ Курский сборник. Вып. V. Курск, 1907. С. 19–20.
- ⁵⁹⁸ Кулыжный А.Е. Описание кустарных промыслов в Львовском уезде Курской губернии. – Курск. 1904. С. 2.
- ⁵⁹⁹ Очерк деятельности Суджанского уездного земства по развитию кустарных промыслов и описание некоторых из них. Курск, 1902. С. 42.
- ⁶⁰⁰ Курский сборник. Вып. V. Курск, 1907. С. 18.
- ⁶⁰¹ Материалы по исследованию кустарной промышленности в Курской губернии. Вып. I. Описание кустарных промыслов по отдельным уездам. Курск, 1904. С. 61–62.
- ⁶⁰² Сборник статистических сведений по Курской губернии. Отдел Общей. Т. I. С. 24–25.
- ⁶⁰³ Материалы по исследованию кустарной промышленности в Курской губернии. Вып. I. Описание кустарных промыслов по отдельным уездам. Курск, 1904. С. 337.
- ⁶⁰⁴ Там же. С. 268–269.
- ⁶⁰⁵ Там же. С. 150.
- ⁶⁰⁶ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XIX. Курская губерния. СПб., 1903. С. 112–117.
- ⁶⁰⁷ Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. II. СПб., 1894. С. 231.

⁶⁰⁸ Очерк деятельности Суджанского уездного земства по развитию кустарных промыслов и описание некоторых из них. Курск, 1902. С. 3–4.

⁶⁰⁹ Там же. С. 5.

⁶¹⁰ Там же. С. 6.

⁶¹¹ Материалы по исследованию кустарной промышленности в Курской губернии. Вып. I. Описание кустарных промыслов по отдельным уездам. Курск, 1904. С. 247–248.

⁶¹² Материалы по исследованию кустарной промышленности в Курской губернии. Вып. I. Описание кустарных промыслов по отдельным уездам. Курск, 1904. С. 275.

⁶¹³ Там же. С. 322–324.

⁶¹⁴ Там же. С. 258–259.

**Народные промыслы и малый бизнес:
границы интеграции и стратегия развития**
(Материалы конференции, проходившей в г. Нижний Новгород
24 ноября 2017 г.)

Компьютерная верстка

Т. Каракозова

Институт диаспоры и интеграции
(Институт стран СНГ)

Негосударственное образовательное частное учреждение
дополнительного профессионального образования
"Центр профессионального образования «Интеллект-XXI»

Подписано в печать 05.12.2016.

Формат 60×90/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная

Тираж 1000 экз.

Заказ №

Отпечатано в

